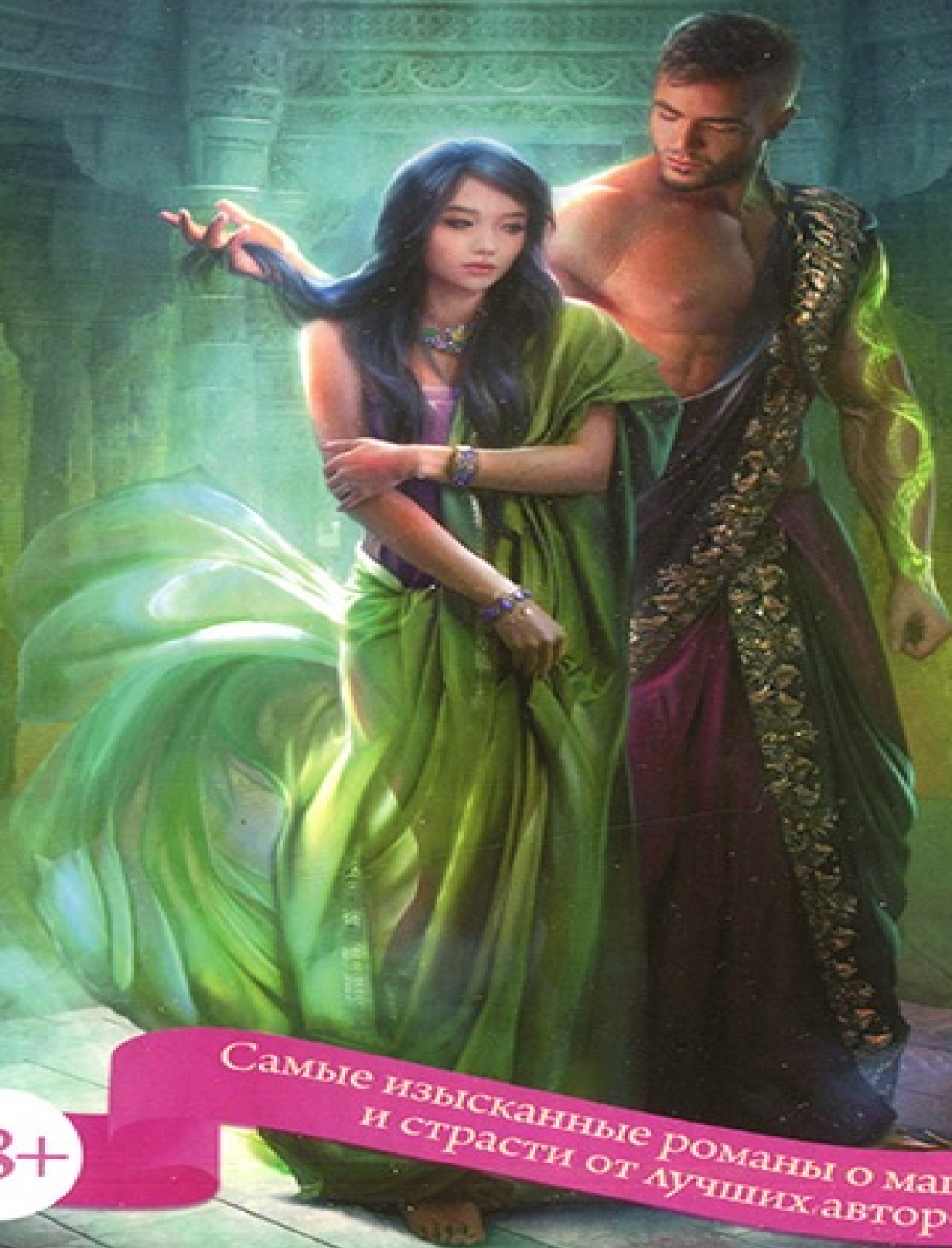

Ольга Нандела
ЯД
В ЕГО КРОВИ

18+

Самые изысканные романы о магии
и страсти от лучших авторов!

Annotation

Я жила у берегов Ошура, в отдаленном замке на севере империи, вдали от столичной суеты и неурядиц, рядом с любящим отцом, в окружении тепла и заботы.

Но однажды в наши края приехали вестники раан-хара, и моя жизнь в один миг переменялась. Меня увезли в чужой город, разлучили с близкими и отдали человеку, который пугает меня до дрожи в коленях. И пусть бы я стала зваться его женой, но обходится он со мной не лучше, чем с рабыней, купленной на невольничьем рынке. Он приходит лишь по ночам, никогда не говорит со мной и не смотрит в глаза.

А еще у него есть ТАЙНА, которую он хранит за семью печатями. Но я обязательно ее узнаю.

- [Ольга Кандела](#)
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Ольга Кандела
ЯД В ЕГО КРОВИ

ГЛАВА 1

Посланники раан-хара приехали на закате. Я завидела их еще издали: окна в облюбованной мной башенке выходят как раз на запад. С запада же несет свои полноводные потоки река Ошур, быстрая и ретивая, как северный ветер. Ее воды подходят почти к самым стенам замка, а во время весеннего половодья и вовсе норовят облизать серый многовековой гранит. Но каждый раз досадливо отступают, так и не добравшись до желанной добычи.

Сегодня же по быстрым водам Ошура скользила чужеземная ладья. Паруса ее были красными и почти сливались цветом с закатным солнцем, окрашивающим Ошур в медь и бронзу.

В наши края редко заезжают гости. Некогда плодородная и богатая живностью земля, принадлежащая моему отцу, в последние годы оскудела. Поля почти не плодоносят, из лесов ушло зверье, а следом разбежался и люд. Подались в соседние уделы в поисках лучшей жизни. И даже воды всеблагого Ошура, некогда полные рыбой, уже не в состоянии прокормить всех обитателей этих земель. Остался лишь родовой замок, чей камень по-прежнему тверд и прочен, а стены надежны. И пусть дела идут плохо, но другого дома у нас нет, да и вряд ли отец когда-нибудь решится оставить родовое гнездо. Слишком много воспоминаний связано с этим местом, слишком много надежд и чаяний. И я знаю, что родитель мой все еще тешит себя мечтами возродить былое величие Туэнга.

Еще немного полюбовавшись на изящную ладью, я подхватила юбку и поспешила к узкой винтовой лестнице. Наверняка отец станет меня искать. Все же гости пожаловали, а значит, непременно придется явиться в приемную залу. И выглядеть при этом необходимо подобающе, уж точно не босой и простоволосой.

Внизу меня поймала раскрасневшаяся нянька.

— Катара, где тебя носит? Все ноги себе сбила, пока отыскала, — пробурчала Аняшь и, подхватив меня под локоток, спешно потащила к покоям.

Следующие полчаса мы на пару с обеспокоенной нянькой пытались привести в порядок мои непослушные волосы. Длинные, тяжелые и при этом гладкие, как шелк, они совершенно не хотели укладываться в традиционную прическу. Да еще нянька изрядно нервничала, и обычно цепкие руки ее тряслись. Иссиня-черные локоны выскальзывали и падали

мне на плечи.

— Вот же ж напасть, — причитала она под нос. — Уж сколько лет гостей не было, а тут... Сами посланники раан-хара нагрянули! Хоть бы проездом. А то ж...

Гребень выпал из рук пожилой женщины, и она нагнулась, чтобы поднять вещицу.

— А то что? — любопытствовала я, глядя, как нянька неловко шарит под туалетным столиком.

Кто такой раан-хар я, конечно, представляла и его знаки отличия на алых парусах узнала без труда, но все же хотелось услышать, что поведает Аняньш. Она-то поболее моего живет на этом свете.

— Что-что, — вновь пробурчала няня и, кряхтя, поднялась с колен. — От посланников раан-хара добрых вестей не жди. Или Цветок Смерти проснулся, или...

Она не договорила. В дверь постучали, и, дождавшись позволения войти, на пороге возник поверенный отца.

— Господин Киени просит вас спуститься в приемную залу, — коротко сообщил он.

Аняньш мигом собралась, и руки ее проворно запорхали над моей прической.

На нижний этаж спускались в гнетущем молчании. Шедший впереди поверенный выглядел напряженным, спину держал ровно, словно палку проглотил. Пока мы преодолевали длинный коридор и лестницу, он ни разу не обернулся и не обронил ни слова. Лишь бросил мимолетный взгляд на Аняньш, и та крепче сжала мою ладонь, словно подбадривая.

В приемной уже ждал отец. Гости расположились там же. Четверо стражей в черных доспехах и тщедушный седой старик в расшитом золотом хитоне. Руки его были унизаны множеством браслетов: массивных, украшенных драгоценными камнями, и совсем тонких, как нити. И все они слегка позвякивали при движении, неминуемо привлекая к себе внимание.

Я оторвала взгляд от богатых украшений старца и еще раз посмотрела на стражей. Судя по тому, что они не переоделись с дороги, задерживаться надолго не собирались. Значит, и впрямь по делу.

Лица у всех серьезные, собранные, и стоило мне войти, как все взгляды сразу обратились ко мне. Я почувствовала себя неловко. Смущенно переступила с ноги на ногу и повернулась к отцу. Тот отчего-то был бледен, кусал пересохшие губы и нервно перебирал пальцами по спинке высокого кресла.

Внутри кольнуло беспокойство: неужели Цветок Смерти и правда проснулся? Опять? Но ведь в прошлый раз уничтожили все побеги, откуда ему взяться в наших краях?

— Это моя дочь Катара, — представил меня отец, обращаясь к старцу. Я вежливо склонила голову в знак уважения.

Старик подошел ближе, звякнув браслетами, и внимательно взгляделся в мое лицо. Глаза у него оказались на редкость яркими, голубыми, словно небо в погожий летний день. А на губах играла мягкая улыбка. Кажется, он единственный из всех не хмурился и не нервничал. Гость аккуратно взял мою руку, сжал меж своих морщинистых ладоней, сухих и теплых. Странно, но от этого простого прикосновения я почувствовала себя спокойнее. Внутри появилась нерушимая уверенность, что этот человек друг. И ничего плохого мне или моим близким он не сделает.

— Меня зовут тар Сириш, я Ведающий. Ты можешь доверять мне и ничего не бояться, дитя, — так же мягко произнес старец и обратился уже к отцу: — У вас прекрасная дочь, господин Киени. Красивая, здоровая и полная сил. Ее аура чистая и незамутненная.

— То есть она подходит? — Отец тяжело сглотнул, а во мне вновь забила тревога.

Подхожу... для чего?

— Я не могу вам ответить. Девушку необходимо проверить на Камне Жизни. И то его ответ нельзя принимать за непреложную истину. Конечное решение всегда остается за раан-харом...

Ведающий повернулся к одному из стражей, и тот протянул сверток. Тар Сириш аккуратно перенял его, развернул тряпицу. Внутри оказался ларец, каких я прежде не видывала. Сработанный из темного лакированного дерева, с тончайшей нитью позолоты по краю, инкрустированный алыми рубинами и россыпью мельчайших изумрудов. Невероятно красивая, мастерская работа.

Я глядела на ларец, словно замороженная, понимая, что не могу оторвать от него глаз. Взгляд буквально приковало к гравировке на крышке, неуловимо напоминающей все тот же знак раан-хара — меч, вонзенный в сердцевину распустившегося цветка. В горле же встал ком, что и слова не вымолвить. Отмерла я, лишь когда меня подвели к столу, на который водрузили ларец.

— Что я должна делать? — Язык слушался плохо, и оттого вопрос вышел тихим и невнятным.

— Не бойся, дитя мое, от тебя ничего не требуется. Это всего лишь обычная проверка. Ты ничего не почувствуешь, — проговорил старик.

Голос его был на диво умиротворяющим и каким-то убаюкивающим. Так и тянуло довериться и не возражать ни словом.

Ведающий провернул ключ в замке и откинул крышку. Внутри и впрямь оказался камень. Округлый, словно выпуклая линза, темно-зеленого цвета со светлыми прожилками, складывающимися в причудливый узор.

В целом ничего примечательного, но сердце отчего-то застучало тревожно. Словно сейчас происходило что-то неизбежное, что-то, способное раз и навсегда изменить мою жизнь.

Старец потянулся за моей ладонью, я же решительно тряхнула головой, выгоняя туман из сознания. Испуганно отдернула руку.

— Что за проверка? Зачем она? — спросила резко и тут же прикусила язык. Отец точно не одобрит такого поведения. Ладно бы наедине. Но в присутствии других мужчин, да еще столь высокого положения... Ох, и кто меня только за язык тянул?

С тревогой покосилась на отца. Странно, но родитель, кажется, ничуть не разозлился. Напротив, подался вперед и даже рот раскрыл, чтобы ответить. Но Ведающий его опередил.

— Раан-хар ищет себе новую жену. Увы, подойти ему может далеко не каждая, поэтому девушки проходят проверку на Камне Жизни, — пояснил старец, а я мысленно застонала.

Жену? Так меня за этим привели?

Осознание происходящего окончательно выбило из колен.

О раан-харе ходили самые разные слухи. Поговаривали, что у него имеется с десяток жен или того больше. Зачем мужчине нужно столько женщин, я совершенно не понимала. Многоженство, конечно, распространено, особенно среди знати. Но всему есть свой предел! Да и перед глазами всегда был пример отца: единожды женившись на матери, о других женщинах он и не помышлял. И даже после ее смерти остался верен своей избраннице.

А этот раан-хар... Ему все мало! И ведь отказаться нельзя! Это все равно что сказать «нет» самому императору. Хотя, пожалуй, императору отказать проще. Раан-хар же по закону имеет право получить в жены любую женщину, которую только пожелает. Закон этот существует уже не одну сотню лет. Не знаю, откуда и почему он взялся, но никто из живущих не смеет его нарушать.

Полночная звезда, если б я только раньше знала, зачем пожаловали вестники...

— И что будет, если... — я невольно запнулась, боясь даже думать о таком развитии событий, — если я пройду проверку?

— В таком случае вы отправитесь с нами в Гаррад на смотрины. Если же Камень вас отвергнет, мы сегодня же покинем замок.

Я с трудом сдержала тяжелый вздох. Отец нахмурился сильнее.

Неужели моя судьба зависит от решения какого-то камня? Немыслимо, непостижимо...

— Итак, позвольте вашу ладонь, — поторопил Ведающий, а я еще раз взглянула на отца.

Тот нехотя кивнул. А что еще ему оставалось? Не перечить же вестникам раан-хара? Это все равно что подписать себе смертный приговор...

К тому же, возможно, все еще обойдется.

Под смиренным взглядом отца я протянула старцу руку. Он мягко погладил ладонь и аккуратно положил ее на Камень. На ощупь тот оказался теплым, словно держишь кувшин с парным молоком.

— Ничего не бойтесь, — шепнул Ведающий и отступил на шаг.

Первую секунду ничего не происходило, а потом рисунок на камне начал меняться. Поплыл, закружился, словно в самом сердце Камня поселился маленький смерч. Гладкая поверхность чуть нагрелась, а потом ладонь резко обожгло болью. Я отдернула кисть, тихонько ойкнув. Отец сразу метнулся ко мне, но один из стражей придержал его, чтобы не лез. Я глянула на собственную ладонь, по центру красовался крохотный прокол, словно иголкой укололась. Только крови отчего-то не было.

Я перевела взгляд на Камень Жизни и с удивлением обнаружила, что внутри, под ставшей прозрачной поверхностью, кружит тоненькая струйка крови. А сам Камень постепенно наливается светом. Золотистым и теплым, как полуденное солнце. В какой-то момент свечение стало нестерпимо ярким, Камень вспыхнул, подобно огненному шару, и стал мягко угасать.

— Поздравляю, — вымолвил Ведающий, а на лицах сопровождавших его воинов появилось новое выражение — не то радость, не то облегчение. А может, и то и другое вместе взятое. — Теперь официально вы являетесь избранницей раан-хара Лаара ор Гронта, находитесь под его покровительством и нашей защитой. Завтра на рассвете мы отправимся в Гаррад.

Я покачнулась, потрясенная услышанным. Схватила за край стола и тут же почувствовала поддерживающие объятия отца.

— Никуда она с вами не поедет! — выкрикнул он.

В голосе его было столько отчаяния и злости, что мне стало страшно. Воины тут же напряженно переглянулись. Один из них демонстративно положил ладонь на рукоять кханды. Кажется, меня собираются забирать с

боем... Дикость какая...

Ведающий поднял вверх ладони, призывая собравшихся успокоиться.

— С выбором Камня Жизни не спорят. Он очень редко на кого-то указывает — это один шанс из тысячи. И он никогда не ошибается. — В голосе Ведающего не было ни грамма раздражения или угрозы, лишь миролюбивое спокойствие. — Мы объехали почти всю Северную провинцию, проверили сотню девушек. И вот наконец нашли нужную. Ваша дочь должна гордиться, что ей выпала такая честь. Если Катара понравится раан-хару, она станет его женой, а вы получите подобающую случаю компенсацию.

— Плевать я хотел на вашу компенсацию! — зло кинул отец, чем опять заставил воинов напрячься.

— Зря-я-я, — вдруг усмехнулся один из стражей. Я даже вздрогнула, не ожидала, что кто-то из них заговорит. — Насколько нам известно, ваши дела идут не столь хорошо, чтобы разбрасываться деньгами.

Отец вдруг отстранился.

— Катара, иди к себе. Я во всем разберусь, — заверил он.

Я было воспротивилась. Как бы то ни было, мне было страшно оставлять отца одного наедине с вооруженными до зубов стражами и непонятным стариком. Но мужчин принято слушаться. А главу семьи и подавно.

Ко мне тут же подбежала нянька, все это время стоявшая у дверей, и, подхватив под локоть, чуть ли не силой потащила к выходу. Я сделала вид, что послушно иду следом, но стоило нам оказаться в коридоре, как я резко вырвала руку и отпрянула от Аняш. Посмотрела на нее строго и яростно зашептала:

— Я хочу знать, о чем они станут говорить! И не смейте мне перечить!

Аняш всхлипнула и приложила ладони к лицу. Я же показала ей жестом, чтобы вела себя тихо, и прильнула к дверям, замерла, прислушиваясь, пытаюсь разобрать, о чем идет речь в приемной.

— Господин Киени! Думаю, не стоит объяснять, что сопротивляться бесполезно. Вы должны радоваться, что девушка избрана. Это большая удача.

— Чему радоваться? Тому, что у меня отнимут единственную дочь?! У меня больше никого нет! — Голос отца звучал надрывно. Еще чуть-чуть — и он совсем сорвется.

— Существует закон! — вновь заговорил один из воинственно настроенных стражей. — И вы обязаны подчиниться. К тому же если бы не раан-хар, вы и ваш удел давно были бы стерты с лица земли. Может,

напомнить, сколь великую помощь оказал вам Лаар ор Гронта, когда ваш край был на грани вымирания? Он не щадил ни сил, ни собственной крови, избавляя земли Туэнга от Цветка. Забыли?

— Ничего я не забыл. — В голосе отца больше не осталось злости. Теперь он звучал сипло и надтреснуто. И для меня это означало самое худшее... — Но и вы поймите, отпустить навсегда собственное дитя...

— От вас все равно ничего не зависит. Есть закон, и мы обязаны его соблюдать.

* * *

Вещи собирала нянька. Я слышала, как она тихонько всхлипывала, пусть и старалась не показывать слез. Сама же я находилась в каком-то странном оцепенении. Все валилось из рук. Мысли вспугнутыми птахами разлетались в стороны. Я не могла ничего делать, не могла ни о чем думать.

В голове бился лишь один-единственный вопрос: почему я? Что во мне такого особенного, что Камень Жизни вспыхнул золотом?

В дверь тихонько постучали, и на пороге возник отец. Я заметила за его спиной одного из стражей. Неужели ко мне решили приставить охрану? Боятся, что попробую сбежать?

Как там сказал Ведающий? Камень выбирает одну из тысячи? Должно быть, я очень ценный экземпляр, за таким грех не присмотреть...

Горько усмехнулась.

Отец подошел и опустил на край моей постели. Посмотрел с такой тоской и горечью, что я не удержалась — всхлипнула и прижалась к его груди. Меня тут же обняли ласковые руки.

— Полночная звезда, кто бы знал, как я не хочу с тобой разлучаться... — тихонько проговорил отец, неспешно глядя меня по волосам.

Сердце сжалось от боли. Знал бы он, как я не хочу...

Ведь у нас и правда не было никого, кроме друг друга. Мама умерла еще десять лет назад, ее забрал Цветок Смерти.

Он пророс в лесной глуши, там, куда нет хода ни грибникам, ни охотникам. И пустил ядовитые побеги во все стороны света, сеял споры, заражая лес. Люди заметили неладное слишком поздно. Зараза подобралась близко к жилью. А мама любила гулять в лесу, особенно в начале лета, когда на светлых полянках спеют сладкая земляника и дикая малина. Кто же знал, что ту же самую полянку облюбует и Цветок Смерти?

С тех пор мамы с нами нет. Лес захирел, а ближайшие поля оказались отравлены. Некоторые так до сих пор и не плодоносят, хотя уже столько времени прошло...

— Мы еще увидимся? — Я вскинула голову и поглядела в сине-зеленые отцовские глаза. Ощупала взглядом лицо с сеточкой морщин, пытаюсь запомнить все до мельчайших подробностей. Изгиб губ, ласковый, чуть нравоучительный взгляд, ямочку на подбородке и вертикальную складку, залегшую меж бровей.

— Если раан-хар выберет тебя... — отец запнулся, — нам не суждено будет больше встретиться.

— Но почему? — Я искренне недоумевала. Замужество ведь еще не конец жизни! И пусть владения раан-хара находятся за много десятков лиг отсюда, это не повод запрещать свидания с семьей!

— Если б я только знал... — Родитель тяжело вздохнул. — Если бы позволили, я бы бросил все и поехал за тобой. Но мне запрещено... Впрочем, возможно, ты ему еще не понравишься и тогда спокойно вернешься домой. И мы вновь будем вместе!

Отец ободряюще улыбнулся и шутливо потрепал меня по волосам. И хотя он старался выглядеть беззаботно, а говорить твердо, я прекрасно чувствовала, что он в это ни капли не верит.

— Неужели же нет способа отказаться? — произнесла я тихо. Где-то внутри еще теплился крохотный огонек надежды.

— Существует закон, и мы не вправе его нарушать. К тому же я и вправду многим обязан раан-хару.

— Ты про то, что он вычистил наши земли от Цветка Смерти много лет назад?

— И не только, — выдохнул отец, а взгляд его сделался задумчивым.

И по одному этому взгляду я поняла, что он погрузился в далекие воспоминания. Далекие, но отнюдь не самые приятные.

Мы с отцом почти не вспоминаем то лето. Да и не помню я ничего с тех времен.

Сколько лет мне тогда было? Семь, восемь? И не ребенок уже вроде, но отчего-то моя детская память не сохранила воспоминаний о тех страшных событиях. Говорили, что сказался шок от потери матери. И в какой-то мере я была даже рада этому обстоятельству. Не хотела бы, как отец, раз за разом возвращаться в прошлое и пропускать через себя те эмоции, те мысли. Вновь и вновь переживать случившееся...

— Знаешь, — неожиданно продолжил родитель, — я никогда тебе не рассказывал, но тогда от Цветка Смерти пострадала не только твоя мать.

— В смысле? — Я растерянно поглядела на отца.

— В тот день вы ходили за ягодами вместе. На лесную опушку. Излюбленное место ваших прогулок. Теплое, светлое. Не предвещающее никакой беды. Вас обеих нашли на той поляне. Твоя мать была уже мертва — надышалась ядовитых испарений. Ты же находилась в беспамятстве.

Я неверяще потрясла головой. Ничего подобного я, разумеется, не помнила. И ни отец, и никто другой за всю мою жизнь ни разу не обмолвились о произошедшем.

— И что потом? — невнятно спросила я. Язык почему-то слушался плохо. Словно занемел.

— Тебя принесли в замок. Пытались лечить. Но ты не приходила в себя. Долго. А потом приехал раан-хар. Путь из столицы неблизкий, и к тому моменту, как он доехал, мы почти отчаялись. Да еще Цветок этот... Как только не боролись с напастью! Ни огонь, ни соль не помогали. Цветок Смерти лез из всех щелей, и стоило уничтожить один побег, как наутро появлялись новые. И так раз за разом. Раан-хару понадобилось целых два месяца, чтобы очистить земли Туэнга.

Я во все глаза смотрела на отца и слушала его, затаив дыхание, боясь упустить хоть слово. Отчего-то все это казалось очень важным. Да и о раан-харе хотелось узнать как можно больше.

— Он и тебе тогда помог. Можно сказать, что ты обязана ему жизнью, — в завершение рассказа произнес отец и невесомо погладил меня по щеке. — Не знаю, как бы я жил, если бы ты отправилась на тот Берег вслед за матерью...

Я ласково улыбнулась родному человеку и тихонько спросила:

— И поэтому ты не можешь ему отказать?

— Верно. Вряд ли он, конечно, помнит о том случае, слишком много времени прошло. Да и выздоравливать ты начала уже после его отъезда. Но я помню о помощи и должен отплатить тем же...

— Я понимаю. — Тяжело вздохнула и ткнулась лбом в отцовское плечо.

Риньяр Киени всегда был человеком чести и сейчас не изменял себе.

Что ж, если такова моя судьба, пусть так оно и будет. В конце концов, не для того ли меня воспитывали, чтобы я стала хорошей женой, а потом и матерью? И может ли быть партия достойнее, чем сам раан-хар империи Семи Рек?

Нет, достойнее точно никого не сыщешь. Но отчего же тогда так тягостно на душе?

ГЛАВА 2

Путь до Гаррада занял добрых полторы недели. Волны качали ладью, трепал паруса промозглый ветер. Все же путешествие по реке в самом начале весны — не слишком удачная затея.

Я все время мерзла, с носом куталась в шерстяной палантин и старалась как можно реже выходить из шатра. От непрерывной качки кружилась голова. Пейзаж за бортом угнетал. Берега стояли голые, перекрученные корневища деревьев торчали из размытой земли, а ветки их, темные и безжизненные, словно скрюченные старушечьи пальцы, тянулись к серому низкому небу.

Странно, но за все время путешествия не выдалось ни единого погожего денька. Кажется, вездесущее небо каким-то образом отражало мое тоскливое настроение. А в мой последний день в родном Туэнге, помнится, стояло солнце.

Тар Сириш всячески развлекал меня разговорами. О чем только он не болтал: и о столичной погоде, и о красотах Гаррада, и о бесчисленных путешествиях, что успел совершить за свою долгую жизнь. Рассказывал забавные истории из молодости и много всего еще.

Но ни разу за все время поездки старик не коснулся темы грядущих смотрин и моего замужества. На все мои вопросы отмахивался — мол, в свое время обо всем узнаешь. Такое чувство, что то, что происходит за стенами резиденции раан-хара, — тайна за семью печатями.

Стоит ли говорить, что чем ближе мы подъезжали к Гарраду, тем больше усиливалось мое волнение. И продолжать путешествие не вмоготу — и прибыть во дворец страшно.

В итоге, под конец десятых суток пути, мы наконец очутились в столице империи. Резиденция раан-хара встретила широко распахнутыми воротами, пышным убранством и парой десятков слуг, что с поклоном встречали нашу процессию.

Осмотреться мне толком не дали. Почти сразу подхватили под локотки служанки и увели в выделенные мне покои. На отдых тоже не пришлось рассчитывать. Первым делом меня отвели в огромную купальню, что могла поспорить размерами с моей спальней в замке Туэнга, и принялись нещадно отскребать приставшую грязь. Драили с такой силой, что казалось, грязь сойдет вместе с кожей. Волосы помыли не дважды, а даже трижды. Кожу обработали голубой глиной, потом натерли маслами для

мягкости. Но уже через десяток минут соскребли и их.

И чем дольше меня мыли, натирали и драили, тем сильнее было ощущение, что меня готовят не к смотрам (из оброненных служанками фраз я поняла, что они состоятся сразу же), а уже к самой свадьбе. Даже зубы натерли специальным порошком и заставили терпеть мучительное жжение, пока они не станут идеально белыми.

С непослушными волосами вышколенные служанки управились куда лучше и проворнее моей няньки. Собрали аккуратно, не оставив ни единого непристроенного локона или волоска.

Нижнее белье надеть не позволили. Все, что мне полагалось, — широкий кусок тонкой, невесомой ткани, обернутый вокруг тела. Да так, что снять его можно было одним легким движением: всего-то и надо было, что потянуть за свободный конец.

Я запоздало подумала, что, наверное, раан-хар пожелает осмотреть меня обнаженной. От проскользнувшей мысли по коже побежали мурашки, а щеки опалило волной жара.

А чего я ожидала?

Он ведь жену себе выбирает, а не прислужницу для мытья ног. Конечно, он станет меня осматривать, наверняка и в зубы заглянет. Недаром их так усердно начищали!

В общем, чувствовала я себя отвратительно. И в голову то и дело приходило сравнение с кобылой, выставленной на торги. За единственным отличием, что потенциальный покупатель всего один.

И мне совершенно не хотелось ему понравиться!

После всех приготовлений меня вывели из покоев и повели по узкому полутемному коридору. И как я ни старалась, не могла отделаться от ощущения, что меня ведут каким-то потайным путем или вовсе коридорами для прислуги. Будто что-то скрывают. Намеренно не хотят показывать жилые помещения и приемные залы дворца. А может, попросту считают недостойной топтать те же ковры, по которым ходит здешний хозяин. Конечно, кто я — а кто раан-хар?

После полутемных коридоров меня провели в такой же полутемный зал. Источник света тут был всего один. Узкий луч, что падал прямо с потолка и образовывал светлое круглое пятно на полу. Меня, разумеется, поставили в круг, вызвав еще одну устойчивую ассоциацию с торгами. Только подобным образом продавали не лошадей. Так продавали рабов. Вся прелесть метода состояла в том, что товар был отлично виден покупателям, а вот покупатели без труда скрывали свои лица в тени.

— Стойте смирно. На раан-хара старайтесь не смотреть, он этого не

любит. И беспрекословно выполняйте все, что потребует, — дала наставления одна из служанок, кажется, самая старшая из всех. Затем поправила складку на моем одеянии, еще раз оглядела придирчивым взглядом и вместе с остальными прислужницами бесшумно удалилась.

Я осталась одна. В полутемном зале, под пронзительным лучом света, бьющим почти в глаза. Вдруг стало зябко, и я невольно поежилась.

— Не бойся, дитя мое, — раздался голос из темноты, и теперь уже я откровенно вздрогнула. Впрочем, почти сразу успокоилась. Голос был мне знаком, да и тощая фигура в хитоне, отлепившаяся от стены, лишь подтвердила, что рядом всего лишь Ведающий. — Никто не посмеет причинить тебе вред.

Тар Сириш вновь говорил мягко и успокаивающе, браслеты на его запястьях тихонько звенели, но на этот раз легче мне не стало. Тело покрылось противными мурашками, а от мысли, что раан-хар станет осматривать меня при старце (в том, что меня станут раздевать, сомнений почти не было), стало совсем не по себе. Ладно будущий муж, но посторонний...

На шее выступил пот. Внутри вновь всколыхнулась волна паники, и пока я тщетно пыталась ее побороть, двери распахнулись во всю ширь, являя взору высокого мужчину.

И хоть ничего, кроме очертаний фигуры, я разобрать не могла, но сомнения не было — передо мной стоял самолично Лаар ор Гронта.

Человек, о котором слагают легенды. Тот, кого боготворит простой люд и к чьим советам прислушивается сам император. Залог процветания и безопасности всей нашей империи.

Человек, которому, по рассказам отца, я обязана жизнью.

Вспомнив наставление служанки, я поспешно опустила глаза. Лишь по звуку шагов определила, что раан-хар приблизился. Он застыл всего в шаге от меня. Стоит только протянуть руку — и дотронешься. Но я разумно этого делать не стала, да и мужчина тоже не спешил ко мне прикасаться.

Молчал. Будто ждал чего-то.

На какое-то краткое мгновение, всего на миг, мне захотелось поднять глаза, посмотреть на того, с кем, возможно, придется связать судьбу. Но лишь на миг. Здравый разум тут же отбросил эту мысль. Кто знает, чем может закончиться моя дерзость. Не хотелось бы вызвать гнев или, напротив, интерес раан-хара. Ни того, ни другого я не желала. Все, чего хотела, — чтобы смотрины скорее закончились и меня отпустили домой, в родной Туэнг.

Лаар ор Гронта немного постоял, так и не проронив ни слова, а потом

медленно двинулся, обходя меня по кругу. Я все же осмелилась оторвать взгляд от пола. Поглядела на него сквозь ресницы.

Высокий, мощный, движения уверенные и неспешные. Кажется, что каждый шаг, каждый поворот головы строго выверены, отточены, словно острая бритва. Будто он продельывает это ежедневно.

Впрочем, кто знает, сколько таких смотрин у раан-хара на счету. Уж точно не меньше, чем количество жен!

Волосы совсем короткие, как носят воины. Скорее темные, чем светлые, при таком освещении не разобрать. А сзади, с затылка, спускается тонкая перекрученная нитью косичка. Сползает по спине, будто маленькая хищная змейка.

Раан-хар обошел меня и встал за спиной. Я почувствовала легкое прикосновение к макушке, и в тот же миг волна гладких тяжелых волос схлынула вниз. Кажется, прическу мне делали с тем же умыслом, что и наряд...

Лаар еще приблизился.

Сквозь тонкую ткань наряда я чувствовала исходящий от него жар. Близкое дыхание шевелило волосы на макушке. Что-то с гулким стуком ударило об пол. Видимо, заколку вышвырнули за ненадобностью. А затем раан-хар склонился ко мне, практически касаясь волос, и жадно, с шумом втянул воздух у моей шеи. словно дикий зверь, обнюхивающий добычу, примеряющийся, куда бы лучше впиться острыми клыками.

Меня перерезало, горло снова сковала паника.

Мужчина же чуть покачнулся, мимолетно задев мой локоть, словно потерял равновесие, но почти мгновенно выпрямился. Резко вышел из-за моей спины и направился к выходу. Бросил на ходу:

— Подготовьте все для церемонии. Мы поженимся на восходе Полночной звезды.

— Как? Сегодня? — вырвалось у меня, и я интуитивно попыталась зажать рот ладонью. Остановила себя в последний момент. Слов назад не воротишь. И уж если посмела дерзить, так чего теперь прикрываться руками?

Раан-хар остановился в дверях, спина его напряглась, а руки, кажется, сжались в кулаки. Я еле поборола в себе трусливый порыв отпрянуть, выйти из круга света и скрыться в спасительной тени. Но все же осталась стоять на месте. Лаар медленно повернулся, и мы встретились с ним взглядами.

Желание отпрянуть многократно усилилось. Взгляд его был колющий, острый, словно заточенный клинок. Он пронзал насквозь, и я замерла,

боясь пошевелиться. Чувствуя себя бабочкой, пришпиленной к холсту.

— Именно, — сквозь зубы процедил мужчина и, не сказав больше ни слова, вышел прочь.

Напряжение схлынуло, а я осела на пол, дрожа от усталости и нервного перенапряжения. Кажется, у меня не осталось сил даже на то, чтобы подняться и дойти до покоев. Что уж говорить о том, что сегодня мне предстояло пережить еще и собственную свадьбу.

И ведь мне даже не дали толком отдохнуть с дороги!

Словно в ответ на мои мысли подошел тар Сириш. Сунул в руки исходящую паром кружку.

— Что это?

Я принялась и почувствовала терпкий аромат трав.

— Пей, это придаст сил. Негоже, чтобы невеста на свадьбе валилась с ног от усталости.

Поводов не доверять Ведающему у меня не было. В конце концов, не отравит же он меня. И я, задержав дыхание, залпом выпила содержимое. На вкус варево оказалось таким же терпким и жуть каким горьким. Зато взбодрило моментально, лучше свежесваренного кофейного напитка. Я почувствовала прилив сил и с благодарностью вернула старику кружку.

Тут уже и служанки подросли. И начались приготовления к церемонии.

Меня вновь вымыли...

На мой вопрос, зачем так часто нужно купаться, мне ответили, что раан-хар не терпит посторонних запахов. И посоветовали и впредь перед его приходом тщательно мыться и стирать с себя все посторонние ароматы.

Я мысленно застонала. А ведь я специально привезла из Туэнга флакон духов с запахом своих любимых лесных ландышей. Таких больше нигде нет, только в моем родном крае. И я надеялась, что аромат этот будет напоминать о доме. Но теперь о духах, кажется, можно забыть.

Впрочем, это не самая большая беда. Всего лишь мелочь в общую копилку неурядиц и разочарований. Думала ли я когда-нибудь, что уеду так далеко от дома, что буду вынуждена выйти замуж за незнакомого человека, что больше никогда не смогу увидеть отца...

Сердце кольнуло болью, и мне стоило немалых усилий не расплакаться в присутствии служанок.

Тем временем пришли художницы и под заунывную песню тонкими кистями стали наносить рисунки на мои кисти и ступни. Кожа у меня совсем бледная — в наших краях жаркое солнце редкость. Да и откуда взяться загару в начале весны? А потому узоры получались особенно

яркими. Темно-коричневые на фоне кожи цвета слоновой кости.

Дальше настал черед брачного платья, а точнее — сареи. У нас, на севере, они не так распространены. Зато здесь, на юге, где климат более мягкий и теплый, их носят почти повсеместно. Еще на подъезде к Гарраду я заметила, что столичные модницы щеголяют в ярких расписных нарядах, помимо воли притягивающих взгляд.

Мое брачное сареи было небесно-голубого цвета. По всей длине расшитое золотыми узорами и украшенное вкраплениями золотистых топазов. Часть ткани была полупрозрачной, обнажавшей плечо и живот. Тяжелые складки волнами спадали вниз. И поначалу я немного растерялась, не уверенная, смогу ли с достоинством носить такой наряд.

Волосы собрали в традиционную высокую прическу, украсили живыми цветами, а вдоль пробора закрепили золотую цепочку с подвеской-полумесяцем, усыпанной драгоценными камнями. Холодный металл лег на лоб, доставляя легкое неудобство, но вскоре потеплел, и я практически перестала замечать украшение.

Когда последние приготовления были завершены, в мои покои явился Ведающий. Осмотрел с ног до головы и благосклонно кивнул. Улыбнулся, как всегда, мягко и доброжелательно. А потом снял один из браслетов со своей руки, совсем простенький, без излишеств, и передал мне.

— Пусть это будет моим подарком к свадьбе. — Старик собственноручно надел браслет мне на запястье. Украшение оказалось большим, все же снято было с мужской руки. А потому с запястья браслет перекочевал чуть выше локтя да так и остался там, блестя тонкой ажурной полоской. — И пусть он принесет тебе удачу.

Ведающий приподнялся на мысках и по-отечески поцеловал меня в лоб.

На глазах выступили непрошеные слезы — совсем не такой я видела собственную свадьбу...

Хотя бы потому, что рядом не было отца. Я всегда представляла, как он поведет меня под венец, как со словами благословения передаст в руки будущему мужу. Скажет напутственное слово.

Но отца рядом не было. Я была одна. Совсем одна в чужом городе, в чужом доме, среди незнакомых людей. Служанки вновь повели меня полутемными коридорами. Правда, путь наш был короткий, и вскоре мы оказались во внутреннем дворе.

Здесь стояла непроглядная тьма. Даже мощеных дорожек — и тех было почти не видеть. Я запрокинула голову к небу. Первые звезды уже украсили своим светом бархат небосвода, но Полночная звезда еще не

взошла. Значит, у меня есть еще немного времени. Хотя что это даст? Лишь небольшую передышку перед неизбежным...

Тем временем мы завернули за угол какого-то строения и попали в сад. Я на мгновение растерялась, ослепленная. Все же после тьмы тайных тропок здесь было слишком много света. Насколько хватало взгляда, все деревья были украшены разноцветными фонариками. Желтыми, красными, зелеными. Они освещали кроны деревьев и мягкую молодую травку под ногами, тянулись стройными рядами меж выложенных мозаикой дорожек.

Но даже не это удивило меня.

Во всей империи стояла ранняя весна, и на ветках деревьев только-только начинали проклевываться первые смолистые листочки. Здесь же уже вовсю буйствовала растительность. Деревья стояли нарядные, с пышной листвой и тугими бутонами цветов, что были готовы вот-вот распуститься.

Я дотронулась до одного — и он лопнул прямо на глазах. Раскрылся ярким веером, и тонкий цветочный аромат защекотал ноздри. И словно по мановению волшебной палочки остальные бутоны один за другим стали распускаться. Я застыла возле дерева словно замороженная, наблюдая за чудом природы.

Хотя вряд ли тут постаралась именно она. Все же раан-хар достаточно обеспеченный человек, если не сказать больше, и нанять для красоты собственного сада нескольких Природников для него не составило бы никакого труда. Отсюда и объяснение всем происходящим вокруг чудесам.

— Нас уже ждут, — тихий голос вырвал из размышлений и заставил оторваться от любования цветами.

Я еще раз глянула на небосвод. Полночная звезда тусклой сиреневой капелькой повисла на ожерелье Звездной Танцовщицы. Совсем скоро она наберет силу, засияет ярче, знаменуя приход полночи.

И правда пора...

Мы прошли по резному мостику, мимо рукотворного прудика, полного блестящих чешуей рыб и спящих цветов лотоса. Вышли на аллею, в конце которой возвышалась ажурная беседка, так же, как и деревья, освещенная слюдяными фонариками, чей свет пытался пробиться сквозь тугие переплетения дикого вьюна. А в беседке, у низкого резного столика, меня уже ждал будущий муж.

Я невольно залюбовалась им. Высокий, статный, облаченный в белоснежный шервани, расшитый золотым и красным, украшенный яркими, словно свежая кровь, рубинами, Лаар ор Гронта был похож на настоящего принца, о коем в юности грезят все мало-мальски романтические девицы.

Я почувствовала, как болезненно забилось сердце в груди. И сама не знала, то ли от радости, то ли от страха.

Я чуть придержала шаг, позволяя цветочницам выйти вперед. В руках у них были большие плетеные корзины, полные розовых лепестков. Лепестки посыпались мне под ноги, а слуха коснулась легкая мелодия.

Всего несколько шагов отделяли меня от увитой цветами арки, венчающей вход в беседку. Я прошла их с бешено колотящимся сердцем, ступая на мягкий ковер из лепестков, не в силах отвести взгляда от ожидающего меня мужчины.

Остановилась у низкой ступеньки, сняла сандалии, обнажая ноги. Раан-хар подал мне руку, помогая подняться. Ладонь его была большой и горячей, а прикосновение, вопреки ожиданиям, оказалось приятным.

Вот только стоило заглянуть ему в лицо, как с сознания мигом спала пелена. Глаза его были серые, холодные, словно металл. И не выражали ничего, кроме глухого равнодушия.

Неужели я ему совсем не понравилась? Но если так, зачем же тогда жениться?

Кажется, я совсем растерялась. Отвела глаза, не в силах смотреть в лицо будущему мужу. Благо мягкий голос Ведающего отвлек от неприятных мыслей. Обычно браки у нас заключают Жрецы. Но насколько мне известно, Ведающие тоже обладают подобной властью, так что присутствие тар Сириша меня ничуть не удивило. Напротив, я бы скорее изумилась, если бы церемонию проводил кто-то другой.

Повинуясь жесту Ведающего, мы опустились на колени по обе стороны низкого столика. На нем уже стояли корзинка с хлебом и ритуальная чаша, до краев полная искристым напитком, с нежно-розовой магнолией, плавающей по центру.

Тар Сириш принялся нараспев зачитывать строки Обряда, а я подумала, что брачный нектар, должно быть, очень приятный на вкус. Еще нянька, помнится, рассказывала, что лучше ничего не сыщешь. Слишком редким он был и слишком ценным. А еще слегка дурманил голову, опутывая мысли и тело сладкой истомой. Только вот откуда Аньяшь могла все это знать, неизвестно — сама-то она не была замужем.

Я же даже не предполагала, что мне так скоро предстоит вкусить брачный нектар.

Раан-хар первым поднес напиток к губам, сделал небольшой глоток. Передал чашу мне, я приняла ее дрожащими руками. Немного отпила, чувствуя на языке приятную сладость и легкий привкус хмеля. Вслед за напитком мы разделили хлеб. Я оторвала небольшой кусочек лепешки и

протянула мужчине, чтобы он съел его из моей руки. Лаар проделал то же самое, только кусочек он отщипнул больно маленький, и когда я брала его губами, случайно коснулась мужских пальцев.

На миг в глазах раан-хара что-то вспыхнуло. Жаркий огонь, разом опаливший меня, так что вдруг стало трудно дышать. Но длилось это всего лишь миг, спустя который взгляд ор Гронта вновь сделался холодным и равнодушным.

Ведающий вновь затянул свою песню.

Раан-хар поднялся, подал руку, помогая мне встать — в длинном тяжелом сареи это оказалось не так-то просто. Я повернулась лицом к Ведающему для нанесения брачной метки. Эта традиция всегда казалась мне странной. Нет, не само наличие метки, а то, что наносят их только женщинам. Мужчины же вольны распоряжаться собственным телом, как сами того пожелают. У моего отца был знак на виске. Совсем небольшой, но хорошо заметный окружающим — дань уважения и символ верности своей избраннице. У раан-хара же не было ни единой метки. Я рассмотрела его лицо внимательно. Широкий нос, губы, сжатые в прямую линию, твердый подбородок. Короткие темные волосы и линии, выбритые на висках. И даже шею, насколько позволял ворот шервани. Но так ничего и не нашла.

Раан-хар встал за моей спиной. Аккуратно снял с моих волос подвеску-полумесяц, обхватил ладонями голову. В руках Ведающего блеснуло тонкое лезвие. Я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоиться и максимально расслабиться. Знала, что будет больно, но когда лезвие коснулось кожи меж бровей, не смогла сдержать шипения и непроизвольно попыталась дернуться. Руки Лаара мгновенно сжались, фиксируя голову, не позволяя отстраниться ни на дюйм. А потому мне оставалось лишь зажмуриться, пережидая боль. Благо продлилось это недолго. Тар Сириш сделал крохотный надрез, следом извлек из шкатулки загодя приготовленный камень — небесной синевы сапфир в тонкой оправе из золота. Приложил украшение к свежей ране и надавил, одновременно шепнув несколько слов на неизвестном мне языке. Место вживления налилось жаром и закололо тысячей иголочек. Я вновь стиснула зубы. Но стоило старцу убрать руку, как жжение исчезло. Лишь только горячая мокрая струйка, ползущая по переносице, доставляла неприятные ощущения. И, кажется, на глазах все-таки выступили слезы.

Я уже хотела смахнуть их, но мне не позволили. Раан-хар развернул меня и вытер кружевным платком мой лоб. Белоснежная ткань окрасилась красным.

Первая кровь — и первая боль.

О том, что сегодня меня ждет еще и другая, старалась не думать.

— Благословляю сей священный союз. Да озарит его свет Полночной звезды, да пребудет с вами благодать всех семи богов, — произнес Ведающий, разрывая повисшее молчание.

Кажется, после этих слов жених должен поцеловать невесту? Или уже муж жену?

Раан-хар приблизился и невесомо коснулся губами моего лба, как раз в том месте, где красовалась вживленная брачная метка. Большим меня не удостоили. Впрочем, этого было вполне достаточно, чтобы ритуал считался завершенным.

И теперь, как бы странно это ни было осознавать, я официально стала женой Лаара ор Гронта, единственного раан-хара империи Семи Рек.

Мысль совершенно не хотела укладываться в голове. Все казалось, что это поправимо. Что еще есть шанс отступить, передумать, отказаться...

Теперь же у меня на лбу красовалась брачная метка, и мне предстояло наконец смириться, что пути назад нет. Жизнь моя всецело принадлежит мужу, и лишь от него одного зависит моя судьба. И холодный взгляд серых глаз отнюдь не сулил мне счастливого будущего.

И оттого еще более удивительным было, когда раан-хар подхватил меня на руки и под слаженный аккомпанемент музыкантов и сыплющиеся на голову розовые лепестки понес ко дворцу.

На сей раз не было полутемных коридоров: мимо проплывали богато украшенные залы, галереи, анфилады колонн и изящные статуи. Я восхищенно смотрела по сторонам — никогда прежде мне не доводилось видеть столько роскоши в одном месте — и даже позабыла о том, куда и зачем меня несут.

О том, что происходит между мужчиной и женщиной за закрытыми дверями спальни, я имела смутное представление. Мама умерла слишком рано, а няня, когда заходил разговор на столь щекотливую тему, обычно густо краснела и отделивалась какими-то общими фразами. Все, что я запомнила из ее сумбурных объяснений, так это то, что в первый раз бывает больно и нужно всего лишь перетерпеть. Зато потом, если муж станет уделять достаточно внимания, все само собой наладится. И будет даже приятно...

А еще в меня старательно вбивали, что святая обязанность любой женщины — всячески ублажать мужа, тогда и жизнь будет слаще. Знать бы еще, как именно это делается...

Тем временем мы оказались в брачных покоях.

Я поняла это по лепесткам, устилавшим пол и постель, одного взгляда на которую было достаточно, чтобы сердце начало бешено колотиться, норовя выскочить из груди.

Стоило переступить порог, как стоявшие у дверей слуги закрыли за нами тяжелые створки, отрезая от остального мира. Я невольно вздрогнула. Все же я боялась оставаться наедине с раан-харом, пусть он и был теперь моим мужем.

А еще в покоях разом стало темнее. По стенам дрожали огоньки свечей — их было столько, что и не сосчитать. И мне понадобилось какое-то время, чтобы после ослепительных залов дворца привыкнуть к новому, не столь яркому освещению.

Лаар опустил меня у кровати и первым делом сдернул с нее покрывало. Розовые лепестки на мгновение взвились в воздух и тут же осели, разметавшись по шелковым простыням. Раан-хар же, не церемонясь, швырнул покрывало на пол и схватился за свободный край моего сареи.

Честно говоря, я ожидала, что он хотя бы скажет что-то. Поцелует... Или что там принято между супругами?

Но вместо этого муж сразу принялся освобождать меня от брачного наряда. Да так рьяно, что я совсем растерялась. Сжалась вся, не зная, как бороться с накатившим смущением. Движения его были быстрыми, резкими, какими-то жадными. Будто он сдерживался всю церемонию, а сейчас наконец отпустил себя. Я даже испугалась, что он ненароком порвет дорогую ткань. Но самого мужчину это, кажется, ничуть не волновало. И от этого становилось еще более волнительно. Обнаженная кожа покрылась противными мурашками, колени предательски дрожали, грозя вот-вот подогнуться.

Украшения раан-хар попросту сорвал. Крупные бусины поскакали по полу, а остатки некогда дорогих и изящных цепей бесформенной грудой остались валяться у ног. Я мимолетно порадовалась, что не ношу серег — вряд ли бы он стал с ними возиться.

Сейчас Лаар ор Гронта походил на помешанного: в глазах его пылал дикий огонь, дыхание было тяжелым и прерывистым. И одного взгляда на его перекошенное лицо мне хватило, чтобы горло сковал ужас.

Он сорвал с меня абсолютно все. Оставив полностью обнаженной, уязвимой, беззащитной. Нетронутой осталась лишь прическа, но та больше открывала, чем прятала от горящих злым предвкушением глаз.

Лаар же резко развернул меня и прижал спиной к своей груди. Он по-прежнему был одет, и рубины, украшавшие шервани, царапнули кожу на лопатках. Раан-хар, как и на смотринах, склонился к моей шее и жадно

втянул носом воздух. По его телу прошла волна дрожи. Рука на моей талии сжалась сильнее, буквально впечатывая в крепкое тело за спиной. Кожу на лопатках еще больше закололо от соприкосновения с острыми гранями драгоценных камней. Я дернулась, пытаюсь хоть немного отстраниться, и в тот же миг над ухом раздалось недовольное рычание:

— Не ерзай...

А потом он с силой толкнул меня на кровать. Я неловко плюхнулась на живот, оказавшись в весьма недвусмысленной позе. Инстинктивно приподнялась, желая перевернуться, но мне вновь не позволили.

— Лежи смирно, — приказал раан-хар, и я испуганно замерла.

Голос у него был низкий, жесткий, властный. С таким даже мысленно не захочется спорить.

За спиной раздался тихий шелест — кажется, мужчина сбросил одежду. Стало совсем не по себе. Захотелось спрятаться, сжаться в комочек. Притянуть ноги к груди, а лучше — завернуться в простыню, укрываясь от чужих глаз и неминуемых прикосновений.

Он коснулся всем телом сразу. Прильнул сзади, горячий, обнаженный, твердый как скала. Ухватил поперек талии и приподнял, удобнее укладывая на кровати. Я вновь попыталась перевернуться. Отчего-то не хотелось, чтобы он взял меня так, сзади, словно я какая-то подзаборная псина или, того хуже, рабыня. А еще я надеялась, что смогу хоть немного усмирить его. Что, заглянув в лицо, увижу хотя бы каплю нежности или участия.

Но раан-хар лишь надавил рукой меж лопаток, с силой прижимая к перине, второй же рукой чуть приподнял мои бедра. И сразу ткнулся резко и болезненно. Похоже, ничего не вышло — он зарычал, выплюнув какое-то ругательство... Я почувствовала его влажные пальцы между ног.

Всеблагой Ошур, он что, их облизал?

Лаар вновь подался вперед, прижимаясь к моим бедрам. Надавил с силой, и тело прошло резкой болью. Я не сдержала вскрика. Вцепилась обеими руками в простыню. Казалось, он пронзил меня насквозь. Тело безотчетно выгнулось, и я рванулась вперед, желая отстраниться, вытолкнуть его из себя.

Но это было все равно что бороться с каменной глыбой. Он придавил меня всем весом, сжал ладони на ягодицах, чтобы я даже помыслить не могла о сопротивлении, и задвигался во мне резко и быстро. Грубые толчки отдавались болью внизу живота, между ног жгло, будто по мне прошлись щеткой с жесткой щетиной. Цепкие пальцы впивались в нежную кожу. А я могла лишь кусать губы и тихонько подвывать, молясь богам всех семи рек, чтобы это поскорее закончилось.

И если терпеть физическую боль, хоть сквозь зубы, я могла, то чувство собственной беспомощности окончательно меня раздавило.

Неужели любой мало-мальски сильный мужчина мог запросто сотворить со мной такое? Понятно теперь, почему отец так берег меня, ограждал от всякого лишнего общения и встреч с мужчинами. Жаль только, оградить от раан-хара он меня так и не смог...

На меня вновь накатила тоска и глубокое чувство жалости к самой себе. И когда муж протяжно застонал и наконец вышел из меня, я даже не попыталась пошевелиться. Лишь только услышав удаляющиеся шаги и хлопок закрывшейся двери, приподняла голову и огляделась. Из смежной комнаты донесся шум воды. Кажется, господин решил освежиться.

Я бы тоже была не против сейчас залезть под теплые водные струи. Смыть с себя чужие прикосновения и пот, выступивший на шее. В других местах тоже не мешало бы помыться. Между ног было мокро, противно и саднило так, что я с трудом могла стоять. Глянула на свое обнаженное тело и с ужасом обнаружила на внутренней стороне бедра тонкую струйку крови.

За неимением под рукой ничего лучшего схватила с пола брошенную нижнюю юбку и отерла ноги. Вот и вторая кровь. Но почему же так много?

Раздумывать о том не стала. Тело налилось слабостью, и я с ногами забралась на перину. Свернулась клубочком, подтянув колени к груди.

Над кроватью висел пурпурный балдахин из легкой полупрозрачной ткани. Я потянулась к крученому шнуру и дернула за него. Занавеси мягко упали, смыкаясь со всех сторон. Пусть полупрозрачная ткань была никчемной преградой на пути раан-хара, но так я чувствовала себя хоть немного защищенной.

Вскоре шум воды смолк, и дверь купальной тихонько отворилась. Я вся сжалась, ожидая худшего. Представила, как Лаар ор Гронта подходит к постели, отодвигает тонкую завесу и ложится рядом. Или, хуже того, продолжает начатое. Тогда я точно умру...

Я испуганно всхлипнула и прижала ладони ко рту. Может, если буду вести себя тихо, он вовсе обо мне забудет. Еще бы как-то сдержать слезы, рвущиеся из глаз...

Сквозь занавесь я видела темную фигуру мужа. Он приблизился к кровати, заставив меня безотчетно затаить дыхание, нагнулся, кажется, подобрав что-то из своих вещей. А потом, вопреки моим ожиданиям, вышел из покоев. И не вернулся до самого утра.

Лаар

Лаар ор Гронта был зол, недоволен, неудовлетворен.

Бившееся внутри желание неистово терзало тело. И даже вылитое на голову корыто с ледяной водой не помогло остудить разгоряченную кровь.

Поиски новой жены заняли четыре месяца. И все это время раан-хар не касался других женщин. Целых четыре месяца — слишком долгий срок для молодого здорового мужчины! И, конечно же, одного короткого совокупления ему не хватило, чтобы утолить свою жажду.

Да еще эта девица...

Она пахла так, что раан-хар мгновенно терял голову. Ее запах был сильным, сладким, таким соблазнительным, что не было никаких сил удержаться. И помимо прочего, были в нем какие-то новые нотки. Незвестные, неизведанные. Ничего подобного он прежде не чуял в женщинах. И, признаться честно, он так и не смог до конца понять, нравятся ему эти новые оттенки или нет. Но все вместе... они сводили мужчину с ума.

Он сам не понимал, как сумел продержаться целую церемонию. Как не сорвался прямо посреди брачного ритуала, когда невеста мимолетно коснулась его пальцев губами. Как не набросился на нее еще на смотринах. Он уже тогда не мог думать ни о чем, кроме их первой близости.

И сейчас его единственным желанием было вернуться в покои молодой жены и продолжить начатое. Терзать ее тело всю ночь напролет. Сжимать в объятиях, вдыхать его пряный аромат, раз за разом входить в ее тугое лоно и рычать от удовольствия.

Только вот раан-хар прекрасно знал, чем заканчивается такая несдержанность.

А еще он был твердо уверен, что девица сейчас вовсю ревет в подушку. Женских слез Лаар на дух не переносил. Они отчего-то неотвратимо заставляли его чувствовать себя виноватым.

А это чувство ох как не нравилось раан-хару!

Не нравилось настолько, что он был готов подождать. До завтрашнего утра, а может, даже вечера. Чтобы новой жене точно хватило времени проплакаться, прийти в себя и смириться.

Смирение. Исконно женская черта.

Лаар по личному опыту знал, как легко оно им дается. Что может быть

проще, чем смириться? Прогнуться, подчиниться тому, кто сильнее.

А Лаар ор Гронта, без сомнения, был сильнее многих. И от всех вокруг он непременно требовал полного и безоговорочного подчинения.

ГЛАВА 3

Я так и заснула. Немытая, с застрявшими в спутанных волосах заколками, завернутая в простыню, словно в кокон. Балдахин был по-прежнему зашторен, но судя по струящемуся сквозь тонкую ткань свету утро уже давно вступило в свои законные права. А еще в комнате явно кто-то был: до меня донеслись тихий шорох и еле слышные перешептывания.

Я аккуратно отвела в сторону занавесь и выглянула наружу. В покоях оказалось по меньшей мере пятеро служанок, занимающихся уборкой. Кинула обеспокоенный взгляд на пол. Ни моей одежды, ни разорванных украшений там уже не было. Вспомнила про перепачканную кровью нижнюю юбку и чуть не взвыла с досады. Уж красные разводы на нежно-голубой ткани они-то точно заметили! Я же теперь умру со стыда...

— Доброе утро, рани. — Мое пробуждение, как и полагается, не осталось незамеченным. Одна из служанок уже стояла подле кровати и, сложив ладони лодочкой, низко поклонилась. — Желаете, чтобы вам принесли завтрак, или хотите сначала освежиться?

Я немного растерялась. Непривычна была к такому обслуживанию. В нашем родовом замке слуг было мало, и все они были заняты гораздо более важными делами, нежели прислуживание хозяевам. Впрочем, я вспомнила о собственном неподобающем виде и без колебаний ответила:

— Освежиться.

— Хорошо. Купель уже готова. Позвольте, я вам помогу. — Служанка без лишних слов принялась собирать в складки ткань балдахина. Я смущенно подобрала край простыни, что служила мне единственным прикрытием, и неловко встала. — Кстати, меня зовут Хальди. Я буду вашей наперсницей. Так что со всеми вопросами и за любой помощью непременно обращайтесь ко мне.

Я кивнула и покосилась на остальных служанок. Двое из них как раз вошли в купальню и принялись там что-то расставлять. А мне в голову закралось подозрение, что меня станут отмывать с тем же рвением, что и вчера перед смотрами. К такому я точно была не готова, а потому тихонько попросила:

— А можно... я как-нибудь сама помоюсь?

— Что вы, рани? — Хальди всплеснула руками. — Сама-то вы точно не управитесь. Позвольте, хоть я помогу.

Наперсница жестом отослала остальных служанок и плотно закрыла за

нами двери купальной. Первым делом сдернула с меня простынь. Я опять смутилась. На белоснежной ткани осталось красное пятно. Впрочем, Хальди особого внимания на это не обратила (или сделала вид, что не обратила) и, не раздумывая, сунула простыню в корзину с бельем.

Я же быстрее нырнула в исходящую паром воду. Принялась распутывать прическу, что за ночь пришла в совершеннейшую негодность. Тут помощь Хальди оказалась как нельзя кстати, сама бы я все эти мелкие заколочки точно не вытащила.

Слава Ошуру, на сей раз драить до покрасневшей кожи меня никто не стал. То ли не посчитали испачканной, то ли... визита мужа можно было сегодня не ждать.

— Хальди, а... господин не приходил? — решила спросить я, пытаюсь хоть немного прощупать почву. Пусть в постельных делах я еще совсем неопытна, но все же не столь наивна, чтобы полагать, что раан-хар не вернется. Наверняка вернется и... захочет повторить. Вопрос лишь в том, как скоро.

— Нет, господин предпочитает проводить время в своих покоях.

Так у него отдельные покои?

Это хорошо. Значит, мне не грозит случайно столкнуться со здешним хозяином.

Я немного успокоилась и расслабилась, отдаваясь умелым рукам наперсницы, что натирала мою кожу душистым маслом.

— Но к вечеру вам необходимо быть готовой, — меж тем продолжила Хальди. — Наверняка хозяин захочет вас навестить.

А вот это совсем не обрадовало. Между ног по-прежнему саднило. А от одной лишь мысли, что он вновь станет грубо и резко входить в меня, к горлу подступало отвращение. И вряд ли к вечеру что-то изменится. Но как когда-то приговаривала моя няня, мы — женщины и удел наш — терпеть все прихоти мужей.

Я тяжело вздохнула и откинулась на бортик купальной чаши, пытаюсь найти в своем незавидном положении хоть какие-то положительные моменты. И один точно нашелся — раз муж придет лишь вечером, то у меня достаточно времени, чтобы осмотреться и хоть немного разобраться в здешних порядках.

После сытного завтрака, который доставили прямо в покои, мы с помощницей отправились гулять по дворцу.

И я вновь забылась, погрузившись в чарующее великолепие здешних залов.

Уж не знаю, кто обставлял дворцовые помещения, но вкус у этого

человека явно имелся. А еще присутствовала немалая страсть к драгоценным камням и металлам. Каждый коридорчик, каждая комната владений раан-хара была отдельным произведением искусства. В приемном зале меня покорила мозаика во всю стену. Выложенная из ярких самоцветов, она изображала двух огромных жар-птиц, пляшущих в лучах закатного солнца. Библиотека поразила уходящими ввысь расписными сводами и огромными стрельчатыми окнами, тянувшимися к самому потолку. Широкие коридоры и галереи украшали диковинные статуи и напольные вазы. А еще здесь имелись удобные ниши с низкими диванчиками, утопающими в парчовых подушках. Видимо, на тот случай, если кому-то из здешних обитателей захочется передохнуть по пути из одной части дворца в другую. Все-таки расстояния здесь немалые.

В общем, дворец был огромен (даже больше нашего замка в Туэнге, который за свою жизнь я успела изучить вдоль и поперек), и мне разрешалось бывать везде, кроме личных покоев самого раан-хара. Но туда меня и не тянуло. Напротив, желанием моим было держаться от указанных комнат как можно дальше.

Зато волновало другое.

— А где живут остальные жены? — спросила прямо, памятуя, что жены знатных вельмож обычно держатся вместе. Кажется, женщинам даже принято отводить отдельное крыло в доме. Здесь же ничего подобного я не увидела. Да и вовсе не заметила других обитателей, кроме слуг и стоящих у некоторых комнат стражей.

— Во дворце нет других жен, кроме вас, — расплывчато ответила Хальди и поспешила проводить меня в очередной богато убранный зал.

— А где они? — не отступила я. — У раан-хара же есть другие жены?

— Есть, но вы не должны думать о них. Вам не придется с ними сталкиваться.

Ответ служанки привел меня в легкое замешательство. Честно говоря, я была уверена, что именно с ними мне и придется общаться. Даже гадала, придусь ли я по душе старшей жене или, как это частенько бывает, она невзлюбит молодую соперницу. Все же в разных семьях отношения разные. Бывает, что супруги одного мужчины становятся лучшими подругами, а бывает, что грызутся днями напролет. Но неизменным всегда было одно — старшей жене надлежало вести хозяйство и выполнять возложенные мужем обязанности. Остальные же ей в этом помогали и должны были слушаться.

Но, видимо, здесь все иначе. Наверняка у раан-хара имеется целый взвод специально обученных работников, чтобы не обременять своих женщин подобными заботами. Но видется-то друг с другом им точно не

должны запрещать?

Я придержала этот вопрос при себе, решив, что расспрошу Хальди попозже. Сейчас я чувствовала себя в этом дворце гостьей и не совсем еще понимала, какие вопросы уместны, а какие нет. Да и в конце концов, возможно, все прояснится без моего участия.

Меж тем из дворца мы попали в сад. Тот самый, в котором вчера проходила моя свадьба. Вот только при свете дня выглядел он совсем иначе. Зеленели кроны деревьев, наливались краской вишневые цветы и магнолии, перепрыгивали с ветки на ветку мелкие пестрые птички. Отражение белоснежных лилий плыло по водной глади небольшого прудика. В глубине его блестели чешуей разноцветные карпы: желтые, оранжевые и красные. А некоторые и вовсе пятнистые, словно лепестки тигровой орхидеи. На перилах же резного арочного мостика устроились несколько огромных тропических бабочек.

Попробовала рассмотреть одну из них вблизи, но стоило мне подойти, как красавица взмахнула крыльями и улетела прочь. Я разочарованно вздохнула и направилась к деревянной скамье — вокруг водоема их имелось в изобилии. Присела на нагретую солнцем поверхность и полной грудью вдохнула аромат цветущих деревьев. Где-то вдали шумел водопад, наверняка, как и прудик, тоже рукотворный. А рядом тянула к воде гибкие ветви плакучая ива.

Я глядела по сторонам и не могла налюбоваться. Все здесь было непривычно, совсем не так, как в нашем лесном крае. И по-весеннему прохладный воздух, что заставлял кутаться в шерстяной палантин, никак не вязался со стоящим в небе ярким солнцем и цветущим садом. Я наблюдала, как скачут по водной глади водомерки и плещутся в серебристой воде карпы. Так и хотелось снять сандалии и опустить ноги в воду, тронуть гладкий бок какой-нибудь рыбины. И лишь только прохладный ветер удерживал от подобной шалости. Если промокну, мигом ведь простужусь.

А потом я заметила среди пышных зарослей человека в длинном коричневом одеянии. Голова его была идеально выбрита, и гладкая макушка блестела на солнце. Он стоял как раз возле куста с акацией и что-то нашептывал, обращаясь явно к растению.

— Это что, Природник? — полушепотом спросила у помощницы, боясь помешать мужчине. Судя по тому, как он был сосредоточен, занятие его было очень важным.

— Да. Он служит лично раан-хару и ухаживает за этим садом.

— А что это он сейчас делает? — любопытствовала я, одновременно наблюдая, как мужчина в коричневом водит руками по воздуху, выписывая

замысловатые вензеля.

— Я не очень разбираюсь, — Хальди пожала плечами, — но, кажется, заговаривает растение на долгое цветение.

— Интересно... — Я чуть подвинулась на лавочке, чтобы было лучше видно Природника. Он как раз переместился к следующему цветущему кусту и начал шептать уже над ним. Вот бы послушать.

— Если рани желает, можно попросить Природника вырастить какое-нибудь особое растение, — предложила наперсница, а мне сразу подумалось о сладкой землянике, что в начале лета спеет на светлых лесных полянках Туэнга. Наверное, с таким даром можно было бы наслаждаться ягодами не один краткий месяц в году, а целых три или того больше.

Я даже подумала высказать служанке свое пожелание, но мысли вдруг свернули к воспоминаниям о доме и об оставленном отце. Как он там один? Наверняка переживает за меня, волнуется. Хоть бы весточку какую позволили отправить. Надо будет поинтересоваться у Ведающего. А пока... о землянике лучше забыть, слишком это сильное напоминание.

— Я подумаю. Если чего-то захочется, обязательно попрошу, — ответила помощнице и поднялась со скамьи, собираясь продолжить прогулку по саду. А пока, чтобы немного отвлечься от невеселых мыслей, решила полюбопытствовать:

— Скажи, а все Природники, ну... бреют головы?

— Зачем? У них волосы и так не растут, — хохотнула Хальди. — Сколько Природников видела — все лысые, как коленка. И лица гладкие. Насмешка судьбы, не иначе. Растения от их заговоров побеги во все стороны пускают, а у самих на теле ничего не растет.

Точно, что насмешка судьбы. Заговорили бы сами себя, что ли? Зимой-то, наверное, холодно так ходить. Впрочем, у каждого Дара есть хорошие стороны, и есть плохие. И если преимущества всегда очевидны и порой вызывают зависть у обычных людей, то недостатки зачастую скрыты от глаз окружающих и известны только самим одаренным.

Пока я рассуждала, мы успели довольно далеко удалиться от дворца да и от прудика с резным мостиком. Но брусчатая дорожка все бежала вперед, петляя меж пышных кустов и разномастных клумб.

В какой-то момент Хальди остановилась и аккуратно придержала меня за локоть.

— Нам пора возвращаться.

Я глянула вперед. На самом деле я планировала обойти все владения ор Гронта, ну или хотя бы большую их часть, и не видела причин для столь

скорого возвращения. Да к тому же впереди, за посадками садовых деревьев, виднелись покатые крыши домов.

— А что там? — я указала взглядом в сторону построек. — Там кто-то живет?

— Там нет ничего интересного, — чересчур поспешно ответила наперсница. — Лишь жилье для прислуги и казармы стражей раан-хара. Рани нечего там делать.

— Ты тоже там живешь? — заинтересовалась я. Путь до дворца неблизкий, а насколько мне известно, наперснице надлежит всегда находиться рядом с госпожой.

— Нет, моя комната находится по соседству с вашими покоями, и вы всегда можете меня позвать, — будто прочитала мои мысли Хальди.

Я благодарно улыбнулась и покорно последовала за своей проводницей. А сама подумала, что виднеющиеся из-за деревьев дома ничуть не похожи на жилье прислуги. Да и сад там такой же пышный и ухоженный, как и в остальной части резиденции. Вряд ли Природник стал бы растрачивать свой редкий дар на благоустройство хозяйственных территорий.

Впрочем, я могу и ошибаться. У богатых свои причуды. Да и не видела я тех зданий вблизи.

* * *

Вечер наступил неожиданно. Не успел солнечный диск коснуться горизонта, как в мои покои вплыли пятеро служанок и чуть ли не под белы ручки повели в купальню. Весь вчерашний кошмар с мытьем вновь повторился.

— Хальди, мне теперь придется каждый вечер так отмываться? Даже если из покоев выходить не стану?

— Боюсь, что да. Вам ведь уже говорили, что раан-хар не любит посторонних запахов.

Ох уж эти запахи! Можно подумать, что у Лаара ор Гронта нос как у собаки. Хотя судя по тому, как он меня в прошлый раз обнюхивал, обоняние у него и правда специфическое.

— Но ведь он не каждый вечер станет приходить? Или каждый? — с опаской спросила я, подставляя голову под душистое полотенце. Купание как раз завершилось, и сейчас меня с немалым пристрастием вытирали.

— Думаю, что каждый. Мужчинам, в отличие от женщин, телесная

близость нужна часто, — без тени стеснения ответила Хальди, но меня волновало совсем иное.

Все никак не шли из головы другие жены раан-хара. Сколько бы у него их ни было, внимание требуется каждой, и появление новой жены отнюдь не означает, что хозяин перестанет посещать предыдущих. Так что я разумно надеялась, что Лаара ор Гронта мне придется видеть хотя бы не каждую ночь.

— А как же остальные жены?

Хальди замялась. Замолчала ненадолго, очевидно, обдумывая, что мне ответить. А потом коротко бросила:

— Вам не надо о них думать, рани.

— А о чем мне еще думать?! — неожиданно даже для самой себя вспыхнула я. — И что значит это «рани»?

— А вы разве не знаете? — Хальди в недоумении хлопнула рыжеватыми ресницами. — Рани — вежливое обращение к жене раан-хара. Вас теперь всегда так будут называть.

— Мне больше нравилось просто Катара, — пробурчала себе под нос и нахмурилась.

Кажется, вытянуть что-либо из наперсницы у меня не выйдет. По крайней мере сейчас. А значит, остается лишь ждать и надеяться на благосклонность судьбы.

К сожалению, этим вечером судьба благосклонностью не отличалась. Стоило нам только выйти из купальни, как дверь моей спальни распахнулась — и на пороге возник Лаар. Служанки тут же похватили свое добро и поспешили покинуть покои. Хальди последовала за ними.

Мы с мужем остались наедине.

На сей раз он был одет куда скромнее, чем в день нашей свадьбы. Не было ни богатой вышивки, ни россыпи бриллиантов, ни сверкающих острыми гранями рубинов. Мужчина был облачен в строгий темно-зеленый шервани, единственным украшением которого служил гербовый знак раан-хара — цветок, пронзенный мечом. Как ни странно, этот простой, скроенный по фигуре наряд шел ему куда больше помпезного брачного костюма. Наверное, потому, что лучше соответствовал характеру хозяина.

Раан-хар медленно двинулся ко мне, одновременно расстегивая шервани. Движения его были четкие, неспешные, как и в первую нашу встречу, оставляющие чувство небывалой выверенности. Серые глаза смотрели пристально. За те несколько шагов, что нас разделяли, он, казалось, успел ощупать взглядом каждый клочок моего тела.

Я же застыла, боясь пошевелиться. Чувствуя себя крохотной полевой

мышкой, замершей пред удавом. На короткое мгновение в холодных глазах мелькнуло предвкушение. Будто вспыхнул жаркий огонек и тут же погас, сменившись прежним ледяным равнодушием.

Странно, но холод в его взгляде пугал меня куда больше, чем огонь желания. Я буквально чувствовала исходящую от мужчины опасность, а еще очень не вовремя вспомнилась собственная вчерашняя беспомощность. И пришло понимание — что бы он сейчас ни вздумал со мной сотворить, я не смогу оказать ему сопротивления.

По спине побежали противные мурашки, и когда между нами оставался всего один шаг, я не выдержала — отступила. Плотнее запахла полы легкого шелкового халата, жалея, что на мне больше нет никакой одежды. Хотя вряд ли бы она меня спасла.

Раан-хар был выше меня на целую голову и раза в два шире в плечах. Он небрежно бросил на пол шервани, и под тонкой светлой туникой стали видны бугры перекачивающихся мышц.

От этого зрелища стало совсем не по себе. Я неосознанно попятилась. Лаар же усмехнулся. Он и не думал останавливать меня или тем паче ловить, хотя мог сделать это в два счета. Он лишь стоял и с легким прищуром следил за моими метаниями, в полной мере демонстрируя, кто здесь хозяин. Его превосходство читалось во всем: в вальяжной позе, в неторопливых движениях, с которыми он развязывал пояс на штанах, в спокойном холодном взгляде, от которого у меня начинали трястись колени.

Я не знала, чего от него ждать, тонула в повисшем между нами молчании.

И продолжала пятиться до тех пор, пока не наткнулась на боковину кровати. Не ожидая такого подвоха, плюхнулась на мягкую перину, нелепо взмахнув руками. А когда выпрямилась и подняла глаза, раан-хар уже стоял рядом.

Как он только умудрился подойти так быстро и бесшумно?

Подумать над этим мне не дали. Мужчина рывком поднял меня с кровати, развернул спиной к себе и швырнул обратно. Задрал халат, обнажая бедра. Я мысленно застонала. Опять...

— Я хочу, чтобы ты всегда ждала меня в таком положении, поняла? — Муж по-хозяйски положил ладонь мне на бедро. Он не рычал, не угрожал, не злился, но от твердого спокойного голоса тянуло такой ледяной уверенностью, что хотелось сжаться.

И как бы ни было противно, я уже сейчас знала, что в точности исполню его приказ.

— Поняла? — не дождавшись ответа, повторил Лаар, и ладонь его

сильнее сжалась на нежной коже.

Я кивнула и промычала что-то утвердительное.

— Вот и славно. — Кажется, он вновь ухмыльнулся. А потом, не тратя времени на никчемные разговоры и прелюдии, попросту спустил штаны, быстро и резко вошел в меня.

Внутри было совсем сухо, и движения мужа отозвались очередной болью и жжением, от которого не было никакого спасения. Я посильнее стиснула зубы, стараясь не скулить.

И кто только выдумал, что больно лишь в первый раз? Сейчас было ничуть не лучше.

Тем не менее жалкой выглядеть не хотелось, и я терпела как могла. Ткнулась носом в жесткое покрывало. Как и все в этом дворце, оно было вышито серебром и золотом. И грубые нити неприятно царапали кожу на лице. Хорошо, хотя бы на груди запахнут халат, иначе на мне живого места не осталось бы. Впрочем, я и без того промучаюсь всю ночь.

Раан-хар закончил на удивление быстро. Я почувствовала, как сильно содрогнулось его тело, и он тут же отстранился.

— Иди обмойся. У тебя опять кровь, — бросил Лаар и отошел.

Я неловко сползла с кровати. Честно говоря, единственным моим желанием было лечь. Но пришлось подняться и, преодолевая ноющую боль внизу живота, пройти в купальню.

Вода в чаше еще не успела слиться после моего мытья, и я не раздумывая опустила в нее. Сразу почувствовала облегчение.

Все же насколько велика живительная сила воды. Она оmyвает, успокаивает, заживляет раны. Дает энергию и жизнь всему сущему. Была б моя воля, я бы и вовсе не вылезала из купели. Пусть даже вода успела остыть, но я нежилась в ней, отходя от грубых прикосновений мужа.

Жаль, нельзя побыть здесь подольше. Все же я пока не готова испытывать терпение раан-хара.

Наскоро обмывшись, вылезла из купели. Слава богам, крови почти не было. Лишь пара капель, но и от тех уже не осталось следа. Я насухо вытерлась и привела в порядок волосы. Поискала взглядом одежду, но, увы, кроме моего прежнего халата здесь ничего не нашлось. Пришлось вновь облачиться в шелковую ткань и с гулко колотящимся сердцем выглянуть наружу.

В комнате было на удивление темно. Лаар потушил почти все источники света, оставив лишь крошечный фонарик в дальнем конце комнаты. Но даже в столь неярком свете я смогла рассмотреть его фигуру, стоящую у окна.

Мужчина был полностью обнажен. И пусть я боялась его до дрожи, но все же не смогла сдержаться любопытства и скользнула взглядом по тренированному мужскому телу. По широкой спине с черной змейкой-косичкой, извивающейся вдоль позвоночника. По узким бедрам с подтянутыми ягодицами и стройным ногам с накачанными икрами.

Все же было в этом мужчине нечто завораживающее. Пугающее и вместе с тем привлекательное.

Я на мгновение залюбовалась, и потому прозвучавший во тьме жесткий голос заставил вздрогнуть:

— И долго мне ждать? По-моему, я уже озвучил, в каком виде желаю тебя лицезреть.

Требование раан-хара мигом вернуло в реальность и напомнило о том, кем на самом деле является человек, стоящий у окна.

Я спешно прошла к постели и, лишь оказавшись подле нее, замялась. Вновь опускаться в раболепскую позу задом кверху не было ни малейшего желания. Но требование Лаара было вполне однозначно, и мне не оставалось ничего, кроме как подчиниться.

Аккуратно легла на край кровати и замерла, прислушиваясь. В любой момент ожидая приближения раан-хара.

— Разве я так показывал?! — Мужской голос раздался совсем близко. Кажется, я опять не заметила, как Лаар подошел. Да и висящая в спальне темнота мешала нормально ориентироваться.

Я вскинула голову, не понимая, чего от меня хотят. Лаар стоял над мной и молчаливо ждал. Делать подсказок он, разумеется, не собирался. Впрочем, вскоре я и сама догадалась.

Сгорая от смущения, приподняла подол халата, обнажая ягодицы. И вновь замерла, буквально кожей ощущая пристальный взгляд мужа. Не смея повернуться и посмотреть на него в ответ.

— Так уже лучше, — одобрил он, и я почувствовала, как большая горячая ладонь легла на бедро.

Я инстинктивно зажмурилась, ожидая, что он вновь овладеет мной. И сильно удивилась, когда мужская рука скользнула к моему животу. Раан-хар поймал за кончик пояса халата и дернул его. Затем сорвал и сам халат. И хотя в комнате было тепло, по телу моему пробежали мурашки.

А еще я только сейчас обратила внимание, что жесткого, неприятного на ощупь покрывала больше нет. Видимо, пока я мылась, Лаар успел убрать и его. И сейчас обнаженной кожи касались лишь мягкие белоснежные простыни.

Не знаю, была ли в этом порыве забота обо мне или муж беспокоился

лишь о собственном комфорте, но даже такая мелочь порадовала. И внутри вновь всколыхнулась надежда, что все небезнадежно.

И почти сразу умерла, когда Лаар рывком подвинул меня на кровати, устраивая почти на самых подушках, и залез следом. С нажимом провел по спине, от поясницы до самых лопаток. А потом повторил то же движение, но уже носом. С шумом втягивая воздух, почти касаясь моей кожи губами.

Это было даже приятно, и я бы с радостью полежала так еще, ощущая его невесомые прикосновения. Но на большее раан-хар не расщедрился. Видимо, запах каким-то образом обострял его желание, потому как следом он приподнял мои бедра и сразу вбил в меня на всю длину.

Все повторилось в точности, как и несколько минут назад. Жадные резкие толчки внутри моего тела. Прерывистое хриплое дыхание над ухом. Его наслаждение и моя боль.

Но даже этого ему оказалось мало...

Лаар продолжал терзать мое тело почти всю ночь напролет. Ушел лишь под утро, когда в небе уже ощутимо занималась заря. Я же сразу отключилась, измотанная и опустошенная. Чувствуя, что сегодня и вовсе не смогу подняться с постели.

* * *

Меня разбудили через несколько часов. Хальди еле растормошила меня и сообщила, что пришел лекарь.

Неужели же после прошедшей ночи я выгляжу так плохо, что наперсница решила, будто я больна?

— Все нормально. Не надо ничего, — попыталась отмахнуться от хлопчущей вокруг постели женщины.

— Нельзя, рани. Целителя сам раан-хар прислал!

От такой новости я подскочила словно ошпаренная.

Лаар. Прислал. Ко мне. Целителя.

Я ошалело потрясла головой, не зная, что и думать. Вряд ли это было проявлением заботы. Может, я что-то не то сделала? Со мной что-то не так? Или все дело в той крови?

И мне бы радоваться приходу целителя, ведь я и правда чувствовала себя отвратительно. Но, кажется, я лишь не на шутку разволновалась.

Отчего-то казалось, что лекарь непременно обнаружит во мне изъян, заразу какую или еще что похуже, и меня выгонят за негодностью. И с одной стороны, я бы и рада распрощаться с этим дворцом и никогда больше

не видеть раан-хара. Но с другой... все же он был моим законным супругом, и я совершенно не представляла, что станет со мной, если вдруг окажусь ему не нужна.

Странно, но при всей незавидности моего положения неизвестность пугала еще больше. И в голову вновь полезли мысли об остальных женах. Куда-то же они делись...

В общем, за те несколько минут, пока приводила себя в порядок, я дошла почти до настоящей паники. А когда в моих покоях появился крупный рослый мужчина, пусть и почтенных лет, и попросил лечь на спину и развести ноги, чуть вовсе не умерла со стыда. Щеки горели огнем, и даже уши мои, наверное, стали пунцовыми. А от его откровенных вопросов хотелось провалиться сквозь землю.

Уходя, лекарь оставил баночку с мазью, терпко пахнущую травами. И еще одну — с маслом, не пахнущим вообще ничем. И если с лечебной мазью все было понятно, то о предназначении масла я могла лишь догадываться.

Я как раз разглядывала баночки, перетирая меж пальцев содержимое одной из них, когда вернулась Хальди. Помощница присела на корточки у моей кровати и, глянув сочувственно, взяла меня за руку.

— Ничего, привыкнете. Все наладится, — приободрила она и ласково улыбнулась.

А я впервые посмотрела на свою помощницу другими глазами. Она была еще довольно молода. Лет на семь, может, на восемь старше меня. Хорошенькая. С густыми каштановыми волосами и огромными карими глазами. А меж бровей небольшая бороздка-рубец. Видимо, раньше там красовалась брачная метка. А раз ее удалили, оставив некрасивый шрам на лбу, то стало быть, Хальди вдова. А у вдов есть два пути — жить в свое удовольствие на деньги, оставленные мужем, или, если таковых не имеется, наниматься на работу.

Повторно выйти замуж у нас почти невозможно. Никто не захочет брать в жены использованную женщину. Разве что в качестве наложницы. Но для порядочной девушки это куда унижительней, чем наняться в прислуги.

Вот и Хальди, судя по всему, предпочла работать. Мы, конечно, с ней не столь близки, чтобы вести откровенные разговоры, но хотя бы одно я теперь знаю точно — в постельных делах она имеет опыт, а значит, вполне понимает мои трудности.

— Надеюсь, — вздохнула тяжело, и не думая скрывать своего настроения.

— Давайте я приготовлю вам ароматную ванну с травами. Сразу

полегчает, — тут же принялась хлопотать помощница.

Я подумала, что это хорошая идея, и, прихватив баночки, направилась в купальню.

— А это лучше поставить рядом с постелью, — посоветовала Хальди, указывая на непонятное масло.

— А? Да? А что это? Я не совсем поняла...

— Ну как же? — Девушка недоуменно вскинула рыжеватые брови. — Этим пользуются во время близости, чтобы было не так сухо. С маслом вам будет намного приятнее. Если, конечно, раан-хар позволит.

— А может не позволить? — пискнула я, чувствуя, как щеки вновь горят от смущения.

Хальди пожала плечами.

— Не знаю. Хозяин человек странный. Никогда не угадаешь, что придется ему по вкусу, а что разозлит.

Я поняливо кивнула и убрала баночку с маслом в ящик прикроватного столика. Оставлять такую вещь на видном месте как-то постеснялась.

Мы прошли в купальню, и Хальди принялась наполнять чашу водой. В отличие от нашего родового замка в Туэнге во дворце раан-хара имелся водопровод. Так что мыться можно было хоть по сто раз на дню. Что, собственно, со мной и проделывали служанки...

Пока чаша наполнялась, а помощница хлопотала с пузырьками и ароматными баночками, я решила продолжить расспросы:

— А долго ты служишь у Лаара ор Гронта?

— Уже четыре года.

— И ты прислуживала хозяину или...

— Что вы? — Хальди всплеснула руками, чуть не разлив содержимое одного из флаконов. — Женщинам не разрешается входить в покои раан-хара. Разве что женам, и то если позовет. А прислуживают хозяину исключительно мужчины.

— Значит... Ты прислуживала другим его женам? — догадалась я.

Наперсница лишь кивнула, явно не горя желанием развивать тему. Но я все же спросила:

— И куда они делись? В смысле, где они сейчас?

— Боюсь, я не могу вам ответить, — вновь ушла от разговора Хальди и, весело прихлопнув в ладоши, велела лезть в исходящую паром чашу.

Я с головой нырнула под воду, а потом откинулась на выложенный мелкой мозаикой бортик и под тихий плеск воды попыталась расслабиться. Только вот из головы все никак не шло — Хальди не ответила потому, что не знает ответа, или потому, что ей запрещено отвечать?

Лаар

Появление крови Лаару не понравилось. Это был дурной знак. Значит, либо девчонка больна, либо слишком хрупка и уязвима. Такой не место рядом с раан-харом.

Впрочем, это обстоятельство не помешало Лаару в полной мере насладиться их близостью. Его молодая жена по-прежнему дивно пахла, и он хотел брать ее снова и снова. Даже разозлился, когда в окна постучался рассвет.

Правда, к этому времени девчонка была совсем измотана. Лежала уже даже не смирно, а просто обессиленно, словно не живой человек, а выброшенная на берег стухшая рыба. Полусгнивший труп дикого айтар и тот выглядит бодрее.

Даже целителя пришлось ей вызвать.

Раан-хар хлебнул вина, пытаясь залить всколыхнувшееся внутри раздражение. Странно, но от мысли, что кто-то еще коснется его жены, у Лаара внутри закипала жидкая лава. И пусть бы он даже не помнил имени этой девчонки, но собственнические инстинкты его работали исправно. А желание оторвать руки-ноги посланному лекарю с каждой минутой все больше возрастало. Даже тот факт, что пожилой целитель — скопец, не сильно менял ситуацию.

Лаар почти уже опустошил бутылку, когда в дверь кабинета тактично постучали и на пороге возник тот самый лекарь. И вовремя, раан-хар уже начал подумывать о том, чтобы сходить проверить, чем они там занимаются.

— Что так долго? — рявкнул он, не успев еще целитель переступить порога.

Другой бы наверняка затрясся от грозного голоса здешнего хозяина, но гость вопрос проигнорировал. Даже бровью не повел, будто и не слышал вовсе. Не спеша прошел вглубь кабинета и встал напротив письменного стола.

Подобное поведение не то чтобы раздражало раан-хара, оно выводило его из себя. Лаар через силу усмирив свой гнев — с лекарем он потом разберется, сейчас важнее другое.

— Что с девчонкой?

— Ничего непоправимого. Всего лишь усталость и небольшие травмы.

Думаю, не стоит объяснять, в каких именно местах? Я оставил ей лечебную мазь, а вам бы посоветовал впредь быть с девушкой аккуратнее. — В голосе гостя прозвучали явные нравоучительные нотки.

— Я сам знаю, как мне обращаться с собственной женой! — огрызнулся Лаар.

Поучать себя он позволял лишь отцу, и то пока был слишком мал, чтобы принимать самостоятельные решения. Императору и тому Лаар не позволял подобного тона. А тут... какой-то паршивый скопец вздумал читать ему мораль?

— Не сомневаюсь, но все же хочу напомнить, что юное девичье тело зачастую бывает не готово к бурным проявлениям страсти. Ему требуется бережное отношение. Если, конечно, вы желаете получить от этой девушки здоровых наследников.

Лаар коротко рыкнул.

Конечно, он желал! Зачем бы ему еще заводить жену, как не для рождения наследника? В противном случае он бы мог сделать ее обычной наложницей. С ними обычно куда меньше хлопот.

— Я учту... — через силу выдавил раан-хар, наконец умирив собственные взбесившиеся нервы.

На сей раз целителю повезло. Ор Гронта попросту отослал его, чтобы не мозолил глаза. Стоило, конечно, проучить наглеца, но хозяин вовремя вспомнил, что хорошие целители нынче на вес золота. Так что руки тому еще пригодятся.

Гораздо больше Лаара сейчас волновала собственная несдержанность. Дерзость какого-то служки — еще не повод выходить из себя! И не повод хлестать вино из бутылки, тем более что алкоголь на раан-хара почти не действует. Да и пить он начал задолго до того, как пришел целитель.

Неужто собрался списать девчонку со счетов? Всего-то два дня прошло. Какой бы хрупкой она ни была, уж на пару месяцев-то должно хватить? А потом все повторится... Наверняка повторится, в этом Лаар даже не сомневался.

ГЛАВА 4

Потянулась череда дней.

С утра и до самого заката я была предоставлена самой себе. Могла гулять в саду, заниматься вышивкой, читать в библиотеке, в которой, кажется, можно было отыскать любую из существующих книг, примерять наряды и украшения или заказывать новые. Мне были открыты все двери. Точнее, почти все. Одна-единственная, та, что вела за пределы резиденции раан-хара, была для меня под запретом. Мне не дозволялось покидать владений мужа ни одной, ни в сопровождении слуг. Разве что сам Лаар ор Гронта соизволит вывезти меня на прогулку. Но просить его о том я не смела, хоть и горела желанием увидеть столицу империи Семи Рек.

А вот Лаара видеть совсем не хотелось. Днем мы и не встречались. То ли муж отсутствовал, уезжая по делам, то ли наши дороги попросту не пересекались, но в светлое время суток я его не видела. За все время натолкнулась на раан-хара лишь раз. Мы как раз шли с Хальди по одному из широких дворцовых коридоров, когда впереди показался Лаар с помощником. Они что-то оживленно обсуждали. Я же испуганно замерла, не зная, как вести себя и что следует сказать. Стоит ли поприветствовать или мне запрещено первой к нему обращаться? Ждать, пока сам заговорит? В постели муж лишь приказывал, и то изредка, предпочитая словам действие. Сейчас же я попросту растерялась.

Наперсница замерла рядом и, когда хозяин с помощником поравнялись с нами, молчаливо согнулась в глубоком поклоне. Я же уже открыла рот, чтобы выказать свое почтение, но осеклась. Лаар прошел мимо, даже не повернувшись. Не удостоил меня не то что словом, даже взглядом. Словно меня не существовало вовсе...

И мне бы вздохнуть облегченно, порадоваться, что не пришлось выдавливать из себя вежливость, но внутри скреблись кошки. Осознание того, что меня ни во что не ставят и не считают достойной даже простого приветствия, болезненно отзывалось в душе.

Пусть моя семья и обеднела, но мы были знатного рода. И воспитывалась я в строгих правилах, в соответствии со всеми традициями и этикетом. И уж точно никак не рассчитывала на подобное пренебрежение.

Кто я ему, в конце концов? Жена или приложение к постели?

Стало противно. И от себя, и от всего своего бесправного положения.

Пусть я и была облачена в шелка и золото, но на самом деле стоила не больше любой из ваз, украшавших здешние интерьеры. И то, что раан-хар ни разу не заговорил со мной за все время, лишь усиливало это ощущение. Я была для него лишь постельной игрушкой. Смиренной и безмолвной.

И если днем мы с Лааром не встречались, то по вечерам я каждый раз с замиранием сердца ждала его прихода. И втайне надеялась, что хотя бы сегодня он не явится.

Но раан-хар, к моему несчастью, отличался завидным постоянством. Муж неизменно приходил ко мне каждую ночь. Терзал мое тело. И уходил, лишь вдоволь наигравшись и удовлетворив свое темное желание.

И чем дольше это продолжалось, тем сильнее мне начинало казаться, что других жен и вовсе не существует. А если они существуют, то отосланы куда-то очень далеко отсюда. Оттого и ходит он ко мне каждую ночь.

А еще я, кажется, начинала привыкать. И тело мое, прежде болезненно реагирующее на близость с мужем, ныло уже куда меньше. Словно все чувства притупились. И боль, и обида, и отвращение.

Неужели и я вскоре смирюсь со своей ролью?

Думать о том не хотелось. А привыкать тем более. Благо через две недели пришли регулярные женские дни. И я порадовалась возможности передохнуть. Правда, вместе с радостью вновь пришли неуверенность и легкая паника. Ибо даже в самом страшном сне я не могла представить, как сообщу сию нерадостную новость супругу.

— Не беспокойтесь, — поспешила успокоить меня Хальди, когда я поделилась с ней переживаниями.

Помощница как раз готовила для меня теплую грелку, чтобы унять неприятную тяжесть внизу живота. Странно, но прежде не приносящие беспокойства женские дни сейчас доставляли неудобства. Хотелось просто лежать в постели и никуда не выходить. Да, супружеская жизнь явно не пошла на пользу здоровью...

— Скорее всего, и говорить ничего не придется, — продолжила наперсница. — Он сам все поймет.

И действительно, объясняться с раан-харом мне не пришлось. Он лишь переступил порог спальни, сделал несколько шагов и замер настороженно. Прищурился и с шумом втянул носом воздух.

— У тебя женские дни, — то ли спросил, то ли констатировал очевидное.

Я судорожно кивнула и, кажется, по своему обыкновению покраснела.

Раан-хар раздосадованно поджал губы, развернулся на месте и вышел. Вот и все разговоры...

Вернулся через три дня. Вновь принялся, словно охотничья псина.

— Когда они уже кончатся? — бросил недовольно. Все же муж не отличался терпением. Особенно когда речь заходила о супружеском долге. А исполнять его, кроме меня, похоже, было некому.

Странно, если уж ему так не терпится, мог бы найти себе кого-нибудь. В конце концов, прислуги полный двор. А если не устраивает прислуга, бывают и другие доступные женщины.

Мне, как воспитанной девушке, о таком, конечно, знать было не положено. Но я всегда много читала, а в книгах кроется кладезь полезной информации. Да и у няни порой проскакивали словечки, вроде «блудницы» или «распутной девки». Так что я вполне представляла, кто это такие, а теперь еще и на собственном опыте знала, какие услуги они оказывают.

Но муж мой, по всей видимости, подобными услугами не пользовался. Иначе с чего бы ему быть таким нервным?

— Думаю, через пару дней прекратятся, — ответила аккуратно, страхась вызвать гнев супруга.

— Проклятье! Почему так долго? — Все-таки он разозлился. И мне даже на секунду показалось, что Лаар не сдержится и возьмет меня прямо сейчас, невзирая на женские дни и все связанные с этим обстоятельством неудобства.

— Не знаю. У меня всегда так... — пропищала еще тише, чем прежде, и ухватила за столбик кровати. Прижалась к нему, в интуитивном поиске защиты.

И когда уже привыкну, что в этом дворце защитников у меня нет?

Слава Ошуру, на сей раз пронесло! Раан-хар хоть и был крайне раздражен, но покои мои покинул. А я с ужасом представила, что же будет, когда мое женское недомогание прекратится. Отыграется ведь за все дни...

Так и случилось.

Тем вечером он был особенно нетерпелив. Пришел раньше обычного. Я не то что не приняла положенную позу, но даже ежедневный ритуал омовения не успела провести. И первым делом испугалась, что Лаар будет недоволен моим запахом. Но его это, кажется, ничуть не волновало. Он попросту ворвался в мои покои и, не обращая внимания на прыснувших во все стороны служанок, ухватил меня поперек туловища и потащил в кровать. Швырнул на мягкую перину и принялся стаскивать с меня штаны. Днем я предпочитала ходить в удобных шароварах и длинной тунике. Такая одежда была для меня куда привычнее тяжелого сареи. А вот мужу она не понравилась.

— Чтобы не смела больше это надевать, поняла? — рявкнул раан-хар,

отшвыривая шаровары в сторону. Потом уже привычно крутанул меня, укладывая на живот, и навалился сверху. Даже раздеваться не стал, лишь немного приспустил штаны.

Вошел в меня с низким рыком. Я же не сдержалась и болезненно застонала. Кажется, за последние дни успела отвыкнуть от подобной грубости.

— Демонова глотка, что ж ты такая сухая? Где это гребаное масло?

Отвечать не стала. И так ведь прекрасно знает где. К моему счастью, Лаар оказался достаточно благоразумен, чтобы не пренебрегать советами лекаря, так что заветной баночкой мы пользовались регулярно.

Сзади донеслась сдавленная ругань. Кажется, Лаар испачкал маслом постель и свои собственные вещи. Слишком распалился, чтобы быть аккуратным.

Я бы даже, наверное, порадовалась его неудаче, если бы не стояла на карачках, кверху задом, ожидая пока муж вернется и продолжит.

Жалкая и до отвращения противная самой себе.

А вот раан-хара все более чем устраивало. Я провела в таком положении почти всю ночь. Ждала, что он вот-вот насытится, что ему наконец-то надоест. Но он все не уходил, и в конце концов я не выдержала. Когда Лаар после очередного бурного пика вышел в купальню освежиться, попросту отключилась. Уж не знаю, что он вытворял с моим бранным телом, пока я спала, но когда проснулась, рядом не было ни супруга, ни масла, ни следов нашей близости. Зато имелись ноющее тело и саднящая боль между ног.

Опять...

Рядом сразу появилась Хальди. Карие глаза глядели сочувственно. А мне вдруг захотелось отвернуться, отгородиться от этого взгляда. Все же проще делать вид, что все нормально, чем ловить на себе подобные взоры. И в очередной раз выслушивать, что все наладится.

Ничего не наладится. Глупо думать, что отношение мужа вдруг переменится...

Остаться в покоях я не захотела. После прошедшей ночи сил не было глядеть на широкую кровать под пурпурным балдахином. Помощница помогла мне привести себя в порядок, и мы отправились в сад. Не успели выйти во внутренний двор, как услышала странный шум, доносившийся с той стороны здания. Кажется, там как раз располагалась обширная площадка, выложенная крупными каменными плитами. Когда первый раз увидела то место — не поняла толком его назначения, зато сейчас, выглянув из-за угла здания, узрела довольно примечательную картину.

На площадке перед дворцом выстроилось порядка трех десятков воинов в черных доспехах с отличительным знаком раан-хара на груди.

Личная гвардия Лаара ор Гронта.

Все статные, крепкие, серьезные и собранные. Точно, что не на прогулку собрались. И означать это могло лишь одно — где-то вновь проснулся Цветок Смерти...

Я почувствовала, как горло сдавило спазмом. Где бы ни проросли ядовитые побеги, Цветок всегда нес с собой горе, боль и запустение. Я знала, что это такое, ведь подобная участь постигла мой собственный край. Никому бы не пожелала подобной участи!

— Рани, нам нельзя здесь быть... — Хальди настойчиво потянула меня за руку. — Если хозяин вас увидит, он будет недоволен.

— Почему?

— Здесь много чужих мужчин. Они не должны вас видеть. Раан-хару это не понравится...

Об этом я как-то не подумала...

И с одной стороны, стоило послушаться Хальди и не высовываться, от греха подальше, а с другой — очень хотелось понаблюдать за приготовлениями.

Вскинула голову и глянула на дворцовую стену.

— Туда ведь выходят окна? Может, понаблюдаем сверху? — и, не дожидаясь ответа, поспешила обратно во дворец. Хальди посеменила следом.

Комнат для подглядывания отыскалась предостаточно. В частности, окна уютного читального зала, что соседствовал с библиотекой, выходили как раз на площадку и расположившиеся прямо за ней конюшни. Мы с помощницей подвинули к подоконнику небольшую банкетку и, забравшись на нее с ногами, стали следить за приготовлениями. Кажется, воины раан-хара как раз проводили перекличку.

Впереди всех шествовал смуглый черноволосый кшатрий. На висках его уже проступила седина, но воин был по-прежнему крепок и походил на закаленного в боях матерого волка. Он обошел всех подчиненных, проверяя готовность каждого. Отдал несколько коротких приказов.

А потом и сам, подобно своим людям, выпрямился в струнку, заложив руки за спину, и уставился куда-то вверх. Я переместилась на кушетке, ближе прильнув к окну, стараясь разглядеть, что там происходит.

Вскоре в поле моего зрения появилось новое действующее лицо.

Лаар.

Я узнала его по выбритым вискам и тонкой косичке, спадающей на

шею. Так же, как и остальные воины, раан-хар был облачен в черный доспех. Никаких особых знаков отличия на нем не было: ни гербовой ленты, ни вычурного алого плаща, ничего того, что бы выдавало высокий статус. Но достаточно было одного взгляда, чтобы понять, кто здесь главный. И если кшатрия я сравнила с матерым волком, то сам Лаар походил на атшальского черного тигра. Самого свирепого и беспощадного хищника во всей империи. За обманчиво-мягкими шагами и плавными движениями его скрывались необузданная мощь и разлитый в крови охотничий инстинкт.

И то, как Лаар каждый раз принимался, приходя ко мне, лишь усиливало ассоциацию с диким зверем.

Раан-хар окинул взглядом выстроившихся воинов. Удовлетворившись увиденным, быстрым шагом пересек площадь и остановился рядом с командующим. О чем-то коротко переговорил с тем. Затем подал знак рукой — и все воины как один бросились к конюшням.

Самому Лаару почти сразу подвели коня. Такого же мощного и поджарого, как и он сам. Черная шерсть его, словно воронье крыло, отливала синевой. А темная грива переливалась багряными сполохами. И, да не обманет меня зрение, кажется, глаза у коней и вовсе были красные, словно тлеющие угли в потухшем кострище.

— Хальди, что это за лошади? — спросила отчего-то шепотом, словно боялась быть услышанной толпящимися внизу воинами.

— Это красногривые рысаки. Самые быстрые и выносливые скакуны, каких только можно представить. Поговаривают, что они рождаются в жерле уснувшего вулкана на Роковой горе, не боятся ни огня, ни дыма. А еще питаются мясом и теплой кровью, оттого и глаза у них красные.

— Что, правда? — выдохнула изумленно.

— Не знаю, в конюшни меня не допускают. Там служат лишь специально обученные смотрители. Уж не знаю, что из того вымысел, а что нет. Да только точно известно, что породу эту вывели лично по распоряжению раан-хара.

А вот это удивления как раз и не вызвало. Империя Семи Рек огромна, а раан-хар у нас всего один. И где бы ни пророс Цветок Смерти, Лаару необходимо прибыть на место как можно скорее. Любое промедление может стоить жизни людям, что оказались поблизости.

Раан-хар лихо оседлал коня, похлопал того по крепкой шее, что-то шепнув в мохнатое ухо. Животное радостно заржало в ответ и чуть привстало на дыбы. Лаар тут же натянул поводья, усмиряя коня. А потом вдруг на мгновение настороженно замер и резко развернулся, вскинул

голову, ощупывая взглядом дворцовые окна. Я испуганно отпрянула от стекла.

Всеблагой Ошур, неужели заметил? Казалось, он посмотрел прямо на меня... Или это попросту разыгралось воображение?

Решив понапрасну не рисковать, опустилась на кушетку. Хальди последовала моему примеру. Мы переждали пару минут, и, лишь немного успокоившись, я решила вновь выглянуть в окно. К этому моменту всадники уже образовали стройную шеренгу и под предводительством Лаара ор Гронта темной рекой хлынули в распахнутые ворота. Облаченные в черные доспехи, верхом на красногривых рысаках, они ассоциировались ни с чем иным, как с лавовым потоком, что испепеляет все на своем пути.

И правда, после визита воинов раан-хара на месте зеленых полей и пышных лесов оставалось черное пепелище. Материнскую цветоножку выжигал дар раан-хара, остальные же побеги испокон веков уничтожали огнем. Так было и в моем родном Туэнге. И до сих пор в лесной глуши можно встретить места, усыпанные пеплом. Тем самым пеплом, в который превратился Цветок Смерти. Даже он ядовит и не позволяет расти ничему живому. И по сей день каждое лето мой отец собирает отряд добровольцев для прочесывания лесов и очистки земель от остатков этой дряни.

Во мне вновь вспыхнула череда воспоминаний, пронеслась перед глазами, отозвавшись глухой болью в сердце. Но я тут же задвинула их подальше. С каждым разом делать это становилось все проще. Будто жизнь моя разделилась на два отрезка — до замужества и после. И то, что было «до», постепенно покрывалось паутиной времени, блекло и начинало казаться чем-то нереальным. Будто и не со мной вовсе было...

* * *

Тем вечером раан-хар в мои покои не явился. Насколько я поняла, он и во дворец не вернулся. Я мимолетно порадовалась, что муж в отъезде и что сегодня меня ждет спокойная ночь. В одиночестве. И можно предаваться безделью или лечь пораньше в надежде увидеть цветные сны, в которых не будет боли, не будет отчаяния и беспомощности.

А потом я вспомнила о том, куда отправился Лаар, и сердце жалобно заныло. Ведь если раан-хар не вернулся, значит, где-то там он и его воины борются с Цветком Смерти. Значит, где-то сейчас неспокойно. Страдают люди, напивается отравой земля, чахнут деревья, гибнут рыба и зверье. Как бы ни было тяжело это осознавать, то, что радость для меня, для всех

остальных — беда. Уж лучше бы муж сейчас был здесь, а в остальных уголках империи царило спокойствие.

В конце концов, что такое страдание одного человека по сравнению со страданием целого народа?

Выспаться мне так и не удалось. Сны были невнятные, муторные. И во всех неизменно присутствовал Цветок Смерти. Его побеги устилали землю, ползли, шевелились, словно огромные ядовитые змеи. Я просыпалась в холодном поту, с бешено стучащим сердцем и зачем-то выглядывала в окно. Толку в том не было никакого, ведь выходили мои окна в сад, и узнать, вернулся ли муж, я бы все равно не смогла.

Наступлению утра и нового дня несказанно обрадовалась. Солнечный свет разогнал ночные кошмары, и настроение мое приподнялось.

Хальди же, напротив, выглядела неважно. Еще вчера бодрая и румяная, сегодня она была бледной и нерасторопной. Как оказалось, на сей раз женское недомогание настигло ее. Я предложила наперснице денек передохнуть, уверив, что прогуляться по саду вполне могу и сама, но она категорически отказалась оставлять меня одну.

Я попыталась было настоять, но ничего из этого не вышло. Господин в этом дворце один, меня же, хоть и называют «рани», по факту ни во что не ставят...

В итоге отправились мы вместе. Я взяла с собой книгу и, дабы не утруждать помощницу пешими прогулками, сразу устроилась на скамейке возле прудика. Солнце стояло в зените, яркое и по-летнему теплое. На желтоватых страницах плясали солнечные зайчики. И как я ни старалась, так и не смогла точно понять, откуда они появляются. Разве что отражаются от слюдяных фонариков, которыми увешаны деревья.

Разноцветные карпы плавали совсем близко к берегу, и я не удержалась. Отложила в сторону книгу, скинула сандалии и босиком прошла к кромке воды, опустила ступни. Рыбки тут же прыснули в сторону.

— Рани, вы же простудитесь! — воскликнула наперсница и, вскочив со скамьи, бросилась ко мне. — Вода совсем холодная. А у вас здоровье слабое...

— С чего ты взяла, что у меня слабое здоровье? — удивилась я. Вроде я на здоровье никогда не жаловалась да и выросла на севере, к холоду привыкшая. Вода в быстром Ошуре даже летом, в самую жару, не теплее, чем сейчас в этом прудике. Я еще в детстве тайком от отца умудрялась купаться, а как выросла, так и вовсе перестала таиться.

— Ну так... — Хальди растерялась. Пожала плечами. — Не знаю, но все равно лучше вам не мочить ноги в такую погоду. Не приведи Хонту

застудите себе что-нибудь, меня ж тогда... — Помощница резко замолчала, но я и так поняла ее опасения.

Конечно, вряд ли раан-хар погладит служанку по головке, если вдруг я слягу с болезнью и не смогу исполнять супружеские обязанности. Да и мне самой наверняка придется несладко. Так что я благоразумно решила не рисковать. Хоть и было жаль. Рыбешки только-только начали привыкать к моим ногам и стали подплывать ближе. Еще чуть-чуть — и потрогала бы.

Ладно, успею еще. Уже середина весны, а впереди жаркое лето. Если повезет, я, может, в этом прудике и целиком искупаюсь или хоть постою под маленьким искусственным водопадом, что шумит неподалеку.

Хотя... не уверена, что раан-хар позволит мне такую вольность. Кажется, о детских шалостях мне стоит забыть навсегда.

Вынула ступни из воды и, стряхнув капли, вознамерилась обуть сандалии. Но кто бы мне дал! Хальди тут же присела на корточки у моих ног и стала вытирать их прямо подолом своего хитона.

— Не надо. Зачем? Сами высохнут, — воспротивилась я, но, как и ожидалось, меня никто не послушал.

Да еще помощница, когда вставала, чуть поморщилась и приложила ладонь к животу.

— Тебе бы полежать.

— Все нормально. Сейчас пройдет, — отмахнулась она и побрела обратно к скамейке.

Я все-таки обулась и, подхватив оставленную книгу, предложила:

— Пойдем лучше в читальную комнату. Что-то солнце больно яркое. Спит, и не считаешь нормально.

На самом деле солнце мне ничуть не мешало. Да и вокруг прудика было полно тенистых мест, но мучить Хальди не хотелось. А в читальном зале полно удобных кресел и низких кушеток — хоть приляжет.

Мы уже собрались отправиться обратно ко дворцу, как вдруг:

— Катара! — окликнули меня, и я вздрогнула от неожиданности.

Последние дни я общалась лишь с наперсницей и не ожидала, что кто-то еще может ко мне обратиться. А еще очень непривычно было слышать собственное имя: Хальди и другие служанки обращалась ко мне исключительно «рани». Лаар же и вовсе никак не называл.

Я даже не была уверена, что он знает мое имя. Оно словно осталось в прошлом. Там, в покинутом навсегда Туэнге. И сейчас звучало словно отголосок прежней жизни.

Обернулась и увидела идущего по дорожке тар Сириша. Он был привычно облачен в просторную хламиду из дорогой ткани и увешан

звонящими браслетами.

Я была рада появлению Ведающего. Я не видела его с самой свадьбы и, кажется, успела соскучиться. Мне не хватало его веселых рассказов, историй, полных приключений и казусов. Да и просто я была рада возможности хоть какого-то общения.

— Здравствуй, Катара, — поприветствовал Ведающий и протянул мне обе руки. Я, не задумываясь, вложила в них ладони.

— Небесной благодати, тар Сириш. Не думала, что увижу вас вновь.

— Ну что ты. Мы теперь будем часто видеться. Я уезжал по делам, но теперь вернулся.

Слава Ошуру, хоть одна хорошая новость за все дни!

— Прогуляемся? — предложил Ведающий, а я покосилась на Хальди. Тащить помощницу за собой не хотелось.

— Конечно, — ответила старцу и обратилась к наперснице: — Хальди, отправляйся в покои. Приготовь мне пока купальню. Хочу сегодня сделать целебную маску из белой глины. Мы с тар Сиришем немного пройдемся, и я сразу вернусь.

Помощница замялась. Видно было, что она не горит желанием покидать меня. Но, видимо, присутствие Ведающего сыграло свою роль, и Хальди все-таки отправилась выполнять мое распоряжение.

Мы же с тар Сиришем неспешно двинулись по мощеной тропинке, петляющей меж цветущих вишен и магнолий. Что примечательно, ни на тех, ни на других деревьях почти не было листьев, зато цветы усыпали голые ветки, словно ягоды облепили в осеннюю пору.

Эта часть сада была сплошь раскрашена светло-розовыми оттенками, полностью вытеснившими зелень. Даже земля и та была устлана лепестками, не дающими пробиться весенней траве.

— Как тебе понравился дворец? — начал тар Сириш, и я порадовалось столь простому вопросу.

— Он просто удивительный! — ответила искренне. И с нескрываемым восторгом принялась расписывать здешние красоты. Конечно, Ведающий и сам прекрасно обо всем знал. Но возможность выговориться, поделиться впечатлениями хоть с кем-нибудь небезразличным заставляла меня говорить и говорить. Захлебываясь в эмоциях, путаясь в словах и деталях, тут же извиняясь за собственные оплошности.

Прервалась я лишь тогда, когда от неугомонной болтовни сбилось дыхание.

Ведающий смотрел на меня с улыбкой, по-отечески тепло и участливо. И я в который раз порадовалась, что он вернулся. Возможно, теперь моя

жизнь не будет такой горькой, как прежде. Тар Сириш был словно лучик солнца, несущий свет и тепло. И в этом тепле хотелось греться как можно дольше.

— Я рад, что тебе понравилось в резиденции раан-хара. А что сам хозяин? Не обижает тебя?

Я замялась и... отвела глаза.

— Нет. Все хорошо.

Жаловаться Ведающему на мужа было неловко. Да и, как приговаривала няня, выносить сор из избы — последнее дело. Ни одна благородная дама себе такого не позволит. Вот и я промолчала, хотя жуть как хотелось поплакаться. И непременно просить тар Сириша, чтобы увез меня отсюда.

Куда угодно, лишь бы не оставаться в этом аду.

Кажется, мой ответ собеседника не удовлетворил. Конечно, он же Ведающий, а Ведающие видят много дальше, чем обычные люди. И наверняка прекрасно чувствуют ложь.

Тар Сириш укоризненно покачал головой, а потом потянулся ко мне и коснулся пальцами браслета на предплечье. Странно, но я совершенно забыла о подарке старца. Не снимала его ни разу за все время и даже купалась, кажется, с ним. Слово браслет и вовсе сросся с кожей, став частью меня.

А еще, помнится, изначально он был бело-серебристый. Сейчас же украшение потемнело и налилось изнутри пугающим багрянцем.

Несколько мгновений Ведающий гладил металлический обод и чем дальше, тем сильнее хмурился. Потом наконец отстранился.

— Не беспокойся, все наладится. Я поговорю с твоим мужем, как только он вернется.

— Что вы, не стоит! — тут же запаниковала я.

Во-первых, стало жутко неловко, что кто-то посторонний станет разговаривать с раан-харом обо мне. А во-вторых, я могла лишь догадываться, насколько много о наших отношениях теперь знает Ведающий. Все же их Дар имеет множество граней, начиная от чтения ауры и эмоций собеседника до предсказания будущего. Да еще этот непонятный браслет — уверена, старец не просто так мне его подарил.

— Доверься мне, дитя мое.

Ведающий ободряюще улыбнулся и сжал мою ладонь. И сразу стало так спокойно, так легко. Я и вправду перестала волноваться. В конце концов, тар Сириш взрослый, мудрый человек, не мне говорить ему, что и как делать. Да и от моего мнения все равно ничего не зависит.

В итоге я окончательно успокоилась, и мы вернулись к непринужденной беседе. Еще немного погуляли по саду, обнаружив пару новых, прежде неизведанных мной уголков. Поболтали о том о сем — Ведающий с легкостью находил интересные темы для разговора. И через какое-то время я совершенно позабыла о намерении старца поговорить с раан-харом.

Мы вернулись обратно к пруду, и тар Сириш поспешил откланяться, сославшись на неотложные дела.

— Тебя проводить в покои? — поинтересовался он перед уходом.

— Что вы, не стоит. Я сама без труда найду дорогу. Тем более я хотела еще немного посидеть, — кивнула на резную скамейку.

Ведающий с поклоном удалился, я же и правда устроилась на скамейке. Вытянула ноги и подставила лицо солнцу. У нас в Туэнге такого яркого солнца не бывает даже летом. Оттого кожа у меня совсем светлая. А здешние обитатели все сплошь загорелые, смуглые. Уж очень сильно я от них отличаюсь.

Я немного так посидела, размышляя на разные темы. А потом в голову пришла неожиданная идея. Я ведь сейчас совсем одна, рядом нет ни многочисленных служанок, ни наперсницы. И тар Сириш уже исчез из поля зрения...

Так почему бы не воспользоваться случаем и не сходить туда, куда в обычное время прохода мне нет. Глянуть хоть одним глазком. Все-таки никак мне не давали покоя дальний конец сада и постройки, что виднелись за деревьями.

А тут выдался такой удачный момент, чтобы проверить свои сомнения!

Я воровато огляделась, проверяя, нет ли поблизости Природников или кого-нибудь из прислуги. И, убедившись в отсутствии оных, неторопливо встала и как ни в чем не бывало пошла по мощеной дорожке. Если кого встречу — сделаю вид, что просто гуляю. А что забрела далеко — так это совершенно случайно вышло. С такой вот мыслью я уверенно шла в нужном направлении, лишь изредка прислушиваясь и вертя головой по сторонам. Слава Ошуру, на пути никого не встретилось. Словно сама судьба благоволила моей затее.

И вот уже вдалеке показались двускатные крыши, замелькали меж деревьев светлые стены домов. Я пошла медленнее — все же было немного страшно. Не зря ведь мне запрещено сюда соваться, значит, есть там что-то, не предназначенное для моих глаз. Или я попросту себя накручиваю и здесь действительно живет прислуга? Да что-то дома у них больно богатые. И где-то рядом журчит вода. Значит, поблизости родник или еще один

водопадик.

— Эй! Псс... — раздалось откуда-то сбоку, и я испуганно замерла.

— Сюда! — донесся громкий шепот, и, обернувшись на звук, я увидела мелькнувшее меж ветвей яркое сареи.

Тяжело сглотнула и, набравшись смелости, шагнула с дорожки. Обошла вставший на пути развесистый куст акации, высматривая того, кто звал меня. И чуть не взвизгнула от неожиданности, когда этот кто-то схватил меня за локоть и потянул в заросли.

— Тише! Не бойся! Тебя никто не видел? — затараторила девушка, когда мы оказались в укромном уголке, скрытые от посторонних глаз густым кустарником.

Ростом она была чуть пониже меня, темноволосая, молоденькая. Наверное, моя ровесница или около того. И на лбу у нее, так же как и у меня, красовалась брачная метка — красный рубин в оправе золотых кружев. Что бы мне ни говорили, а девушка эта была отнюдь не служанка.

— Вроде нет. Я одна пришла. А ты... — Я собиралась было спросить девушку, кто она и как здесь оказалась, но не успела.

— Ты должна бежать отсюда! — перебила незнакомка. Выглядела она взволнованно и то и дело с опаской косилась по сторонам. — Раан-хар он... он погубит тебя. Тебе нельзя оставаться.

— Но как? Почему?

— Слишком долго объяснять. Просто поверь мне и беги из дворца как можно скорее. Пока еще не поздно!

Девушка вновь опасливо выглянула из нашего укрытия.

— Я должна идти, меня могут хватиться.

И почти в тот же миг издали раздался призывный женский голос:

— Мелира!..

И незнакомка рванула прочь. Но у меня было еще столько вопросов!

— погоди! — машинально ухватила за край ее сареи, и тяжелая ткань соскользнула вниз, обнажая плечо и несколько воспаленных красных пятен на ключице.

— Я не могу. Просто беги. И ни в коем случае не давай ему касаться себя, слышишь? — напоследок бросила девушка и скрылась меж деревьев.

Я же словно приросла к тому месту, где стояла.

Сердце билось набатом. А перед глазами стояли красные пятна, и эхом звучал в голове голос: «Он погубит тебя».

Полночная звезда, и что же мне теперь делать?

Лаар

На сей раз обошлось малой кровью. Цветок пророс в густонаселенной местности, в черте города, и заметили его еще на стадии ростка. Так что справиться с напастью не составило труда, и Лаар вернулся в резиденцию уже к ночи второго дня. Уставший, невымытый с дороги, он хотел скорее отправиться в купальню, а потом и к молодой жене — расслабиться.

Но в собственных покоях его ожидал гость. И не сказать, чтобы Лаар был этому гостю очень рад.

— Ты уже вернулся? — бросил он тар Сиришу, на ходу снимая походное обмундирование.

— Как видишь.

— Ну, и как съездил? Проводил наставника в последний путь? — Раан-хар усмехнулся.

А вот Ведающий оставался на удивление серьезен.

— Твоя ирония неуместна. И да, тар Грэль отправился на тот Берег.

— И ты пришел среди ночи, чтобы сообщить мне об этом?

Лаар наконец освободился от доспеха и следом стянул с пропотевшего тела тунику. Швырнул в дальний конец комнаты.

— И да, и нет, — спокойно ответил Ведающий, за многие годы службы у раан-хара привыкший к подобному тону. — Собственно, я хотел поделиться с тобой тем, что он сказал перед смертью. — Лаар даже остановился. Повернулся к собеседнику и внимательно посмотрел на того, ожидая продолжения. — В последние минуты тар Грэль уже был не в себе. Бредил. Но я думаю, он все же что-то видел. Он постоянно говорил о Цветке.

Раан-хар напрягся. Тар Грэль был сильным Ведающим. В былые годы он служил при самом императоре, и видения его частенько позволяли правителю принять единственно верное решение.

— Так вот... Он все время повторял, что Цветок несет смерть...

— Тоже мне открытие!

— ... И вместе с тем он даст жизнь.

— Что за бред? Этот твой Грэль к концу жизни, кажется, совсем спятил. — Лаар недовольно фыркнул и продолжил раздеваться.

— Я так не думаю. — Ведающий задумчиво почесал короткую бороду. — Цветок несет смерть, он же даст жизнь. Тут должен быть какой-

то смысл... — вполголоса повторил он.

— Слушай, если это все, что ты хотел мне сказать, то будь добр продолжить свои измышления в другом месте. Я хочу искупаться. А еще моя дорогая супруга, кажется, заждалась...

Ведающий тут же вскинулся, будто вспомнил что-то важное. Лаар же сделал вид, что не заметил. Стащил оставшийся сапог и, проигнорировав собеседника, отправился в купальню. Тар Сириш направился следом.

— Кстати, по поводу новой жены. Я не хочу лезть в твою личную жизнь, Лаар, но ты бы поласковее с ней.

— Что, пожаловалась? Или уже успел повесить на нее свою цацку?

Раан-хар открутил вентиль с горячей водой и тут же сунул руку под тугую струю. Отер лицо, а следом обмыл и взмокшую шею.

— Не цацку, а оберег! — возразил старец, стараясь перекрычать шум льющейся воды. — И не делай вид, что не заметил его. Как и того, что браслет налился краснотой.

— Не присматривался. И вообще, что-то твои обереги еще никого не сберегли, — саркастично бросил раан-хар.

— Они имеют другое назначение, и вообще, мы сейчас не об этом. Лаар, ты взрослый мужчина, и не мне учить тебя, как обращаться с женщинами. Но то, что ты делаешь с этой девочкой... Она ведь совсем еще дитя. Нежная, ранимая и...

— А нечего привозить мне детей! — вдруг вспыхнул Лаар. — Нашел бы кого постарше! И поопытнее!

— Ты сам прекрасно знаешь, что это невозможно. Подходящих девушек очень мало. И нам очень повезло, что мы нашли хотя бы ее.

— Я рад. И, как ты заметил, с радостью пользуюсь твоим подарком.

Ничуть не смущаясь старца, Лаар скинул оставшуюся одежду и залез в купель. Откинул голову на полукруглый бортик, блаженно прикрыл глаза.

Ведающий нахмурился.

— Хочешь, чтобы она тебя ненавидела?

— Угу, пусть начинает прямо сейчас, — не открывая глаз, бросил раан-хар.

— Это нечестно, Лаар.

— Это честно! — вновь вспыхнул хозяин покоев. Во взгляде его сквозило раздражение, этот разговор начинал ему изрядно надоедать. — А нечестно — давать пустые обещания, ложную надежду и обманывать чужие ожидания! Я и не обманываю.

— Лаар...

— Что Лаар? Ты сам ее привез. Сам отдал мне. Теперь не лезь. Я буду

делать то, что считаю нужным. И вообще, ехал бы ты сразу искать новую. А то жду по несколько месяцев, а потом выслушиваю претензии по поводу собственной несдержанности.

— Никуда я не поеду. Я нужен здесь. У этой девочки большой потенциал. Думаю, на этот раз все получится. — Ведающий говорил степенно и размеренно. Спокойствию его могла бы позавидовать и каменная глыба.

Раан-хара же подобный тон выводил из себя.

— О предыдущих женах ты говорил то же самое, — фыркнул он.

— Сейчас все иначе.

— А по-моему, ты просто дуришь меня, чтобы не мотаться по стране. Сидеть на нагретом местечке, поди, куда приятнее. Что, староват стал для моих поручений?

— При чем тут это? — Ведающий все же не сдержался и всплеснул руками. — Дело вовсе не во мне... Лаар, ты бы слышал, что говорят люди. Это уже двенадцатая девушка. У императора и то жен меньше. Ты даже не представляешь, какие домыслы ходят в народе! А представь, что скажут люди, если мы станем искать жен постоянно?

— Посмотрим, что они скажут, когда в империи не станет раан-хара, — угрожающе выдавил Лаар.

— Мне не нравится твой настрой! Ты еще молод, и отчаиваться рано. И тем более не стоит вымещать свою злость на этой девочке. Загубишь ведь...

— Я так и так ее загублю, — выдохнул раан-хар и с головой погрузился в исходящую паром воду.

ГЛАВА 5

Я уже успела задремать, когда в покои ворвалась Хальди, растормошила меня и сообщила, что раан-хар вернулся во дворец.

Сон сразу как рукой сняло. Я испуганно вскочила с постели и вслед за наперсницей посеменила в купальню. Приезд раан-хара оказался неожиданностью, и, конечно же, я не была готова к встрече с ним. Ни физически, ни морально.

Остаток дня прошел в мучениях. Все никак не шло из головы предостережение той девушки. И чем больше я об этом думала, тем глубже проникал в душу страх.

Всеблагой Ошур, и почему она толком ничего не объяснила? Не сказала, чего конкретно мне стоит опасаться? Только ли дело в грубости раан-хара? Или, может, те красные пятна на теле девушки тоже результат знакомства с Лааром...

Мысли все крутились в голове, а я начинала мелко трястись, предчувствуя нашу встречу. Благо хоть традиционного купания с обмазыванием глиной и маслами удалось избежать. Я лишь быстро обмылась, просушила волосы полотенцем и, облаченная в шелковый халат, осталась ждать мужа в спальне. Хальди поспешила удалиться. И лишь с ее уходом меня окончательно поглотила паника. Все же при помощнице я старалась держать себя в руках. Улыбалась и разговаривала как ни в чем не бывало. А теперь, когда осталась одна, заметалась по комнате, словно загнанный в клетку зверь, совершенно не представляя, что предпринять.

Да еще Лаар не спешил приходить. И чем дольше я ждала, тем сильнее накручивала себя.

«Он погубит тебя, — звучал в голове предостерегающий голос. — Не давай ему касаться себя».

Знать бы еще, как этого избежать? В раболепскую позу я вставать была не намерена. Но даже и без этого знала, что раан-хар набросится на меня, как только почувствует запах. Он всегда принюхивался, когда заходил. И после с шумом втягивал воздух у моей шеи.

Стоило подумать об этом, как меня внезапно осенило: запах! Ну конечно! Если буду пахнуть неподобающе, Лаар меня не захочет и, стало быть, не станет трогать.

Идея показалась превосходной, и, толком не задумываясь о последствиях, я рванула к стенному шкафу. Где-то глубоко в его недрах

хранились вещи, привезенные из Туэнга. Среди них отыскался и стеклянный флакончик с духами. Я аккуратно открыла крышечку, и по спальне поплыл нежный запах лесных ландышей. С удовольствием втянула любимый аромат, а потом капнула немного духов на палец. Мазнула по яремной впадинке, а потом еще чуть-чуть за ухом. Быстро закрыла крышечку и спрятала духи меж вещей. Заперла шкаф.

Вовремя. Почти в тот же миг входная дверь распахнулась, и на пороге возник Лаар. Я только и успела, что опрометью скользнуть к кровати и усесться на самый краешек. И тут же встала, встречая мужа легким поклоном.

Лаар притворил дверь, прошел в покои и через два шага потрясенно замер. Принюхался. Я видела, как часто раздуваются широкие ноздри, как он весь подбирается, словно зверь перед прыжком, а лицо его стремительно мрачнеет.

Мне понадобилось немало сил, чтобы сохранить бесстрастное выражение лица. Еще больше понадобилось, чтобы ответить на следующий вопрос мужа:

— Чем здесь воняет?

— Прошу прощения... Я ничего не чувствую. — Показательно повертела головой по сторонам и постаралась изобразить полнейшее непонимание.

Помнится, в детстве, когда мои манеры были далеки от совершенства, я позволяла себе подобные шалости. Частенько водила доверчивую няню за нос — например, притворялась спящей, а сама среди ночи сбегала во двор или на конюшню, проведать свою любимую лошадку Звездочку. А вытворив какую-нибудь пакость, глядела на нее честными-пречестными глазами и уверяла, что совершенно ни при чем.

С возрастом я, конечно, поумнела, да и няня стала куда прозорливее, и с детскими проказами было покончено. И кто бы знал, что несколько лет спустя, во дворце самого Лаара ор Гронта, мне придется вспомнить былое.

Жаль только, раан-хар ничуть не походил на добродушную няню. И наверняка наказание от него можно получить куда строже, чем стояние на горохе. А значит, стоит сильно постараться, чтобы моя игра выглядела убедительно.

— Неужели? — угрожающе протянул мужчина и медленно двинулся на меня. — А по-моему, запах исходит именно от тебя!

— Ах, вы об этом!

Вскинула брови и как можно шире распахнула глаза, изображая удивление. Следом невинно улыбнулась, и кто бы знал, как тяжело далась

мне эта улыбка. Под суровым взглядом мужа, глядящего исподлобья, хотелось сжаться в комочек. Или того хуже — опуститься на колени и повинно склонить голову. Но отступать было поздно.

— Это лесные ландыши. Мой любимый аромат, я привезла из Туэнга. Здесь наверняка таких нет, и я подумала...

— Разве тебя не предупредили, — резко перебил раан-хар, — что я не приемлю посторонних запахов?

— Ох... я... я, видно, запаматовала... — А вот теперь настала пора повинно склонить голову. — Простите, раан-хар, этого больше не повторится...

— Разумеется, не повторится! — сквозь зубы прошипел он и резко подался в сторону. За несколько шагов пересек комнату и рывком распахнул дверь купальной.

Весьма красноречивое приглашение.

Раан-хар смотрел выжидающе, до меня же постепенно начала доходить вся глубина собственной глупости.

И с чего я только взяла, что, почуяв запах, Лаар уйдет? Ведь куда проще отправить меня мыться, чем ждать до завтра. С его-то нетерпением...

Полночная звезда, кажется, здесь, во дворце, я потеряла последние остатки здравомыслия.

Раан-хар ждал, и я послушно прошла в купальню. Вздогнула, когда услышала, как сзади захлопнулись двери. Обернулась и наткнулась взглядом на стоящего за спиной мужчину.

О боги, он что, собрался смотреть, как я буду купаться?

От волнения мгновенно вспотели ладони, а по спине, напротив, прошелся холодок. Присутствие раан-хара заставляло нервничать. И ежедневная процедура омовения грозила стать настоящим испытанием для моего самообладания.

Переборов себя, аккуратно двинулась к купальной чаше и уже потянулась к вентилю, собираясь пустить воду, как Лаар неожиданно остановил:

— Так слишком долго.

Он вдруг схватил меня за запястье и потащил за перегородку, облицованную мелкой золотистой мозаикой. Прямо в халате втолкнул в небольшой закуток и крутанул вентиль. На голову хлынул дождь. Даже целый ливень из обжигающе-горячих тугих струй.

— Ай, горячо! — взвизгнула я, шарахаясь в сторону.

Лаар рыкнул какое-то ругательство и поспешил добавить холодной

воды. Я облегченно выдохнула. Поначалу подумалось, что разозлившийся раан-хар сварит меня в кипятке. Слава богам, обошлось.

Текущая со лба вода застилала глаза, и я смахнула ее рукой, пытаюсь разглядеть, что происходит вокруг. Халат мой уже был насквозь мокрым. Тонкая ткань прилипла к телу, обрисовывая округлости фигуры и вызывая неотвратимое желание стыдливо прикрыться. Что я, собственно, и сделала, обхватив себя руками.

Зато Лаар был по-прежнему сухим и, держась поодаль от брызгающих во все стороны капель, неторопливо раздевался.

Полночная звезда, неужели же он собрался мыться вместе со мной?

В первый момент я запаниковала, совершенно не зная, чего ожидать от мужа и как себя вести. А потом мое внимание сосредоточилось на ином.

Невероятно, но за все время я ни разу не видела мужа обнаженным. Обычно он полностью гасил свет в спальне, да и брал меня всегда сзади, так что не было возможности рассмотреть его.

Зато теперь все было видно превосходно. И как бы сильно я ни боялась раан-хара, сколь бы сильно ни презирала, сейчас я не могла отвести от него глаз. Сердце прыгало в груди, словно ополоумевшее, а в горле, несмотря на висящую в воздухе влагу, пересохло.

Я тяжело сглотнула и скользнула взглядом по обнаженному мужскому телу. Крепкому, мощному, с литыми мышцами, что перекатывались под смуглой кожей. Взгляд прошелся по рельефному животу, а потом надолго задержался на левой руке. От самого плеча и до запястья руку раан-хара обвивала огромная татуировка — зелено-черная змея с раскрытой во всю ширь пастью. Словно готовящаяся вогнать острые зубы в мягкую плоть.

Еще одна татуировка была у раан-хара на ключице — вязь древних символов, складывающихся в какую-то замысловатую фразу. Но как я ни старалась, не смогла понять ее смысла.

Впрочем, очень скоро мне стало не до надписи. Муж принялся стаскивать брюки, а я почувствовала, как мучительно краснею. Щеки пылали от смущения, и даже лившаяся сверху вода не могла остудить этот жар.

Я попыталась отвести глаза. Сосредоточиться хоть на чем-нибудь постороннем. Но взгляд все равно возвращался к обнаженному раан-хару. Скользил по широкой груди, сильным рукам с проступающими жилами вен. И неотвратно останавливался на мужском достоинстве — столь внушительном, что мною вновь овладел страх. И немудрено, что мне было так больно. Я вообще слабо представляла, как смогла вместить в себя такое! И что-то подсказывало, что совсем скоро мне доведется пережить

это вновь...

Разоблачившись, Лаар ступил под льющийся с потолка дождь и, прожигая меня голодным взглядом, дернул пояс халата. Стащил с моих плеч мокрую ткань, отшвырнул в угол. Потянулся к маленькой полочке, на которой покоились мыльные принадлежности. Взял щетку и флакон с мыльным раствором. Взбил густую пену.

Все движения его были неспешны и размеренны, и лишь только взгляд потемневших до черноты глаз выдавал истинные эмоции раан-хара да напрягшийся мужской орган красноречиво свидетельствовал о желаниях мужа.

Лаар схватил меня за плечо, резко развернул и, откинув со спины волосы, принялся собственноручно намыливать.

От такого поворота я, мягко говоря, растерялась. А еще поняла, что сильно ошибалась, когда думала, что омывальщицы хотят содрать с меня кожу. Их жалкие потуги не шли ни в какое сравнение с тем, с какой силой тер меня раан-хар. В каждом его движении чувствовались злость и нетерпение. Словно он смывал с меня не запах духов, а, по меньшей мере, чужие прикосновения.

Кожа между лопаток уже попросту горела, и льющаяся сверху вода вновь казалась обжигающе-горячей.

В какой-то момент я все же не выдержала.

— Больно, — пискнула приглушенно и подумала, что за шумом льющейся воды Лаар попросту меня не услышит.

Но нет, услышал!..

Остановился резко. Рука его, держащая щетку, замерла на моей спине. А потом щетка и вовсе исчезла, отправившись все в тот же дальний угол — и что за дурацкая привычка все швырять? Спины же коснулась большая мужская ладонь.

А то, что произошло дальше, пожалуй, не могло присниться даже в самом невероятном сне. Потому как Лаар ор Гронта вдруг стал намыливать меня руками!

Я чувствовала, как его скользкие от мыла ладони проходят по моим лопаткам, скользят по плечам. Обрисовывают контур бедер и гладят ягодицы. С нажимом проводят по животу, а потом спускаются ниже. Я судорожно стиснула ноги, пытаясь хоть немного задержать наглые мужские руки.

Но раан-хара это лишь позабавило. Я услышала, как он хмыкнул над ухом и, все-таки пробравшись ладонью меж сведенных ног, принялся тщательно меня мыть.

Полночная звезда, неужели же он думает, что я и там могла подуться? Или он просто так изощренно издевается?

Стоило об этом подумать, как пальцы раан-хара тронули какую-то крайне чувствительную точку, и я непроизвольно вскрикнула. Дернулась вперед — и чудом высвободилась из его объятий.

Правда, ненадолго.

Лаар тут же поймал меня за талию и дернул обратно к себе. Накрыв обеими ладонями холмики груди. Сжал с наслаждением и еще теснее прильнул ко мне сзади. Притерся пахом, в полной мере демонстрируя свою готовность. Пришлось выставить вперед руки и опереться на стену, чтобы не упасть от его напора.

Лаар, кажется, тоже подумал об опоре. Толкнул меня бедрами, заставляя сделать шаг вперед, и вовсе вжал в стену.

В отличие от горячей воды, настенная плитка была прохладной. От контраста температур по телу прошла волна дрожи. И тут же сменилась дрожью иной.

Я почувствовала, как мужской орган ткнулся в мое лоно. И снова чувство полной незащищенности и вместе с тем безысходности охватило с головой.

— Сегодня обойдемся без масла, не против? — в самое ухо шепнул Лаар и надавил, сильно и вместе с тем плавно входя в меня.

Странно, но сухо на сей раз не было. То ли от того, что вокруг вода, то ли по другой, неясной мне причине. Да и привычной боли я не ощутила. Лишь противно скреблись кошки на душе — он опять брал меня сзади и вдавливал грудью в холодную плитку, не думая о том, что мне может быть неприятно. А потом в какой-то момент и вовсе намотал на ладонь мокрые волосы и потянул к себе, заставляя запрокинуть назад голову.

Тугие струи били по спине, вода лилась в лицо, застила глаза и вынуждая дышать ртом, чтобы ненароком не захлебнуться. А Лаар все тянул на себя, вжимался в меня бедрами, издавая низкие рокочущие звуки. Дышал так часто, что казалось, сердце его вот-вот выскочит из груди. И без того горячий влажный воздух вокруг нас сгущался, и я сама уже с трудом дышала, вместо воздуха ловя губами мокрые капли.

Лаар низко утробно зарычал и содрогнулся всем телом, выплескиваясь внутри меня. А потом отпустил. Разжал руку, освобождая мои волосы, позволяя обессиленно прильнуть щекой к стене. Сам же ткнулся лбом в мое плечо, с трудом переводя дыхание. Мышцы его были по-прежнему напряжены. И отголоски минувшего наслаждения отдавались легкой дрожью в теле.

Я стояла, не смея шевельнуться. Ноги чуть подрагивали от напряжения, от неудобного положения занемела поясница, и хотелось потянуться, размять затекшие мышцы. Но я упрямо стояла, ожидая, пока раан-хар придет в себя, и раздумывала, что же будет дальше. Я была четко уверена, что он захочет продолжить. Одного раза мужу всегда было мало. Оставался лишь вопрос: где? Здесь, под льющимся на голову дождем, или все же в постели?

Раан-хар, как всегда, удивил. Отлепился от меня и, подобрав вещи, вышел вон из купальни. Кажется, даже вытереться не удосужился, так и ушел мокрым.

Я наскоро обмылась, стирая с себя следы недавней близости и, обернувшись в широкий лоскут ткани, осторожно выглянула наружу. В спальне мужа не оказалось. Кажется, ушел насовсем. По крайней мере, сегодня.

Облегченно выдохнула. Все же затея с духами оказалась не так безнадежна, как мне показалось поначалу. Да и Лаар сегодня был сам не свой. Гладил меня, трогал так, как не трогал никогда прежде. Будто приоткрылась маленькая щелочка, показывая кусочек чего-то настоящего. Истинных эмоций, истинных желаний.

А я впервые поймала себя на мысли, что толком ничего не знаю о муже. Не представляю, чем и как он живет. И если все останется как есть, то так никогда и не узнаю.

* * *

Утром проснулась от шуршания и шепотков, доносящихся из-за занавесей балдахина. На ночь я привыкла закрываться. Все же служанки приходят в покои рановато, а мне после визитов мужа всегда требуется отдых.

Но сегодня, хоть и легла рано, спала я плохо. Все время ворочалась. В голове крутились неясные образы, обрывки воспоминаний. Сны были тяжелые и муторные.

«Он погубит тебя», — эхом звучало в голове.

«Не давай ему касаться себя».

И словно в доказательство — красные пятна на нежной коже. Перепуганный взгляд той девушки. А ведь она еще так молода и красива. Отчего же так скоро стала ему не нужна? И причиной ли тому болезнь? Множество вопросов, словно назойливые осы, роились в голове. Жалили

болезненно, сея в душе страх и сомнения. И пытливый мозг все старался найти выход, хоть крошечную лазейку, что поможет избежать незавидной участи.

Пытаться бежать? Глупо. Даже если сумею выскользнуть за пределы резиденции, одна в незнакомом городе я долго не продержусь. Просить помощи у Сириша? Тоже не имеет смысла. Наверняка он в курсе того, что здесь творится. Захотел бы — давно помог.

Остается разве что Хальди. Она, конечно, во всем подчиняется раан-хару. Но в остальном моя наперсница девушка добрая, отзывчивая. И если не поможет делом, то, возможно, хотя бы расскажет, что знает. А уж я подумаю, как дальше быть.

С такой вот мыслью я и проснулась.

И каково же было мое удивление, когда Хальди, что привычно дежурила у моей постели в этот час, я не застала.

Вокруг же толпилось множество незнакомых служанок. Пара из них, увидев, что я проснулась, испуганно подскочила на месте. Я сначала не поняла такой реакции, а потом заметила, что стенной шкаф открыт и сумка моя, привезенная из дома, лежит на полу. А одна из девушек роется в ней.

— Что вы делаете? — непонимающе вскинулась и вновь попыталась отыскать глазами Хальди. Но среди многочисленных прислужниц ее не было.

Зато вперед выступила крупная, чуть поноватая дама. Кажется, она была одной из тех, кто готовил меня к смотринам.

— Доброе утро, рани. — Женщина чуть склонилась, остальные же вернулись к своим делам и обшариванию сумки в том числе.

— Что здесь происходит? И где Хальди?

— Раан-хар велел ее заменить. Теперь вашей наперсницей будет Ашта.

Рядом тут же возникла темноволосая девушка с густыми смоляными бровями, что явно нуждались в прореживании. Согнулась в низком поклоне.

— Но я не хочу новую наперсницу... — моргнула растерянно, еще не до конца понимая, что происходит. — Верните Хальди.

— Увы, но это распоряжение раан-хара. Не нам с ним спорить, — словно заученную фразу, произнесла старшая из служанок.

— А в моих вещах вы роетесь тоже по распоряжению раан-хара?

Я вскочила с постели и метнулась к своей сумке. Служанка, что рылась в ней, как раз добралась до флакона с духами, крепко сжала его в ладони и спрятала за спину.

Я требовательно протянула ладонь.

— Верни сейчас же!

Прислужница затравленно глянула на старшую.

— Извините, рани. Но от этого поручено избавиться.

Флакон мой перекочевал к дородной даме, и, не обращая внимания на мой гневный вид, она спрятала духи в складках хитона.

— Не смейте! — крикнула я.

Внутри бурлила совершенно не свойственная мне злость. А еще — обида и раздражение. Отчаяние вперемешку с решимостью. Будто отрывали от сердца самое дорогое, что у меня есть. Отчасти это и было так. Ведь вещи, привезенные из Туэнга, по сути, последнее, что у меня осталось в память о доме.

— Это моя вещь! Вы не имеете права! Только попробуйте его выбросить, и тогда я... я... обещаю, жизнь ваша будет несладкой!

Прислужница заколебалась. Толстые пальцы ее смяли неброскую ткань хитона, а сама она закусила губу, усиленно размышляя. Потом все же пошла на уступку:

— Хорошо, я передам флакон раан-хару. Если он сочтет нужным, вернет его вам.

Просто замечательно! Еще не хватало выпрашивать свои духи у Лаара!

Полночная звезда, неужели же мое слово в этом доме и вправду ничего не значит? Даже слуги и те позволяют себе мною командовать...

Служанки меж тем споро убрали учиненный беспорядок, сбились стайкой и дружно выпорхнули из покоев. Осталась лишь Ашта, застилающая мою смятую постель.

— Так где Хальди? — требовательно спросила я. В отличие от той дородной дамочки эта служанка выглядела куда более покорной.

Она тотчас повернулась ко мне, но в ответ на мой вопрос лишь пожала плечами. А я внимательнее присмотрелась к ней. Вроде выглядит как все служанки. Одежда простая, но опрятная, волосы собраны в тугую прическу, на теле никаких украшений. Но вот в ворота нижней рубахи мелькнуло темное пятно.

— Повернись.

Я отогнула край воротника, и взгляд мой сразу наткнулся на черную метку на шее девушки.

— Ты что, рабыня?

Ашта кивнула.

Прелестно...

Мало того, что моя прежняя помощница невесть куда пропала. Так еще в качестве новой наперсницы мне прислали рабыню! Неужели же раан-хар

настолько меня не уважает?

— И что, много у раан-хара рабов? — поинтересовалась язвительно.

Конечно, девушка была ни в чем не виновата. Не ей оспаривать распоряжения Лаара ор Гронта. Но мне отчего-то дико хотелось нагругить. Выплеснуть свои злость и раздражение.

Неважно на кого.

Ашта вновь промолчала и пожала плечами.

— Отвечай нормально! — вскипела я. — Или язык проглотила?!

Девнца потупила глаза, а потом вдруг начала интенсивно жестикулировать, пытаясь мне что-то... объяснить? Полночная звезда, она что же...

— Ты немая? — спросила потрясенно, а помощница усиленно закивала.

У меня не нашлось слов. Как, впрочем, и эмоций. Внутри все словно оборвалось, и осталась лишь одна обреченность.

Мало того, что меня забрали из дома, разлучили с родными и заперли в резиденции раан-хара, так теперь еще и лишили простого человеческого общения!

Неужели же Лаара так разозлила моя вчерашняя выходка с духами? Но ведь он все равно получил свое! Зачем же так сурово наказывать?!

Мною овладело какое-то странное оцепенение. Я не знала, что мне теперь делать и с кем говорить. Руки как-то разом опустились. Не хотелось ничего и никого видеть. Я интуитивно направилась в купальню, желая избавиться от общества новой помощницы. Та, разумеется, побежала следом.

— Не ходи за мной, — бросила, не поворачивая головы, но Ашта не послушалась. Вошла в купальню и принялась наполнять чашу.

Я же зашла за перегородку и крутанула вентиль. На голову тут же хлынул искусственный дождь. Я запрокинула голову, подставляя лицо мягким теплым струям. Стараясь отрешиться, забыть хоть ненадолго, где нахожусь. Расслабиться.

Но в голову, как назло, лезли совершенно ненужные воспоминания: сильные руки Лаара на моей талии, его ладони, скользящие по спине, жадные и в то же время ласковые, изучающие.

Странно, но я только сейчас поняла, что его прикосновения были мне приятны. Мне нравилось все, что он делал... делал до того, как прижал меня грудью к холодной плитке и занялся удовлетворением себя, любимого!

Всеблагой Ошур, чем только я провинилась перед тобой? Чем

заслужила столь незавидную судьбу? Почему должна терпеть все эти мучения? И не ждет ли меня впереди еще более страшная участь?

Вопросов было множество, и, увы, ответа ни на один из них я не знала...

* * *

Немного успокоившись и придя в себя, я все же решилась выйти из покоев. Какой смысл сидеть взаперти, все равно это ничем мне не поможет.

С помощницей почти не разговаривала. Ее нечленораздельные мычания и бурная жестикуляция утомляли невероятно, а потому я сочла лучшим и вовсе помолчать. Уж лучше общаться с книгами, они хоть тоже не имеют голоса, но, в отличие от Ашты, умеют говорить...

Правда, до библиотеки я так и не добралась. Стоило выйти в просторную галерею, как мы с помощницей наткнулась на Ведающего.

— Здравствуй, дитя мое, — с привычной мягкой улыбкой поприветствовал старец. Протянул мне обе руки, и я послушно вложила в них свои ладони.

Тар Сириш тут же нахмурился, посмотрел на меня обеспокоенно.

— Что-то случилось?

Я хотела было ответить, что все в порядке и ему не о чем волноваться. Но язык словно прирос к нёбу. И очень вовремя вспомнилось, что Ведающий без труда распознает мою ложь. Да и не могла я беззаботно улыбаться, когда на душе так погано.

А потому, вместо того чтобы отделаться от расспросов старца, лишь усиленно закивала и как на духу выложила ему все, что стряслось. И уже даже не важно было, что подумает о том новая наперсница. Все равно она немая — даже если захочет, не расскажет никому о моей слабости. А мне просто жизненно необходимо было выговориться!

— Ну что ты, милая, не стоит так расстраиваться. — Ведающий взял мою ладонь обеими руками и ободряюще сжал. — Я уверен, все поправимо.

— Правда? — Я отерла выступившую в уголке глаза слезинку. — Вы можете вернуть Хальди?

— Сам-то я вряд ли могу что-то сделать, все же это распоряжение раан-хара. Не мне с ними спорить. Но... — Ведающий развернулся и подхватил меня под локоть. — Мы могли бы с ним поговорить!

Что? Поговорить? С Лааром?

Я потрясенно уставилась на старца, но тот выглядел совершенно беспечным. Видимо, подобное для него было в порядке вещей.

— Уверен, Лаар все поймет и пойдет навстречу своей рани.

Тар Сириш повлек меня за собой, а я с ужасом думала о том, что мне придется вновь увидеться с мужем. И, возможно, даже говорить с ним. Впрочем, я очень надеялась, что эту роль возьмет на себя Ведающий.

В конце концов, я всего лишь женщина. Мой удел подчиняться. А вот ко мнению тар Сириша муж вполне может прислушаться.

Мы направились в западное крыло дворца, где, насколько я помнила, и располагались покои Лаара. Хальди в самую первую нашу прогулку приводила меня сюда. Но после я предпочитала в это крыло не соваться, потому сейчас меня не покидало ощущение, будто я здесь впервые. Все вокруг казалось новым и неизведанным, и оттого я еще больше начинала волноваться. Сердце грохотало в груди, и ладони привычно вспотели. А когда мы остановились у добротной двустворчатой двери, меня и вовсе пробил мелкая дрожь.

Тар Сириш похлопал меня по ладони и добродушно улыбнулся. Двое стражников распахнули широкие створки, и, сглотив вставший в горле ком, я перешагнула порог.

Вопреки моим страхам, хозяина внутри не оказалось. Перед нами предстала просторная гостевая комната, выполненная в бордово-золотистых тонах. Совершенно пустынная и не сулящая никаких потрясений.

Я уже было порадовалась, что мужа нет и мы сейчас уйдем. Но Ведающий потянул меня в сторону, к одной из дверей, ведущих в смежные комнаты, и коротко постучал.

Не дожидаясь ответа, толкнул тяжелую створку, и почти сразу я услышала недовольный голос Лаара:

— Что-то ты зачистил, Сириш. Или вспомнил еще что-то... — Раанхар осекся, встретившись со мной взглядом: как я ни старалась, спрятаться за спиной Ведающего не вышло.

Странно, я думала, муж разозлится, увидев меня. Но лицо его приобрело заинтересованный вид, а сам Лаар даже отложил бумагу, которую до этого сосредоточенно изучал.

— Нет, ничего нового я тебе, увы, рассказать не смогу, — ответил Ведающий, заводя меня внутрь.

Комната эта оказалась рабочим кабинетом раан-хара. С левой стороны располагалось множество стеллажей, забитых книгами и рукописями. По правую же руку висела огромная, размером во всю стену, карта империи.

Пожалуй, никогда прежде мне не доводилось видеть плана столь подробного и точного. А еще вся она была утыкана разноцветными флажками. Кое-где были даже приколоты крохотные клочки бумаги с какими-то заметками.

— А вот твоя дражайшая супруга хотела бы с тобой поговорить.

Я тут же забыла о карте. Сердце ухнуло в пятки, и почему-то вдруг стало тяжело дышать, будто в комнате разом закончился весь воздух.

Не ожидала, что тар Сириш вот так сразу даст слово мне. Или так и было задумано? Похоже, они тут все любители поиздеваться!

— Да? И о чем же? — Мне показалось или тон голоса Лаара стал язвительным?

Ох, и как тут говорить, когда он смотрит так пристально и колко. У меня от одного этого взгляда подкашиваются ноги. А язык и вовсе прирос к нёбу — не отлепить.

— Я слушаю, — поторопил хозяин кабинета и, скрестив руки на груди, оперся бедром на край письменного стола.

Полночная звезда, прошу, дай мне сил!

— Я... я хотела сказать... то есть спросить, — начала несмело. Но, хоть и с трудом, все же взяла себя в руки и закончила уже более уверенно: — Где моя наперсница?

Лаар усмехнулся.

— По-моему, она стоит как раз у тебя за спиной!

Я тотчас обернулась. За спиной у меня и впрямь стояла помощница — Ашта. Странно, я почему-то думала, что она осталась ждать снаружи. Совсем перестала замечать, что творится вокруг со всеми этими страхами.

На мгновение растерялась, позабыв, зачем сюда пришла. А Лаар глядел все так же выжидающе и, кажется, чуточку насмешливо. Конечно, не может же он не понимать, что я хотела узнать совершенно о другом. Наверняка специально притворяется, чтобы потешиться над своей пугливой рани.

Всеблагой Ошур, и когда я только успела стать такой? Робкой, нерешительной, зашуганной, словно трусливая мышь. Неужели же и слова ему сказать не посмею?

Бросила взгляд на Ведающего в поисках поддержки. Тот махнул рукой, мол, продолжай. Ну да, а что еще мне остается? Набрала в грудь побольше воздуха и вновь заговорила:

— Я имела в виду свою прежнюю наперсницу — Хальди. Вы распорядились ее заменить. Не знаю, почему так произошло, но мне бы хотелось ее вернуть.

— Нет! — резко выпалил Лаар, заставив меня вздрогнуть.

— Но почему?

— Она не справляется со своими обязанностями, — отчеканил мужчина, а я поспешила встать на защиту наперсницы. Уж не знаю, за что конкретно Лаар ее невзлюбил, но не хотелось, чтобы девушку наказали.

— Уверяю вас, она прекрасно со всем справляется и полностью меня устра...

— Если все так прекрасно, тогда расскажи мне, как ты оказалась в дальнем конце сада, куда ходить было не велено?

Сердце пропустило удар. О боги, так он знает?! Но меня же никто не видел! Я проверяла. Разве что та девушка, Мелира, вдруг обмолвилась...

— Думаешь, если меня нет рядом, я не знаю, где ты и чем занимаешься? — меж тем продолжил муж. И тон голоса его не сулил ничего хорошего. — У меня сотни глаз и ушей, малышка. Повсюду, во дворце и за его пределами. И если тебе кажется, что рядом никого нет, это не значит, что за тобой не наблюдают, поняла?

— Да, мой господин. — Я повинно опустила глаза в пол. Краем глаза заметила, как задумчиво и вместе с тем хмуро глядит тар Сириш. — Прошу простить мне мою неосторожность. Я залюбовалась садом и случайно зашла слишком далеко.

— Избавь меня от своих объяснений. Мне неинтересно. Я всего лишь хочу, чтобы мои распоряжения в точности исполнялись. Надеюсь, впредь у тебя не будет с этим трудностей?

Я, конечно же, согласилась, и на этом наш разговор был завершен. После всего случившегося спрашивать у раан-хара про духи просто не осмелилась. Так и ушла ни с чем, в который раз пожалев, что вообще посмела к нему явиться. Впрочем, теперь я хотя бы знала, что за мной следят. А значит, впредь поостерегусь делать глупости.

* * *

Лаар

Подобной дерзости Лаар не ожидал. Уж от кого от кого, а не от этой тихой мышки. А ведь казалась такой покорной, такой покладистой. Так нет же — пожаловалась Сиришу.

А ее выходка с духами?

Конечно, Лаар ни на секунду не поверил в то, что это была

случайность. Проверяла его реакцию? Хотела избежать исполнения супружеского долга?

Смешно, право слово!

И следовало наказать девчонку. Вот только в своем желании проучить Лаар свернул совсем не туда. Поддался соблазну. А потом ругал себя остаток ночи.

В любом случае за девчонкой стоило присмотреть — как бы чего не выкинула. Правильно сделал, что приставил к ней рабыню. Та, в отличие от вольной, точно не позволит себе ни на шаг отойти от рани.

— Она действительно ходила в дальний конец сада? — неожиданно вырвал из размышлений голос Ведающего — Лаар почти успел забыть о его присутствии.

— Да, один из моих стражей видел ее вблизи женской части.

— Так она заходила туда? Видела кого-то?

— Не знаю. — Лаар дернул щекой. — И вообще, чего ты спрашиваешь? Кто из нас Ведающий? Выведай! Тем более, как я посмотрю, вы изрядно сблизились..

— А ты ревнуешь? — Тар Сириш усмехнулся, но раан-хар на его подколку не отреагировал. Лишь отвернулся, не желая продолжать разговор. — Знаешь, приставить к девушке немую совсем уж не людски... Она же так и говорить разучится.

— Вот и прекрасно. Я, знаешь ли, предпочитаю, когда женщина молчит. А рот открывает только для того, чтобы сделать приятное мне!

Тар Сириш лишь сочувственно покачал головой. Он и правда видел куда больше, чем остальные люди. И даже в переменившемся настроении раан-хара мог распознать начало грядущих перемен...

ГЛАВА 6

Следующие несколько дней я не находила покоя. Тяжелые думы все никак не шли из головы. И мыслями я постоянно возвращалась к незнакомке, что поймала меня в саду.

«Он погубит тебя», — звучало в голове ее предостережение, а сама я понимала, что оно уже начало сбываться.

По крайней мере, чувствовала я себя отвратительно. Нет, на здоровье жаловаться не приходилось. Но никогда еще мне не было так одиноко и муторно. Тоска, появившаяся после ухода Хальди, острыми клыками вгрызалась в душу и грозила выжечь меня изнутри.

Да еще тар Сириш, единственный, с кем я могла свободно говорить, как назло, отлучился по делам, лишив меня даже этой крохотной радости в жизни.

Цветущий сад больше не восхищал, разноцветные карпы не радовали глаз, а трели певчих птиц не ласкали слух. Все приелось, стало безразличным и блеклым.

Раан-хар был по-прежнему холоден со мной. И хоть приходил регулярно, редко когда задерживался на всю ночь. Видимо, охладел, насытился моим телом. И с одной стороны, я была этому рада, а с другой — боялась, что вскоре меня настигнет участь других жен. И от этой мысли было совершенно невыносимо...

И вскоре я поняла, что выход у меня лишь один — бежать из дворца!

С каждым днем эта идея, что прежде тлела крохотным огоньком внутри, разгоралась все ярче, вытесняя все остальные мысли и эмоции.

И хоть я и вела себя смирно, демонстрируя полную покорность, каждый день, каждую свободную минутку я старалась использовать, чтобы как можно больше узнать о резиденции. Узнать о местных порядках, здешних обитателях, а главное, понять, если ли шанс сбежать из этой золотой клетки.

Территорию резиденции опоясывала каменная стена в два моих роста. В принципе, высота не большая. В юности я любила лазать по деревьям и, помнится, забиралась куда выше. Только вот на стене, в отличие от деревьев, веток нет. А забраться по гладкой поверхности, как ни крути, невозможно. Для меня так точно.

О том, чтобы выскользнуть через ворота, и речи не шло. Что парадные, что западные врата находились под неустанной охраной стражей раан-хара.

Все, что оставалось, — изучать неприступное строение, обходя метр за метром, в надежде найти хоть какую-то лазейку. Вот только сделать это, не вызвав подозрений, было крайне трудно.

Ашта буквально следовала за мной по пятам. А еще я помнила предупреждение раан-хара, что за мной следят. И теперь за каждым поворотом, за каждым кустом мне мерещились чужие тени. Но сколько ни оглядывалась, сколько ни пыталась поймать взглядом хоть кого-то, так ничего и не вышло. Видимо, это была всего лишь игра воображения. А вот часовые, что обходили владения раан-хара, были реальнее некуда.

Я впервые заметила их вблизи западных ворот. И потом еще много раз наблюдала из окон читальной комнаты, что как раз выходили к площадке для построений.

— Ашта, ты не могла бы принести мне манускрипт по истории империи Семи Рек с четвертого по седьмой век, — просила я помощницу, каждый раз выбирая одну из книг, что покоились на верхних полках библиотеки.

Я успела неплохо изучить каталог и нарочно гоняла Ашту, чтобы выкроить время для своих наблюдений. И на маленьком листочке остро заточенным грифелем делала пометки и вскоре уже точно знала, сколько времени требуется стражам на обход по границам владений, в какие часы происходит смена караула и другие мелочи, которые впоследствии могли бы мне пригодиться. Листочек с записями я прятала в одной из книг, которую, уходя из библиотеки, лично ставила на полку. Книга эта являла собой сборник народных сказаний, из тех, что часто читают детям перед сном, и я здраво полагала, что ни раан-хар, ни кто другой из его свиты подобной книгой не заинтересуется.

Лазейка в стене тоже нашлась случайно. Точнее, не в самой стене, а на ее поверхности. Однажды мы с помощницей гуляли близ искусственного водопада. Сделан он был таким образом, что прямо за стеной воды располагалось небольшое углубление вроде пещерки, и зайти туда было можно, даже не намокнув. Вода стекает по большому плоскому камню над головой и с шумом падает в купель. При желании из укрытия можно дотянуться до ледяных струй или вовсе подставить спину и хорошенько ополоснуться.

Что я, собственно, и сделала.

Только вот протянула не руку, а ногу. Чуть приподняла подол и коснулась мыском воды. Ледяные брызги полетели во все стороны. Водой обдало и меня, и Ашту. Девушка испуганно охнула. Я же рассмеялась, словно ребенок, радуясь своей выходке. В иной ситуации мне бы стало

стыдно за такое поведение, но сейчас было откровенно плевать. Ашта все равно меня не выдаст. А вот промокший насквозь подол сареи был отличным поводом, чтобы изучить ближайшие кусты под предлогом смены наряда.

Помощница, увидав, что я насквозь промокла, сразу потащила меня прочь от водопада и, активно жестикулируя, всеми силами попыталась уговорить меня вернуться во дворец. Но я сделала вид, что не поняла ее намеков, — все же были свои плюсы в том, что наперсница немая. И вместо того, чтобы отправиться сушиться в свои покои, повлекла девушку прочь с дорожки, в густые заросли какого-то кустарника.

— Ничего страшного. На таком солнце я вмиг высохну. Надо только ткань отжать. Я вот тут спрячусь, чтобы никто не увидел ненароком, а ты покарауль, — и с этими словами я принялась раскручивать сареи.

Аште оставалось лишь подчиниться — не потащит же она меня в неглиже обратно на людные дорожки! И пока девушка хмурилась и охала себе под нос, отжимая промокшую ткань моего наряда, я внимательно глядела по сторонам. До стены отсюда было рукой подать — светлая, оштукатуренная поверхность проглядывала меж тонких стволов садовых деревьев. И тут я заметила нечто необычное.

Часть стены была раскрашена яркими красками, но понять отсюда, что там изображено, не получалось. А потому, как только Ашта закончила выжимать ткань и помогла мне облачиться в сареи, я поспешила удовлетворить свое любопытство.

— Ах, что это там?! — воскликнула делано-удивленно и кинулась к рисунку.

При ближайшем рассмотрении это оказалось даже не рисунком, а яркой объемной лепкой, изображавшей красно-золотого водяного дракона. Такие традиционные изображения и барельефы у нас называют Хранителями. Они призваны оберегать обитателей дома, отводить от него беды. В моем родном замке на одной из стен красуется огромный усатый сом. Цветной и выпуклый — он всегда привлекал мое внимание. Ребенком я любила подолгу смотреть на него, ощупывать искусно вырезанные чешуйки. В моем родном Туэнге Хранителями чаще всего выступают крупные рыбы. Здесь же, на юге, куда более распространены водяные драконы или зубастые кайманы.

И конкретно этот дракон стал моей находкой. Я провела рукой по гибкому каменному телу, ощупывая выпуклости барельефа. И пусть выступы не такие уж и большие, но если постараться, вполне можно зацепиться и даже есть куда поставить ногу.

Внутри загорелся радостный огонек. Кажется, сама судьба благоволит моему решению! Остается лишь выбрать момент для осуществления созревшего в голове плана.

* * *

Лаар

— Я слушаю, — кинул Лаар, даже не глядя на девушку, что в полночный час неуверенно топталась на пороге его кабинета.

— Что именно вы бы хотели знать, раан-хар?

Лаар с трудом сдержал тяжкий вздох.

И почему ему постоянно нужно все объяснять? Неужели так трудно самой сообразить и кратко выдать нужную информацию? Не задерживая ни себя, ни тем более его.

— По-моему, я приставил тебя к своей жене с конкретной целью. Или забыла?

— Что вы, господин. Я помню, — чересчур поспешно выпалила служанка. — Вы велели не спускать с рани глаз и докладывать обо всех подозрительных вещах.

— Ну так? Было что-то подозрительное?

— Да, господин, — скромно доложила рабыня, и Лаар мгновенно напрягся. — Она много времени проводит в библиотеке, и выбор книг рани довольно... странный.

— В каком смысле? — Лаар даже обернулся и внимательно глянул на девушку, что дрожащими от волнения руками комкала ткань хитона.

— Ну, за последнюю неделю она брала книги по истории империи древних веков, также по военному искусству и медицине, в том числе основы препарирования... — Девушка тяжело сглотнула. — А еще вчера затребовала «Притяжения полов» и «Пороки любви».

Лаар с трудом подавил истеричный смешок. И вправду весьма занимательный выбор... А два последних названия... Признаться честно, раан-хар даже не подозревал о наличии подобной литературы в своей библиотеке и мимоходом подумал, что стоит туда наведаться.

— Что-то еще? — спросил нетерпеливо, когда служанка, потупившись, замолчала.

— Да, господин. Еще сегодня рани изволила любоваться Драконом-хранителем на внешней стене.

— Просто рассматривала?

— Еще ощупывала. Долго... Мне показалось это странным. И вообще, она довольно часто подходит к стене.

— Так чего ж ты ее не увела?

— Я пыталась... Но это трудно. Тем более что вы запретили мне говорить.

— Я помню! — недовольно бросил Лаар и махнул рукой. — Ладно. Если это все, можешь быть свободна. С рани глаз не спускай.

Рабыня коротко поклонилась и выскользнула из покоев раан-хара. Сам же хозяин устался в окно, задумчиво поглаживая подбородок.

Все это было и впрямь странно. С чего его жене осматривать стену? Неужто в его резиденции нет более интересных мест? Или же она и впрямь что-то задумала?

Да нет, глупость какая... Эта пугливая мышка и шагу не посмеет ступить без его позволения. Все, на что она способна, — пожаловаться Сиришу. И то, скорее всего, Ведающий сам вынудил ее рассказать. Вечно он лезет куда не надо! К тому же резиденция денно и ночью охраняется стражами. И на подступах к женской части теперь тоже стоят дежурные. Так что никуда эта малышка от него не денется.

А вот ее литературные пристрастия весьма заинтриговали раан-хара. Он даже следующего дня ждать не стал. Сразу, как ушла рабыня, отправился в библиотеку.

И каково же было его удивление, когда вместо ожидаемого женского романа под обложкой с названием «Пороки любви» он обнаружил весьма нелюбимое содержание.

Говорилось в книге не о чем ином, как о способах разнообразить постельную жизнь. Причем методы, предлагаемые автором, отличались изрядным садизмом и нездоровой тягой к групповым играм. Лаар наскоро пролистал книженицу и брезгливо отшвырнул ее в сторону. А потом представил, с каким выражением лица его молоденькая рани изучала сей труд, и рассмеялся. Должно быть, теперь она ждет от него нечто подобное!

Прихватить, что ли, с собой в следующий раз веревку или, может, плетъ, какой всадники подгоняют красногривых рысаков, чтобы те мчались быстрее ветра. Забавно было бы посмотреть на реакцию женушки, зайдись он в ее покои с такой «игрушкой» в руке!

Лаар прикрыл глаза, пытаясь представить, что бы он мог сотворить с девчонкой. Но ни плетъ, ни веревка надолго не задержались в его мыслях. Гораздо приятнее раан-хару было представлять собственную жену под искусственным дождем. Когда гладкая кожа ее покрыта крохотными

капельками воды. Мокрая, скользкая и горячая. Такая приятная на ощупь... Жаль, он не успел попробовать, какая она на вкус...

Лаар тряхнул головой.

Эти мысли были определенно лишними. Подобное не должно отвлекать на себя внимание раан-хара. Как и не должна больше повториться та его ошибка. В жизни Лаара ор Гронта давно уже все было четко расписано, распланировано до мелочей, и места для неуместных чувств и глупых мечтаний там точно не осталось.

Мужчина тяжело вздохнул и подумал, что стоит сделать небольшую передышку. Как бы ни была сладка его молодая жена, ему нельзя к ней привыкать. Нельзя привязываться. А значит, не стоит позволять себе даже намека на подобные мысли. И лучше не ходить к девчонке, пока не вернется его хваленый самоконтроль. И так уж сложилось, что у раан-хара порядком накопилось дел. Как раз хватит, чтобы убить пару-тройку ночей и не думать о всяких глупостях.

Лаар подхватил с пола брошенную книгу и швырнул в жаровню. Проследил, как обугливаются на горячих углях желтоватые страницы. Уж что-что, а читать подобное его жене точно не стоит. Еще надумает себе — потом проблем не оберешься.

* * *

Этой ночью Лаар не явился. Впрочем, как и прошлой. Я прождала его целый час, стоя на коленях у постели. Потом ноги затекли, и я несмело поднялась, не веря своему счастью.

Уж не знаю, что было тому причиной — навалившиеся дела или нежелание мужа видеть меня, но такое положение дел было мне только на руку.

На ночь Ашта обычно уходила в свою комнатку и не беспокоила меня до самого утра. Так что сейчас я была совершенно одна и имела все шансы воплотить в жизнь свой план.

Необходимые вещи собрала еще прошлой ночью — небольшую заплечную сумку спрятала глубоко в стенном шкафу. Взяла лишь самое необходимое: сменную одежду да съестные припасы — то, что удалось припрятать во время утренних трапез, проходивших в моих покоях. Надолго этого, конечно, не хватит. Да и признаться честно, я не представляла, что стану делать, выбравшись в город. В Гарраде мне прежде не приходилось бывать. Единственное, что я знала о столице, — что здесь

протекает самая большая и полноводная река всей империи — великий Хонту. А раз есть река, то есть и судоходство, а значит, возможность уплыть из города и вернуться в родной Туэнг.

Не тратя времени на пустые сомнения, начала споро собираться. Первым делом сгребла в сумку драгоценности — будет чем расплатиться за путешествие на ладье, да и вдруг понадобится купить что-то в городе. Затем переоделась. Натянула свободные шаровары, затягивающиеся снизу, и тунику, самую короткую, что нашла в своем гардеробе, — удобство сейчас было превыше всего. На волосы лег широкий палантин неброского оттенка. Я обмотала ткань вокруг шеи и головы, пытаясь как можно лучше скрыть лицо. В Гарраде меня, конечно, никто не знает, но не исключено, что стражи раан-хара кинутся в погоню.

Посмотрела в большое стенное зеркало, окидывая себя придирчивым взглядом, — и чуть не застонала с досады! Сапфир брачной метки блестел слишком ярко, привлекая внимание. И только дурак не оценит стоимость подобного украшения. По одной этой метке во мне узнают жену влиятельного господина. А при том, что в городе я буду одна, без сопровождения, это сразу вызовет подозрение местных жителей и городских стражей. Да и на ладью меня вряд ли посадят без дозволения мужа.

Всеблагой Ошур, что же мне теперь делать?

Выход нашелся только один — избавиться от брачной метки.

Я заколебалась — не рассчитывала, что придется идти на столь кардинальные меры. Да и страшно было — понимала, что резать придется по живому. Но отступить — означало смириться со своей участью. Навсегда остаться в этом дворце и терпеть потребительское отношение мужа. А к этому я точно была не готова. И раз уж решилась на побег, то и на остальное надо решаться.

В купальне имелось тонкое бритвенное лезвие, каким служанки удаляли лишние волосы на моем теле. Лезвие это было достаточно острым, чтобы прорезать кожу. Я приготовила мокрое холодное полотенце и устроилась у небольшого круглого зеркала, над умывальней.

Первый надрез дался почти легко. Лоб обожгло острой болью, и вниз по переносице потекла алая струйка крови. Я с силой сжала зубы, стараясь не застонать. В итоге из горла вырвалось лишь болезненное шипение. Дальше было только хуже. Камень сидел словно влитой, золотыми лапками оправы впиваясь в плоть. Но отступать было некуда. И, преодолевая боль, я потихоньку отковыривала метку. Кровь текла уже по носу, скатывалась по губам и, если бы я не заправила за ворот полотенце, закапала бы и одежду.

А по щекам градом катились слезы. Застилали глаза, мешая нормально видеть. И приходилось смахивать влагу, размазывая по лицу кровь.

Наконец блестящий камень размером с семечку подсолнуха с громким звоном упал в умывальную чашу, а я склонилась над ней, с трудом переводя дыхание. Не верилось, что все вышло. Вот только впереди меня ждало еще одно испытание: не могу же я пуститься в бега с раной на лбу — придется ее обработать, а лучше зашить. И хоть в моих покоях без труда нашлись нитки с иголками, дело это оказалось нелегким. Шов вышел кривым и безобразным. И я чуть было не пожалела о содеянном. Но почти сразу заставила себя вспомнить о том, что уже далеко не девица, и даже если получится вернуться в родной Туэнг, ни одному мужчине там я не буду нужна. Значит, и об испорченной красоте нечего горевать...

Остановив кровь и кое-как отрезившись от саднящей боли, я наконец выглянула из покоев. На сборы ушло много времени, и теперь я боялась не успеть. Дневная смена караула происходит как раз в полдень, а значит, ночная должна была состояться в полночь.

Я глянула на хронометр. В запасе оставалось чуть больше десяти минут, а мне еще нужно выбраться из дворца и добежать до водопада! Надо поспешить.

По полутемным дворцовым коридорам двигалась крадучись. Так и казалось, что кто-нибудь вынырнет из-за поворота, что распахнется дверь или, напротив, за спиной объявится погоня. Но, слава богам, страхи мои не оправдались.

До первого этажа я добралась без происшествий. А дальше передо мной встал выбор: через какие двери лучше выйти в сад? На центральном выходе, которым я обычно пользовалась, стояли стражи. И даже сейчас, в полночный час, они находились на посту.

Я прильнула спиной к стене, пытаюсь утихомирить бешено колотящееся сердце. Хорошо, что двигалась осторожно и догадалась выглянуть из-за поворота, прежде чем ринуться к выходу. Попасться на подобной мелочи было бы до обидного глупо.

Оставалось еще два варианта. Один из выходов располагался в западном крыле, и, скорее всего, им пользовался сам раан-хар. Еще один находился в районе кухонь и хозяйственных помещений и выводил к небольшому скотному двору.

Этот путь был самым длинным, и придется сделать приличный крюк, чтобы попасть со скотного двора к водопаду. Да еще не исключено наткнуться там на кого-нибудь из прислуги. Но делать нечего. Лучше уж столкнуться с прислугой, чем с хозяином дворца.

Как я и опасалась, на кухне в этот час было людно. Еще на подходе я услышала доносящиеся из-за стены голоса кухарок.

Полночная звезда, неужели же на этом мое везение закончилось? Или все же удастся проскочить незамеченной?

Путь мой как раз лежал через столб желтого света, падающего из открытой двери. И тянуть время было бессмысленно — в любой момент оттуда мог кто-то выйти. Так что я поплотнее закуталась в палантин, пряча лицо, и быстрым шагом двинулась к своей цели.

И чуть было не умерла со страха, когда навстречу мне выскочил какой-то прислужник со здоровой котомкой в руках!

Не сбавляя шагу, прошла мимо, молясь всем семи богам, чтобы тот не вздумал меня окликнуть. И боги, кажется, услышали. Парень прошел мимо, сосредоточенный на своей поклаже. На меня даже не глянул.

Я же наконец добралась до дверей и выскочила под ночное звездное небо. В воздухе терпко пахло сушеной травой и животным духом. В кронах деревьев стрекотали неугомонные цикады. Порыв свежего ночного ветра охладил горящие щеки. Отошла чуть в сторону и, скрывшись в тени, прильнула спиной к прохладной шершавой стене. Перевела дыхание.

Не верилось, что все получилось. Первая маленькая победа прибавила уверенности, и, памятуя о времени, я двинулась дальше.

В саду в этот час было темно. Кое-где горели фонарики, но освещали они лишь основные тропинки, я же двигалась меж кустов и деревьев, стараясь не попадать в круги света. Стрелки хронометра перевалили за полночь, а стало быть, новый караул уже двинулся с обходом вдоль стен резиденции. И каким-то немыслимым образом мне нужно было его опередить — добраться до Дракона-хранителя раньше, чем это сделает стража, да еще успеть перебраться на ту сторону стены. И если поначалу я аккуратно кралась по влажной траве, то и дело озираясь и прислушиваясь, то под конец пути уже бежала.

В той части сада было совсем темно, и только шум водопада вывел меня к цели. Дальше сориентировалась легко, до стены отсюда было рукой подать, а цветной Дракон буквально сам попался на глаза. Я поудобнее устроила заплечную сумку на спине и, не тратя времени даром, принялась ощупывать барельеф, примеряясь, за какой выступ лучше зацепиться и куда поставить ногу.

Лезть в сандалиях, хоть они и были сшиты из мягкой кожи, оказалось неудобно — подошвы то и дело соскальзывали с крохотных уступов. Недолго думая, я скинула обувь и убрала ее в сумку. Босиком оказалось проще. Голые ступни не скользили по камню, а чуть влажные пальцы цепко

впивались в расщелины. Жаль только, силы в ладонях было не много, уже спустя пару шагов-подъемов руки стали ныть от перенапряжения. Еще чуть-чуть — и начнут дрожать. Надо было двигаться быстрее, резче, но выбор удачного места, как назло, занимал слишком много времени. А потом выпуклый рисунок и вовсе закончился. До вершины стены оставалось еще с метр, и я попыталась дотянуться до края. Встала на самые мысочки, напрягла все мышцы, вскидывая вверх руку, — впустую. Даже кончиками пальцев не достала...

Резко накатили отчаяние и чувство обреченности.

Всеблагой Ошур, и как же мне теперь быть? Неужели же я так и застряну здесь, всего в шаге от желанной свободы?

Потрясла головой и набрала полные легкие воздуха. Нет, рано сдаваться! Пока не кончились силы и руки еще способны держать, надо пробовать, пытаться. И уж если стоя дотянуться не выходит, то, может, стоит прыгнуть?

* * *

Лаар

Дел у раан-хара и впрямь было невпроворот. Весна уж давно вступила в свои законные права, а значит, Цветок Смерти, дремлющий в зимнюю пору, начнет прорастать чаще. И не только здесь, на юге, но и в самых дальних, северных уголках империи, куда тепло приходит значительно позже.

Лаар стоял, склонившись над картой, пытаясь предугадать, где ждать беды этим летом. Он всегда, сколько себя помнил, делал подробные записи. Отмечал, где и когда просыпался Цветок. Поднимал архивы, доставшиеся ему от отца и деда, сверяясь с данными прошлых лет. Вычислял периодичность и расстояния между очагами произрастания — пытался уловить хоть какую-то закономерность.

Как показывала практика, на прежнем месте новые побеги никогда не появлялись. Там, где умер один Цветок Смерти, другой прорасти не мог. То ли дело было в том, что почва в том месте утратила свое плодородие, то ли Цветок по-прежнему рождался из тех, самых первых семян, что много сотен лет назад были мириадами рассыпаны по землям империи.

О тех временах ходили легенды. И сейчас доподлинно никто не знал, откуда взялись эти смертоносные семена. Но одно было известно точно —

род раан-хара, чья кровь губительна для Цветка Смерти, появился в то же время, еще раз подтверждая непреложную истину, что в мире господствует равновесие и на каждое действие обязательно найдется противодействие.

Раан-хар составил приблизительный список провинций и областей, в которых, по его мнению, в ближайшее время стоило ожидать появления Цветка. Возможно, если послать стражей заблаговременно или предупредить людей о надвигающейся опасности, губительных последствий можно будет избежать. В самом начале, когда материнская цветоножка только проклевывается из земли и корни ее находятся неглубоко от поверхности, с Цветком можно справиться и без участия раан-хара. Достаточно выкорчевать его и сжечь все побеги. Потом же, когда ядовитое растение набирает силу, корни его заполняют целые гектары земли и на столько же уходят вглубь, а надземные побеги гибкими опасными змеями оплетают все живое, без помощи раан-хара не обойтись.

Вот только первые побеги обнаружить крайне трудно. Не станут же люди целыми днями прочесывать леса и поля! А если и станут, то, наткнувшись, могут попросту пройти мимо — молодые ростки легко маскируются под окружающие растения, выдавая себя за листья папоротника или другие вполне безобидные насаждения. Разве что сам Лаар смог бы безошибочно распознать Цветок Смерти, доверившись не только глазам, но и своему сверхчувствительному обонянию.

Если бы только знать точное место...

Увы, но пока это было невозможно. Слишком много вариантов. И Лаару никак не разорваться меж ними.

Тяжкие думы раан-хара прервал короткий стук в дверь. Не дожидаясь позволения войти, в кабинет ворвался один из стражей. Почтительно поклонился, припав на одно колено.

— Что стряслось? — Все внимание Лаара тут же сосредоточилось на подчиненном — без веской причины дозорный не стал бы столь бесцеремонно врываться в его кабинет.

— Ваша жена, раан-хар. Она вышла из дворца. Одна, без сопровождения. Это показалось нам подозрительным.

— Демонова глотка! Что за неугомонная девица? — вспыхнул хозяин, рывком поднимаясь из-за письменного стола.

— За ней наблюдают. Прикажете остановить?

— Не надо. Я сам! — бросил Лаар и в два шага оказался у окна. Распахнул широкие створки и ловко выбрался на узкий парапет. Тратить время на лестничные пролеты и длинные коридоры желания не было. Потому Лаар попросту спрыгнул с парапета, наплевав на высоту второго

этажа, и тут же перекатился по земле, смягчая удар.

Оказавшись внизу, мужчина быстро огляделся, прикидывая, в каком именно месте на стене изображен Хранитель, и, безошибочно определив направление, ринулся туда.

* * *

Первый прыжок не удался. Я так и не достала до края стены и лишь соскользнула вниз, больно приложившись коленом о выступ рисунка. Пришлось начинать все сначала — вновь карабкаться наверх, молясь, чтобы на этот раз вышло. Руки дрожали от перенапряжения, и цепляться за крохотные выступы становилось все труднее. Но все же я добралась до конца рисунка и вновь попыталась дотянуться до цели. Тщетно — иначе, как в прыжке, не достать. Чуть согнула колени, готовясь к решительному броску, и тут за спиной раздалась насмешливое:

— Помочь?

От неожиданности потеряла равновесие и, не удержавшись, рухнула на землю. Потрясла головой, приходя в себя, и тут же наткнулась взглядом на мягкие домашние сандалии стоящего всего в шаге от меня мужчины.

— Далеко собралась? — едко поинтересовался раан-хар и, схватив меня за шкуру, рывком поставил на ноги.

Палантин соскользнул с головы и складками упал на плечи. Я же подняла затравленный взгляд на мужа и тут же отшатнулась от него. Даже в ночной мгле было видно, как наливаются злостью серые глаза. Сначала я не поняла причины столь резкой смены настроения, а потом проследила за взглядом мужчины, что как раз уставился на мой лоб, и сделала еще один крохотный шажочек назад. Увы, дальше отступать было некуда, ибо за спиной оказалась стена, с которой я только что неудачно слетела.

— Ты что натворила? — Раан-хар двинулся на меня и болезненно ухватил за подбородок, когда я попыталась отвернуться. — Совсем из ума выжила?! — гаркнул муж, и мне захотелось зажать уши, чтобы не слышать его громового голоса, что наверняка долетел до всех, даже самых отдаленных уголков сада.

— Как ты посмела? — вновь рявкнул Лаар, и рука его соскользнула с подбородка на шею, сжала болезненно.

Я вцепилась обеими руками в его ладонь, пытаюсь хоть немного отстранить. Воздух с трудом проникал в горло, и, казалось, еще чуть-чуть — и раан-хар вовсе меня задушит!

— Отпусти... — прохрипела на последнем издыхании, чувствуя, как собственное тело перестает слушаться. Легкие горели от недостатка воздуха, а глаза застила мутная пелена, и даже яростное лицо Лаара, что находилось в нескольких дюймах от моего, я уже не могла различить.

Полночная звезда, неужели же меня лишат жизни всего лишь за то, что я посмела вырезать брачную метку? Проступок, конечно, серьезный, но я никак не думала, что раан-хар озверееет настолько, чтобы самолично меня придушить.

И в тот же миг, как я об этом подумала, муж разжал пальцы. Я обессиленно сползла по стене, вновь оказавшись на влажной траве — на четвереньках, словно собака, судорожно глотая ртом воздух. А Лаар стоял надо мной — я буквально кожей ощущала его тяжелый взгляд. И только одним богам известно, что он собирается делать дальше...

— Вставай! — рявкнул раан-хар, когда я более-менее отдышалась.

Не смея перечить, ухватила за прохладную стену и попыталась подняться. Ноги слушались плохо, голова кружилась, и держать равновесие удавалось с трудом.

Лаар тоже это заметил и, не церемонясь, вновь вздернул меня за шкуру. А потом и вовсе нагнулся и перекинул через плечо. Да так и понес ко дворцу вниз головой, не слишком заботясь о том, как это выглядит со стороны.

Всеблагой Ошур, не дай мне умереть от стыда! И от страха... Все же я была не столь наивна, чтобы полагать, будто моя выходка останется безнаказанной. Оставалось лишь молиться, чтобы раан-хар обошелся со мной помягче. А уж если вздумает убивать, то пусть это будет быстро и безболезненно.

Пока мы шли темными аллеями, я чего только не успела передумать. А потом меня оглушил яркий поток света, и я зажмурилась, не в силах открыть глаза. Услышала лишь, как раан-хар обратился к одному из своих стражей.

— Дай ремень, — велел он, и воин беспрекословно подчинился: в ночной тишине дзынькнула металлическая пряжка — и предмет одежды оказался в руках Лаара.

Я покосилась на ремень из-за его спины и с трудом сглотнула. Он был широкий, толстый, кожаный, с металлическими шипастыми вставками по всей длине и тяжелой металлической же пряжкой, что позвякивала при ходьбе. Таким, если хорошенько размахнуться, наверное, и голову можно проломить.

Неужели же муж испробует его на мне?

По телу прошел озноб. Стало совсем не по себе. И мысленно я уже начала подбирать слова извинения, сочинять клятвы, что никогда не посмею нарушить здешних правил, что не буду больше пытаться бежать. Кажется, даже была готова на колени перед ним встать, лишь бы избежать страшной участи.

И сама себе была противна за это трусливое намерение.

Неужели же во мне совсем не осталось гордости? Неужели я готова опуститься так низко? Подчиниться ему, терпеть все его выходки и издевки и смиренно ждать своей участи?

Всеблагой Ошур, неужели же я так сильно боюсь этого мужчину, что готова потерять себя?

Ответа на этот вопрос я не знала. Внутри бурлили противоречивые чувства, и я так и не успела определиться, что стану делать. Мы неожиданно оказались в жилых покоях. Причем не моих и не раан-хара. Обстановка здесь, в отличие от богатого убранства остального дворца, была весьма аскетичная.

Я растерялась, озабоченно вертя головой по сторонам, не понимая, куда меня принесли. Раан-хар же свалил мое тело на кушетку, бросил рядом ремень, заставив вздрогнуть. Сам же принялся копаться во всех подряд шкафах и ящиках, явно что-то выискивая.

Несколько мгновений я непонимающе следила за его метаниями, а потом наконец пришла в себя. В мою сторону Лаар не глядел, а значит, имелся шанс что-то предпринять. В первую очередь покосилась на дверь — далековато... Лаар настигнет раньше, чем я успею открыть ее. Были еще и другие двери, ведущие в смежные комнаты, можно попробовать закрыться там...

И тем самым лишь отсрочить свою участь...

Конечно, я понимала, что рано или поздно Лаар доберется до меня. Что стоит такому выломать тонкую межкомнатную дверь? Раз плюнуть.

Как бы то ни было, все лучше, чем безропотно подчиниться воле мужа. После того, как он застал меня перебирающейся через стену, притворяться покорной и покладистой смысла нет.

Я еще раз глянула на лежащий рядом ремень. Проверила, что муж не следит за мной, и аккуратно потянулась к грозному оружию. Не знаю, что стану с ним делать, но уж лучше эта вещь будет у меня, нежели в руках взбешенного раан-хара.

Я уже дотронулась до грубой кожи, как вдруг мужчина резко выпалил:
— Наконец-то!

Шустро сцапала ремень и спрятала себе за спину. Кажется, Лаар не

заметил. Все его внимание было сосредоточено на небольшой шкатулке, что он нес в руках.

Я не сразу поняла, что это за шкатулка, пока муж не подошел ко мне и, опустившись на колени, не откинул резную лакированную крышку. Внутри оказалось несколько брачных меток разных цветов и тонкий ритуальный нож, которым пользовался Ведающий во время церемонии.

Полночная звезда, только не это!

Не для того я мучилась, через кровь и слезы вырезая треклятую метку, чтобы спустя какой-то час муж вернул ее на место!

Лаар взялся за нож и резко подался вперед, примеряясь к моему лбу. Я не выдержала, выпустила из рук ремень и обеими ладонями уперлась в мужскую грудь.

— Не надо... — всхлипнула испуганно, сама не зная, на что надеюсь.

— Не надо? — сквозь зубы прошипел Лаар и лишь сильнее подался вперед, преодолевая слабое сопротивление. — Не надо, говоришь?

Мужчина болезненно ухватил меня за подбородок, заставляя смотреть себе в глаза. Лицо его было перекошено от злости. На скулах ходили желваки, а широкие ноздри раздувались, словно передо мной был не человек, а, по меньшей мере, разъяренный бык.

И мне было страшно. От одного только его темного взгляда и плотно стиснутых челюстей. От вздувшихся на лбу вен и стальных пальцев, что впивались в подбородок. А уж зажатый в другой руке нож и вовсе вселял панический ужас.

Страх пробирал до самых костей, и казалось, хуже уже быть не может. Но тут Лаар заговорил. Грубо и жестко, ничуть не щадя мои и так расшатанные нервы:

— Хочешь, чтобы я оставил как есть? Может, тебя еще и за ворота выставить? Ты хоть представляешь, что с тобой будет, сунься ты в таком виде среди ночи в город? Да первый же встречный затащит тебя в темную подворотню и сделает с тобой все, что ему заблагорассудится. Оттрахает прямо на голой земле или стоя по уши в помоях и людском дерьме, в окружении шныряющих мимо упитанных крыс. А когда вдоволь наиграется, продаст в самый дешевый бордель, где в тот же день тебя пустят по кругу. Знаешь, как там любят молоденьких девочек вроде тебя? С бархатной кожей и нежными губами? — Лаар невесомо провел ладонью по щеке, а затем, с нажимом, по губам.

А я чувствовала, как эти самые губы начинают дрожать, как наворачиваются на глаза жгучие слезы и в горле встает колючий ком, мешая нормально дышать.

— Порой даже дерутся за право быть первым. Но так или иначе, ты достанешься всем. Каждому, кто готов заплатить серебряный шенг за возможности вогнать в твое юное тело свой член. И ты будешь молить, чтобы хоть один из них был столь добр, чтобы воспользоваться тем самым маслом, которое...

— Хватит! Замолчи... — не выдержала я.

Лаар усмехнулся.

— Что, не нравится? А ведь это суцая правда, крошка. И ты должна быть счастлива, что твой муж столь добр, что вернет на место брачную метку.

С этими словами Лаар вновь ухватил меня за подбородок. Прижал головой к стене, не позволяя шевельнуться, и сразу же резанул по еще свежей ранке, разрывая нити шва.

Я закусила губу, всеми силами пытаюсь не застонать. Но из глаз все равно брызнули слезы. Быстрыми ручьями побежали по щекам.

Муж вытащил из коробки первый попавшийся камень и прижал к кровоточащей ране.

— Аштарра-ар-шаян, — прошептал он, и место вживления, как и в прошлый раз, полыхнуло жаром и неистово закололо.

По лицу моему катился уже целый ливень слез. Я чувствовала соленую влагу на губах. Невольно слизывала ее, не понимая, слезы это или, может, уже кровь. Мокрые капли падали за ворот, грозя насквозь промочить намотанный на шею палантин.

Лаар убрал руку с моего лба, и боль отступила. Но слезы и не думали униматься. Я чувствовала себя раздавленной, беспомощной. А кроме того, еще и полнейшей душой!

Возомнила, что смогу сбежать из дворца? Что самостоятельно доберусь до Туэнга? Как я могла быть столь беспечна, столь наивна?

Раан-хар разом спустил с небес на землю и дал понять, что мне некуда деваться...

И брачная метка, словно клеймо, удостоверяющее, что я собственность Лаара ор Гронта, вновь красовалась над переносицей.

Лаар убрал нож обратно в шкатулку и, поднявшись с колен, двинулся к одному из шкафов, возвращая вещи на место. Я же смиренно сидела, ожидая его возвращения и... дальнейших указаний.

Мыслей о том, чтобы бежать или спрятаться где-нибудь, больше не возникало. Единственное желание, которое осталось, — уединиться где-нибудь в тихом уголке и вдоволь выплакаться.

Но у раан-хара были совсем иные планы. Муж вернулся и стащил с

моей шеи палантин. Прямо им вытер мое мокрое лицо, напрочь испортив платок разводами крови.

— Хватит реветь! — недовольно бросил он, комкая грязную ткань. — Я этого терпеть не могу! — А потом ухватил за запястье и потащил прочь из чужих покоев. Уже у выхода вспомнил про ремень, вернулся и забрал его с кушетки.

Перестать реветь...

Легко сказать.

Неужто он думает, что это можно выполнить вот так — по команде? Впрочем, к другому раан-хар не привык. И, как ни странно, слезы подчинились ему. Высохли на щеках, пока мы шли длинными дворцовыми коридорами. Муж тащил меня за руку — я вяло плелась следом. Эмоции выгорели, страх угас, и ремень в руках Лаара уже не вызывал прежнего ужаса. Какой смысл переживать, если от меня все равно ничего не зависит. Муж поступит так, как считает нужным. Мои слезы или мольбы вызовут лишь раздражение. Как он отреагирует на возможное сопротивление — и вовсе не хотелось думать...

Ровно до тех пор, пока мы не оказались в моих покоях. Лаар с грохотом захлопнул за нами дверь. По спине прошелся легкий озноб, и я неосознанно отступила в глубь комнаты, увеличивая расстояние между собой и мужем.

— Ну, и как мне тебя наказать? — спросил ор Гронта, поигрывая ремнем — массивная пряжка позвякивала от его неторопливых движений.

Раан-хар двигался нарочито медленно и вальяжно. И даже не знаю, чего больше было в его взгляде — ярости или злого предвкушения.

— Иди сюда! — приказал он, я же и не подумала подчиниться. Напротив, еще сильнее попятилась назад, пытаюсь отгородиться широкой кроватью.

Лаар нервно хлестнул ремнем по ладони.

— Я не привык повторять дважды! — с нажимом произнес он, неминутно приближаясь.

— Не надо... — пискнула я, обхватывая руками столбик кровати, пытаюсь скрыться от его пытливого взгляда.

— Надо, дорогуша. Надо... — повторил он и резко метнулся ко мне.

Я рванула прочь. Вокруг этой самой кровати, теперь уже прячась за высоким изголовьем.

Раан-хар рассмеялся.

— А я смотрю, ты осмелела, крошка. Видно, придется заняться твоим воспитанием.

От такой перспективы мне стало совсем дурно. Чувство самосохранения просто вопило об опасности, всеми силами призывая бежать от этого страшного человека.

Вот только куда тут убежишь?

Лаар начал медленно обходить кровать по кругу. Я повторяла его движения, не сводя с мужчины настороженного взгляда. На его губах играла кривая улыбка, глаза блестели от охватившего азарта. Я же чувствовала себя дичью, загнанной в ловушку.

Пульс грохотал в висках, а сердце ломилось в самые ребра, заставляя судорожно глотать ртом воздух.

Не знаю, сколько бы мы так кружили около кровати, если бы в какой-то момент Лаару не надоело. Он вдруг бросился наперерез, в два счета перемахнул через двуспальное ложе и болезненно ухватил меня за руку. Дернул на себя, буквально впечатывая в стальное тело за спиной.

Меня накрыло волной паники, и я начала извиваться, царапаться, пытаюсь вырваться из его стальных объятий. Вопила что есть мочи, кажется, поставив на уши весь дворец, и даже укусила Лаара за руку, что удерживала меня поперек груди. Тот болезненно зашипел, но хватки не ослабил. Напротив, лишь сильнее сжал, еще больше разозлившись.

— Вот же... дикая! Да заткнись ты уже! — крикнул муж, а потом оторвал меня от пола и швырнул на кровать.

Не дав опомниться, придавил сверху своим телом. И тут же перехватил мои руки, завел за спину, заставляя зашипеть от боли, и ловко перемотал запястья тем самым кожаным ремнем с металлическими вставками.

Я попыталась было трепыхнуться, но куда там!

Связали меня на славу, да и сидящий сверху Лаар был слишком тяжел, чтобы я могла шевелиться. И я уже думала, что сейчас все повторится, что раан-хар уже привычно стащит с меня штаны и хорошенько отымеет, чтобы впредь знала свое место. А потому была просто ошарашена, когда он, чуть привстав, крутанул меня на месте, разворачивая лицом к себе, и вполне серьезно спросил:

— Ну что, успокоилась? Или тебе еще ноги связать, чтобы не брыкалась?

Я усиленно замотала головой. Мне и связанных рук хватало. Лежать на них было до боли неудобно. И приходилось выгибаться, чтобы под поясницей оставалось достаточно места для сцепленных кистей. А ввиду сидящего на мне мужчины со стороны это выглядело наверняка вызывающе.

А уж о том, какие мысли бродили в этот момент в голове Лаара, и

вовсе было страшно подумать! Он ухватился за ворот моей туники и рванул ткань в стороны. Та с треском лопнула, разошлась прямо посередине, выставляя напоказ тонкую нательную сорочку, что больше открывала, нежели прятала от пытливого мужского взора.

Я почувствовала, как краска заливает щеки. Казалось бы, чего Лаар там не видел? За полтора месяца супружеской жизни муж не единожды лицезрел меня обнаженной. Но стыдно было, словно в первый раз. Сама не знаю почему...

Наверное, оттого, как он смотрел на меня. Прежде я не замечала за мужем подобных взглядов. Жарких, откровенных, таких, от которых хочется спрятаться и одновременно вставить напоказ еще больше.

Он буквально ощупывал глазами мое тело, я почти физически ощущала это. А потом раан-хар резко схватился за ткань сорочки.

Всеблагой Ошур, неужели же он и ее пустит на лоскуты? Впрочем, сорочки было не жаль. Гораздо больше меня пугало, что Лаар сделает дальше со мной.

— Не надо... Отпусти... — пискнула придушенно и вновь трепыхнулась, в который раз убеждаясь в собственном бессилии.

— Вот еще, — фыркнул мужчина и уже примерился, чтобы дернуть тонкую ткань, как вдруг замер. Нахмурился и, выпустив из рук сорочку, дотронулся до собственной груди.

— Проклятье, как не вовремя! — выплюнул Лаар и живо слез с меня.

Я тут же села на постели, недоуменно наблюдая за мужем. Тот быстрым шагом двинулся к окну, на ходу развязывая шнуровку на горловине туники. Запустил руку за ворот и принялся тереть грудь. Второй же рукой настезь распахнул оконные створки.

В спальню тотчас ворвался прохладный ночной ветер. Взъерошил волосы, подхватил невесомую тюль балдахина. А вслед за ветром в спальню влетел искрящийся шар. Неведомая вещь сделала круг по комнате и замерла в протянутой руке раан-хара, подвластная его воле.

Я присмотрелась повнимательнее и наконец поняла, что это.

Рииш.

Такие есть в любом мало-мальски крупном поселении. Шары моментально доносят весть, откуда бы их ни послали. И служат они лишь одной цели — извещению раан-хара о проснувшемся Цветке Смерти.

Лаар аккуратно провернул верхнюю полусферу, вскрывая металлический шар. Вытащил из сердцевины короткое послание. Быстро пробежал глазами и нахмурился.

— Я должен ехать. Считай, что тебе повезло, — кинул Лаар и быстрым

шагом направился к стене, дернул за крученный шнур, служивший для вызова прислуги.

Ашта явилась незамедлительно. Видать, дежурила у дверей — еще бы, мой крик наверняка разбудил ночующую в соседней комнате помощницу.

— Глаз с нее не спускать! — приказал Лаар, второпях шнуруя тунику. — Если понадобится, ночуй хоть на коврик у кровати. Но чтобы ни на шаг не отходила. Головой отвечаешь! Поняла?!

Рабыня усиленно закивала.

— Я не слышу? Ты поняла?! — гаркнул муж, и вдруг...

— Да, поняла, господин, — ответила она, а я потрясенно замерла, во все глаза уставившись на «немую» помощницу.

Так получается... она... все это время обманывала меня? Лишь только притворялась немой, изводя своим постоянным молчанием и невнятной жестикуляцией.

О, всеблагой Ошур...

Почему? За что? Выходит, Лаар приказал ей... И наверняка она докладывала ему обо всем, что я делала и где была...

О боги! Какая же я идиотка...

Закончив с туникой, Лаар подошел и потянулся к ремню, что все еще сковывал мои запястья. Я невольно отшатнулась, но тут же была притянута обратно.

— Не вздумай делать глупостей, пока меня не будет, — строго проговорил муж и дернул ремень, освобождая руки. — Если я вернусь и вдруг не увижу брачной метки у тебя на лбу, ты даже не представляешь, что я с тобой сделаю...

Угрозы в его голосе было столько, что хоть ножом режь. И у меня не возникло ни единой мысли воспротивиться приказу. Я лишь заторможенно кивнула и, вяло растирая затекшие запястья, проследила, как Лаар с риишем в руке второпях покидает мои покои.

* * *

Лаар

Ладью качало на волнах. Ночной воздух охлаждал лицо, пробирался под тонкую ткань туники, напрочь выдувая все тепло. Конечно, Лаар мог бы одеться, но предпочел этого не делать. Ему нужно было остыть, прийти в себя после всего, что произошло во дворце.

Впереди его ждала встреча с Цветком Смерти. А потому Лаару ор Гронта было жизненно необходимо собраться и успокоиться. Выкинуть из головы все лишнее.

Но как он ни старался, настроиться на серьезный лад не выходило. Перед глазами стояло перепуганное лицо молодой жены. Страх в ее широко распахнутых глазах.

Неужели она и правда думала, что он станет ее бить? Неужто настолько его боится?

Странно, но эта мысль отчего-то была Лаару неприятна. А ведь он сам хотел, чтобы девушка его ненавидела. Сделал все, чтобы она боялась. И все в точности так и вышло. Более того, страх ее был настолько велик, что девчонка отважилась на побег. Никто прежде не решался на подобное.

А эта...

Мало того, что полезла через стену, вырезала брачную метку, что само по себе было верхом дерзости, наглости и... глупости, так еще пыталась драться!

С ним! С самим раан-харом империи Семи Рек!

Кусалась и царапалась, словно дикая кошка! Ну совершенно несносная девица! Дерзкая, строптивая. И тем еще более притягательная для него...

И впервые раан-хар желал как можно скорее вернуться в резиденцию. Удостовериться, что эта крошка не натворит глупостей. Он, конечно, приставил к ней рабыню и перед отъездом дал особые указания своим стражам. Но и этого Лаару казалось мало.

Внутри поселилась странная тревога. И он даже подумал, что стоило взять девицу с собой. Присмотреть лично. Но тут же отринул эту мысль — молодой рани нечего делать в кругу вояк, да и слишком это рискованно — кто знает, какие опасности поджидают их в походе.

Порой бывало, что в борьбе с Цветком даже доблестная гвардия раан-хара, состоящая сплошь из вышколенных тренировками воинов, несла потери. Что уж говорить об обычных, неподготовленных людях.

А рисковать жизнью супруги Лаар был не намерен. Хотя и знал, что та вряд ли проживет долго. Но пока оставался шанс, ее следовало беречь. Не только от Цветка и других внешних опасностей, но, как это ни странно, в первую очередь от нее самой.

ГЛАВА 7

Ашта и впрямь спала на коврике у кровати. Это злило невероятно. И в то же время я чувствовала себя неловко.

С девушкой, после того как открылась правда, я не разговаривала да и в целом старалась не обращать на нее внимания. Слишком неприятным было ее общество. И хоть понимала разумом, что она всего лишь рабыня и полностью подчиняется воле раан-хара, но произошедшее не могла воспринимать иначе, как предательство.

Ведь она тоже женщина! И постоянно находясь рядом, Ашта не могла не видеть, как мне тяжело. Как я изнываю, страдаю без простого человеческого общения. Но она упрямо молчала, лгала мне. И ложь эта болью отдавалась в сердце.

Тем не менее в какой-то момент я не выдержала и предложила помощнице лечь на низкой кушетке, что стояла у стены. Та отказалась и, вопреки здравому смыслу, осталась ночевать на коврике, чем лишь сильнее разозлила меня.

И даже с тар Сиришем, который вскорости вернулся во дворец, не оставляла меня наедине. Так и стояла молчаливой тенью позади нас, не спуская с меня пристального взгляда.

— Говорят, ты пыталась бежать из дворца? — завел разговор Ведающий во время нашей утренней прогулки по саду.

Я, конечно, не была столь наивна, чтобы думать, будто тар Сириш не в курсе последних событий. Но все равно не ожидала, что он так сразу заведет об этом разговор.

— Пыталась. Вот только ничего не вышло, — вздохнула тяжело и откинула за спину толстую косу, украшенную золотыми колечками. Погода стояла теплая, почти что жаркая. И волосы я предпочитала собирать в тугие прически, чтобы не мешали и лишний раз не липли ко лбу.

— И брачная метка, я смотрю, у тебя новая, — хмыкнул собеседник, а я невольно дотронулась рукой до лба. Провела пальцем по гладкому камню.

Эта метка и правда отличалась от прошлой. Не формой, но цветом. На церемонии Ведающий вживлял мне насыщенно-синий сапфир. Сейчас же между моих бровей красовался сине-зеленый изумруд. И хоть Лаар взял украшение наугад, могло показаться, что он предусмотрительно выбирал камень под цвет моих глаз.

— Да, новая, — ответила с заминкой и порадовалась, что Ведающий

не стал выпрашивать, что же случилось со старой.

Да и на кой ему спрашивать, если ответ и так очевиден?

По губам старца скользнула улыбка. Нет, не веселая, отнюдь. Скорее снисходительная, и мне оставалось лишь догадываться, что думает Ведающий обо всех моих выходах.

Хоть не злится и не отчитывает — и то хорошо. Я попробовала было представить тар Сириша с ремнем в руках — и чуть не расхохоталась от комичности воображаемой картинке.

Все же я ему слишком доверяла и полагалась на него, оттого образ разъяренного Ведающего никак не хотел рисоваться в голове. Казалось, этот человек вообще не умеет злиться. И на все вещи смотрит по-своему, с какой-то своей недостижимой высоты. И делает одному ему понятные выводы.

Ох, и как бы мне хотелось рассчитывать на его помощь...

Впрочем, мысли о бегстве я пока оттринула. Лаар был прав — выросшая вдали от большого города, в уединенном замке, под неусыпным вниманием няни и отца, я была не готова ко встрече с внешним миром. И, возможно, на улицах Гаррада меня ожидала еще куда более незавидная участь, нежели в стенах резиденции.

Но хоть я на время и оставила попытки бегства, сдаваться я была не намерена. И уж коли мне придется остаться в этих стенах и исправно выполнять супружеские обязанности, то я твердо вознамерилась выяснить, чем мне это грозит.

Отъезд мужа оказался как нельзя кстати. Он уже три дня как покинул дворец и, кажется, возвращаться пока не собирался. Тар Сириш в разговоре как-то обмолвился, что Лаар и его воины уплыли на ладье, а значит, путь их был недалек. И грех было не воспользоваться отсутствием супруга, чтобы разрешить свои сомнения.

О том, что местная стража или кто-то из прислуги может помешать мне исполнить задуманное, старалась не думать. В конце концов, никто из них не посмеет меня тронуть. Будут ждать возвращения хозяина. И это еще один повод воспользоваться ситуацией.

Начала я с того, что отделалась от назойливой помощницы.

— Ашта, наполни, пожалуйста, купель. Хочу освежиться, — попросила я, как только мы вернулись с утренней прогулки. — Что-то аж упарилась под этим солнцем.

Ашта покосилась на меня удивленно — никогда еще не было такого, чтобы мне приспичило купаться в полдень. Но, как говорится, все когда-то бывает впервые, а потому перечить помощница не посмела. Я же устало

откинулась на кровати, всем своим видом демонстрируя, как вымоталась на прогулке.

— И добавь в воду эфирного масла. Моего любимого — апельсинового. И смотри не перепутай, как в прошлый раз! — пригрозила я, наблюдая, как наперсница удаляется в купальню.

Эфирное масло я еще загодя убрала подальше. Спрятала на самой верхней полочке меж прочих пузырьков и склянок. Пока Ашта будет его искать, я как раз успею улизнуть из покоев.

Дверь в купальную комнату была довольно широкой, двустворчатой, с медной круглой ручкой на каждом полотне. Я шустро сняла с крючка шнур, которым подвязывали балдахин над кроватью, и аккуратно двинулась к дверям. Одна створка была распахнута, и оттуда доносился шум воды и кряхтение Ашты, роющейся на полочках. Неслышно прикрыла дверь и накинула шнур на ручки. Обмотала несколько раз и завязала накрепко, чтобы не оставить и малейшей щели между створками.

Получилось, и, кажется, помощница ничего не заметила. Это хорошо: чем позже она поднимет шум, тем больше у меня шансов ускользнуть незамеченной.

Первая удача прибавила решимости. Кровь кипела в жилах, и сердце бешено прыгало в груди. Жажда действия затмила собой все остальные чувства: страх, осторожность, неуверенность. Единственного человека, которого я боялась до дрожи в коленях, во дворце сегодня не было. А остальные меня мало волновали.

Впрочем, я была не настолько беспечна, чтобы выйти из дворца обычным путем. На сей раз отправилась напрямик в западное крыло. Где-то там точно имелся выход, которым пользуется раан-хар. И выводить он должен как раз к конюшням и площадке для построений.

Западное крыло встретило тишиной и пустотой. Видимо, из-за отсутствия хозяина дворца прислуга сюда не заходила. Даже светильники в коридорах — и те горели через один. Я немного побродила по незнакомым помещениям, выискивая двери в сад. И наконец мои старания были вознаграждены! Более того, как я и предполагала, стражи здесь не оказалось.

Чуть ли не взвизгнув от радости, бросилась к широким створкам. И только подойдя вплотную, узрела, что оные заперты на засов. Отодвинуть массивную железную пластину оказалось делом нелегким. Та поддавалась с трудом — в этом деле явно требовалась грубая мужская сила. Куда уж мне! Но, стиснув зубы, я упрямо тянула засов. И вдруг ладонь неудачно соскользнула — я поранила руку, до крови ободрав кожу о металлические

выступы. Болезненно зашипела и натянула на ладонь рукав туники, унимая жжение.

По большому счету, это было мелочью — всего лишь царапина. Вот только подобные мелочи неминуемо меня задерживали.

Я начала нервничать. В какой-то момент даже показалось, что вся моя затея с треском провалится. Отодвигать засов с пораненной рукой стало еще труднее. И когда наконец получилось, я не могла поверить своему счастью.

Тихонько толкнула тяжелую створку и выглянула наружу. Впереди было открытое пространство — площадка для построений, а чуть левее, насколько мне помнилось, как раз располагались западные ворота, на которых неустанно дежурили часовые. Пересекать со всех сторон просматриваемую площадь было бы сущим безумством, а потому все, что мне оставалось, — двинуться вдоль дворцовой стены, крепко прижимаясь к ней спиной, и молиться, чтобы никому не пришлось в голову пройти мимо или посмотреть в мою сторону.

Удача и на этот раз оказалась на моей стороне, и спустя сотню метров я юркнула в заросли акации, что подходили почти вплотную к дворцовым стенам.

Немного отдышалась и двинулась дальше. Как и в прошлый раз, мощеных дорожек и открытых лужаек старалась избегать. Шла по траве, петляя меж пышных деревьев — благодаря дару Природников они так до сих пор и не отцвели, радуя глаз разнообразием красок, щекоча ноздри нежными, сладкими ароматами.

Солнце стояло в самом зените, пекло макушку, и не будь я одета в совсем тонкую невесомую тунику, наверняка бы спарилась. Дворцовые обитатели в такое время предпочитают не показывать носу на улицу — пережидают пару часов, пока огненный шар опустится к горизонту, а тени от деревьев удлинятся, давая достаточно прохлады и защиты от палящих лучей.

Видимо, именно по этой причине в саду мне никто не встретился. Лишь раз мелькнул меж деревьев силуэт спешащего по делам служки. Я шустро пригнулась, и он пробежал мимо, не заметив меня.

А спустя каких-то несколько минут впереди показались уже знакомые строения из белого камня. Вопреки ожиданиям, меня никто не остановил. Это было настолько странно, что я даже с подозрением покрутила головой, выискивая притаившихся в кустах стражей.

Но нет... Эту часть сада, куда мне строго-настрого было запрещено ходить, никто не охранял. И вскоре я оказалась в уютном парке с журчащим

фонтанчиком и резной беседкой, одну сторону которой полностью оплел гибкий вьюн.

Ничуть не таясь, подошла к фонтанчику и, набрав в ладони воды, ополоснула лицо. И вдруг:

— Рани! Что вы здесь делаете? Вам же запрещено...

Подняла голову и увидела спешащую ко мне со всех ног Хальди со стопкой полотенец в руках. И так обрадовалась неожиданной встрече, что рванула к девушке и заключила ту в крепкие объятия.

— Хальди, как я рада! Ты даже не представляешь!

— Рани, вы должны уйти! Сейчас же! — Бывшая наперсница перехватила мою руку и настойчиво потащила прочь от строений. — Вам нельзя здесь оставаться. Если кто-нибудь вас увидит...

— Я не уйду, пока не выясню, что здесь происходит! — уперлась я и решительно вырвала руку у служанки.

— Рани, вы не понимаете... — начала было уговаривать Хальди и вновь схватила меня за локоть, пытаясь увести подальше, но тут со стороны одного из домов раздалось громкое и уверенное:

— Хальди, оставь.

Мы обе замерли и во все глаза уставились на женщину, что стояла на крыльце центрального строения. Она была облачена в светло-зеленую паранджу, что укрывала тело буквально с головы до пят. Открыты были лишь глаза да кисти рук, унизанные крупными перстнями.

Женщина неспешно спустилась по ступеням и направилась в нашу сторону. Служанка тут же отступила на шаг и почтительно склонила голову.

— Так вот ты какая... — Теплые ореховые глаза рассматривали меня с нескрываемым интересом. А потом женщина обратилась к Хальди: — Что ж, раз у нас гостья, распорядись подать угощение в беседку. И непременно принеси холодного чаю!

Странно, но в голосе говорившей не было ни раздражения, ни злости. Более того, мне показалось, что здешняя хозяйка рада моему появлению. Она повела рукой, приглашая пройти в беседку. Я же на мгновение замялась.

— Простите... Я не хотела вас потревожить. Просто...

— Не надо, не извиняйся, — перебила хозяйка. — Я прекрасно понимаю, зачем ты здесь и какие вопросы тебя мучают.

— Правда?

Я была слегка ошеломлена. Вся эта ситуация, от неторопливой прогулки до прямолинейности моей спутницы, никак не хотела укладываться в голове. Уж не знаю, чего я ожидала, прокравшись в

запретную часть владений раан-хара, но уж точно не чаепития с одной из его жен!

Ведь эта женщина его жена?

Я попыталась рассмотреть ее внимательнее. Но, увы, ответа так и не нашла. Руки ее были ухоженные, молодые. Да и морщин вокруг глаз не наблюдалось. Но двигалась спутница уж очень медленно, будто с трудом, хоть и старалась этого не показать. И тяжело опустилась на низкий диванчик, заваленный парчовыми подушками.

Я присела напротив, сложив руки на низком столике. И только теперь вспомнила о манерах.

— Ох, простите, я не представилась! Меня зовут Катара.

— Кьяра, — в свою очередь назвалась собеседница.

— А вы?.. — Я запнулась, не зная, как бы поделикатнее выразить свою мысль.

Впрочем, этого не понадобилось. Кьяра продолжила сама:

— Старшая жена раан-хара.

Так я и думала. Ну, хоть в чем-то оказалась права!

Откуда-то со стороны послышались тонкие голоса и перешептывания. Я отвлеклась от разглядывания собеседницы и повернулась на звук. Чуть вдали от беседки сбились стайкой несколько девушек. Часть их, так же как старшая жена, были облачены в паранджу, остальные носили уже привычные сареи.

Девушки поглядывали в нашу сторону и о чем-то негромко переговаривались. Видимо, обсуждали мое появление. Мне стало немного неловко, но я все же не удержалась.

— А они, — кивнула в сторону девиц, — тоже жены раан-хара?

Кьяра согласно качнула головой и принялась крутить на пальце массивное кольцо с ярким золотистым топазом.

— А вы... давно женаты? — спросила я, не удержавшись, и тут же виновато опустила глаза на свои сцепленные пальцы. И откуда только набралась наглости?

Хотя с другой стороны, я ведь пришла сюда, чтобы получить ответы на вопросы. А значит, немного наглости не помешает.

— Да уж без малого десять лет. Правда, последние лет девять я не видела Лаара. Впрочем, смею предположить, что он по-прежнему хорош собой.

Кьяра усмехнулась, оставив в покое кольцо, а я ненадолго задумалась.

Хорош собой? Может, и так...

Признаться честно, я об этом особо не думала. Да и какое мне дело до

внешности мужа, когда он ведет себя со мной, как последняя... скотина.

Сама удивилась собственным мыслям. Раньше я даже мысленно не смела обозвать супруга, сейчас же это получилось так легко, словно сломалась какая-то внутренняя преграда. Упала, разом обнажив истинные эмоции и чувства.

И даже не знаю, рада я была этому или нет.

— А почему вы не видите? — тихонько проямлила я и добавила: — Он сюда совсем не приходит?

— Верно, не приходит, — с какой-то горечью в голосе проговорила старшая жена. — И даже если бы захотел, увы, не смог бы.

Она развела руками, а потом глянула в сторону и махнула кому-то. Через пару мгновений у столика появилась служанка и принялась споро расставлять чайный сервиз и всевозможные лакомства.

Передо мной водрузили расписную чашечку, наполнили ярко-багряным каркаде. Я покрутила в руках напиток, понимая, что запуталась еще сильнее. И теперь вопросов стало еще больше, чем прежде.

Ох, Полночная звезда, дай мне сил во всем разобраться.

Пока служанка хлопотала вокруг стола, отпила немного холодного чая. В жаркую погоду лучшее средство, чтобы освежиться и немного успокоиться. Дождалась, пока девушка удалится, и уже хотела продолжить разговор, как Кьяра заговорила первой:

— Надеюсь, Лаар не сильно тебя обижает?

К такому вопросу я была откровенно не готова. Даже вздрогнула, выплеснув немного чая на темную столешницу. Промокнула пятно льняной салфеткой и замаялась, не зная, что ответить.

— Ам-м-м... Ну... — Я закусила губу, судорожно подбирая слова. Но в голову, как назло, ничего не шло.

Врать я больше не могла. Но и расстраивать собеседницу тоже не хотелось — насколько я поняла, к Лаару она относилась по-особому.

Благо Кьяра догадалась обо всем без слов. Вздохнула тяжело и покачала головой.

— Не обижайся на него, милая. Он ведь это не со зла. И действительно считает, что так лучше.

— Только меня спросить забыл... — буркнула под нос, с трудом давя в себе иррациональное желание поспорить.

Может быть, далекие десять лет назад он и был другим. Но боюсь, что сегодняшний Лаар сильно отличается от того, которым помнит его первая жена.

— Ему очень трудно, — мягко, словно уговаривая, произнесла

Кьяра. — Он почти отчаялся, оттого и стал черствым.

— Отчаялся? — не поняла я.

— Именно. Отчаялся завести наследника. Ты ведь понимаешь, насколько это важно для Лаара и для всей нашей империи?

Я кивнула.

Конечно, понимаю. Дар крови передается лишь по наследству, и если у раан-хара не будет детей, то некому будет бороться с Цветком Смерти в будущем. Его ядовитые побеги заполонят все вокруг, и империя — все ее леса, поля, а вместе с ними и жители — погибнет.

— Ни одна из нас не смогла дать ему этого. Вся надежда лишь на тебя...

Странно, я постоянно думала о том, что стало с другими женами раан-хара, но ни разу прежде не задумывалась, есть ли у него дети. И сейчас от мысли, что я должна родить Лаару ребенка, мне стало немного не по себе. Как-то не представляла я себя в подобной роли.

Интересно, если у меня выйдет забеременеть, изменится ли отношение мужа? Или он по-прежнему будет холоден и груб со мной?

Кьяра словно прочитала мои мысли:

— Ты уж постарайся. Если понесешь, он весь мир к твоим ногам положит. — Кажется, она вновь улыбалась.

Собеседница взяла со стола крохотную чайную ложечку, добавила сахара в свой напиток. А потом немного отпила, приподняв над чашкой тонкую ткань, что закрывала лицо. Я проследила за ее движением и заметила на открывшейся полоске кожи такие же красные пятна, как были у другой девушки — Мелиры.

Тяжело сглотнула и поспешно отвела глаза, стараясь не показать виду, что заметила.

Кажется, повезло — собеседница была сосредоточена на своем напитке и моей реакции не заметила. Я же попыталась отвлечься и вновь вернулась к разговору.

— Разве от меня тут что-то зависит? — спросила неуверенно, стыдясь обсуждать столь щекотливый вопрос с малознакомым человеком.

— Кто знает... Зарождение новой жизни всегда было и остается загадкой для нас, смертных. Но так или иначе, чтобы зачать ребенка, нужны двое, и, возможно, желание женщины в этом деле столь же важно, сколь старания мужчины.

— Так откуда ему взяться, если муж не дает мне ни капли... свободы...

О ласке и нежности я даже заикнуться не посмела. На это раан-хар,

кажется, вообще не способен... Но если бы он хотя бы раз позволил повернуться лицом, я бы уже была рада. Может, хотя бы почувствовала себя человеком, а не бесправной куклой. Одной из многих, что, если сломается, всегда можно заменить на новую.

— А ты не жди позволения! — вдруг выдала собеседница, и я изумленно вскинулась. — Удиви его. Прояви немного инициативы. Обычно такие вещи сбивают Лаара ор Гронта с толку. Он привык все контролировать. Решать все и за всех сразу. Одним словом, мужчина! — Кьяра хмыкнула. — Так покажи ему, что тоже на что-то способна! Что у тебя есть свои мысли и идеи. Желания...

Я чуть смутилась, уловив в словах женщины явный подтекст. Ведь если учесть, что мы с Лааром видимся лишь по ночам, проявлять инициативу мне придется... в постели? Ох!

Кьяра, кажется, заметила мое смущение и развивать щекотливую тему не стала. Подвинула ко мне корзиночку со сладостями.

— Угощайся.

Я благодарно улыбнулась и потянулась к лакомствам — чего тут только не было: засахаренные финики, орешки в медовом сиропе и полупрозрачные кубики рахат-лукума. Я взяла с блюда кусочек и уже поднесла ко рту. Но вдруг поняла, что ничего не хочу. Вокруг витал какой-то странный, еле уловимый запах, отбивающий аппетит.

Я принялась, силясь понять, что это. И наконец поняла: здесь остро пахло медикаментами — аптечным спиртом, опиумом и терпкими горькими травами, из каких делают лечебные мази. И аромат этот исходил не иначе как от моей собеседницы — в открытой и проветриваемой со всех сторон беседке ему больше неоткуда было взяться.

А еще до меня донесся еле уловимый запах тлена, не ассоциирующийся не с чем иным, как со смертью. Он витал повсюду. Сама не знаю, как я сразу его не ощутила... Видимо, переволновалась. Зато теперь не могла от него отделаться. Стало не по себе — инстинктивно хотелось отшатнуться от женщины, словно от чумной. Заразной. На шее выступил липкий пот, и я, с трудом усидев на месте, сунула кусочек рахат-лукума в рот. Прожевала, молясь, чтобы меня вдруг не стошнило.

Но и не съесть было нельзя — не хотелось выглядеть неблагодарной или невежливой. Все же я в гостях и пришла сюда сама, хоть и подозревала, что ничего хорошего меня здесь не ждет. Сейчас же для меня стало очевидно, что Кьяра больна. И Мелира, и остальные жены, похоже, тоже — иначе с чего бы им носить паранджу?

Вот только как узнать, что за хворь их настигла? И как она связана с

раан-харом?

Ох, Полночная звезда, не могу же я спросить это в лицо? Но с другой стороны, я должна знать, что меня ждет. За этим на свой страх и риск нарушила запрет мужа. Так как же мне быть?

Пока я обдумывала, как бы поделикатнее расспросить Кьяру, к беседке подошла Хальди. Коротко поклонилась и обратилась к хозяйке:

— Простите, что помешала, рани. Но вам пора на процедуры.

— Как, уже? — удивилась женщина и с досады грохнула крохотной чашечкой по столу.

— Да, вас ждут в покоях.

— Как жаль. — Кьяра повернулась ко мне и покачала головой: — А мы еще о стольком не успели поговорить...

Не знаю, искренне ли она сожалела, а вот меня окатило волной отчаяния: ведь до главного мы так и не дошли. И я уже хотела предложить остаться, подождать, пока старшая жена освободится, но она сама поставила точку в нашей беседе.

— Что ж. Все, что ни делается, к лучшему. — Собеседница поднялась с места. Теплые карие глаза ее улыбались. — Была рада знакомству, Катара, и надеюсь, у вас все сложится хорошо. Прощайте.

— Прощайте, — вымолвила в ответ и уже совсем неслышно добавила: — Да хранят вас всемилостивые боги...

* * *

Обратно в сад меня вывела Хальди. Еще раз предупредила, что мне не стоит заходить на женскую часть, вежливо попрощалась и поспешила обратно.

Я же задумчиво побрела по дорожке, не зная, как дальше быть. И настолько сильно погрузилась в собственные мысли, что чуть не налетела на тар Сириша, что ждал меня за очередным поворотом.

Да, именно ждал, иначе бы наверняка удивился, встретив меня в этой части сада. Да еще одну, без помощницы. И ведь я шла ничуть не таясь, будто на прогулку вышла — совсем забыла, что на обратной дороге тоже может кто-то встретиться. Растяпа! И, конечно, запаниковала, не зная, как стану оправдываться перед Ведающим. Да и нужно ли?

— Все же Лаар был прав, когда назвал тебя дерзкой... — Тар Сириш усмехнулся.

— Вы ему расскажете? — без лишних предисловий спросила я.

— А надо? — вопросом на вопрос ответил старец, и, могу поклясться, в его глазах проскочила искорка лукавства.

— Не надо...

— Что ж, тогда сделаем вид, что я тебя здесь не видел! — Старец расплылся в улыбке и, подхватив меня под локоток, прогулочным шагом повел ко дворцу.

Я же никак не могла поверить в собственное счастье. Неужели мне так просто все сойдет с рук? И не обманывает ли меня Ведающий? Хотя к чему ему меня обманывать? А выгораживать? Ох, кажется, я решительно чего-то не понимаю. Или не знаю...

Всю дорогу мой спутник говорил на отвлеченные темы. Рассказал, как съездил к своему давнему другу и как знатно они повеселились, вспоминая былое. Он выглядел беззаботным и бодрым. И эти светлые эмоции, благодаря дару Ведающего, передавались и мне. Вот только червячок сомнения, засевший глубоко внутри, никак не давал забыть о собственной промашке.

Тар Сириш проводил меня почти до самых покоев. И перед тем как попрощаться, я осмелилась еще раз спросить:

— Вы точно не скажете мужу?

— О чем? — Ведающий делано удивленно вскинул седые брови.

— Ну, что я была...

— Где была? — продолжил разыгрывать комедию мужчина, и до меня наконец дошло, куда он клонит.

— Нигде, тар Сириш. Я просто гуляла по саду. Как и всегда. Благодарю, что проводили до покоев.

— Не за что. Обращайтесь, если понадобится. И впредь будьте осторожны, особенно гуляя в одиночестве, — сделал тонкий намек собеседник и откланялся.

Я же зашла в свои покои и тут же услышала грохот — кто-то что есть мочи колотил кулаками в дверь.

О боги! Ашта! И как я только про нее забыла?

Тут же рванула к купальне и принялась разматывать шнур, связавший ручки. Из дверей вылетела раскрасневшаяся наперсница. Волосы ее были всклокочены, глаза пылали праведным возмущением, а над верхней губой выступили бисеринки пота.

— Рани! Да как вы могли? Запереть меня! Где вы были? Да еще так долго! — принялась визжать рабыня, отчего у меня возникло сиюминутное желание зажать уши, а лучше... заткнуть ей чем-нибудь рот!

— Это не твое дело! — строго проговорила я, сама не ожидая от себя

такой смелости.

— Но раан-хар велел мне не отходить от вас ни на шаг! Когда он узнает...

— Он не узнает! Ты ничего ему не скажешь, Ашта! — Я заставила свой голос звучать жестко и уверенно. В конце концов, давно следовало показать помощнице, кто здесь хозяйка. И коли она моя служанка, то слушаться должна в первую очередь меня! И сообщать раан-хару лишь то, что выгодно мне!

— То есть?.. — Девушка растерянно потрясла головой, а потом и вовсе уставилась на меня, словно рыба, выпучив и без того огромные глаза. — Он все равно...

— Он не узнает! — еще раз с нажимом повторила я. — Ты будешь молчать, поняла? А захочешь рассказать, подумай прежде, какое наказание тебя ждет... Вряд ли раан-хар погладит по головке непутевую рабыню, что не смогла справиться с его пустяковым поручением. Это ведь ты не уследила...

Ашта тяжело сглотнула и уставилась в пол. Кажется, до нее наконец начала доходить вся глубина собственного проступка и... возможных последствий.

Я же решила закрепить достигнутые успехи.

— На твоём месте я бы не стала лишней раз злить раан-хара. Так что предлагаю договориться: ты не говоришь хозяину о моей отлучке, а я молчу о том, что ты не справляешься со своими обязанностями.

— Я? Разве не справляюсь? — всерьез забеспокоилась рабыня.

— А разве моя купель готова? — поинтересовалась, заранее зная ответ.

— Она... она... остыла, — созналась Ашта и вовсе втянула голову в плечи.

— Так чего же ты тогда здесь стоишь? Твоя госпожа желает искупаться!

Помощницу словно ветром сдуло. Правда, на сей раз она была бдительна и двери в купальню открыла нараспашку, чтобы было видно, что происходит в спальне.

Я возражать не стала. Теперь уже по-настоящему устало опустилась на постель, чувствуя, как гудит все тело. День выдался необычайно тяжелым и насыщенным. Я чувствовала себя измотанной и в то же время была довольна хотя бы таким маленьким успехом.

В том, что Ашта проявит благоразумие и ничего не скажет Лаару, я не сомневалась. Кажется, после сегодняшнего случая рабыня стала бояться не только раан-хара, но еще и меня. Не скажу, что это было приятно. Но, увы,

другого выхода попросту не нашлось.

ГЛАВА 8

Лаар вернулся спустя несколько дней, на закате, когда огненно-рыжее, словно вобравшее в себя жар тысячи костров, солнце касается земли, раскрашивает золотом крыши домов и верхушки деревьев, небосвод наливается багрянцем, а белые кучерявые облака вдруг становятся похожи на тяжелые темные тучи, причудливо подсвеченные последними лучами заходящего светила.

Я как раз читала в библиотеке, когда в западные ворота с шумом въехал отряд всадников. Окно было чуть приоткрыто, и топот копыт разнесся по всему помещению. Жадно прильнула к стеклу, во все глаза уставившись на поджарых красногривых рысаков и воинов раан-хара в черных доспехах. Они заполнили собой все свободное пространство. Их лица были грязны от загара и копоти. Волосы, присыпанные пеплом, почти сливались с чернотой одежды. И сверху казалось, будто по площади разлили густой деготь, живой и подвижный. Я настолько увлеклась разглядыванием доблестной гвардии, что даже не сразу узнала в воине, тяжело скатившемся со спины коня, своего мужа. Один из стражей даже подбежал к нему, намереваясь подставить плечо. Но Лаар от помощи отмахнулся и, слегка пошатнувшись, побрел ко дворцу. Я недоуменно поглядела ему вслед, а потом меня дернула Ашта.

— Госпожа, нам надо идти. Иначе можем не успеть.

— Что успеть? — не поняла я.

— Ну как же! — Рабыня всплеснула руками. — Вас нужно искупать, а еще привести в порядок волосы и ногти. У нас мало времени.

Ах да... Как же я забыла про свою ежедневную процедуру?

Хотя вряд ли в ней есть смысл. Очень сомневаюсь, что муж сегодня почтит меня своим визитом. Судя по тому, как выглядел Лаар, ему сейчас требовался только отдых.

Тем не менее я сдалась под натиском наперсницы и отправилась на водные процедуры: в покоях уже ожидали несколько служанок, готовых нещадно скрести мою кожу. Но стоило мне только погрузиться в исходящую паром чашу и намочить волосы, как в купальню влетела взволнованная Ашта.

— Скорее вылезайте! — Ашта подхватила с лавки большое полотенце. — Раан-хар требует вас к себе!

— Что? Он уже здесь? — запаниковала я.

— Нет, хозяин прислал за вами слугу и велел тотчас явиться в его покои.

В его покои?!

Это было еще куда более удивительно, чем все прочее.

Лаар ни разу не звал в свои покои... Или он настолько устал после поездки, что не в силах дойти до моих? Но зачем тогда вообще звать?

Разве что... Разве что Лаар прознал о том, что я прокралась в женскую часть...

Ох, только бы не это! Или напротив? Может, лучше сразу с ним поговорить? Дать понять, что я знаю. Не уверена, что Лаар воспримет эту новость с энтузиазмом, но как сказала Кьяра: все, что ни делается, — все к лучшему.

С этой мыслью я вылезла из купальни, смиренно подождала, пока служанки оботрут влажную кожу и чуть подсушат полотенцем волосы. Ноги откровенно дрожали и грозились вот-вот подкоситься. Но я держалась, как могла, стараясь не показать своего волнения. Облачилась в короткую шелковую сорочку, сверху накинула длинный халат и в таком виде вышла в коридор.

Ашта взялась проводить меня. Пока шли длинными дворцовыми коридорами, я вся измучилась от неизвестности. То и дело прокручивала в голове свой визит в женскую часть, раздумывая, что буду говорить Лаару, как стану объясняться.

А потом передо мной распахнули широкие двери, ведущие в хозяйские покои, и я осталась абсолютно одна. Наедине со своими страхами и сомнениями. Я уже знала, которая из межкомнатных дверей ведет в кабинет, и подошла к другой, что, по моему разумению, должна была вести в спальню. Аккуратно толкнула створку и заглянула внутрь. Лаара не увидела, зато в глаза бросилась огромная двуспальная кровать с четырьмя резными столбиками по углам и тяжелым бархатным навесом сверху. Значит, со спальней я угадала. Тихонько скользнула внутрь, притворив за собой двери, и только теперь увидела хозяина покоев.

Лаар расположился в низком широком кресле, стоявшем прямо под арочным окном. Облачен он был в запачканную дорожную одежду. Разве что доспех скинул, а в остальном остался как был. Даже грязные сапоги не удосужился стянуть. От него тянуло резким запахом гари и древесной смолы. На виске багровел след запекшейся крови, подбородок был измазан в золе, а на левом запястье, как раз в том месте, где должна располагаться голова татуировки-змеи, белела повязка.

Раан-хар сидел с прикрытыми глазами, и я даже подумала, что он

дремлет. Слишком уж измотанным выглядел. И глядя на него такого — грязного, небритого, уставшего, я почувствовала, как болезненно щемит сердце. Захотелось подойти и коснуться мужского лица с заострившимися чертами, стереть вертикальную складочку, залегшую меж широких бровей. Но вместо этого я застыла на пороге, не зная, как дальше быть: то ли уйти, то ли остаться, дожидаясь, пока муж проснется.

Мучилась сомнениями я недолго.

— Ты так и будешь там стоять? — недовольно произнес Лаар, при этом даже не открыв глаза. И как только понял, что я здесь? Вошла вроде неслышно... Или, может, он попросту учуял меня, с его-то тонким обонянием?

Сделала несколько несмелых шагов вперед, остановившись почти у самого кресла. Теперь, вблизи, следы измождения на лице раан-хара были еще заметнее, еще отчетливее. Смуглое лицо его было непривычно бледным, на лбу выступили вздувшиеся вены, губы пересохли и покрылись мелкими трещинками.

Непонимание, зачем муж послал за мной, лишь усилилось.

Более того, он опять молчал. Я чуть помялась, неуверенно переступила с ноги на ногу, ожидая распоряжений. А потом еще раз скользнула взглядом по спальне. Рядом с постелью, на низком прикроватном столике, стоял кувшин с водой.

Убедилась, что Лаар не смотрит на меня, и прошла к столику. Наполнила чашу водой. Развернулась и наткнулась на колючий взгляд мужа. Он наблюдал за мной из-под опущенных ресниц, следил неотрывно, но при этом словно нехотя. Будто я нарушила его спокойствие этим своим поступком.

Секунда колебания — и я все-таки взяла себя в руки и вернулась к Лаару. Протянула ему чашу. Тот поглядел на нее, тяжело сглотнув слюну, но не взял сразу. Раздумывал, кажется.

— Я подумала... ты... вы... — Запнулась, не зная, как правильно обращаться к мужчине, и закончила скомканно: — хочешь пить.

— Посласти, — хрипло обронил Лаар.

— Что? — Я подумала, что мне послышалось. Но нет.

— Добавь сахара, — повторил муж, и я поспешно бросилась к столику. Положила в воду два кубика светло-коричневого тростникового сахара и вновь поднесла раан-хару.

Тот оторвал голову от спинки кресла и припал губами к чаше. Пил прямо из моих рук. Жадно и быстро. Прохладные капли стекали ко мне на ладони, обжигали холодом кожу. А потом, в конце, вода стекала уже по

подбородку Лаара, капала за ворот походной туники, рисуя мокрые дорожки на смуглой шее. Я не осмелилась их стереть, да и раан-хар сам отер ладонью губы, когда закончил.

— А теперь начинай, — велел он, вдоволь напившись.

И вновь я не поняла, чего от меня хотят.

— Что начинать?

— Только не надо строить из себя святую невинность! Или ты за прошедшую неделю так расслабилась, что забыла, как следует исполнять супружеский долг? — едко бросил Лаар, отчего щеки мои моментально вспыхнули.

Конечно же, я ничего не забыла... И требования раан-хара помнила прекрасно. Вот только сомневалась в том, что сам Лаар сейчас способен этот супружеский долг исполнить.

Тем не менее подошла к хозяйскому ложу и, привычно опустившись на колени, легла животом на край кровати.

Странно, но страха не было. Неприязни или отвращения тоже. Впрочем, как и не было уверенности в том, чего же я сама хочу: просто перетерпеть и побыстрее отправиться к себе или все же что-то изменить..

Уже собралась задрать подол халата, как услышала мученический стон Лаара.

— О великий Хонту, что ж ты такая бестолковая? Иди сюда. Как тебя?

— Катара, — процедила сквозь стиснутые зубы и нарочито медленно поднялась с постели.

Внутри ярким обжигающим огнем вспыхнула злость. Выходит, моего имени он все-таки не знает...

— Слушай, детка, я сейчас не способен не то что до кровати дойти, но даже встать. Так что, будь добра, сделай все сама!

От подобного предложения меня мгновенно бросило в жар. Злость испарилась, будто ее и не было вовсе.

Сама? То есть как это сама?

За все время нашей супружеской жизни Лаар ни разу не позволил мне повернуться лицом, а теперь просит, чтобы я сделала все сама?

Да я же не умею!

— Я жду! — настойчиво повторил раан-хар.

Тяжко сглотнула и несмело двинулась к мужу, судорожно соображая, с чего начать. Признаться честно, я даже в лицо ему смотреть боялась, а уж о том, чтобы самой дотронуться до него, и вовсе не могла помыслить.

Но с другой стороны, я ведь хотела что-то изменить. Да и Кьяра настойчиво советовала проявить инициативу. А она, как мне показалось,

женщина мудрая. И хорошо знает Лаара. Так почему бы не воспользоваться ее советом прямо сейчас? Тем более что мне представился столь удобный случай. Словно сама судьба подбросила в руки нужные карты. Надо только набраться немного смелости, сделать первый, самый сложный шаг.

Я аккуратно потянулась к горловине мужской туники, дернула завязку, ослабляя тугую шнуровку. В открывшемся вырезе стала видна загорелая кожа и тонкие темные волоски, свернувшиеся тугими колечками. Не удержалась и дотронулась кончиками пальцев, провела вдоль выреза, ощущая тепло его кожи, цепляя ноготками мягкие волоски.

Лаар по-прежнему сидел с прикрытыми глазами, и я была благодарна ему за это. Под острым взглядом серых холодных глаз я вряд ли бы смогла на что-то решиться. Даже на такую малость, как простое прикосновение.

Сейчас же страх потихоньку отступал, и на первый план выходили совсем другие чувства и эмоции. Я ощущала терпкий запах мужского тела, чувствовала, как гулко стучит его сердце под моей ладонью, как равномерно вздымается широкая грудь.

— Ты где-то не там трогаешь, — вдруг заявил мужчина, заставив меня испуганно отшатнуться. Потом поймал мою кисть и красноречиво положил на пояс своих брюк.

О боги!

Через силу сглотнула вставший в горле ком и взялась за широкий кожаный ремень. Щелкнула пряжка — и сердце пустилось в галоп. А еще я, кажется, опять покраснела, щеки буквально горели жарким пламенем.

Нет, снять с мужчины брюки я была явно не готова. Лишь приспустила слегка и, взявшись за полы туники, вытащила ее из-за пояса. Лаар оказался столь любезен, что даже отстранился от спинки и поднял руки, помогая мне стянуть с него одежду.

И вновь я не удержалась и скользнула взглядом по мощному торсу. Все же Кьяра была права, говоря, что Лаар хорош собой. Еще как хорош. Смуглая кожа в свете масляных ламп отливала бронзой, а тугие мышцы под ней даже сейчас, когда мужчина был расслаблен, казались выплавленными из прочной стали. И в то же время он был живым и теплым. Моим в какой-то мере. Хотя бы на эти краткие несколько минут, когда я могла разглядывать его, касаться обнаженного тела.

На правом предплечье Лаара, как раз в том месте, где должен заканчиваться доспех, я заметила несколько царапин и прокол, будто от длинного острого шипа. Аккуратно коснулась ранки, нежно поглаживая воспаленную кожу, чувствуя острое, почти непреодолимое желание коснуться губами,лизать царапины, как лизывают раны лесные

животные.

С силой зажмурилась, перебарывая в себе это дикое, совершенно не свойственное мне желание. И дабы отвлечься, провела рукой по широкой груди раан-хара, скользнула пальцами вдоль ключицы, обрисовывая неизвестную надпись-татуировку. Потом спустилась ниже, к твердому плоскому животу и дорожке темных волосков, что уходили за край приспущенных брюк.

Почувствовала, как Лаар вздрогнул, когда я провела вдоль кромки штанов. И глаза при этом зажмурил, а из горла вырвался хриплый выдох. Как ни странно, его реакция мне понравилась. Захотелось сделать еще что-нибудь. Приятное ему. И надеяться, что если я буду нежна с мужем и доставлю ему удовольствие, то смогу рассчитывать на ответную ласку с его стороны.

Подобные мысли прибавили смелости, и я переместилась ближе, коснувшись коленом его бедра. А потом все-таки тронула губами пораненное плечо, совсем невесомо, боясь вызвать злость или причинить боль неосторожным движением.

От плеча двинулась к ключице, а потом к шее. С замиранием сердца скользила губами по его коже. Она была соленой на вкус. А жилка на крепкой шее пульсировала быстро-быстро. Сам же Лаар напряженно замер. И, кажется, даже дыхание затаил.

Я тронула подбородок, колючий из-за отросшей щетины, и уже нацелилась на мужские губы, как вдруг муж резко дернулся. Я испуганно отскочила, разом растеряв всю свою храбрость.

Ох, и о чем я только думала, намереваясь поцеловать раан-хара? Он ни разу за все время не целовал меня в губы, так с чего я решила, что мне это позволят?

— Хватит этих телячьих нежностей! — грубо кинул Лаар. В его глазах пылало злое пламя, грозящее сжечь меня заживо. — Я просто хочу, чтобы ты залезла на меня, сделала свое дело и свалила отсюда. Поняла?!

Его голос сорвался на крик, и я непроизвольно сжалась, не понимая, что сделала не так. Почему он злится? Неужели ему были неприятны мои поцелуи?

А ведь Лаар даже не представляет, сколько мужества мне понадобилось, чтобы переступить через себя. Чтобы решиться хотя бы на это. Я ведь тоже никогда, ни разу в жизни никого не целовала...

И что получила в ответ?

Муж вновь недоволен. Вновь зол. Вновь не дает мне ничего решать.

— Я так не могу... — произнесла сипло и робко посмотрела на Лаара,

готовая в любой момент отступить. Зажмуриться, спрятаться, бежать отсюда так быстро, как только смогут нести ноги.

Колючий взгляд серых, стальных глаз буквально впился в меня, приковывая к месту.

— Что ты сказала? — грозно прошипел Лаар, подавшись вперед.

— Я сказала, что не могу так. И не хочу, — заставила свой голос звучать как можно увереннее и, пока хватало смелости, быстро поднялась на ноги. Отступила на шаг.

— Ты смеешь мне перечить, женщина?

Теперь Лаар был не просто зол — он был взбешен. Серые глаза опасно сузились, не суля ничего хорошего. И мне вновь захотелось трусливо отступить, спрятаться где-нибудь от его прожигающего насквозь взгляда, а лучше уменьшиться до размера полевой мыши и забиться в узкую щель, откуда никто не смог бы меня достать.

Но с другой стороны, если сейчас отступлю, если сдамся, так до конца своих дней и останусь этой мышью, сидящей в клетке и думающей лишь о том, в какой день ее скормят удаву.

— Вот именно, что женщина! Не кукла, не игрушка, не бездушное животное. И уж тем более не ваша рабыня! — выпалила на одном дыхании, наблюдая, как от удивления округляются глаза Лаара. — По-моему, у вас достаточно слуг и рабов, чтобы было кому выполнять приказы. Я же, с вашего позволения, сразу приступлю к выполнению второй просьбы — выйду вон!

С этими словами я развернулась и решительно направилась к дверям, сама не понимая, как отважилась на подобное, откуда набралась такой дерзости. Видимо, накипело за все эти дни.

Сердце колотилось в груди словно сумасшедшее, и я уже дотронулась до дверной ручки, как меня резко дернули за плечо, развернули и впечатали в стену за спиной.

Полночная звезда, а ведь я даже не услышала его шагов! И выходит, Лаар не столь бессилен, как уверял меня в этом каких-то несколько секунд назад.

— Я тебя никуда не отпускал! — сквозь стиснутые зубы прошипел раан-хар, с силой прижимая меня к стене. Одна рука его впилась в мое плечо, грозя оставить на теле багровые пятна, вторая же остервенело дернула пояс халата.

Лаар содрал его так быстро, что я и пискнуть не успела. А потом крутанул меня на месте и впечатал в стену уже грудью. Задрал короткую нательную сорочку.

О боги, только не это... Опять...

— Не хочу так! — выкрикнула надрывно и попыталась вывернуться.

Внутри бурлило несогласие, жгучий протест, заставлявший неистово бороться уж если не за собственную честь, от которой уже давно ничего не осталось, то хотя бы за право смотреть в лицо тому, кто плевать хотел на все мои чувства. Мне просто надо было видеть его. Смотреть ему в глаза и знать, с каким выражением лица он будет вновь причинять мне боль. Чтобы не было больше надежд, не было сомнений, иллюзий. И лишь прибавилось сил для сопротивления.

Изо всех сил оттолкнулась от стены, и немыслимым образом мне удалось развернуться. То ли Лаар и вправду был слаб, то ли во мне неожиданно открылось второе дыхание, но я опять стояла к нему лицом. Муж коротко рыкнул и вновь попытался повернуть меня спиной. И вновь я не позволила, вывернувшись из его захвата. И так продолжалось раз за разом, пока Лаару наконец не надоело и он не плюнул на это гиблое дело.

— Ладно! — коротко рыкнул муж и неожиданно подхватил меня под бедра, отрывая от земли.

Я интуитивно вцепилась руками в его плечи, обвила ногами мужскую талию, пытаясь удержаться на весу.

— Так тебе больше нравится? — со злым весельем поинтересовался муж, я же, осознав, в какой позе нахожусь, чуть не завывала с досады.

И вновь от смущения вспыхнули щеки. Лаар был слишком близко, слишком тесно прижимался ко мне. А его приспущенные штаны, кажется, уже давно успели сползти.

Нетрудно было догадаться, что ждет меня дальше, но Лаар отчего-то не спешил приступать к «делу». Смотрел на меня зло и выжидающе.

— Так что, нравится? — повторил свой вопрос.

О боги, и что ему на это ответить? Да и на кой ему мой ответ, если я и так вся дрожу от страха. Не может же он этого не ощущать?

Но Лаар ждал. И я вдруг поняла, что если скажу «нет», то он тотчас спустит меня и вновь повернет спиной. Возьмет так, как привык, как делал это всегда. А такого я точно не желала.

— Да, — ответила на свой страх и риск и тяжело сглотнула, не зная, чего ждать от мужа дальше.

И, пожалуй, я ждала чего угодно, но не того, что Лаар ор Гронта растеряется...

Да, он именно растерялся! Взгляд его метался из стороны в сторону, неспособный задержаться на чем-то конкретном. И сам он уже не сжимал меня с силой, лишь только поддерживал, помогая оставаться на весу.

Это было странно, непривычно. В висках грохотал пульс, и когда Лаар наконец остановился взглядом на моем лице, я вздрогнула, чуть было не потеряв равновесие. Благо за спиной оказалась все та же стена.

Раан-хар смотрел на меня долго. Целую непостижимо долгую минуту. И как я ни пыталась, не могла понять, что за эмоции плещутся на дне холодных стальных глаз. И таких ли уж холодных?

Задумчивый взгляд его скользил от моих глаз к губам и обратно. И я уже подумала, что муж ни на что не решится. Неловко попыталась слезть с него и в тот же миг была притянута обратно к крепкому мужскому торсу. Сам же раан-хар ткнулся носом в мою шею и глубоко вдохнул, с шумом втягивая запах моего тела. Кажется, этот самый запах действовал на него возбуждающе, потому что он вдруг сам вздрогнул, а потом стал покрывать поцелуями кожу. И целовал он совсем не так, как я — робко и осторожно, он целовал страстно, лихорадочно. И губы его, в отличие от остального тела, твердого, словно отлитого из стали, были удивительно мягкими. И каждое их прикосновение отдавалось сладким трепетом внизу живота.

Интуитивно откинула голову, подставляя шею под его поцелуи. Почувствовала горячий влажный язык где-то за ухом и чуть слышно всхлипнула от этого нового, совершенно непривычного ощущения. Лаар же принялся вылизывать меня, словно дикий зверь. Сначала обрисовал языком ухо, потом проложил влажную дорожку по горлу, спустился к ключице и чуть прикусил нежную кожу.

Я охнула и буквально вцепилась в его плечи, ища хоть какую-то опору, какую-то поддержку в этом омуте безумства, замешенного на страхе и предвкушении, на страсти и нежности. На его нетерпении и моей застенчивости.

Я по-прежнему дрожала в его руках и сколь ни старалась, никак не могла унять эту дрожь. И вроде страха уже не было, а тело буквально трясло. И чем смелее были ласки Лаара, тем это чувство лишь усиливалось, перерастая в странное напряжение. Потребность трогать, чувствовать, делать хоть что-то.

И я плюнула на все. Обняла его за шею и крепче притянула к себе. Запустила ладонь в короткие волосы. На висках они были жесткими, колючими, словно щетина. И четкие выбритые линии легко угадывались под пальцами.

Лаар вновь прикусил кожу на плече, на сей раз болезненно. Я зашипела и, поймав косичку на его затылке, дернула, отрывая от себя нетерпеливые мужские губы. И одновременно уловила взгляд совершенно шальных, почерневших от желания глаз. От одного только этого взгляда

меня окатило горячей волной. А когда муж принялся медленно, с наслаждением стаскивать бретельку сорочки, я и вовсе забыла обо всем на свете. Как замороженная, наблюдала за его неторопливыми движениями. За тем, как смуглые пальцы скользят по моему молочно-белому плечу. Как крупная ладонь накрывает грудь, стискивает, а вслед за ней мужские губы жадно втягивают затвердевший сосок, заставляя выгнуться от прошившего тело наслаждения.

О боги, и почему он не делал этого раньше?

Не смогла сдержать протяжного стога. И стон этот стал последней каплей и так трещащего по швам терпения раан-хара. Я почувствовала, как что-то твердое ткнулось в мое лоно, а спустя мгновение Лаар надавил на мои бедра, буквально насаживая на себя.

А у меня и мысли не было возразить... Напротив, сейчас это казалось чем-то правильным, необходимым, как необходим воздух любому живому существу.

И я лишь крепче стиснула ногами его бедра, подстраиваясь под ритмичные движения. Чувствуя, как он раз за разом наполняет меня и как мое собственное тело откликается приятным томлением внизу живота. Как внутри становится влажно и скользко. И Лаар рычит, чувствуя это. И двигается все быстрее, все резче. Дышит часто и хрипло. И неотрывно смотрит в глаза.

И я тоже не могу оторвать от него глаз. В них пляшет жаркий огонь желания, какое-то мучительное наслаждение. И непонятная злость. Боль. Тоска. Дикое отчаяние, которое ничто не в силах заглушить.

Его лицо так близко, что горячее дыхание обжигает кожу. И стоит лишь немного податься вперед, чтобы дотронуться до губ. И мне так хочется до них дотронуться. Но я не решаюсь. Я боюсь той злости, что тлеет на дне темно-серых глаз. Не понимаю его тоски и боюсь сделать лишь хуже, испортить краткий миг единения, когда, как мне кажется, я могу видеть мужа настоящим.

Я словно смотрю в замочную скважину. Подглядываю за тем, чего мне видеть не положено. Понимаю это, но и не смотреть на него не могу.

И тело горит в жарком пламени. Плавится в его руках. И каждая мышца — словно натянутая тетива. И я не знаю, как сбросить это напряжение. Ноги уже немеют. А Лаар двигается все быстрее, и единственное, чего мне хочется, — чтобы он не останавливался сейчас.

Но муж вдруг утробно зарычал, последний раз входя в меня, вдалбливаясь на всю длину, и затих, уперевшись лбом в стену над моим плечом.

Наверное, впервые я жалела, что Лаар закончил так быстро. Мне словно не хватило чего-то. Внизу живота сладко тянуло, все тело превратилось в туго скрученную пружину, что так и не нашла высвобождения.

Но постепенно и это проходило. Внутри разливалось странное опустошение, будто кто-то разом выключил все чувства и эмоции.

Лаар по-прежнему держал меня на весу, прижимая к своему телу и стене за спиной. Он стоял так долго, успокаиваясь, выравнивая сбившееся дыхание. Я чувствовала, как его ладонь невесомо гладит мою поясницу, и это простое прикосновение было дороже десятка страстных поцелуев, что подарили его губы.

Но стоило Лаару отстраниться и аккуратно опустить меня на землю, как внутри всколыхнулись прежние страхи. Словно спала пелена, застывшая глаза.

— Я... Мне надо обмыться... — как-то неуверенно произнес муж и отступил на шаг.

Ладони соскользнули с мужских плеч, и я обняла себя, прикрывая наготу.

Лаар же нагнулся, подхватывая спущенные штаны, споро натянул их и, не глядя на меня, удалился в купальню. А я стояла у дверей, неловко поправляя съехавшую сорочку, и не знала, как дальше быть: то ли уйти, как он просил прежде, то ли остаться — вдруг раан-хар захочет продолжить?

А захочу ли я? Не знаю...

Послышался шум льющейся воды, и я наконец отмерла. Неторопливо пошла вдоль стены, рассматривая все вокруг, подмечая разные детали и мелочи, что наполняли уютom спальню мужа. Скользнула пальцами по шелковым простыням, по гладким прохладным подушкам, обрамлявшим хозяйское ложе, тронула босой ступней мягкий ворсистый ковер. Наткнулась взглядом на тунику, оставленную в кресле. Подняла ее и поднесла к лицу, втянула запах гари и аромат самого Лаара, горьковато-терпкий и пряный. До боли знакомый и какой-то родной, что ли?

И вдруг из-за закрытых дверей купальни донесся резкий грохот, треск, будто разбилось что-то хрупкое. Я инстинктивно бросилась к дверям и на мгновение застыла, не зная, стоит ли входить.

Но ведь Лаар там один, вдруг случилось что?

Поборов в себе малодушный порыв отступить, резко толкнула створку и вбежала в купальню. Вокруг висели клубы пара, но жарко не было, скорее наоборот — прохладно.

Лаар стоял за перегородкой, под тугими каплями искусственного

дождя. Совершенно обнаженный, мокрый, такой первозданно красивый. И злой...

Вот только, его злость больше не пугала. Гораздо больше меня волновали разбитая в кровь рука раан-хара и алая жидкость, тонким ручейком ползущая по светлой плитке.

* * *

Лаар

Вода стекала по телу быстрыми ручьями, мягко обволакивала, смывая пот и грязь, кровь, следы недавней близости и... чужие прикосновения. Губ и рук. Таких неумелых и таких нежных.

Как Лаар ни пытался отрешиться от произошедшего, мысли его вновь и вновь возвращались к молодой жене. Пред внутренним взором стояло ее обнаженное тело, тонкое и гибкое. Мягкий плоский живот, упругие холмики груди, подтянутые ягодицы.

Ладони раан-хара непроизвольно сжались, будто вновь пытаясь почувствовать эту мягкость, ощутить бархат ее кожи. В паху моментально разлилось напряжение.

Демонова глотка, еще чуть-чуть — и он будет готов тереться о плитку купальни!

Лаар коротко выругался и крутанул вентиль, прибавляя холодной воды. Ему явно нужно было остыть. Прийти в себя и забыть обо всем.

А главное — никогда впредь не повторять собственной ошибки.

Он ведь знал, насколько женщины бывают коварны. Стоит дать хоть малейшую слабину, как они тут же воспользуются этим. Пустят в ход свои чары, свое истинно женское очарование. Соблазнят, одурманят. И постараются привязать к себе как можно крепче, как можно болезненней.

Ты и сам не заметишь, как она прорастет в тебя. Так глубоко, что ты уже не сможешь думать ни о чем другом, будешь готов на все ради нее. Будешь шептать ее имя, словно молитву.

Катара...

Девочка с сине-зелеными глазами, яркими и глубокими, словно гладь лесного озера, и бледной кожей, такая бывает только у северян. Такая робкая, такая пугливая — и она туда же! Стоило только дать волю, как тут же проявила непокорность. Дерзила ему, дралась! Обнимала... Трогала губами... Да кто только научил ее такому? Ведь сам Лаар ни разу не делал

ничего подобного!

Раан-хар в ярости стукнул кулаком по настенной плитке. Разбил костяшки в кровь, и стекающая вниз вода окрасилась алым. А плитка пошла глубокими трещинами. Кривыми и ломаными, как и вся его жизнь.

Лаар и сам не знал, отчего злится. И на кого? На жену за то, что не оправдала его ожиданий? Или на себя — за то, что сорвался, за то, что сам целовал ее, словно одержимый. За то, что не мог не целовать, не трогать, не сжимать объятиях и не глядеть в сине-зеленые глаза, ловя в них свое отражение?

Но как же ему хотелось, чтобы хоть раз все было как у людей!

Просто расслабиться, забыться. Отпустить себя. Не думать о том, что и эта девушка очень скоро уйдет из его жизни, оставив после себя лишь пепелище в его и так выжженном сердце.

Словно откликаясь на его мысли, хлопнула дверь, и за спиной раздались торопливые шаги. Лаар обернулся и чуть не взвыл — рядом с перегородкой стояла Катара и нервно переминалась с ноги на ногу. Взгляд ее был обеспокоенным и вверх-вниз скользил по его обнаженному телу, пока наконец не остановился на разбитой в кровь ладони.

— Я... услышала грохот... — неуверенно начала она. — Хотела убедиться, что все в порядке... У тебя рука в крови...

А то он сам не знает!

Ох, и откуда она такая взялась на его голову? Стоит тут в распахнутом цветастом халатике. А нижняя сорочка почти ничего не прикрывает, лишь только дает простор и без того неумемному воображению.

Лаар глухо застонал и вцепился рукой в вентиль. Тело отозвалось странной слабостью — все же он так и не успел нормально отдохнуть после похода, — и вместе с тем внутри вновь всколыхнулось желание. Он чувствовал ее запах даже сквозь плотную водную завесу, что создавал искусственный дождь.

И понял, что если она сейчас же не уйдет, он затащит ее под воду и еще разок хорошенько отымеет!

И что самое гадкое — сам окончательно утонет, не справившись с собственными, так некстати всколыхнувшимися чувствами.

— Уйди... — прохрипел Лаар, все еще надеясь на благоразумие дорогой женушки.

Она, как оказалось, благоразумием не отличалась. Так и топталась на месте, не спеша оставить его в одиночестве.

— Но у тебя кровь... Надо перевязать, не то...

— Пошла вон отсюда! — гаркнул он, и это наконец подействовало.

Девушка подскочила на месте, мигом развернулась и выскочила из купальни.

Лаар еще немного постоял под холодным дождем, думая о том, что не стоило вообще сегодня звать жену. И пусть Ведающий непрестанно твердит, что это самое лучшее время для зачатия, больше Катару в свои покои он не пустит!

ГЛАВА 9

Беда пришла неожиданно.

Я еще не знала, что произошло, но уже чувствовала — что-то не так. В воздухе висела горечь, разливалось почти осязаемое напряжение. Оно сквозило буквально во всем: в переглядываниях прислуги, в еле слышных шепотках, что тотчас смолкали, стоило мне повернуть голову. В том, как непривычно тихо было за окном в весенний погожий денек — не пели птицы, не журчала вода, даже неугомонные цикады, кажется, и те смолкли.

В дворцовых коридорах же, напротив, царило какое-то безумие. Размеренная и неторопливая жизнь здешних обитателей вдруг резко сошла с привычной колеи. Все вокруг суетились. Бежали куда-то. И при этом, завидев меня, старательно делали вид, что все в порядке.

Внутри поселилось нехорошее предчувствие, и чем дальше, тем сильнее оно становилось.

Последние пару дней я не видела раан-хара. После того визита в его покои муж не навещал меня. Но и из дворца, насколько мне известно, тоже не уезжал. Впрочем, он мог отчалить и ночью, пока я спала, — о таких вещах меня не ставили в известность. А потому я первым делом подумала, что что-то стряслось с Лааром.

Эта мысль не давала покоя. Меня уже начинало колотить изнутри, а Ашта, как назло молчала, не спеша развеять мои сомнения. То ли и правда ничего не знала, то ли ей было приказано молчать, что казалось мне куда более вероятным. Я уже даже подумала о том, чтобы под каким-нибудь предлогом явиться в хозяйские покои и проверить свои домыслы.

Но сперва решила попробовать разобраться во всем самой — не хотелось лишний раз попадаться на глаза мужу. Особенно вспоминая то, как мы расстались в прошлый раз.

В библиотеку я почти что вбежала. Сразу скинула сандалии, забралась с ногами на узкую банкетку и прильнула к окну.

В саду шли какие-то приготовления. Я видела, как прислуга снимает с деревьев разноцветные слюдяные фонарики и заменяет их на обычные, прозрачные. А узорчатые дорожки, выложенные яркой мозаикой, укрывают тростниковыми листьями. Странно, но цветущие с самого начала весны деревья и те выглядели серыми и поникшими. словно разом потеряли жизненные силы.

Полночная звезда, объяснит мне кто-нибудь, что здесь происходит?

А потом я заметила на одной из дорожек уже знакомую статную фигуру в сером, таком же выцветшем, как и все вокруг, шервани.

Лаар о чем-то беседовал с тар Сиришем. Тот тоже был одет неброско, и количество звенящих браслетов на его руках, кажется, убавилось. И даже отсюда, сверху, было заметно, как напряжены и хмуры лица обоих мужчин. Лаар — тот вообще выглядел каким-то уставшим, измотанным, как после встречи с Цветком Смерти. Время от времени к нему подходили служащие, и муж отдавал короткие распоряжения.

Они с Ведающим немного так постояли, еще что-то обсуждая, а потом оба направились ко дворцу. А мимо того места, где они только что беседовали, пронесся прислужник с целой охапкой черных шелковых лент в руках...

Я вздрогнула, поймав глазами это черное пятно, и поспешно слезла с банкетки.

— Я хочу прогуляться по саду, — бросила через плечо и, не обращая внимания на протест помощницы, спешно направилась прочь из библиотеки.

— Но рани, вам не стоит... Лучше вернемся в покои... — затараторила Ашта, семена за мной по пятам.

— Раан-хар запретил выходить в сад? — прямо спросила я, резко остановившись, отчего рабыня чуть не налетела на меня.

— Запрещать не запрещал, но... — замялась она.

— Если не запрещал, значит, можно! — Развернулась на пятках и уверенно продолжила свой путь.

Помощница больше не смела меня останавливать, видимо, поняла, что настроена я решительно.

Последние дни я не давала ей спуска. Отчитывала за любую мелочь. Это было неприятно, и я сама себе была в какой-то степени противна, но, увы, другого выхода у меня не было. Ашта должна была понять, кто здесь хозяйка, начать хоть немного уважать меня и бояться, иначе я не смогу ее контролировать...

На пути в сад меня никто не остановил. Стражи, стоящие на входных дверях, лишь растерянно переглянулись, видимо, не зная, как поступить, но, встретив решимость в моих глазах, все же пропустили, услужливо распахнув тяжелые створки.

В саду было неуютно. Настолько, что кожа покрылась мелкими противными мурашками. Я зябко обхватила себя за плечи и, поборов секундную трусость, пошла по дорожке, направляясь к своему любимому месту возле прудика. Свежий еще тростник хрустел под ногами, и подол

сарей то и дело цеплялся за шершавые стебли, грозя смести собой все старания прислуги. Пришлось приподнять его, чтобы не волочился по настилу, а еще наступать приходилось крайне аккуратно, свежие стебли могли запросто порезать кожу в открытых сандалиях.

Пока я шла к пруду, заметила сразу нескольких Природников. Они заговаривали цветы и деревья, и те, стоявшие нарядными и яркими с самого начала весны, закрывали свои бутоны. Увядали, склонив к земле тяжелые головки. Выглядело это ужасающе. И я не сдержалась, резко свернула с дорожки и подошла к одному из Природников, одетому в коричневатую-рыжую хламиду.

— Простите, но что вы делаете? — воскликнула я, не в силах удержать рвущегося наружу негодования.

— Рад приветствовать вас, рани. — Одаренный сложил руки лодочкой и склонился в глубоком поклоне, блеснув на солнце абсолютно гладкой макушкой. — Я всего лишь усыпляю цветы.

— Усыпаете? Но зачем?

— Это приказ раан-хара, — коротко поведал собеседник, рождая еще больше вопросов, чем прежде.

— И что с ними теперь будет? — Я с беспокойством посмотрела на выцветший, безжизненный цветок магнолии, чьи лепестки сиротливо жались друг к другу, словно желая согреться. Так и хотелось взять его в руки и погреть своим дыханием.

— Не беспокойтесь, рани. Они всего лишь уснули. Как только будет можно, мы пробудим соцветия, и они вновь расцветут для вас, — пояснил Природник, и я немного успокоилась.

Раз так, то волноваться не о чем. Знать бы еще, зачем они это делают? И когда наступит это «можно»? Ох, и как бы мне найти того, кто бы объяснил, что происходит вокруг.

К слову, увядшие растения были не единственным потрясением на сегодня. Когда я подошла к пруду, то увидела, как несколько слуг огромными сачками черпают воду и достают оттуда разноцветных карпов. Перекалывают тех в здоровенные просмоленные бочки и увозят куда-то. А другие цепляют длинными палками кувшинки и гонят их к берегу, расчищая водную гладь.

Я смотрела на все это круглыми от изумления глазами и уже даже выпятила взглядом старшего из слуг, чтобы расспросить обо всем. Но вдруг неподалеку мелькнуло знакомое женское лицо.

Хальди.

Девушка быстрым шагом шла по одной из многочисленных дорожек.

В руках у нее была большая плетеная корзина с какой-то утварью. И, судя по сосредоточенному лицу, ничего, кроме этой корзины, ее сейчас не волновало. И меня, стоящую по другую сторону прудика, Хальди не заметила.

Я же, решив, что лучшего рассказчика не найти, быстро развернулась и пошла в обратную сторону, как раз наперерез спешащей ко дворцу служанке.

— Ох, рани! — воскликнула девушка, когда мы наконец поравнялись. — Что вы здесь делаете?

— Надо поговорить! — без лишних предисловий ответила я и потянула Хальди прочь с дорожки, подальше от чужих глаз и поближе к пышным зарослям акации.

Ашта последовала за нами.

— Хальди, что происходит? К чему все эти приготовления? — изрядно понизив голос, спросила я.

— Ох, рани... а вы не знаете?

— Откуда? Мне никто ничего не говорит!

— Так ведь... Рани Кьяра... — Хальди замялась и опустила глаза. А я сразу подумала о худшем. Ведь не просто же так из сада убирают все яркое и застилают тростником разноцветные дорожки. — Она... отправилась на тот Берег этой ночью. Сегодня на закате будут проводы...

— Что, прямо здесь? — хрипло поинтересовалась я, с трудом сглотнув вставший в горле ком.

Все это было так странно... А ведь еще каких-то несколько дней назад я видела ее, разговаривала с ней. Могла ли я подумать тогда, что Кьяры так скоро не станет. И что если бы я в тот день вообще не пробралась в женскую часть, так бы и не узнала, какой была первая жена раан-хара. И не имела бы ни малейшего представления, чье тело сегодня на закате предадут огню.

Как же все-таки непредсказуема порой бывает жизнь. Или, может, правильнее было бы сказать — прозорлива? Ведь я все-таки успела познакомиться с Кьярой. И даже в какой-то степени воспользовалась ее советом. Не знаю, к добру ли, к худу ли, но отчего-то казалось, что все это было неспроста. Будто сама судьба тогда привела меня к ней.

И хоть мы были почти не знакомы, сейчас внутри разлилась горечь утраты. Тяжелая и муторная, она словно придавливала к земле, всерьез заставляя задуматься над тем, как быстротечна и хрупка человеческая жизнь. Чья-то обрывается в один лишь миг, а кто-то уходит долго, мучительно и болезненно. Неужели же и меня ждет подобная участь?

Мне вдруг стало зябко, и я непроизвольно обхватила себя за плечи.

— Да, проводы будут здесь, в резиденции, — ответила Хальди и добавила: — Рани, лучше бы вам вернуться в свои покои. И... сделать вид, что вы ни о чем не знаете.

Хальди опасливо покосилась в сторону дорожек, и я поспешила ее успокоить:

— Не беспокойся, я никому не скажу.

Служанка кивнула и, сославшись на занятость, поспешила по своим делам.

Я же еще какое-то время постояла у куста завядшей акации, пытаюсь хоть немного прийти в себя. И даже не знаю, что беспокоило меня сильнее — то, что похороны, вопреки обычаям, пройдут в резиденции, или то, что я сама в скором времени могу оказаться на месте Кьяры?

А еще никак не давал покоя вопрос — что же думает и чувствует сейчас Лаар?..

* * *

Остаться в стороне от происходящего я не могла. И как только горящий солнечный диск коснулся горизонта, а в сад стали стекаться многочисленные обитатели замка, я всерьез взялась за Ашту.

План, как пробраться на церемонию, уже давно созрел в голове. Но вопрос с рабыней, что не отходила от меня ни на шаг, оставался открытым. И тут у меня было два пути: либо избавиться от нее и действовать в одиночку, либо привлечь к своему рискованному плану. Что, собственно, я и собиралась сейчас сделать.

— Я хочу присутствовать на проводах! И ты мне в этом поможешь! — поставила в известность помощницу, уже заранее готовясь к ее бурной реакции.

— Рани, да вы с ума сошли! Вам нельзя на церемонию! — Ашта, как и предполагалось, всплеснула руками и даже картинно приложила руку к сердцу.

— Я нахожусь во вполне здравом уме! И хочешь ты того или нет, в сад я попаду! — произнесла жестко, наблюдая, как на глазах меняется лицо служанки.

Как на нем появляется неуверенность и даже страх. Смуглая кожа чуть бледнеет, а девушка начинает нервно покусывать и без того слишком яркие губы.

Все-таки рабыня она и есть рабыня. Смирение у нее в крови. Я же не единожды убеждалась, какое влияние на девушку оказывает простая смена тона голоса или строгое выражение лица. Подобное проявление власти неминуемо толкает рабов к подчинению воле хозяина. А роль хозяйки за последние недели я освоила довольно неплохо. Пришлось, хоть и было противно. Зато сейчас настало самое время собирать плоды своих трудов.

Ашта в неуверенности мяла подол хитона, колеблясь с ответом. А же уже привычно взялась ее подтолкнуть.

— Так что решай сама. Либо ты поможешь мне. Либо я запру тебя, как в прошлый раз, чтобы не мешала!

— Вы не посмеете! — чуть ли не выкрикнула служанка, но тут же осеклась, запоздало вспомнив, с кем разговаривает.

— Еще как посмею! А вздумаешь говорить со мной в таком тоне, простым запираанием в купальне я не ограничусь! Поняла?

— Да, прошу прощения, рани, — повинно склонила голову рабыня.

— Так что? Помогает или...

— Что нужно делать? — осторожно поинтересовалась помощница, подняв на меня карие до черноты глаза.

— Ничего особенного. Ты просто одолжишь мне свою одежду!

Спустя полчаса я стояла в неприглядном коричнево-сером хитоне, какие носит только прислуга, и тщательно наматывала на голову такой же неприглядный палантин. Мне во что бы то ни стало нужно было закрыть брачную метку на лбу, иначе от всей этой маскировки не будет никакого толка.

Как ни странно, на выручку пришла Ашта. С широким платком она управлялась куда ловчее меня, и вскоре мы обе вышли из покоев и низко склонили головы, стараясь не показывать лица прохожим. Впрочем, оных почти не встретилось. Да и вышли мы, как и положено прислуге, со стороны кухни, непривычно пустынной и тихой.

Во время проводов и последующих за ними двенадцати дней скорби не принято вкушать богатую еду, так что у дворцовых кухарок ближайшие дни вряд ли будет много работы.

Меж тем в саду начинало ощутимо холодать и смеркаться. На деревьях зажигались первые бледные фонарики. А в сторону прудика и вовсе спешили слуги с факелами.

Мы последовали за ними и вскоре оказались в самом центре готовящегося ритуала. Здесь, вокруг овального, чуть вытянутого пруда, собрались уже все дворцовые обитатели. Мы с Аштой тихонько пристроились в ряды прислуги и стали осторожно наблюдать за

приготовлениями, стараясь не пересекаться ни с кем взглядом.

Из-за спин стоящих впереди слуг самого пруда было почти не видно, зато я хорошо видела расположившихся на той стороне жен раан-хара. Да это были именно они, вряд ли их можно спутать с кем-то еще. Почти все женщины были облачены в серые траурные паранджи, лишь только трое носили скромное сареи, подходящее случаю. Среди них в неясном вечернем свете я узнала и Мелиру. Лицо ее, как и лица остальных девушек, застыло в оцепенении, печальный взгляд был устремлен куда-то вниз, а руки крепко стискивали ткань сареи.

Время от времени с того берега долетали надрывные всхлипы и протяжный плач, похожий на скулеж. На фоне общей тишины и безветрия плач этот казался особенно жалобным, пробирал до самой глубины души, рождая внутри глухую тоску и уныние.

А потом я все-таки умудрилась выглянуть из-за плеча крупного парня, что стоял впереди, и увидела ту, ради которой мы собрались в этот час на ритуальной церемонии.

Кьяра.

Она лежала в узкой ладье, усыпанная белыми цветами, с ног до головы замотанная в паранджу. Белое одеяние ее светилось на фоне черной воды и утопающего в вечерних сумерках сада. Темная ладья чуть покачивалась на исходящей паром воде, навевая мысли о чем-то зловещем и потустороннем.

Я почувствовала, как по позвоночнику побежали мурашки, а внутрь ледяными щупальцами скользнул холод.

Резко вздрогнула и сцепила кисти рук в интуитивном желании согреться.

Я уже знала, что это за чувство. Дыхание смерти. То самое, которое я ощущала рядом с Кьярой в нашу первую и последнюю встречу. Сейчас оно витало повсюду. Щекотало висок, пробиралось под тонкую ткань хитона, касалось обнаженной кожи, заставляя дрожать ни то от холода, не то от страха. От какой-то странной безысходности. Ведь всех нас в конце концов, ждет та же ритуальная ладья. Кого-то раньше, кого-то позже.

Кажется, я впервые задумалась о том, как хрупка человеческая жизнь. Может оборваться в один лишь миг, а может утекать медленно и мучительно, как покидает влага цветок, обреченный на смерть от страшной засухи.

Кто-то сунул мне в руки горящую свечу, и я выплыла из оцепенения. Сжала в ладонях теплый воск и, кажется, начала немного согреваться. Огонь отгонял страхи и не подпускал к кольцу света духов тьмы. Дышать стало легче.

Я вновь перевела взгляд на других жен. Те тоже держали в руках поминальные свечи. Лица их в свете огня заострились, казались красно-черными масками, застывшими в скорби и отчаянии.

А потом вдруг что-то изменилось. Взгляды собравшихся оторвались от ладьи и устремились куда-то вдаль. Я обернулась и узрела идущего по мощеной дорожке Лаара.

Он двигался быстрым уверенным шагом: руки заложены за спину, каменное лицо, кажется, не выражает вообще ни единой эмоции. Но и равнодушным его вряд ли можно было назвать.

Кажется, муж снова закрылся. Снова заперся где-то глубоко внутри себя, представ перед всеми в образе хладнокровного, сдержанного раан-хара.

А возможно, он и был таковым на самом деле. И лишь только мое желание увидеть нечто большее заставляло строить все эти иллюзии. День ото дня заниматься самообманом, разрываясь между чувством долга и уважения к человеку, спасшему меня и мой родной край, и глубокой неприязни к тому, кто смел обходиться со мной так жестоко.

Приблизившись, Лаар натянул на лицо платок, плотно закрывающий рот и нос. Видимо, даже с такого расстояния он ощущал неприятный запах, исходящий от тела. Вслед за раан-харом шел Ведающий. В руках у него был тяжелый талмуд Обряда — выходит, церемонию прощания тоже будет проводить тар Сириш.

Мужчины подошли к воде, и теперь я почти не видела их — толпа прислуги сильно заслоняла обзор. Зато мне были хорошо видны лица жен, не спускающих глаз с Лаара.

Большинство смотрело на него с явной ненавистью и укором. Особенно те девушки, что носили сареи. На лице Мелиры читалась такая неприязнь, что казалось, если бы не пространство пруда, разделяющее жен и раан-хара, она бы бросилась на него с кулаками.

Некоторые же глядели совершенно иначе. С глухой тоской и сожалением. И как бы странно это ни звучало, но в их глазах читалось понимание... Понимание с легким налетом упрека.

Что-то подобное я уже видела. Так глядела Кьяра, когда говорила о Лааре. И, наверное, эти девушки, как и старшая жена, когда-то любили его. И меня не покидало ощущение, что отголоски этого чувства не угасли и по сей день.

Немыслимо...

Разве можно относиться тепло к человеку, который сотворил подобное? После того, как он бросил. Предал. Унизил. Кажется, мне

никогда не понять этого.

Меж тем Ведающий принялся нараспев читать длинную прощальную речь. Голос его был спокойным и уверенным, обволакивал, словно вода. И я невольно заслушалась, погрузившись в мелодичный ритм его речи. Пропуская через себя каждое слово.

Тар Сириш сравнивал человеческую жизнь с ходом солнца. Начало ее, словно рассвет на востоке, сначала совсем робкий, но постепенно наливающийся красками и окрашивающий все вокруг ярким румянцем. Расцвет, словно зенит в ясном небе, жаркий, искрящийся. И завершение пути — как закат. Неизбежный и в то же время приносящий покой. Забвение. Сон. И лишь вечерние сумерки служат коротким напоминанием о минувшем солнечном дне.

В руках дрожал огонек свечи. Воск крупными каплями стекал вниз, в крохотную плоскую чашу, что была призвана защитить пальцы от ожогов. Свеча таяла в руках, становясь все короче, неизменно приближаясь к моменту угасания.

Еще один символ, напоминающий о быстротечности жизни.

И так странно, Ведающий закончил речь как раз к моменту, когда от яркой свечи в моих руках осталась лишь восковая лужица, еще теплая, но уже погасшая окончательно и бесповоротно.

Я бросила взгляд в толпу. Одна за одной свечи в руках собравшихся затухали. И когда погас последний огонек, старец подошел ближе к воде. Один из лакеев подал ему горящий факел, другой уже подтянул к берегу ладью.

— Да примет великий Хонту душу дочери своей верной. Воздаст ей миром и покоем на том Берегу.

Одно мимолетное движение — и факел коснулся ладьи. Устилавший дно хворост вспыхнул ослепительно ярким светом, окрасил воду огненными бликами. От неожиданности я выронила огарок свечи, забрызгав воском подол хитона. Пришлось нагнуться за ней, шаря рукой в невысокой траве и одновременно придерживая головной платок, чтобы не съехал от неловкого движения. А когда я вновь выпрямилась, ладья уже вновь покачивалась в центре пруда. Огонь жадно пожирал древесину, тонкие белые цветы и тело усопшей. Ветер доносил сладковато-горький запах горения.

Я чуть отступила назад — никогда прежде мне не доводилось наблюдать за ритуалом упокоения со столь близкого расстояния. Обычно тела усопших у нас сплавляют вниз по реке, в таких же вот ладьях, да только бурные потоки уносят их далеко-далеко за горизонт. И огонек костра

виден лишь издали — сначала ярким пятном, а затем и вовсе крохотной точкой, пока не исчезнет совсем.

А здесь вместо реки лишь маленький пруд, из которого загодя убрали всю рыбу. А ведь рядом течет великий Хонту, широкий и полноводный. Почему было не совершить проводы так, как того требует традиция?

Хотя понятное дело почему. Вряд ли раан-хару нужны лишние вопросы. Все, что происходит в резиденции, не должно выходить за пределы ее стен. И даже достойно уйти в мир иной нет ни единого шанса.

Горько. И печально до подступивших к глазам слез. Или это режет глаза пропахший гарью воздух?

Я обернулась, пытаюсь разглядеть за толпой слуг Лаара, и вовремя — как раз поймала взглядом напряженную спину спешно удаляющегося мужа. Даже до конца церемонии не остался...

Вслед за Лааром прудик стали покидать и остальные. Сначала приближенные и жены, в рядах которых вновь раздавались надрывные всхлипы. Потом и прислуга. Ашта потянула меня за руку, призывая не отставать от толпы.

Я же в последний раз глянула на пылающую на фоне темного сада ладью и, уже отводя взгляд, встретила глазами с тар Сиришем. Совсем мимолетно, но, кажется, Ведающий меня узнал. Тем не менее останавливать не стал. Так и остался стоять у кромки воды, погруженный в свои думы.

Я же вдруг поняла, что не смогу уснуть этой ночью. На душе было тяжело. И отступивший на время холод вновь пробрался внутрь, заставляя раз за разом переживать увиденное. В голове крутились совсем не радужные мысли и предположения, одно невероятнее другого.

Что же это за болезнь такая, что унесла жизнь, по сути, совсем еще молодой женщины? И если она связана с раан-ха-ром, то как скоро настигнет меня? А может, уже настигла, только я сама пока о том не знаю?

Полночная звезда, неужели же и меня в ближайшем времени ждет участь Кьяры?

Я почувствовала, как дрожат пальцы рук. Ноги в один миг стали ватными, и я чуть пошатнулась на одной из дорожек. Ухватила за ближайший тонкий ствол.

— Рани, вам плохо? — тут же обеспокоенно подскочила Ашта.

— Нет, все хорошо. Просто споткнулась, — соврала я, полной грудью вдыхая стылый ночной воздух, всеми силами призывая себя не паниковать.

Остальной путь до покоев прошел словно в тумане. Я уже даже не особо волновалась по поводу собственной маскировки. Узнают — так тому

и быть.

Надоело таиться, надоели это глухое неведение и постоянное чувство опасности.

В покоях я быстро переоделась. Нацепила удобные шаровары и глухую тунику с длинным рукавом — так я хоть немного чувствовала себя защищенной. И сразу же, не тратя времени на пустые сомнения, шагнула к дверям.

— Куда вы? — Ашта, разумеется, кинулась следом. И даже попыталась преградить мне выход.

— К раан-хару! — без запинки ответила я и оттолкнула служанку, освобождая путь.

— Но, рани, он ведь не звал! Хозяин не любит, когда...

— Меня не волнует, что он любит, а что нет! — огрызнулась я, уверенно переступая порог. — И можешь не провожать. Сама найду дорогу.

Ашта, конечно, не послушалась. Бежала следом до самых покоев Лаара, словно собачонка на привязи.

И хоть у меня самой сердце грохотало у горла, настроена я была весьма решительно. Правда, решимость эта чуть пошатнулась, когда вход преградили двое стражей.

— Хозяин велел никого не пускать! — строгим тоном сообщил один из них, выставив вперед короткое древко бхуджа. Странно, но я раньше и не замечала, чтобы во дворце открыто носили оружие. То ли была невнимательна, то ли сегодня особый случай.

Буквально секунду я колебалась, с опаской косясь на остро заточенное лезвие, но все же взяла себя в руки — поздно отступать, да и вряд ли в следующий раз я наберусь решимости, чтобы самолично сюда прийти.

— У меня срочное дело к раан-хару! — произнесла как можно жестче и прямо посмотрела в темные глаза стража.

— Что за дело? — не постеснялся уточнить тот.

— Вопрос слишком деликатный, чтобы я могла озвучивать его в присутствии чужих мужчин! — не растерялась я. — Мне нужно увидеть мужа! — сделала особое ударение на последнем слове.

Стражи растерянно переглянулись. Было видно, что нарушать приказа они не хотят, но и что делать со мной — не знают. Мало ли какие деликатные трудности могут быть у молодой женщины в такое время суток...

Спустя несколько секунд страж все же убрал бхудж с моего пути, и я ступила в распахнутые двери.

— Не ходи за мной! — кинула порывающейся пойти следом рабыне, и

та покорно осталась ждать с той стороны.

Я же быстро пересекла гостевую и коротко постучала в хозяйскую спальню. Не дожидаясь разрешения, толкнула тяжелую створку и ступила в комнату, жарко натопленную и ощутимо пропахшую хмелем.

Лаар стоял у окна. В одних шароварах и короткой распахнутой жилетке на голое тело. В правой руке его был зажат глиняный кувшин с вином, и, судя по отсутствию чаши, пил раан-хар прямо оттуда. Еще один такой кувшин притулился у ножки кровати. Явно пустой — откупоренная емкость преспокойно лежала на боку.

— Я же просил никого... — гневно начал Лаар и осекся, увидев на пороге меня.

Развернулся, смерил недобрым взглядом. Кажется, моего появления он совсем не ждал. И уж точно не обрадовался оному.

— Не помню, чтобы я тебя звал, — едко бросил мужчина и, отвернувшись, сделал большой глоток из горлышка.

— Разве я не могу прийти сама? Или это тоже запрещено? — не удержалась от ответной колкости.

— Что тебе надо? — спросил Лаар, проигнорировав мой выпад. Яда в его голосе как не бывало, вместо этого я почувствовала в нем небывалую усталость.

— Нам надо поговорить!

— Увы, но я не настроен на разговоры. Приходи в другой раз.

— Нет, Лаар. Мы поговорим прямо сейчас! Точнее, ты ответишь на один мой вопрос.

Муж медленно повернулся. Глаза его опасно сузились, а губы изогнулись в нехорошей усмешке.

— Ты смеешь мне указывать? — спросил угрожающе, и от тона его голоса у меня встали дыбом волоски на всем теле.

Впрочем, я почти мгновенно отогнала страх. Набрала в грудь побольше воздуха и на одном дыхании выпалила:

— Я хочу знать, отчего умерла Кьяра!

Кувшин треснул в сжавшейся руке Лаара. Красное вино, словно кровь, брызнуло на светлые шаровары, багряными каплями окропило ковер.

— Откуда ты знаешь? — сквозь стиснутые зубы просвистел он и, отшвырнув в сторону остатки кувшина, медленно двинулся на меня.

— А ты думал, я слепая и глухая и не увижу приготовлений в саду?!

— Откуда ты знаешь, кто она? — гаркнул Лаар, заставив меня попятиться.

Серые глаза метали молнии. Взгляд впивался в меня тысячей острых

кинжалов, грозя пригвоздить прямо к двери за спиной. Я буквально кожей ощущала исходящую от него угрозу, но на сей раз не собиралась трусливой мышью забиваться в угол.

В конце концов, я имею право знать, что со мной будет.

— Я была в женской части. Три дня назад. Там и видела ее, разговаривала с ней.

— Что она тебе сказала? — вновь крикнул Лаар и уперся руками по обе стороны от моей головы, загнав в самую настоящую ловушку. — Отвечай! — крикнул прямо в лицо, и я зажмурилась, не в силах справиться с подступившим к горлу страхом.

Пульс вновь грохотал в висках, ладони вспотели, тело бросало то в жар, то в холод, и я с трудом нашла в себе силы ответить:

— Ничего...

— Врешь! О чем-то вы ведь разговаривали!

Попыталась вспомнить, о чем шел разговор, но мысли с трудом ворочались в голове. Лаар нависал надо мной, словно каменная глыба, и это мешало сосредоточиться. В голове всплывали лишь размытые образы, обрывки фраз. И я ухватила за одну из них.

— Она... Она просила позаботиться о тебе. Сказала, что тебе тяжело.

Лаар внезапно растерял весь свой пыл. Отступил на шаг и нахмурился, подозрительно глядя на меня. Будто не верил.

— Неправда... Ты все выдумала, — подтвердил мои догадки муж.

— Зачем мне врать? — Я пожала плечами, радуясь тому, что он стал хотя бы на шаг дальше. Теперь дышать стало легче, и ко мне постепенно возвращалось самообладание.

— Допустим... Что еще она успела рассказать? — Тон голоса раан-хара был чрезвычайно строг и серьезен, и я невольно почувствовала себя на допросе.

Ох, и чего я только ждала, открыв мужу правду? Конечно, теперь он захочет узнать все подробности! Да только даже если захочу, я не смогу вспомнить деталей того разговора. Да и к чему они? Ведь главного Кьяра мне так и не поведала...

— Говорю же, ничего! Я потому и пришла. Я должна знать, отчего она умерла, Лаар!

Не знаю, на что я рассчитывала. На откровенность, на понимание, на простую вежливость с его стороны? Но в ответ получила лишь молчание. Тяжелое и давящее. Заставляющее судорожно, до ломоты в суставах, стискивать пальцы. Мучиться тяжким ожиданием.

Неужели же он так мне ничего и не скажет?

Меж тем Лаар прошел к одной из ниш, скрылся на мгновение за тяжелой парчовой занавесью, а после появился уже с новым кувшином вина в руках. Откупорил его кинжалом. Хлебнул из горлышка. А после плюхнулся в мягкое, утопающее в подушках кресло.

И я уже подумала, что он так и оставит мой вопрос без внимания, как Лаар неожиданно заговорил:

— Тебе лучше не знать. И вообще, выкинь эти мысли из головы! Так всем будет проще жить.

— Кому «всем»? Тебе, Лаар? Конечно, тебя бы больше устроило, если бы жена была нема как рыба и безропотно выполняла все твои указания? — Кажется, я не на шутку разошлась. Сама повысила голос, чуть ли не крича на мужа.

А он не реагировал. Или делал вид, что не реагирует. И это злило сильнее всего. То, что муж принимает меня за пустое место и не утруждает себя даже пустыми отговорками, не говоря уже про правдивые ответы.

И я продолжила, чувствуя, как внутри кипит вулкан негодования, обиды и злости, грозя в любой миг выплеснуться бурным лавовым потоком и затопить все вокруг.

— Это ведь все из-за тебя, да, Лаар? Другие твои жены тоже больны, и меня ждет та же участь. Так ведь? Отвечай! Я имею право знать, что со мной будет! — крикнула во все горло, и самообладание раан-хара наконец пошатнулось.

— Да, из-за меня! Довольна?! — с яростью выкрикнул он, вскочив с кресла. Заметался по комнате, словно дикий зверь. — Все женщины, с которыми я был близок, обречены на смерть. Ты это хотела узнать?

— Почему? — прошептала одними губами, чувствуя, как что-то непомерно тяжелое разом придавило к земле.

— Почему-почему? Думаешь, легко быть раан-харом? Думаешь, я особенный? Одаренный? Да будь моя воля, я бы выжег в себе этот Дар к демоновой матери!

— При чем тут Дар? Я не понимаю, объясни...

— Какая же ты настырная! — выдохнул раан-хар и присел на краешек низкого прикроватного столика. Отхлебнул еще вина, собираясь с мыслями.

Я неловко переступила с ноги на ногу, не зная, куда себя деть.

Это было непривычно: смотреть на него такого, растрепанного, взмокшего, хмельного. С покрасневшими глазами и вздувшимися венами на лбу. Говорить с ним начистоту. Хотя бы так, на повышенных тонах. Но все лучше, чем мучиться догадками.

А еще было страшно. Я так стремилась узнать правду, но, по сути,

оказалась совершенно не готова к ней.

Меж тем раан-хар наконец примирился с собой и заговорил. Глухо и обреченно.

— Вся правда в том, что мой Дар губителен для всего живого. Моя кровь — словно яд. Яд для Цветка Смерти, яд для моих женщин, яд для любого, кто соприкоснется с проклятой кровью. — В его голосе было столько безнадежности, что сердце рвалось на части.

Я с трудом сглотнула вставший в горле ком и через силу выдавила:

— И что, ничего нельзя сделать? Должно же быть какое-то средство! Лекарство... Нельзя же так просто сдаваться, надо...

— А ты думаешь, я сижу сложа руки и ничего не предпринимаю?! — резко перебил Лаар, и, судя по горящему огнем глазам, он вновь вышел из себя. — Да ты даже не представляешь, сколько всего мы перепробовали! Я приглашал лучших врачей, алхимиков, Ведающих, Заклинателей. Все без толку. Все, что мы можем, — лишь продлить им жизнь и немного облегчить мучения. Да я бы все отдал, лишь бы... — Он махнул рукой и резко поднялся, прошел к окну, вновь повернувшись ко мне спиной. Словно хотел отгородиться. Закрыться от моего пытливого взора или вовсе меня не видеть.

И я бы, может, даже сделала вид, что меня здесь нет, да только в голове засел вопрос, на который мне просто необходимо было получить ответ.

— И что, я тоже заболею? Или, может, уже?..

— Пока нет. Не беспокойся, когда это произойдет, я сразу почувствую и сообщу тебе.

Не беспокойся?!

Да как тут можно не беспокоиться? Как не думать об этом? Как дальше жить, зная, что ты обречена на скорую смерть?

Наверное, мне и правда было лучше не знать... Легче бы жилось.

Как там говорят, меньше знаешь — крепче спишь? А что теперь? Да я же места себе не смогу найти. День ото дня буду осматривать тело в поисках красных пятен, следить за реакцией мужа, готовая в любой момент услышать, что больна.

И шансов побороть эту напасть, похоже, совсем нет. Лаар ведь ясно сказал: когда заболеешь... Не «если». А значит, это точно случится. Остается лишь гадать когда.

Или, может... Как он там сказал? Женщины, с которыми он был близок, обречены на смерть? Получается, если я не стану пускать мужа в свою постель, то, возможно, у меня появится шанс...

— Ну что же ты молчишь? Теперь ты все знаешь, скажи что-нибудь. —

Лаар повернулся и вперился в меня холодным стальным взглядом.

— Ты больше ко мне не притронешься, — прошептала чуть слышно.

Нет, не для него. Для самой себя, делая свой окончательный выбор, решив во что бы то ни стало бороться, сопротивляться так долго, насколько хватит сил.

— Громче, я не слышу, — усмехнулся Лаар.

— Ты. Больше. Ко мне. Не притронешься, — повторила громко и четко. Так, чтобы он наверняка все расслышал, и прямо посмотрела в наливающиеся яростью серые глаза. Стремительно темнеющие, как темнеет предгрозовое небо, сулящее беду.

— Ошибаешься...

Лаар отставил вино и двинулся на меня. Стремительно развернулась и рванула к дверям. Уже потянула за ручку, но выскочить не успела. Муж перехватил меня поперек тела, дернул к себе. Развернул в два счета и припечатал к стене. Я ударилась локтем и болезненно зашипела. И сразу же замолкла, когда мужчина вцепился в мой подбородок, заставляя смотреть себе в глаза.

— Я буду делать с тобой все, что захочу! И так часто, как захочу, поняла? — сквозь стиснутые зубы прошипел он. И мне бы согласиться, покорно склонить голову и, как прежде, надеяться, что все обойдется. Что муж проявит милосердие и не станет наказывать строго.

Но надежды во мне больше не осталось. Она умерла еще в тот миг, когда я увидела бездыханное тело Кьяры в погребальной ладье. Больше надеяться мне было не на что, оставалось лишь бороться.

— Сомневаюсь! — ответила в том же тоне и резко согнула ногу в колене, целясь мужу в пах.

Лаар умудрился увернуться в последний момент — я попала ногой лишь ему по бедру, чем вызвала еще большую ярость супруга.

— Ах ты дрянь! — выругался он и схватил меня за запястья, скрутил, прижав грудью к стене, а я испытала явное чувство дежавю.

Все повторялось. Я вновь стояла, прижатая к стене, а Лаар стискивал меня с такой силой, что не было ни единого шанса вывернуться. И все равно я пыталась, извивалась ужом, шипела от боли в запястьях, безуспешно пыталась наступить ему на ногу, проклиная про себя все на свете. И в первую очередь собственную слабость. Даже сейчас, на пике эмоционального напряжения, сопротивляясь изо всех сил, я не могла ничего ему противопоставить.

Лаар держал меня играючи. Стискивал запястья всего одной рукой, второй же давил на лопатки, прижимая тело к стене. Потом скользнул

ниже, к пояснице, потянул вверх подол туники, забираясь под плотную ткань.

— Кажется, придется заняться твоим воспитанием прямо сейчас, — прорычал мне на ухо и дернул вниз мои шаровары.

Я вздрогнула и в последний раз попыталась вырваться. Но куда там... все мои потуги походили на жалкие трепыхания пришпиленной бабочки. Я совсем выбилась из сил. Бороться с Лааром было все равно что биться лбом о каменную кладку. Бесплезно и опасно для собственного здоровья.

Я почувствовала, как раан-хар прижался пахом к моим бедрам, потянул за волосы, заставляя откинуть голову, вновь делая мне больно. И тут меня окончательно понесло. Все воспитание и манеры умерли в страшных муках, выпуская из глубины души нечто темное и колючее. Бьющее сильнее любых ударов, жалящее похлеще смоченного в кислоте хлыста.

— Что, Лаар, нравится так? Принуждать, заставлять, делать больно? Это приносит тебе удовольствие, да? Или, может, ты не можешь по-другому? — выдавила из себя смешок и окончательно перестала дергаться, вознамерившись добить мужа если не действиями, так словами. Обидными и жгучими.

— Заткнись! — рявкнул он.

— Так принеси кляп. Его как раз не хватает для полного комплекта. Глядишь, тебе понравится, как я стану мычать с тряпкой во рту!

— Договорись, Катара, и вправду ведь принесу! — угрожающе протянул раан-хар.

— Давай поспеши. Пока есть возможность вдоволь наиграться. А то, глядишь, через пару дней я покроюсь ужасными пятнами и пахнуть стану так, что ты и на десяток шагов не сможешь ко мне подойти. Укутаюсь с ног до головы в паранджу и закрою лицо, боясь показаться людям на глаза. — Лаар замер. Напряженный, словно натянутая тетива. И лишь только хрип тяжелого дыхания касался виска. — Давай, что же ты медлишь? Приблизь этот момент, Лаар. удовлетворишь свою похоть, а заодно и избавишься от неудобной женушки. Глядишь, следующая попадется покладистая и послушная. И станет с особым рвением исполнять все твои приказы. Ты же этого так жаждешь?

— Уходи... — раздался глухой голос из-за спины, и я почувствовала, как Лаар освободил мои руки. — Вон! — гаркнул он, и в тот же миг я сорвалась с места. Опрометью выскочила за дверь. И, уже оказавшись в гостевой, услышала страшный грохот, донесшийся из спальни.

Кажется, и этот кувшин вина Лаар разбил.

И не только его.

* * *

Лаар

Так плохо Лаару не было еще никогда.

Спальня его походила на разворошенный улей. По углам валялись сломанные вещи, острые осколки и щепки устилали ковер, сорванные занавеси сиротливо болтались на окнах. И Лаар продолжал крушить и ломать все, что попадется под руку, пытаясь заглушить гнев и боль, что железными тисками сковали сердце.

Он пытался забыться, кувшинами хлестал вино, но и это не помогало. Хмель слишком быстро выводился из крови — еще одна особенность проклятого Дара раан-хара.

И уснуть не получалось. В голове роилось множество мыслей и образов. Воспоминаний, от которых некуда было спрятаться.

Кьяра...

Первая женщина, первая жена, первая любовь. И первая же боль. Разочарование. Вдребезги разбившиеся мечты. Горький вкус отчаяния и предательства.

Как же давно это было! Как молод он был. Они были. Молоды, влюблены и счастливы. Жаль, счастье продлилось недолго...

Кьяра продержалась почти год. Целый год совместных прогулок, бессонных ночей, томных пробуждений. Это было так долго — дольше, чем вынес кто-то из его последующих жен, — но в то же время ничтожно мало для них двоих!

И он позволил себе привязаться. Слишком сильно. Непозволительно. Забыл о проклятии рода раан-харов. Думал, что у него все получится с первого раза.

Глупый, беспечный мальчишка!

Когда Кьяра заболела, Лаар не поверил. Просто не мог поверить. И дотянул до того, что запах болезни стал невыносимым, и он больше не мог даже стоять рядом с ней. И все равно не знал, как признаться. Не знал, как сказать, что они больше никогда не увидятся.

Лаар до сих пор помнил ее взгляд. Как она смотрела на него, когда поняла, что все кончено. Так смотрят на предателя. И Лаар чувствовал себя таковым, пусть и понимал, что изменить что-либо не в его власти.

Так было всегда. Испокон веков через постель раан-харов проходило множество женщин, пока наконец не появлялась та, что была достаточно сильна, чтобы справиться с ядом. Чтобы родить наследника и прекратить череду бессмысленных смертей.

Мать Лаара была пятой попыткой отца. У него Катара — уже двенадцатая, и сколько их еще будет, раан-хар даже не представлял.

Помнится, после того, как первая жена заболела, Лаар зарекся впредь жениться. Несколько месяцев ему удавалось игнорировать уговоры Ведающего и советы поверенного отца. Даже император не мог вразумить молодого и горячего раан-хара.

А потом на приеме у того же императора он почувствовал запах. Манящий и дурманящий. Такой сильный, что не было никаких сил устоять. Кажется, та девушка прибыла на прием в свите своего жениха. И в тот же день она его лишилась, зато получила мужа в лице несдержанного и опьяневшего от аромата невинности раан-хара, который, не дождавшись конца брачной церемонии, затащил ее в первые попавшиеся покои и сделал женщиной.

Дальше потянулась целая вереница жен. Все невероятно красивые, здоровые, самые лучшие. Он погубил их всех. И понимал, что сегодняшняя поминальная ладья — лишь начало. За ней неминуемо последуют и остальные...

И ведь чего только Лаар не пробовал! Он был нежным и грубым, заботливым и равнодушным. Сутками не выходил из покоев жены или, напротив, приходил лишь пару раз в месяц, в самые благоприятные для зачатия дни, стараясь как можно меньше травить рани своим ядом. Все без толку. Нужного рецепта Лаар не нашел — ни одна из его жен так и не понесла.

И он устал. Устал ждать, устал надеяться.

Единственное, что понял Лаар за все это время, — чем сильнее привязываешься, тем больнее потом. Первые его жены, узнав о болезни, закатывали истерики, плакали, умоляли не оставлять их. Были готовы на все, лишь бы не разлучаться с мужем. Последние — были счастливы оказаться как можно дальше от него. Раан-хар стал для них чудовищем, а болезнь виделась избавлением.

И такой исход устраивал Лаара куда больше, чем слезливые истерики.

И все бы так и продолжалось, если бы не эта взбалмошная девица. Как она только умудрилась столько всего вызнать? И почему Лаар не заметил этого раньше? Зачем все ей рассказал?

Болван!

Раньше такого никогда не случалось. Его жены были послушны и совершенно не представляли, что их ждет. А теперь Лаар совершенно не знал, как быть...

Задобрить ее, или взять силой, или... подождать, пока сама успокоится?

Хотя это вряд ли.

Не успокоится. Скорее вновь попытается сбежать и лишь добавит ему хлопот. И, кажется, проще завести новую рани, чем мучиться с этой...

ГЛАВА 10

Лаар больше не появлялся в моих покоях. Не знаю, что было тому причиной: смерть Кьяры или наш недавний разговор, а может, попросту навалившиеся дела, но я была рада такому стечению обстоятельств.

Я твердо решила, что больше не подпущу к себе мужа. Но одной моей решимости, увы, было мало. Если он захочет, всегда сможет заставить. И я не знаю, как стану сопротивляться ему... Простых слов вряд ли будет достаточно, а иного оружия у меня нет.

Я постоянно думала об этом, искала способы защиты, понимая, что рано или поздно Лаар явится ко мне. Но так и не находила, все сильнее впадая в отчаяние.

В один из дней меня навестил тар Сириш. Он явился в мои покои под вечер, и сначала я перепугалась, решив, что это муж. Но, увидев старца, немного расслабилась.

— Ты плохо выглядишь, дитя мое. — Ведающий привычно подошел ко мне и взял в руки мои ладони. Мне сразу полегчало. Не знаю, что у них за Дар такой, но успокаивать у тар Сириша получалось превосходно.

— Знаю, ты взволнована. Потому я и пришел, — произнес он мягко и покосился на браслет на моем предплечье. Я и не глядя знала, что светлый металл вновь налился багрянцем. Так всегда происходило, когда на душе у меня становилось тяжело.

Тар Сириш взял меня под локоть и повлек к мягкому гарнитуру с низким столиком посередине. Велел Аште подать прохладного чаю и, лишь когда помощница скрылась из виду, начал разговор.

— Я слышал, Лаар рассказал тебе обо всем?

Я кивнула. Признаться честно, не ожидала, что Ведающий поднимет эту тему. Особенно после того, как столько времени скрывал от меня правду.

— Ты, наверно, сердишься на меня? — словно прочитал мои мысли собеседник.

— Я думала, что могу доверять вам...

— Ты по-прежнему можешь доверять мне, дитя! — перебил старец, вновь заключив мои руки в свои ладони.

— Но как? — Я вскочила, вырвав руки. — Вы ведь обманывали меня! И словом не обмолвились о том, что меня ждет! Как я могу доверять вам, если вы отправили меня на верную погибель?!

— Успокойся, успокойся. — Тар Сириш тоже привстал и попытался усадить меня обратно. — Я понимаю твои чувства, но и ты меня пойми. Я Ведающий, я лишь хранитель тайны раан-хара. Но открывать ее не имею права.

— Даже если от этого зависит чья-то жизнь?!

— Даже так, — спокойно подтвердил старец, сцепив длинные пальцы. — Порой бывают вещи гораздо более важные, чем жизнь одного конкретного человека. — Я с таким мнением была абсолютно не согласна. И уже хотела было возмутиться, но тар Сириш примирительно поднял руки. — Катара, поверь, я не желаю тебе смерти. Ни тебе, ни другим девочкам. И Лаар не желает. Но у него просто нет другого выхода. Он вынужден пытаться вновь и вновь, до тех пор, пока одна из вас не родит ему ребенка. У остальных девушек это не вышло, но я уверен, что с тобой все будет иначе. Ты справишься. Надо лишь немного постараться, захотеть...

— Как я могу захотеть, когда знаю, что умру? — Обессиленно опустилась на кушетку, чувствуя, как предательски дрожат руки. Как от одной мысли о смерти к горлу вновь подкатывает паника.

— Почему ты в этом так уверена? Если бы все девушки умирали, род раан-харов уже давно бы прервался!

— То есть, возможно, я останусь жить?! — спросила недоверчиво.

— Конечно. Во всяком случае, я очень на это надеюсь. Я верю, что ты особенная, Катара. Хорошо бы, чтобы ты и сама поверила в это.

— Вряд ли я смогу... Да и... — Я на мгновение запнулась, не зная, стоит ли озвучивать Ведающему свое решение, но все же решила рискнуть: — Можете сколько угодно говорить мне о долге, но Лаара я к себе больше не подпущу. Уж лучше сразу смерть!

Тар Сириш нахмурился. Смерил меня задумчивым взглядом. Да таким пристальным, что на миг показалось, будто взгляд этот проник в самую душу. И даже без слов нашел там ответы на невысказанные вслух вопросы.

— Он так тебе неприятен? — тихо спросил старец, откинувшись на спинку кресла.

— Да как он может быть мне приятен, если постоянно заставляет, приказывает, грубит? — Собеседник был спокоен, я же вновь сорвалась на крик. Мне просто необходимо было выговориться, выплеснуть эмоции, что день ото дня разрывали меня на куски. И пусть тар Сириш не имел ни малейшего отношения к тому, как ведет себя муж, мне просто некому было больше открыться. — А в иное время и вовсе не замечает, как будто я пустое место! Уж если мне суждено умереть, так лучше сразу, чем терпеть

все эти мучения! И ведь я ни в чем перед ним не виновата! Зачем он так со мной?

Тар Сириш тяжело вздохнул.

Взгляд его выражал сочувствие, а размеренный тон голоса вновь призывал успокоиться:

— Просто ему больно, Катара. Больно каждый раз, что бы он там из себя ни строил. И за многие годы у него выработался защитный механизм, поведение, исключаящее привязанность. Как с его стороны, так и со стороны девушек.

— И потому он ведет себя так грубо?

— Да, он считает, что так лучше.

— Кому лучше? Ему лучше?! — вновь повысила голос. Кажется, это начинает входить у меня в привычку...

— И тебе тоже, как бы странно это ни звучало... — хмыкнул собеседник. — Порой разочарование может быть очень болезненным. Настолько, что любая физическая боль меркнет перед муками душевными. Лаар уже проходил через это. И не раз. И выбрал свой путь. Решил, как ему проще... Не думай, я не оправдываю его. Но и сам не знаю, как бы поступил на его месте. Смог ли бы сохранить себя и не озлобиться...

— Зачем вы это все мне говорите?

— Я просто хочу, чтобы ты поняла: на все есть свои причины. Всему есть свое объяснение. И только тебе под силу что-то изменить.

Я с трудом подавила истеричный смешок.

Это уж вряд ли. Меня Лаар точно не станет слушать. Он и за человека-то меня не держит...

Ответить Ведающему не успела. В покои вернулась Ашта с большим подносом в руках. Водрузила перед нами кувшин с холодным чаем и пару высоких бокалов. А еще сладости и мелкие закуски, хоть о том и не просили. Аккуратно разлила напиток по бокалам. Тар Сириш отхлебнул немного, покатал во рту, смакуя вкус, и лишь после с наслаждением проглотил. Следом попробовал одну из закусок. Я же, глянув на еду, испытала лишь чувство отвращения.

Забавно, мне после нашего разговора кусок в горло не лезет, старец же с наслаждением уплетает сладости. Аппетиту его можно только позавидовать, а скорой смене настроения и подавно.

Правда, долго наслаждаться трапезой тар Сириш не стал. Аккуратно промокнул льняной салфеткой рот и поднялся с кресла.

— Что ж, время позднее, не смею больше докучать молодой рани, — мягко улыбнулся он. И, уже уходя, добавил: — Подумай над моими

словами, Катара. И прошу тебя, не принимай слишком спешных решений.

Я лишь кивнула, готовая согласиться уже на что угодно, лишь бы избежать дальнейших уговоров.

Какой смысл в словах и объяснениях, когда на душе так погано? И можно тысячу раз понимать все разумом, но от этого вряд ли изменится отношение. Ни мое к Лаару, ни уж тем более его ко мне...

Лаар

Ришш прилетел, как всегда, неожиданно. И вместе с тем вовремя.

Наверное, впервые Лаар был рад известию о пробудившемся Цветке Смерти, ведь это означало отъезд из дворца, возможность полностью уйти в работу и избавиться от тяжких мыслей, что все никак не шли из головы.

А еще — не думать о Катаре.

Особенно по ночам. Хотеть прийти, расслабиться, забыться ненадолго, повинаясь древним, как сама жизнь, инстинктам, отдавшись во власть плотских желаний, что восставали каждый раз, когда он чувствовал дурманящий запах своей рани.

И в то же время он понимал, что так просто она его к себе не подпустит. Вновь станет сопротивляться. Бросаться словами, рождая в душе еще большее смятение, поднимая на поверхность все те воспоминания и эмоции, что Лаар так упорно пытался спрятать поглубже. Вновь всколыхнет отвратительное чувство вины.

Конечно, он бы мог заткнуть ей рот. Мог бы заставить слушаться. Принудить к близости. Бесспорно, Лаар это умел.

Но, демонова глотка, почему он должен это делать? Он ведь не насильник какой-нибудь! Он ее законный муж! И имеет все права на ее тело!

Лаар зашипел, чересчур сильно стянув ремень, удерживающий доспех. Глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться и выкинуть из головы все лишнее. На улице было пасмурно. Ветер бил в распахнутое окно, принося запахи свежести и надвигающейся грозы. Самое то, чтобы прийти в себя и немного остыть.

Раан-хар почти уже облачился в походный доспех, когда в его покои неожиданно ворвался тар Сириш. Окинул Лаара беглым взглядом:

— Собираетесь в дорогу на ночь глядя?

— А что тебя удивляет? — Раан-хар как ни в чем не бывало продолжил сборы.

— Насколько я понял, путь неблизкий. Где в этот раз проснулся

Цветок?

— На северо-западе, в землях Лашассы.

Ведающий задумчиво потер подбородок:

— Это минимум неделя пути. Пока доедешь, Цветок войдет в силу, а значит, задержаться придется изрядно.

Как будто он сам этого не знает!

— К чему ты клонишь? — резко кинул Лаар, устав от этих непонятных хождений вокруг да около.

— Я клоню к тому, что ты должен взять с собой жену!

Лаар потрясенно замер. Уж чего-чего, а подобного предложения он не ожидал. Вопросительно глянул на старого знакомого, пытаюсь уловить в его взгляде хоть единый намек на шутку. Но нет, выражение лица Ведающего было предельно серьезным и сосредоточенным.

— Ты совсем умом тронулся? — выпалил раан-хар, ничуть не скрывая своего негодования. — Предлагаешь мне тащить эту девицу через всю империю, держать в походных условиях, в компании пары десятков неотесанных воинов? Я что, похож на психа?

— Не забывай, Лаар, она нужна тебе! Хотя бы с физической точки зрения. А пара месяцев — это слишком долгий срок для воздержания. К тому же не забывай, что самое благоприятное время для зачатия...

— Да помню я! — недовольно перебил хозяин покоев. — Ты вечно мне об этом твердишь, но на практике так ничего и не вышло.

— Раньше ты не брал девушек в походы.

— И сейчас не собираюсь!

— Лаар, ты должен меня послушать...

— К демону! — вновь перебил раан-хар. — Я устал от нравоучений! Сыт по горло твоими бесполезными советами! Если у тебя есть весомый довод, чтобы я взял Катару, — выкладывай! Если нет, не мешай собираться!

Ведающий замолчал. Но уходить отнюдь не собирался. Так и стоял посреди комнаты, изучающе глядя на своего воспитанника и тяжело раздумывая над чем-то. Лаар чувствовал витающую в воздухе недосказанность. Но затянувшаяся пауза начинала его раздражать. Он уже хотел плюнуть на все и продолжить сборы. Как можно быстрее оказаться на свежем воздухе, на спине верного красногривого рысака и мчаться как можно дальше от этих стен. Выкинуть все из головы и хоть ненадолго насладиться свободой. Свободой от обязательств, от взглядов, которыми его провожали во дворце, от собственных страхов и желаний.

Но Ведающий все же заговорил, разом разбив все мечтания Лаара:

— У меня было видение.

Раан-хар напрягся.

Это было уже интересно. Видения даже у самых сильных Ведающих случались нечасто. И что бы в них ни было, они непременно сбывались.

— И что ты видел?

— Что ты должен взять с собой Катару.

— Сириш, я не спрашиваю, что мне делать! Я спрашиваю: что было в видении? — Лаар вновь начал злиться.

— Ты же знаешь, видения в большинстве своем размытые, нечеткие. Я видел лишь обрывки образов. И из них стало ясно, что твоя рани будет полезна в походе.

— Полезна?! В походе? Не смей меня! — фыркнул хозяин покоев. — Девушка в походе — лишняя балласт. Она будет сильно нас задерживать. Я уже не говорю о том, что все это предприятие может быть небезопасно!

— А я всегда считал, что самое безопасное место как раз таки рядом с раан-харом, — в свою очередь тонко поддел старец. — И если хорошо подготовиться, задерживать тебя она не будет. Тем более что в земли Лашассы вы все равно отправитесь на ладье.

— Да, но на подготовку понадобится целая вечность! Не думаешь же ты, что она соберется за полчаса, подобно моим воинам?

— Не соберется. Но этого и не нужно. Отправитесь на рассвете, — спокойно произнес Ведающий, причем настолько уверенно, будто это был уже решенный вопрос. И эта холодная уверенность бесила Лаара больше всего. До сжатых кулаков и тихого рыка, прорезавшегося сквозь стиснутые зубы.

— Тем более отправляться в ночь рискованно, — Ведающий подошел к окну и шире распахнул створку, — на небе ни звезды, все заволокло тучами. Не удивлюсь, если вот-вот грянет гром. В такую погоду никто не станет спускать ладью на воду.

Лаар чуть не выругался с досады.

Все сегодня складывалось против него. Хотел как можно быстрее отправиться в путь? Так нет же, разыгралась непогода. Хотел уехать подальше от Катары? Ведающий заставляет взять ее с собой.

И если бы не это хреновое видение, можно было бы смело плюнуть на все и послать старинного друга куда подальше. Но Лаар по личному опыту знал, что с видениями лучше не спорить. И коли Ведающий и правда видел молодую рани рядом с ним в походе, так оно и будет. Как ни сопротивляйся...

— Ты точно уверен, что ее нужно брать с собой? — Лаар все же предпринял последнюю попытку отвертеться.

— Да, уверен. Более того, присутствие девушки сыграет очень важную роль.

— Надеюсь, во благо? — хмыкнул Лаар.

Ведающий молчал. Выходит, и сам не знал ответа...

Вот же демонова глотка! Вся эта затея чистой воды безумие! Кот в мешке! И как тут принять правильное решение?

— Я предупрежу, чтобы Катара была готова к утру. — Все же Ведающий принял решение за них двоих.

Что ж... Значит, и последствия будут на его совести... Как и приготовления.

А Лаару лишь остается подумать, как реже пересекаться с женой во время их совместного путешествия.

* * *

Когда ко мне посреди ночи заявили несколько служанок и принялись второпях собирать мои вещи, я совершенно опешила!

Я была уже в постели и даже успела задремать, но весь сон словно рукой сняло.

А на место сонливости тотчас пришла паника.

Неужели я переезжаю в дальний конец сада, на женскую часть? Я больна? Так скоро?

Но ведь Лаар последние дни не навещал меня, а значит, не мог уловить изменение запаха. Или есть еще какие-то приметы?

Я невольно покосилась на собственную кожу. На запястья и внутреннюю сторону локтей, выступающие ключицы, ища хоть какие-то признаки болезни. Ощупала себя с ног до головы, чувствуя, как сердце норовит выпрыгнуть из груди.

А спустя пару минут наконец появилась Ашта. Чуть взволнованная и покрасневшая.

— Ашта, что происходит?

— Раан-хар велел собрать ваши вещи. Завтра на рассвете вы отправитесь в путь.

— В путь, но куда?

— Я не знаю точно. Вроде куда-то на север. Велели готовить кибитку и удобные вещи. Насколько я поняла, раан-хар хочет, чтобы вы сопровождали его в походе...

— Сопровождала? В походе?

Весть оказалась более чем неожиданной... А я уж было подумала, что все кончено.

Облегченно выдохнула и опустилась обратно на постель. Страх потихоньку рассеивался, а на смену ему приходили здравый смысл и логика. В голове рождалось множество мыслей и вопросов.

И зачем Лаару понадобилось брать меня с собой? Раньше ведь он уезжал из дворца в одиночестве. Точнее, в сопровождении своей доблестной гвардии. Или, может, на сей раз путь дальний и поход грозит затянуться надолго?

Но даже если и так, зачем я ему там нужна? И самое главное, чем мне это грозит? Ведь избежать общества мужа в дороге будет куда труднее, чем в просторном дворце. Или на то и расчет? Безумие какое-то...

— Зачем я ему только понадобилась? — спросила, не обращаясь ни к кому конкретно.

Но Ашта решила, что вопрос адресован ей. Слегка пожала плечами.

— Наверное, затем, зачем и обычно... — выдала свою гипотезу помощница. — Вы же знаете, мужчины без женского общества долго обходиться не могут, и если поход займет много времени...

— Я поняла! — перебила наперсницу, пока та не начала вдаваться в подробности.

Подобная мысль, разумеется, промелькнула. Но принимая во внимание тот факт, что Лаар не приходил ко мне последние дни, я понадеялась, что причина кроется в чем-то ином, нежели исполнение супружеского долга. Ведь именно этого я и пытаюсь всеми силами избежать! А что стану делать, когда окажусь один на один с Лааром где-нибудь в нехоженных местах на краю империи?

О боги, даже не представляю...

* * *

Ночь была муторной. Я почти не спала. Все думала над тем, как отказаться от поездки. Сослаться на плохое самочувствие? На неумение держаться в седле? Или непривычность к походным условиям?

Даже не знаю. Но если и придумаю правдоподобную ложь, не уверена, что супруг вообще станет меня слушать. С него станется закинуть меня поперек седла и попросту увезти. А если он еще проделает это на глазах у всей прислуги и стражей, я же тогда со стыда умру!

Ох, и почему все так сложно? И где мне подобрать правильные слова

для разговора с мужем?

В итоге я так и проворочалась до самого рассвета. А когда первый луч солнца показался из-за горизонта, в покои явилась Ашта и принялась настойчиво будить меня.

— Я никуда не поеду! — твердо заявила помощнице и брезгливо глянула на бесформенный закрытый наряд, что она мне протягивала.

И кто вообще придумал обрядить меня в такое? Хуже разве что паранджа, в которой открытыми остаются только глаза! Не удивлюсь, если это Лаар распорядился. Непонятно только зачем?

Ашта, разумеется, принялась меня всячески уговаривать. Чего только она не проделывала, вплоть до того, что падала на колени. Разве что тащить меня силой не пробовала, понимала, что подобное поведение по отношению к хозяйке недопустимо. Под конец мне даже стало жаль помощницу, но себя было жалче. А потому я оставалась непреклонна.

В итоге рабыня сдалась. Примостила на край кровати мой наряд и ушла прочь.

Я вздохнула с облегчением. Все же выдержать подобное давление, пусть и со стороны служанки, оказалось очень трудно. Вот только расслабилась я рано. Глупо было думать, что меня так просто оставят в покое.

Громкие, тяжелые шаги я услышала еще издали. И вся сжалась, предвидя скорую расправу. Даже в этих шагах чувствовался гнев хозяина дворца. Когда же я увидела его самого, тело и вовсе прошиб озноб.

Весь в черном, покрасневшие глаза горят яростью, на скулах ходят желваки. Разве что кнута в руке не хватает, точно бы решила, что станет наказывать.

— Какого демона ты еще не готова? — рявкнул Лаар, ворвавшись в мои покои.

Собрала в кулак всю свою храбрость и, с трудом подавив дрожь в голосе, произнесла:

— Я не поеду с тобой! — И тут же вспомнила о правдоподобной легенде, над которой думала столько времени. — Я... мне... нездоровится.

Это было почти что правдой. Проворочавшись всю ночь, я толком не выпалась. На лице моем наверняка читалась усталость. А от близкого присутствия мужа и вовсе тряслись колени. Ну и чем не больная?

И, честно говоря, я ожидала, что это произведет хоть какое-то впечатление на Лаара... Но на лице его не дрогнул ни один мускул. Лишь только во взгляде добавилось подозрительности.

— Врешь! — произнес уверенно. — Еще вчера с тобой все было в

порядке. Да и до моего прихода, кажется, ты была вполне бодра и здорова!

Вот же... И когда только успели доложить? Неужто Ашта опять постаралась?

Все же стоило и перед ней прикинуться захворавшей. Жаль, эта мысль не пришла мне в голову раньше. Теперь же придуриваться бесполезно...

— Я все равно с тобой никуда не поеду!

— Поедешь, Катара. И это не просьба, — хуже ядовитой змеюки прошипел Лаар. — Это приказ! А мои приказы не обсуждаются! Ясно?!

— Конечно, ты ведь только и умеешь, что приказывать! Тебя совершенно не интересует, чего хочу я и по каким причинам не желаю отправляться в поход.

— Ты права. Меня это совершенно не интересует! Сейчас меня волнует лишь Цветок Смерти, проросший на землях Лашассы. Мы должны были отплыть туда еще вчера ночью! А из-за тебя вынуждены задерживаться! И сейчас, в этот самый миг, когда ты тут упрямисься на пустом месте, Цветок заполняет все больше земель, уничтожает леса, урожай и жилища местных жителей. Отравляет воздух и землю. Может, для тебя это ничего и не значит, а для меня это весомый аргумент как можно быстрее прибыть на место!

Я тяжело сглотнула, представив ужасающую картину, нарисованную мужем.

Странно, а ведь я совершенно не думала о походе в таком ключе. Как будто забыла, в чем причина отъездов раан-хара. Или, может, я попросту поставила собственные желания выше благополучия жителей империи?

Полночная звезда, и когда я только стала такой эгоисткой?

— Так и езжай один. Всяко быстрее будет. — Голос мой дрогнул, а от былой уверенности остались лишь жалкие крохи. Все же спорить с мужчиной, да еще раан-харом, слишком тяжелое испытание.

— Не зли меня, Катара! — Лаар сделал шаг навстречу, и я инстинктивно отшатнулась. — Или ты сейчас же соберешься и спустишься к повозке — или я волоком вытащу тебя из дворца. А потом привяжу к ноге своей кобылы, и ты будешь бежать за ней всю дорогу, до самой пристани!

Если Лаар хотел запугать меня, то у него это вполне получилось. Но, боги, как же было противно вновь подчиняться его воле, как же не хотелось сдаваться...

Не дожидаясь моего ответа, Лаар развернулся и направился к дверям. Рывком отворил створку. Я остановила его на полушаге.

— Хорошо, я поеду с тобой, Лаар, но у меня есть условие!

Если уж мне все равно придется отправиться с мужем, то надо

выторговать хоть что-то для себя. Попытаться хоть немного облегчить грядущую поездку. Так или иначе, простой она не будет: в обществе Лаара ор Гронта невозможно расслабиться. А уж в окружении двух десятков его воинов и подавно. И даже тар Сириша, с которым можно отвести душу, не будет поблизости. И чтобы окончательно не сойти с ума, мне нужно, чтобы рядом был хоть один близкий человек. Пускай не защитник, но хотя бы тот, кто поймет и поддержит в трудную минуту.

Лаар на мою просьбу, как и ожидалось, отреагировал весьма бурно. Весь ощерился, подобрался, словно тигр перед прыжком.

— Ты еще смеешь ставить мне условия, женщина?!

— Если вам претит это слово, можете считать это просьбой, — произнесла с явной насмешкой в голосе. Сама даже не знаю, как на такое осмелилась. И пока муж вновь не зарычал, перешла к главному: — Мне как женщине будет некомфортно в окружении ваших воинов, и потому я хотела бы взять с собой наперсницу.

— Ашта и так отправится с тобой, — махнул рукой Лаар.

— Я говорю не про рабыню, Лаар! Я хочу взять свою наперсницу — Хальди!

Это просьба понравилась мужу куда меньше. На лицо его вновь вернулось хмурое выражение. Но вместе с тем появилась и задумчивость, и я сочла это хорошим знаком — если супруг сразу не отверг мою просьбу, значит, есть шанс настоять на своем.

Несколько секунд мы мерялись взглядами. Уж не знаю, насколько у меня получилось изображать непоколебимость, но, видимо, раан-хар решил, что проще пойти на уступку, чем продолжать этот бессмысленный спор.

— Хорошо, бери с собой кого хочешь, но чтобы через пять минут готовая сидела в кибитке! — припечатал супруг и теперь уже окончательно вышел.

И только сейчас я позволила себе расслабленно выдохнуть. Это, конечно, не было победой и не отменяло всех страхов и трудностей, что ждали меня в пути, но я была рада, что мне наконец-то удалось отвоевать хоть что-то для себя.

И оставалось надеяться, что это лишь мой первый шаг на пути к самостоятельности.

ГЛАВА 11

Ладью качало на волнах. Ветер нещадно трепал стены шатра, грозя сорвать с петель тяжелую ткань, пробирався под полог, обдавая сквозняком ноги. Дрожало пламя в маленькой переносной жаровне. А я куталась в толстый шерстяной палантин, закрываясь от неожиданно нагрянувшего холода.

Мы плыли уже третий день, а непогода и не думала униматься. Широкий Хонту распростерся вокруг, конца ни края ему не было, словно это была не река, а самое настоящее безбрежное море. И волновался он подобно морю, разбивая о борта тяжелые волны, бросая на палубу пену и брызги.

Впрочем, на эту самую палубу я почти не выходила. И дело было даже не в шторме, а в том, как смотрел на меня муж, стоило хоть на мгновение выглянуть из своего укрытия. Не знаю, о чем он больше переживал: о том, что я простыну на ветру, или о том, что его воины бросают в мою сторону очень уж любопытные взгляды. Хоть муж и приказал надеть паранджу, я его приказа намеренно слушалась. Вместо неудобной длинной хламиды облачилась в шаровары и длинную закрытую тунику да спрятала волосы под платок, оставив лицо открытым. И теперь Лаар постоянно рычал, выказывая недовольство моим внешним видом. И даже один раз подошел и настоятельно посоветовал не выходить из шатра.

Вот только сил третий день сидеть на одном месте не было никаких, и стоило качке немного улечься, как я поспешила на воздух, надеясь хоть немного развеяться. Хальди, конечно, напомнила, что не стоит перечить мужу, но удерживать меня не стала. Видно, и самой было тошно в четырех стенах.

Ладья, на которой мы плыли, была не особо большая. Мне случалось видеть суда и вдвое, и втрое больше. Зато благодаря небольшим размерам она была достаточно маневренной и быстроходной, чтобы как можно быстрее доставить раан-хара и его воинов в нужную провинцию. Но увы, других преимуществ у нашего судна не было. На палубе было откровенно тесно. И спрятаться от чужих заинтересованных взглядов было попросту некуда. Разве что вернуться в единственный опостылевший шатер.

Я осторожно двинулась к борту, отмечая, как уступают дорогу мужчины. Как пытаются отвести глаза, но все одно косятся на меня, разглядывают с интересом. И кстати, не только меня. На следующую по

пятам Хальди было направлено не меньше любопытных мужских взоров. И неудивительно, ведь мы были единственными женщинами на борту. И если я как жена раан-хара была неприкосновенна, то за Хальди я вскоре начала всерьез беспокоиться. Ибо взгляды, обращенные на мою помощницу, были отнюдь не так невинны, как того хотелось бы. Да и сама она, кажется, чувствовала себя неловко. Все время держалась рядом и старательно разглядывала свои руки, стискивающие подол хитона.

Вдалеке уже виднелся берег — тонкая полоска темного хвойного леса на фоне бледно-серого, затянутого облаками неба. От воды тянуло сыростью, а в воздухе висела мелкая водяная морось, словно вот-вот должен был начаться дождь. Но даже несмотря на сырость, стоять у борта и вдыхать стылый утренний воздух было приятно. Хоть какое-то разнообразие!

Жаль только, долго наслаждаться спокойствием мне было не суждено.

— Кажется, я просил тебя не выходить из шатра. — Лаар, конечно же, не мог не заметить моего присутствия.

— Я всего лишь вышла подышать воздухом. Меня немного укачало, — соврала без запинки и вновь удостоилась подозрительного взгляда серых, стальных глаз. После Лаар вопросительно глянул на Хальди, и та поспешила подтвердить мои слова.

Как все же хорошо, что я взяла с собой наперсницу! В отличие от Ашты Хальди во всем меня поддерживала и помогала, как могла.

— Хорошо. Только не долго, — дал свое разрешение «господин» и встал рядом со мной, важно скрестив руки на груди.

А вот этого я совсем не ожидала. Неужели у раан-хара нет других дел, кроме как сторожевым псом стоять подле меня? И ведь чувствовала, не уйдет... Так и будет караулить, бросая хмурые взгляды на каждого, кто посмеет приблизиться.

Присутствие мужа нервировало. Пусть он и не смотрел в мою сторону, но даже от того, что он просто находился рядом, мне становилось неловко и хотелось поскорее спрятаться в своем шатре.

Может, на то и был расчет? Смутить меня своим обществом, чтобы я и не думала больше показываться на палубе?

Ох, Полночная звезда, и почему все так сложно? Неужели я никогда к нему не привыкну, так и буду дрожать от любого косого взгляда?

А дрожать, кстати, было из-за чего. С неба сорвались первые холодные капли. Одна упала мне прямо на лоб. Вторую я поймала губами и тут же наткнулась на жадный взгляд Лаара, по этим губам скользящий.

Муж так и не прикасался ко мне с тех пор. И даже ни разу не заглянул

в шатер, что несказанно меня радовало.

Но то, как он глядел на меня сейчас, не оставляло никаких сомнений — выдержка раан-хара не вечна, и рано или поздно он все же явится и потребует своего. И чтобы отсрочить сей момент, не стоит лишний раз провоцировать мужа.

— Кажется, дождь. Я пойду, — и, не дожидаясь позволения, направилась к своему укрытию. И вздрогнула, когда горячая рука Лаара сомкнулась на моем запястье.

Он на мгновение запнулся, явно не зная, что сказать, а потом скороговоркой выпалил:

— Оденься теплее. Не хватало еще простыть. — И отпустил мою руку. Показательно отвернулся к берегу, ничуть не волнуясь, что дождь усилился и теперь мелкими каплями оседал на коротких волосах.

А я лишь сильнее закуталась в палантин, спеша поскорее оказаться в шатре. Подальше от дождя и от стоявшего в задумчивости мужа.

* * *

Мы прибыли в край Лашасса на девятый день пути. Уже на берегу я почувствовала терпкий запах хвои и сырой земли. Зелени, пробившейся через мягкий ковер сопревших листьев, и мха, плотно облепившего корни деревьев.

Хоть Лашасса находилась далеко от моего родного Туэнга, но этот северный край сейчас остро напомнил мне дом. Сосновый бор, где пахнет терпкой смолой, и светлые опушки, залитые теплым солнечным светом. Мягкую хвойную подстилку под ногами и несмолкающие трели певчих птиц.

Я стояла на лесной опушке, где как раз начинался широкий тракт, и никак не могла прийти в себя. Полной грудью вдыхала знакомые ароматы, остро тоскуя по дому. По родным людям и местам, знакомым с самого детства.

Живя во дворце, я старалась не думать о прошлом. Гнала от себя прочь мысли и воспоминания, понимая, что никогда не смогу покинуть стен резиденции раан-хара. Но сейчас, оказавшись за тысячу лиг от Гаррада, внутри вновь пробудилась надежда. А на языке чувствовался свежий, пряный привкус свободы, мешающийся с нотками хвои и древесной смолы.

Воспоминания нахлынули лавиной. И все то время, пока воины седлали рысаков и готовили кибитку для нашей поездки, я бродила вдоль

опушки, чувствуя, как от пробудившихся эмоций перехватывает дыхание. Как сердце в груди стучит тяжело и надсадно. И вместе с тем становится легче. Кажется, что не все еще потеряно. И откуда-то из глубины души появляются силы. Словно само это место велит не сдаваться, заряжает своей энергией, жаждой жизни и новых свершений.

О боги, как же сильно, оказывается, я мечтала вырваться из давящих дворцовых стен!

Я впитывала в себя здешние запахи и звуки. Касалась рукой шершавых стволов. Пропускала меж пальцев смолянистые листочки редких лиственниц. И настолько погрузилась в себя, что даже не сразу услышала, как меня зовет Хальди:

— Госпожа, нам пора. Кибитка готова, раан-хар велел отправляться.

— Ох, так скоро...

Честно говоря, желания трястись в тесной повозке не было никакого. Хотелось еще немного погулять. Зайти в самую чащу леса. Проверить, не поспела ли на солнечной полянке сладкая земляника. Но, увы, мы спешили. И причина этой спешки не позволила просить об отдыхе.

Стоило представить, что где-то в глубине этого светлого и приветливого леса развернул свои ядовитые побеги Цветок Смерти, как мигом стало не до мечтаний.

Я изрядно прибавила шагу, стараясь как можно быстрее вернуться обратно к тракту. Благо тот находился в зоне видимости. Впрочем, далеко уйти мне все равно бы не позволили.

У собранной кибитки уже стоял недовольный Лаар. И, стоило приблизиться, муж напряженно вгляделся в мое лицо.

— Что случилось? — резко спросил он. И я не поняла, чего больше было в его голосе: злости или беспокойства.

— Ничего. Все хорошо, — ответила, кажется, смутившись. Слишком уж пристально он смотрел на меня. И уже в который раз от его взгляда по телу побежали мурашки.

Всеблагой Ошур, когда уже это прекратится?

— Хорошо. Садись в кибитку. Мы отправляемся. Поедем быстро и без остановок.

Я поняливо кивнула и, откинув плотный полог, забралась внутрь повозки. Хальди скользнула следом. И уже оказавшись в тепле и под защитой плотной парусиновой крыши, помощница протянула мне тонкий платок. И на мой непонимающий взгляд сама смахнула влагу с моих щек.

Странно, я и не заметила, когда успели выступить слезы...

И выходит, что Лаар о них и спрашивал. А я не поняла.

Лаар

Ехавшая позади кибитка изрядно тормозила всю процессию. Лаару казалось, что они плетутся со скоростью речной черепахи, выбравшейся на берег, чтобы отложить в прогретый песок кладку яиц. Слишком медленно. Слишком неуклюже.

И он в который раз пожалел, что послушался Ведающего и взял с собой Катару. Женщине не место среди воинов. Если только эта женщина не портовая шлюха, которую можно без зазрения совести пустить по кругу...

Такая бы, кстати, сейчас не помешала...

Если на молодую рани никто и взглянуть не смел, то присутствие ее помощницы изрядно подрывало дисциплину доблестного войска раан-хара. Кшатрий уже дважды обращался к Лаару с просьбой отдать им девицу. Да и сам Лаар не единожды замечал, какими взглядами провожают наперсницу его стражи. Но он упрямо отказывал.

Нет, не потому, что пекся о какой-то там служанке. Была бы рабыня — давно бы отдал ее своим парням. Так нет же, эта свободная. А беря на службу свободного, Лаар принимал на себя негласное обязательство защищать и заботиться о своем работнике. Неважно, мужчина это или женщина. А нарушать свои обязательства раан-хар не привык.

И кшатрий уходил ни с чем.

А голодные взгляды стражей становились все более откровенными. И раан-хар гадал, кто же первым сорвется, кто нарушит его приказ и будет жестоко наказан в назидание остальным?

Все же не дело, чтобы закаленные походами воины теряли голову из-за одной затесавшейся в отряд девицы. Сейчас они должны быть сосредоточены и в первую очередь думать головой, а не тем местом, что пониже пояса.

Впрочем, как мужчина Лаар прекрасно их понимал!

Девять дней пути в ладье, еще трое суток по суше. И ни одного маломальски крупного поселения в округе, где бы можно было нормально отдохнуть и расслабиться.

И все бы ничего, воины раан-хара давно привыкли к тяготам пути и длительным переходам. Но когда перед глазами постоянно маячат хорошенькие женские фигурки, тут впору совсем свихнуться.

Лаар постоянно ловил себя на мысли, что чувствует запах своей раны, даже находясь во главе отряда, тогда как кибитка практически замыкала его. Он даже смог распознать, когда у Катары закончились очередные женские дни. И лишь только чудом удержался, чтобы в тот же миг не рвануть к ней, одной рукой содрать штаны и с низким рыком войти в ее тугое лоно.

Сам не понимал, что его остановило. То ли то, как жена шарахалась каждый раз при его приближении. То ли заинтересованные взгляды, какими провожали его подчиненные. Все же несправедливо запрещать своим воинам прикасаться к служанке, а самому тем временем наслаждаться близостью с имеющейся под боком женой. Лаар всегда старался быть примером для стражей. Так какой из него пример, коли он сам не может удержать в узде собственные взбесившиеся желания?

— Мой господин! — голос одного из всадников вырвал Лаара из размышлений.

— Чего тебе? — невольно огрызнулся тот.

— Мм... ваша жена... они... в общем, просят сделать остановку.

— Опять? Да она издевается!

Раан-хар резко дернул поводья, разворачивая лошадь. И тут же махнул притормозившим воинам, чтобы продолжали путь. И так кучу времени потеряли! Не хватало еще по каждому пустяку останавливаться.

— Что опять такое? — недовольно бросил Лаар, поравнявшись с кибиткой.

В обычное время он предпочитал держаться от повозки подальше, слишком уж сильно щекотал обоняние сладковато-пряный запах раны, но сейчас не выдержал. Решил разобраться лично. Да и внутри нарастала какая-то странная тревога. Отчего-то казалось, что они не успеют. Что прибудут на место слишком поздно. И оттого хотелось гнать лошадь во весь опор, день и ночь напролет нестись сквозь вставший по обеим сторонам тракта лес, пока наконец не завидит вдали до боли знакомые упругие побеги Цветка Смерти.

— Мы хотим остановиться. Раны нужно... кхм... — Служанка замялась, как нельзя более красноречиво выдавая деликатную проблему.

Отобрать, что ли, у них воду, чтобы поменьше бегали в кусты? А еще лучше водрузить по центру кибитки ночной горшок! Может, тогда удастся хоть немного ускориться!

Лаар уже хотел было высказать свои мысли вслух, как из-под приоткрывшегося полога показалась знакомая темноволосая макушка.

— Я очень быстро. Всего минуту.

А на скулах яркий румянец. Да такой, что, кажется, щеки вот-вот

вспыхнут жарким пламенем.

О боги, нашла чего стыдиться!

И странно, но от вида покрасневшейся, смущенно отводящей взгляд Катары вся злость мигом испарилась. И кричать расхотелось. Сил хватило лишь на тяжелый, мученический вздох, как нельзя лучше характеризующий ситуацию.

— Ладно, только быстро! Одна нога тут, другая там!

Лаар коротко махнул, веля вознице остановиться. Сам спешился, чувствуя, как от долгой скачки начинает ныть зад.

Край Лашасса был одним из тех мест, что лежал как раз меж двух крупных судоходных рек. И чтобы добраться до его центра и поселения, откуда прилетел рииш, необходимо было преодолеть долгий и нудный путь верхом сквозь непроходимые леса и заболоченные низины. Повезло, что хоть тракт есть, пусть он и представлял собой обыкновенную, хорошо утопанную тропу.

Катара со служанкой скрылись в ближайшем ельнике. Лаар же принялся мерить шагами тропу. И то и дело оглядывался, высматривая что-то меж разлапистых веток, пригнувшись, чувствуя, как с каждым шагом внутри нарастает тревога.

С момента высадки на берег лес стал лиственным. У стволов деревьев стояла высокая трава, а у самой кромки дороги росла ярко-зеленая кислица. Где-то вдалеке отсчитывала года неугомонная кукушка и отстукивал прерывистую дробь дятел.

Вроде все как всегда, и ничто не предвещает беды... отчего же тогда он не может спокойно устоять на месте?

И где уже эта неугомонная девица?

Лаар передернул плечами, чувствуя, как вновь начинает заводиться. И почти в тот же миг из-за ствола дерева вынырнула знакомая женская фигурка в ярких шароварах и длинной, до колен, тунике. И опять без платка на голове...

Она б еще голой вышла, совсем бы прекрасно было! И могло бы стать хорошим поводом ее хорошенько отодрать!

Вот дьявол, опять все мысли не в ту сторону!

— Наконец-то! Такими темпами, как вы ходите, мы никогда не доберемся до места! — фыркнул Лаар и машинально протянул руку, чтобы вернуть сбившийся на шею платок обратно на девичью голову.

Понял, что делает, только когда Катара резко отшатнулась. Поглядела на него взглядом дикого, затравленного зверька. И сама поправила съехавший платок.

— Извините, что мы такие медлительные! — Еще и огрызаться вздумала! Совсем забыла, где ее место! — И вообще, я не просила братья меня с собой!

— Можно подумать, я этого хотел! — не удержавшись, бросил раан-хар.

— А кто же?

Взгляд жены сделался недоумевающим. И зрачки в сине-зеленых глазах расширились изумленно.

Дьявол, вот и что ей ответить? Как объяснить? А впрочем, разве он должен что-то объяснять?

— Не важно. Полезайте в кибитку. Надеюсь, незапланированных остановок больше не будет.

— Я могу поехать верхом... Так будет быстрее... — раздалось робкое, когда Лаар уже успел отвернуться.

И вновь ладони невольно сжались в кулаки.

Да кем она себя возомнила, чтобы наравне с мужчинами ехать верхом? Или так не терпится выставить себя напоказ? То-то она на каждом привале выходит погулять. Воздухом, видите ли, дышит! Под пологом ей не сидится!

Раан-хар еле сдержал рвущийся наружу рык. Развернулся медленно, готовый поставить зарвавшуюся девчонку на место. И вновь натолкнулся на яркий румянец смущения и опущенные в землю глаза. И тонкие ладони с длинными пальцами нервно сминают край туники.

Выходит, понимает, что предлагает...

Короткий взгляд в лицо — и вот его рани уже пятится обратно к повозке.

Неужели он столь грозно выглядит, что она и без слов все поняла? Впрочем, так даже лучше. Значит, не весь еще страх растеряла. Или, быть может, здравый смысл? В любом случае, надо будет всерьез заняться воспитанием жены. В конце концов, он давно намеревался это сделать.

Раан-хар отошел на несколько шагов. Ловко запрыгнул в седло и прищепил коня, устремляясь в начало отряда.

И, только проехав с сотню метров, наконец понял, что так тревожило его все это время. Еле уловимый запах. Притягательный — и в то же время приторный. Слишком насыщенный. Слишком острый. С тухловатым послевкусием, что потом еще долго тлеет на языке. Запах, который нельзя спутать ни с чем другим.

Ведь именно так пах Цветок Смерти...

Мы только тронулись в путь, как почти сразу вновь остановились. Я аккуратно выглянула из-за полога, пытаюсь понять, в чем причина задержки. Лаар ведь ясно дал понять, что мы спешим, так почему же сейчас стоим?

Средь воинов наметилось явное оживление, я бы даже сказала, волнение. А прислушавшись, я разобрала и властный голос раан-хара, раздающий четкие приказы:

— Вы четверо останетесь здесь. Охранять повозку. Остальные идут со мной. Приготовьте факелы. Не нравится мне все это!

Теперь волнение накрыло и меня. Захлестнуло волной, и сердце загрохотало у самого горла. И я разом забыла все правила приличия и хорошего воспитания — высунула голову из кибитки и, не скрывая беспокойства, спросила:

— Что случилось?

Лаар глянул хмуро. Явно не собирался посвящать меня в суть дела. Да и не обязан он отчитываться перед женщиной...

И потому я была очень удивлена, когда раан-хар все-таки снизошел до ответа.

— Путь закрыт. Мы поедem вперед, постараемcя расчистить дорогу, — коротко кинул муж и сразу отвернулся. Обратился к кшатрию: — Халид, останешься тут. Если не вернемся к закату, разбивайте лагерь. А лучше... К демону лагерь! — зло плюнул Лаар и прищурился, напряженно всматриваясь в даль. — Если не вернемся в срок, возвращайтесь обратно к реке. Встретимся в ближайшем поселении.

Кшатрий твердо кивнул и подвел лошадь ближе к повозке. Пристроился сбоку, готовый с усердием нести службу.

— Головой за нее отвечаешь! — напоследок кинул Лаар и, с силой ударив коня по бокам, помчался вперед по тракту. Остальные воины с воодушевляющими криками последовали за ним.

А я только сейчас поняла, насколько наша кибитка тормозила гвардию раан-хара. Все же красногривые рысаки очень быстры: только мгновение назад были тут — и уже растворились за поворотом, подняв в воздух клубы придорожной пыли. Словно молния сверкнула! И вокруг воцарился прежний покой. Дробь дятла и угуканье разбуженной совы. Свист мелких пичуг, прыгающих с ветки на ветку, да шелест высокой травы.

Сидеть на месте оказалось куда труднее, чем мерно трястись в

кибитке. Время тянулось долго и нудно. А изнутри снедали тревога, тяжкое неведение и ожидание.

Сон не шел, и аппетит пропал напрочь. И мерное тиканье хронометра колющей болью отдавалось в висках. Прошло уже три часа, а Лаар все не возвращался. И хоть мне ничего не сказали толком, нетрудно было догадаться, куда они унеслись с факелами наперевес.

Я всячески уговаривала себя не паниковать, приводила множество аргументов и разумных доводов, убеждая себя, что все будет хорошо.

Это ведь не в первый раз. Сколько таких походов было в его жизни? И всегда Лаар возвращался с победой. А иначе и быть не могло: или он выжжет Цветок Смерти, или Цветок погубит всех нас.

Отчего же тогда так беспокойно сейчас?

И я постоянно выглядываю из кибитки, всматриваюсь в просветы меж ветвей, вслушиваюсь в шум леса, пытаюсь вычленить среди привычных звуков топот копыт.

— Не стоит волноваться. Все будет хорошо, — попыталась успокоить Хальди и мягко сжала мою ладонь.

В отличие от меня помощница выглядела вполне себе умиротворенной. А воины, оставшиеся охранять нас, и вовсе походили на непоколебимые каменные статуи. Лишь только взгляд их выдавал крайнюю степень сосредоточенности и готовность в любой момент встретить опасность.

Хотя какая тут может быть опасность?

Опасно сейчас там, где Лаар. Хоть моя память и не сохранила воспоминаний о встрече с Цветком в родном Туэнге, но я не понаслышке знала, сколь губительным он может быть. Неужели и этот приветливый лес вскоре превратится в черное пепелище? Мертвую пустыню с островами обгоревших деревьев и выжженной дотла землей?

Я тряхнула головой, отгоняя прочь невеселые мысли. Не стоит думать о плохом. Так недолго накликать беду.

Пытаясь хоть немного отвлечься, я высунула нос из кибитки, исподтишка рассматривая наших стражей. Кшатрий выглядел самым грозным из всех. Темные густые брови сдвинуты к переносице, ладонь покоится на рукояти боевой кханды.

И зачем им только оружие? Неужто рубить стебли смертоносного Цветка? Или, может, защищаться от встретившихся на пути разбойников? Хотя какой разбойник рискнет связаться с воинами раан-хара? Разве что совсем выживший из ума... Вряд ли тут водятся такие.

А вот я точно скоро сойду с ума от бездействия.

Лаар

Порой Лаару казалось, что Цветок Смерти разумен. Слишком уж рьяно он сопротивлялся уничтожению. Слишком хитроумно прятался, выбирая самые непроходимые места, прячась в траве и густом колючем малиннике, сливаясь цветом с корой деревьев и лиственной подстилкой. Слишком быстро рос, заполняя собой всю округу. И чем сильнее разрастался, тем больше опасностей поджидало стражей раан-хара.

Лаар осторожно ехал по сужающемуся тракту, уже различая первые признаки отравления земли: захиревшие тонкие деревца, пожелтевшую траву и увядшие макушки полевых цветов.

Самих побегов Цветка Смерти было пока не видать, но Лаар чуял, что корни его, подобно разросшейся грибнице, уже лежат под ногами и тянутся во все стороны щупальцами огромного осьминога. И в любой момент из-под земли может пробиться новый росток, а за ним пойдут и подвижные ползуны, опасные и верткие, словно змеи. Способные ломать ветви деревьев, а то и сами деревья, создавая вокруг материнской цветоножки непролазный бурелом.

Лаар видел такое не раз и даже не удивился, когда тракт перегородило несколько упавших стволов деревьев, из сердцевины которых стеной вставали свежие побеги, тонкие и хрупкие на вид, но невероятно гибкие и крепкие на деле, готовые соперничать в своей прочности с бамбуковыми стеблями.

Раан-хар вскинул руку, останавливая воинов. Спешился, беря коня под уздцы. Жадно принялся, пытаясь понять, насколько широка лента ядовитых побегов. Стволы деревьев, преграждающие тракт, были слишком велики, чтобы перескочить их верхом, да и обломанные ветви их, острыми пиками торчащие в небо, могли запросто вспороть коню брюхо.

Что уж говорить о кибитке, что осталась ждать позади... Ей здесь точно не проехать. И как назло, Лаару надо было провезти именно ее.

Всего в каких-то полдня пути лежало крупное поселение, где Лаар планировал оставить женщин и найти добровольцев для расчистки территорий. А теперь путь туда закрыт. И все то время, пока Лаар смотрел на вставшую впереди преграду, его не покидало ощущение, что кто-то умышленно соорудил эту колючую стену, пытаясь не пропустить раан-хара и его войско дальше на север.

Ор Гронта резко развернулся, оборачиваясь к своему отряду. Воины его уже успели спешиться и выстроились в неровную шеренгу, ожидая указаний. В руках у каждого было по боевому топорiku и факелу. А на расчищенном посреди дороги пространстве занимался огонь.

Лаар кивнул двум крайним стражам:

— Влево. Вправо. Проверьте, нельзя ли объехать.

Те разом сорвались с места, не забыв поджечь пропитанные смолой факелы.

— Пятеро за мной. Остальные, — Лаар кинул быстрый взгляд на завал, — выжечь все к демоновой матери. И будьте внимательны — в траве наверняка прячется полоз.

Воины мигом разделились. Пятеро стражей обступили раан-хара и, выставив вперед чадающие факелы, двинулись за ним. Остальные принялись дружно махать топориками, перерубая упругие стебли, с корнями выкорчевывая еще совсем молодые побеги губительного Цветка.

Краем глаза Лаар заметил, как что-то зашевелилось в траве. Стражи среагировали моментально. Короткий взмах топором — и вот перерубленный полоз бездвижной веревкой лежит на земле. А остатки его, сочащиеся ядовитым соком, отправляются в жаркий огонь. То же происходило и с вырубленными стеблями и закрученными листьями, походящими на ранние побеги папоротника.

Стражи раан-хара действовали слаженно и быстро. Но этого было мало. Лаар прекрасно понимал, что на том месте, где сегодня уничтожили один побег, завтра непременно появится два новых. Пока живы корни, глубоко уходящие в землю, Цветок будет давать все новые и новые побеги, не давая продыху людям.

Лаар присел на корточки и приложил ладонь к земле, интуитивно прощупывая пространство, пытаясь угадать, где спрятался корень потолще. Тронул обрубок полоза, ощущая меж пальцев его шероховатую, с зазубринами, поверхность. Скользнул по нему рукой, позволяя мелким иголочкам впиться в кожу. И в тот же миг заметил новое шевеление в траве. Настолько стремительное, что Лаару едва хватило времени вскочить на ноги. И сразу два боевых топорика упали на метнувшийся к ногам раан-хара полоз. Ор Гронта брезгливо стряхнул с сапога исходящий соком обрубок и решительно двинулся туда, откуда приползла ядовитая гадость.

— Здесь, — Лаар ткнул сапогом в землю и отошел на два шага, давая действовать стражам.

Те враз подсняли топориками дерн и принялись расковыривать землю.

Цветок Смерти и здесь проявил хитрость. Корни его туго

переплетались с корнями деревьев и кустарников, прячась, маскируясь под окружающие насаждения. И вычленить нужный среди многообразия извилистых сплетений было делом отнюдь не простым.

— Копайте глубже! — недовольно бросил Лаар, уставший ждать, пока его люди бестолково возьмется в земле.

Даже сейчас, когда они обнаружили смертоносные побеги, раан-хара не покидало чувство тревоги. Он жадно принюхивался, пытаясь определить, насколько далеко успел раскинуть свои корневища Цветок Смерти. Прежде в сознании Лаара рисовалась стена, простирающаяся от этого самого места и дальше на север. Сейчас же он чувствовал запах Цветка, долетающий справа и слева, словно побеги росли по дуге. И странное это ощущение совершенно не нравилось мужчине.

А вернувшиеся из разведки подчиненные лишь подтвердили его опасения:

— Везде бурелом. Даже на своих двоих с трудом можно пробраться. И полоз... очень уж шустрый. — Воин отер рукой вспотевший лоб. — Никогда такого не видел. Еле ноги унес.

— Дерьмово... — тихо выдохнул ор Гронта и уже громче приказал: — В одиночку не ходить! Держаться группой!

И уже про себя заковыристо ругнулся. Они слишком задержались. Если бы прибыли раньше, возможно, дела были бы не так плохи. И тракт бы не завалило.

А все из-за этих баб! И Сириша с его дурными советами и непонятными видениями! Его бы сюда, разгребать это дерьмо!

Стражи по-прежнему копались в земле, и Лаар не выдержал.

— А ну отойди! — толкнул плечом одного из парней и выхватил у того топорик.

Замахнулся хорошенько, вкладывая в удар всю накопившуюся злость и недовольство. В два замаха рассек тугое переплетение корней и сунул руку в яму. Ухватился за самый склизкий и непослушный и, стиснув зубы, потащил его к поверхности. Остальные помогали, руками разгребая в стороны комья смолисто-черной земли.

— Тонковат, — отметил один из спутников, и Лаар раздраженно фыркнул:

— Поищи получше!

Сам же он понимал, что лучше не найти, слишком далеко от материнской цветоножки. И им бы отправиться напрямик туда, но позади ждала оставленная кибитка. Да и своими силами тут не справиться — смолы не хватит, чтобы выжечь встающие на пути заросли. А значит, надо

первым делом расчистить завал и добраться до селения.

Лаар привычно закатал рукав на левой руке. Достал из-за пояса короткий кинжал и без колебаний резанул по запястью.

ГЛАВА 12

Лаар

Лаар очнулся, когда в небе занимался робкий рассвет. С трудом поднялся на ноги. Слабость еще не до конца отступила, но хотя бы голова прояснилась. Сколько, интересно, он проспал?

Раан-хар огляделся. Воины его, как и положено, были на ногах. Судя по осунувшимся лицам и ссутулившимся фигурам, ни один не позволил себе отдыха. Завал заметно уменьшился, но, увы, этого было недостаточно, чтобы проехать.

— Сколько меня не было? — спросил у проходящего мимо стража.

— Четыре часа. — Тот подвинул раан-хару сумку с медикаментами. Кинул косой взгляд на пропитавшуюся кровью повязку: — Помочь?

Лаар мотнул головой.

Четыре часа... Не так мало. Но и не так много, как хотелось бы.

Привычным движением содрал с запястья промокшую повязку и принялся наматывать свежий лоскут ткани, перебирая в голове события вчерашнего дня.

Одного заговора, как и ожидалось, не хватило. И пришлось выкапывать еще два корня в непосредственной близости от завала. Лаар отдал слишком много крови и в какой-то момент попросту отключился. А теперь был зверски голоден и изнывал от жажды.

Кое-как дошел до привязанного к дереву жеребца, вытащил флягу из седельной сумки и с жадностью припал к горлышку. Сладкая, прохладная вода скользнула в горло, понемногу возвращая силы. Лаар осушил флягу почти до дна. Отер свежей повязкой мокрые губы. И лишь после вернулся к насущным проблемам.

Тонкое обоняние раан-хара ловило мириады запахов. И самым острым и ярким из них был запах Цветка Смерти. Приторно-сладкий, острый, с тлеющей на кончике языка гнильцой. Помнится, когда Лаар впервые почуял этот запах — не смог сдержать рвотного позыва. А теперь привык. Он стал обыденностью, но по-прежнему четко выделялся среди других ароматов. Более того, Лаар научился различать его малейшие тона. Он четко знал, как пахнет материнская цветоножка и какой аромат источают полные ядовитых спор и пыльцы семенные коробочки. И даже подвижный полоз для раан-хара пах по-своему.

Сейчас же он сосредоточился на ином. Как и вчера, мысленно попытался нарисовать картину распространения смертоносных побегов. Глубоко вдохнул, ловя легкие ароматы, приносимые ветром, и почти в тот же миг ошарашенно распахнул глаза. Если вчера на закате территория распространения Цветка виделась ему дугой, то сейчас сознание рисовало почти полное кольцо. Зловонные ароматы Цветка долетали и справа, и слева, и...

Лаар резко обернулся, скользя глазами по узкой полосе тракта. С той стороны, откуда они приехали, где оставили кибитку с девушками и часть воинов, явственно веяло запахом Цветка Смерти...

* * *

До заката муж так и не вернулся, и кшатрий велел возвращаться к реке. Такое положение дел меня совсем не обрадовало. Отчего-то казалось, что если уедем, бросим их тут навсегда. Да и большая часть запасов ехала как раз в кибитке. Не можем же мы оставить воинов без провизии!

Я, как могла, пыталась настоять на задержке. Но кшатрий, так же как и мой муж, был непреклонен, пусть и отвечал не в столь резкой форме, как Лаар. Своими уговорами мне удалось выкроить не более получаса времени, но гвардия раан-хара так и не показалась на горизонте, и пришлось смириться с приказом Халида.

Уже заметно стемнело, и повозка ехала совсем медленно. Плелась, словно нехотя, и в ночной тишине было явственно слышно, как поскрипывает одно из колес. Сопровождавшие нас стражи запалили факелы и освещали дорогу, тщательно высматривая любые неровности. А еще то и дело косились на темные лесные заросли. Лица их, освещенные огнем, были напряжены и хмуры. И меня не покидало странное чувство тревоги. Лес, прежде светлый и приветливый, сейчас казался зловещим, а от каждого шороха, доносившегося из кустов, по спине бежали мурашки.

Интересно, в здешних местах водятся дикие звери? И смогут ли мои сопровождающие защитить в случае опасности? Все же ехать с гвардией было куда спокойнее. И для ночлега мы всегда выбирали более-менее открытое место, палили жаркие костры, отпугивающие животных.

Сейчас же мы ехали почти в темноте (пятно света еле-еле касалось обочины тракта), запросто рискуя пропустить одну из развилок. Кшатрий помимо прочего сверялся еще и с картой. Нам же с Хальди не оставалось ничего, кроме как тихонько дремать под пологом кибитки. Тихая езда

укачивала, и я почти уже уплыла в мир грез, как повозка вдруг неожиданно подскочила на ухабе и опасно накренилась, грозя перевернуться.

— Дьявол! Что за...

С той стороны донеслись крики и ругательства. Разбуженная Хальди потянула меня за рукав, спеша выбраться из нашего укрытия.

— Никто не пострадал? — рядом тут же возник Халид и, подхватив на руки, помог выбраться из накренившейся кибитки. Следом спустил и мою помощницу.

Сознание мигом сбросило сонные оковы. Сердце прерывистыми толчками забилося в груди.

— С нами все в порядке. Что произошло?

— Колесо, чтоб его... — зло выплюнул кшатрий. — Видать, налетели на что-то...

— Знать бы еще на что. — Рядом возник один из стражей. — Дорога ровная была. Я зорко глядел.

Остальные уже вовсю суетились вокруг кибитки. Один из мужчин прикатил отлетевшее в кусты колесо, двое других полезли под днище, видимо, пытаясь прикинуть, как починить повозку.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил Халид.

— Дело дрянь! — крикнули из-под днища и принялись в красках описывать детали поломки.

В разговор я особо не вникала. Краем уха уловила, что треснула одна из осей да, кажется, вылетело колесное крепление. В любом случае, ясным было одно — ремонт займет много времени и, увы, нужных деталей в темноте не найти.

В итоге ночевать пришлось прямо на дороге. Стражи соорудили подпорку для кибитки, и нам с Хальди было велено не высовываться из-под полога. Воины же остались снаружи — нести дозор.

Я с трудом смогла уснуть. Полночи проворочалась на подушках, не в силах справиться с волнением. И вот ведь издевка судьбы: раньше, когда Лаар был рядом, я не могла уснуть, потому что боялась его прихода. А теперь переживала, как он там, все ли хорошо и почему он с воинами не вернулся к темноте. И думала, что лучше бы он сейчас был здесь, ведь если с ним что-то произошло... я даже не представляю, как мы все сможем жить дальше.

Проснувшись я, едва в небе забрезжил рассвет. Хальди спала, свернувшись калачиком в противоположном углу кибитки, и тихо посапывала во сне. Угли в переносной жаровне уже давно прогорели, было зябко и неудобно. Я передернула плечами и выглянула наружу.

Наших доблестных стражей, кажется, тоже сморил сон. В лагере было непривычно тихо, и даже свист ранних пташек не нарушал воцарившегося безмолвия.

Я вылезла наружу, хорошенько потянулась, разминая затекшие мышцы. В лесу было уже достаточно светло, и вчерашние страхи отступили. Теперь можно было не бояться каждого шороха, не выискивать в густых тенях затаившихся монстров.

Стараясь никого не разбудить, я тихонько побрела в кустики. Обычно меня сопровождала Хальди, но не стану же я ее тревожить по таким пустякам. Сбегаю сама по-быстрому. Надеюсь, не хватятся.

Я немного углубилась в лес, так, чтобы меня не было видно с дороги и, выбрав удобное местечко, шустро сделала свои дела. И уже возвращаясь обратно, услышала странный шорох, словно мелкий зверек возился за одним из деревьев. Или, быть может, птица. Но в окружающем безмолвии звук этот казался лишним. Чуждым.

Я подняла с земли сухую палку и потихоньку двинулась на шум. И оторопело замерла, увидев всего в нескольких метрах тушу крупной лани, бездвижно лежащей на земле.

Удобнее перехватила свое оружие и осторожно приблизилась, обходя мертвое животное по дуге. Тело ее было почти не тронут, вот только из пустой глазницы пробивался бледно-зеленый росток. Тонкий, подкрученный, словно побег молодого папоротника.

Я выронила палку и испуганно отшатнулась. Попятилась, чувствуя, как стучит в висках кровь, как тело становится ватным, непослушным, а глаза застилает паника.

Под ноги попался какой-то корень, я споткнулась и, коротко взвизгнув, села в траву. И тут же перевернулась на колени, поднялась неуклюже, обдирая руки о шершавую древесную кору. И что есть мочи рванула к дороге. И почти тут же со стороны стоянки донесся истошный женский крик. А за ним страшный треск, с каким во время бури падает сухое старое дерево.

Выбежала на тракт как раз в тот самый момент, когда это дерево с жутким грохотом обрушилось на дорогу, отрезая путь к реке. Вот только было оно отнюдь не сухим и старым. Зеленая крепкая ель с разлапистыми колючими ветвями, что теперь топорщились во все стороны — не проберешься.

Рядом по-прежнему истошно вопила Хальди, но смотрела она отнюдь не на дерево. Я проследила за взглядом помощницы и судорожно зажала рот ладонью.

Что-то лезло с противоположной стороны дороги, не то корни, не то длинные лианы. Кажется, точно такие же обвивали и ствол рухнувшей ели. Вот только я и предположить не могла, что растение может быть столь подвижным.

— Рани! Слава богам, вы здесь! — Рядом возник кшатрий с обнаженной кхандой в руке. Следом подтянулись еще трое стражей. И тут же бросились к лианам, замахиваясь короткими боевыми топориками. — Надо уходить! Возьмите лишь самое необходимое. Где Дерх?

— Он... Его... — Хальди всхлипнула, с ужасом глядя на лезущие из зарослей лианы. И вновь зашлась в громкой истерике, не в силах самостоятельно успокоиться.

Я хотела было подойти к ней, помочь. Но Халид оказался быстрее. Хорошенько тряхнул визжащую девушку за плечи, а когда и это не возымело действия — отвесил хлесткую пощечину.

Хальди тут же замолчала. Прижала ладонь к покрасневшей щеке.

— Надо уходить! — скомандовал кшатрий и кинул быстрый взгляд на сражающихся с лианами воинов.

Стражи явно не справлялись. Один упал в траву, сию же минуту выпутаться из обвившей ноги лозы. На помощь бросился товарищ, но лезущие со всех сторон лианы не давали подобраться хоть сколь-нибудь близко.

Я ждала, что Халид поспешит на помощь, но он сделал абсолютно противоположное — метнулся к лошадям и принялся второпях отвязывать поводья.

— Рани, садитесь! — скомандовал кшатрий и без лишних слов усадил меня в седло. Хлестнул коня по крупу.

— А как же вы? — Я с трудом удержала рванувшее вперед животное.

— Нам не впервой! Разберемся тут и догоним!

Кшатрий посадил мою помощницу, а сам метнулся к кибитке, видимо, намереваясь забрать какие-то вещи. Я же с ужасом заметила, как к повозке подбирается пара ползучих кореньев.

— Халид, осторожнее! — крикнула мужчине, с силой стискивая поводья. Конь нетерпеливо переступал с ноги на ногу, крутился на месте, готовый в любой момент сорваться в галоп.

— Рани, надо ехать! — торопила Хальди, а я лишь сильнее натянула поводья, с ужасом оглядываясь на кибитку.

Лианы заползли внутрь, и в глубине повозки разразился самый настоящий бой. Полог ходил ходуном, а потом и вовсе рухнул, погребя под тяжелой тканью кшатрия. И пока тот не успел выпутаться, подвижные лианы обвили тело нашего предводителя и потащили к обочине.

Взгляд мой наткнулся на блеснувшее лезвие оброненной кханды.

О боги, он ведь не справится с лозой без оружия!

— Надо помочь! — Не думая, развернула коня и бросилась к кибитке. Спрыгнула на землю, подбирая меч, тяжелый и неудобный для женской руки.

— Рани, стойте, рани! — попыталась остановить меня помощница. Но она была не столь хорошей наездницей и пока возилась со своим жеребцом, неумело пытаясь слезть с конского крупы, я уже бросилась в лес, в густую траву и заросли колючего шиповника.

Лианы были не столь быстры, и догнать их не составило труда. Кшатрий так и не выпутался из спеленавшей его ткани и лишь остервенело барахтался, извивался всем телом, пытаясь содрать с себя смертельные путы.

Я нашла глазами растение, плотно обвившее мужскую щиколотку, пробежала вперед, чтобы ненароком не задеть ногу кшатрия, и, вложив все силы в замах, опустила тяжелое лезвие на стебель лианы. Обрубленный конец скрутился кольцом, задергался, словно в смертельных конвульсиях, и я с перепугу ударила еще несколько раз. Едкий сок брызнул на край шаровар, капля попала на неприкрытую ладонь, обжигая кожу.

Я выронила ставшую неподъемно-тяжелой кханду, отерла тыльную сторону ладони о край туники и тут увидела ее... Огромную семенную коробку, раскачивающуюся на крепком стебле толщиной с человеческую руку. Коробка была еще совсем зеленая, незрелая, такая не скоро раскроется, выпуская на свет ядовитый дым и споры. Пугало меня не это.

Взгляд мой приковали длинные жесткие листья с колючими рваными краями, сплошь усеянные смертельными иглами. Они были призваны защитить семенную коробку до полного вызревания, и стоит только подойти близко...

Я замерла, боясь шелохнуться. С ужасом глядя, как разворачиваются узкие листья, как стремительно распрямляются, выпуская в воздух острые ядовитые шипы.

Краем глаза заметила метнувшуюся сбоку тень. Кто-то мощный и стремительный сбил меня с ног, и мы покатались по сырой земле, подминая под себя сухую траву и тонкие побеги деревьев.

Лаар.

Не думала, что когда-нибудь буду рада его видеть...

— Совсем идиотка? — рывкнул муж и зашарил руками по моему телу. — Жить надоело?

Обеспокоенный взгляд серых глаз суматошно метался от лица к

плечам, часто вздымающейся груди и обратно. Сам раан-хар дышал тяжело и с хрипами, словно после бешеной скачки.

— Не задело?

— Вроде нет, — тяжело сглотнув, пролепетала я. Сознание еще не отошло от пережитого, и мысли ворочались в голове медленно и вяло.

Я прислушалась к собственным ощущениям, отмечая, как после падения ноет бок. Но резкой боли не было. Если бы меня задели шипы, наверняка бы...

Что-то горячее и мокрое упало на щеку. Я смахнула каплю и с ужасом обнаружила, что это кровь. Только вот не моя...

Из плеча Лаара, как раз в том месте, где заканчивался черный доспех, торчало несколько впившихся в плоть шипов, а по серой тунике уже расплзлось кроваво-красное пятно.

— Лаар...

Муж проследил за моим взглядом, коротко ругнулся, а потом попросту сгреб шипы в охапку и разом выдернул из плеча.

— Ерунда!

— Но как же... надо целителя... и яд...

Я почувствовала, как сознание вновь затапливает паника. Одного укола тонкого шипа достаточно, чтобы слечь в постель с горячкой. А если вовремя не обработать рану и не высосать яд, можно и вовсе отправиться на тот Берег!

— Яд мне не страшен.

Лаар хотел встать, но взгляд его вдруг метнулся в сторону. Он вновь подмял меня под себя, и мы еще несколько раз перекатились по земле. Пока я пыталась понять, что происходит, муж рванул вправо, выбрасывая перед собой руку, и вытащил из густой травы толстенный корень или, может, лиану. Я так и не поняла, что это.

— Вот зараза! — сквозь зубы прошипел Лаар, крепко вцепившись в извивающееся растение, а потом и вовсе потянул на себя. Да с такой силой, что, кажется, с корнем вырвал ползучую гадость. По крайней мере, трепыхаться лиана перестала, и раан-хар уже без усилий намотал толстый жгут на ладонь.

— Факелы сюда, живо! — скомандовал неизвестно кому, и, приподнявшись, я увидела, как на выручку спешат другие стражи. Должно быть, раан-хар вернулся вместе со всей своей гвардией.

Поспешила встать и отряхнуться, отмечая, как ноет тело после встречи с неровностями лесной подстилки. Во всей этой суматохе я умудрилась потерять свой головной платок, и волосы совсем растрепались.

Поймала хмурый взгляд Лаара, но отчитывать меня он не стал. Просто коротко скомандовал:

— Прикрой чем-нибудь лицо.

Я сначала не поняла, что он имеет в виду, а затем проследила, как муж обнажил свой меч и двинулся к семенной коробке. Чем опасны споры Цветка Смерти, я прекрасно представляла и, не раздумывая, схватила подол туники, подняла, прикладывая ткань к лицу, уже совершенно не заботясь о том, что неприлично задирает платье в присутствии посторонних.

К слову, подтянувшиеся стражи были защищены от спор куда лучше меня. У одного лишь раан-хара не было повязки на лице. Видимо, эта напасть ему тоже не страшна.

Стражи запалили факелы, и брошенная на землю лиана была мгновенно предана огню. Лаар же голой рукой схватился за стебель, удерживающий семенную коробку, и, хорошенько замахнувшись, рубанул по нему. Тяжелая коробка повисла на сломанной ножке, треснула в одном месте, но так и не раскрылась. Лаар ударил второй раз, окончательно перерубая ствол, и швырнул растение в огонь. А затем сделал то, чего я совершенно не могла ожидать.

На левом запястье раан-хара белела повязка. Он зубами содрал ее и тем же мечом надрезал еще незажившую рану. Занес руку над торчащим из земли обрубок Цветка и зашептал что-то на совершенно непонятном языке, шипящем и грубом, совершенно непривычном и чуждом слуху. И в то же мгновение татуировка змеи, выглядывающая из-под закатанного рукавараан-хара, налилась зеленоватым светом. И казалось, будто кровь, сочащаяся из рассеченного запястья, капает из раскрытой змеиной пасти.

Лаар все шептал слова странного заговора. А обрубленный стебель чернел на глазах, скручивался, словно его поливали не кровью, а какой-то страшной кислотой.

Полночная звезда, я ведь и не предполагала, какой силой обладает кровь раан-хара!

Я застыла на месте, в оба глаза уставившись на светящуюся руку Лаара. Отмереть заставило деликатное покашливание. Повернула голову и встретила взглядом с кшатрием.

Ох, я ведь совсем про него забыла!

Уже раскрыла рот, чтобы поинтересоваться, все ли в порядке, но Халид первым взял слово:

— Позвольте поблагодарить вас, рани. Я обязан вам жизнью! — Кшатрий встал на одно колено и приложил ладонь к груди. — Позвольте служить вам, рани. С этих самых пор и до ухода на тот Берег.

— Служить ты будешь мне! — оборвал недовольный голос раан-хара. — Если, конечно, я захочу этого после того, как ты нарушил мой приказ! — Муж дернул меня за руку и повлек за собой, выводя обратно к тракту. — По коням! Надо выбираться отсюда!

— Мой раан-хар, тракт перекрыт упавшим деревом. — Халид не отставал от нас, идя рука об руку с Лааром. Возмущаться или оправдываться он и не думал.

— Я в курсе! С обратной стороны то же самое. Цветок взял нас в кольцо. Будем искать уязвимое место и прорываться! — И добавил, уже повернувшись ко мне: — Чтобы ни на шаг от меня не отходила!

* * *

О кибитке пришлось забыть. Ее мы без сожаления бросили на тракте, забрав лишь самое необходимое. Лаар усадил меня на своего жеребца. Сам устроился сзади, притянул к себе одной рукой и жестко скомандовал:

— Держись крепче!

Возражать или колебаться времени не было. Впрочем, как и желания. Изнутри сжигал страх, странное чувство обреченности и безысходности. После того как я увидела, на что способен Цветок Смерти, сомнений не оставалось — мы в ловушке и выбраться нам поможет только чудо.

Или Лаар...

Странно, но рядом с ним становилось спокойнее. Надежнее как-то. И страхи отступали. Лишь он один знал, что делать. Был тверд и уверен в своих решениях и поступках.

Кажется, теперь я понимаю, почему все беспрекословно подчиняются Лаару ор Гронта...

Обняла мужа обеими руками, прижимаясь щекой к широкой груди, чувствуя, как щекочет ноздри запах свежей крови — Лаар так и не удосужился перевязать рану. Не хотелось бы ненароком сделать ему больно...

Но и разжать объятий я не могла. Красногривый конь несся словно ураган, сметая на своем пути ветки деревьев и мелкий кустарник. Мы кружили по лесу, то ускоряясь, то неожиданно замирая на месте. Лаар что-то вынюхивал, прислушивался к ощущениям, выбирая дорогу. И почти везде нам встречалось одно и то же — бурелом и выкорчеванные с корнем деревья, стеной преграждающие дорогу. И путы ползучих лиан, обвивающие эти деревья вдоль и поперек.

Раан-хар ругался сквозь зубы и поворачивал коня. Не знаю, сколько мы так проколесили. Мне показалось, что целую вечность. И руки, которыми я крепко вцепилась в мужа, онемели от перенапряжения.

И когда уже казалось, что бешеная скачка эта никогда не прекратится, мы наконец остановились. Лаар спешился и вручил мне поводья.

— Сядь удобнее. Если скомандую, сразу же уезжай.

Я кивнула, трясущимися руками наматывая кожаный ремень на кисть.

— Здесь! Готовьте факелы и топоры! — скомандовал своим воинам раан-хар и первым двинулся к поваленному впереди дереву.

Это, в отличие от прочих, было не такое большое, и если убрать торчащие во все стороны ветки, то вполне можно будет проехать верхом.

Собственно, этим и занялись стражи во главе с раан-харом. Действовали они слаженно, четко и быстро. Сразу видно, что проделывают подобную работу не в первый раз.

Несколько воинов рубили топорами ветви, другие уже запалили жаркий огонь и бросали в них куски обрубленного полоза, как они называли подвижные лианы. Кшатрий и еще пара стражей остались сидеть на лошадях, зорко глядя по сторонам и предупреждая о возможной опасности.

Рядом с одним из воинов я заметила и перепуганную Хальди. Судя по бледному лицу, она здорово перенервничала. Впрочем, вряд ли я сейчас выглядела лучше...

А я еще и постоянно высматривала в толпе Лаара. Отчего-то мне было очень важно видеть его, знать, что с ним все в порядке.

Заметила уже знакомое зеленоватое свечение и чуть не застонала в голос. Опять занимается кровопусканием... Разве же можно так часто? Надеюсь, он понимает, что делает...

Спустя примерно полчаса путь заметно расчистился.

— По коням! — скомандовал раан-хар, и несколько стражей первыми поехали вперед, проверяя безопасность дороги.

Лаар с трудом влез на жеребца. Хоть он и пытался держаться бодро, даже мимолетного взгляда было достаточно, чтобы понять, насколько он вымотался. Лицо его отдавало нездоровой бледностью, лоб взмок, а повязка на запястье напиталась кровью. Я уже не говорю про раненое плечо, к которому, кажется, намертво прилипла туника.

Муж попытался завладеть поводьями, но я не дала.

— Давай лучше я, — предложила на свой страх и риск и, пока он не успел нагрубить в своей привычной манере, перехватила его ладонь и аккуратно положила себе на талию.

Не знаю, что произошло: то ли Лаар слишком устал, чтобы возражать, то ли не стал лишний раз тратить время на глупые споры, но он послушался.

Мужская рука еле заметно сжалась на моей талии, и я повела коня вперед, догоняя уехавших всадников.

Теперь во главе отряда ехал кшатрий, мы же тихонько шли в середине, под охраной окруживших нас стражей. Процессия двигалась медленно, нормально расчистить бурелом за столь короткий срок, разумеется, не удалось, и теперь приходилось тщательно выбирать дорогу.

Но кто бы знал, как мне хотелось пустить лошадь в галоп. Выбраться поскорее из этого проклятого места, где не видно животных и не слышно пения птиц. Даже воздух здесь казался пропитанным ядом Цветка Смерти, и приторный запах его щекотал ноздри.

Неожиданно сзади раздался душераздирающий крик. Я натянула поводья, обеспокоенно оглядываясь по сторонам, пытаюсь разглядеть, что творится в хвосте отряда.

— Не останавливайся! — жестко приказал Лаар и тронул рыска пятками, заставляя того идти быстрее.

Да и едущие впереди всадники заметно ускорились. О боги, неужели же они не бросятся на выручку? И словно отвечая на мои мысли, из-за спины раздалось:

— Вряд ли там чем-то можно помочь...

По спине прошел озноб, и волна липкого страха накрыла с головой. Неужели же со всеми, кто отстанет, случится подобное?

И я тут же принялась выискивать глазами Хальди. Но, увы, отряд сильно растянулся, и девушки было не видеть. Оставалось лишь надеяться, что она где-то впереди и, возможно, уже в безопасности.

Постепенно дорога становилась чище и ровнее, и лошадь пошла быстрее, петляя меж высоких корабельных сосен. Лес посветлел и уже не казался таким зловещим и тихим, как прежде. В лицо пахнуло свежим воздухом, наполненным запахом хвои и свежей зелени. И в какой-то момент я просто поняла — вырвались!

И словно груз с плеч свалился. Дышать разом стало легче, и, кажется, даже жеребец наш заметно расслабился. Лаар же и вовсе устало ткнул лбом в мое плечо и тихонько проговорил:

— Еще немного осталось...

И правда, спустя десять минут мы спустились в низину. Раньше здесь, скорее всего, лежало болото — тут и там торчали остатки колосистого камыша, а чуть поодаль даже тек тоненький ручеек в обрамлении

шелестящей на ветру осоки. Но сейчас здесь было достаточно сухо, чтобы разбить лагерь.

Приехавшие раньше нас воины уже успели поставить шатер и развести огонь. А я только сейчас поняла, насколько устала и голодна. Со вчерашнего дня ведь ничего не ели.

Лаар первым слез с коня, помог спуститься мне. И я сразу увидела спешащего нам навстречу кшатрия.

— Иди в шатер. Отдыхай, — распорядился муж и мягко подтолкнул меня в спину.

Спорить не стала — после долгой скачки гудели ноги и ныла спина и хотелось поскорее лечь, расслабиться хоть немного.

— Сколько человек потеряли? — первым делом спросил у подошедшего кшатрия Лаар, и я заставила себя сбавить шаг, прислушиваясь к разговору идущих за спиной мужчин.

— Трех. Двух еще на тракте и одного, когда прорывались. Проклятый полоз! — со злостью выплюнул Халид.

Лаар на это ничего не ответил, лишь жестким, уверенным тоном приказал:

— Отправь гонцов в ближайшие поселения. Пусть соберут всех мало-мальски крепких мужчин и приведут к лесу.

— Что ты задумал, Лаар? — с беспокойством в голосе поинтересовался Халид.

Раан-хар несколько мгновений молчал, а потом таким же уверенным, не терпящим возражений тоном проговорил:

— Мы сожжем лес!

ГЛАВА 13

Хальди я нашла в лагере и была невероятно рада, что с помощницей все в порядке. Кажется, она уже немного отошла от случившегося и теперь помогала стражам с готовкой.

— Рани! — Девушка была не меньше моего рада встрече. Даже подбежала, но обнять так и не решилась. Застыла всего в шаге, смущенно улыбаясь.

Я сама подошла и крепко обняла наперсницу, за все это время успевшую стать мне подругой.

— С вами все хорошо? — спросила девушка, окидывая меня беспокойным взглядом.

— Не волнуйся, все в порядке, просто немного устала.

— Так, может, помощь нужна? Я мигом!

Помощница тут же бросила свой котелок и собралась проводить меня до шатра.

— Не нужно, я справлюсь. Занимайся своими делами.

Служанка было воспротивилась, твердо намереваясь заняться мной, но тут ее окликнули:

— Хальди, ну ты чего там возишься?! Есть охота!

— Ой! — спохватилась наперсница, подхватив брошенный котелок, и поглядела куда-то поверх моего плеча, явно колеблясь, чем заняться в первую очередь.

— Иди, иди. Тут твоя помощь нужнее. — Я мягко похлопала девушку по плечу и поспешила поскорее скрыться в шатре.

— Я попозже принесу поесть. Совсем скоро готово будет! — вдогонку крикнула Хальди и унеслась куда-то со своим котелком.

Я же отодвинула в сторону полог шатра и, убедившись, что никого нет, осторожно ступила внутрь.

От богатого убранства походной кибитки тут мало что осталось. Не было ни парчовых подушек, ни мягкой перины, ни переносной жаровни. Лишь пара покрывал лежала на свежескошенной траве, призванной служить подобием подстилки. Впрочем, другого я и не ожидала. В спешке бросая повозку, стражи забрали лишь самое необходимое. И, разумеется, никто не подумал о моих вещах, хотя переоделась бы я сейчас с удовольствием. А еще очень хотелось помыться или хотя бы обтереться мокрой тряпицей.

Со всей этой беготней и скачкой по непроходимым лесам я успела здорово вспотеть и вымазаться. Даже руки были испачканы в какой-то черной копоти, хоть я, в отличие от воинов, даже не прикасалась к факелам.

Поискала глазами какое-нибудь подобие посуды, но, увы, ничего подходящего не нашлось.

Наверное, придется идти к ручью. Или, может, попросить кого-нибудь принести воды?

Пока я колебалась в нерешительности, полог шатра распахнулся, выпуская внутрь мою помощницу.

— Вот, я подумала, вы захотите освежиться. — Девушка поставила на землю целый котелок воды, вручила мне чистую тряпицу.

Да она будто мысли читает!

— Ну, я пойду тогда? Вы же справитесь? — Хальди смущенно переступила с ноги на ногу, а я только сейчас заметила яркий румянец на ее щеках. И куда, интересно, она так спешит?

Меня обожгло любопытством, но спрашивать я не стала. Решила, что сейчас не самое подходящее время для девичьих бесед. А потому лишь коротко поблагодарила служанку и отпустила восвояси. И дождавшись, пока закроется ткань полога, с наслаждением опустила руки в прохладную воду. Сполоснула лицо и половинкой разорванной тряпицы отерла вспотевшую шею.

Подумала, не снять ли тунику, чтобы обтереть и остальное тело, но вновь засомневалась: а вдруг войдет кто? В конце концов, шатер мало походит на мои личные покои, да и Хальди, что могла бы покараулить, нет поблизости. Наверное, зря я ее отпустила...

Полог вновь распахнулся, и я вскинула голову, ожидая увидеть помощницу, — и вздрогнула, столкнувшись взглядом с тусклыми серыми глазами Лаара.

Муж кинул короткий взгляд в мою сторону, но почти сразу отвернулся. Прошел к импровизированному ложу и принялся расстегивать ремни, удерживающие доспех.

А я только сейчас подумала, что шатер в лагере всего один. И не будет же раан-хар спать под открытым небом. А значит...

Облизала вмиг пересохшие губы и украдкой посмотрела на мужчину. Лаар уже успел отстегнуть доспех и кинул его прямо под ноги. Взялся за тунику, насквозь пропитавшуюся потом и кровью, хотел снять, но кровь вокруг раны запеклась, и содрать ее можно было разве что с кожей.

— Проклятье! — коротко выругался муж, а я разом подорвалась с места.

— Погоди, я помогу! — перехватила его ладонь прежде, чем он успел рвануть ткань. Аккуратно приложила к плечу мокрую тряпицу. — Надо немного размочить, и само отойдет.

Несколько раз промокнула рану, краем сознания отметив, как напряженно замер Лаар. Я чувствовала на себе его взгляд, пристальный и тяжелый, и оттого боялась поднять глаза, вперившись в багровое пятно, расплывшееся по темно-серой тунике.

Тряпица оказалась недостаточно мокрой, и ткань совсем не хотела отлепляться. Что ж за невезение такое!

— Подержи... — пришлось передать Лаару тряпицу, а самой метнуться к оставленной воде, принести поближе.

Лаар устало сел на край покрывала, явно предвидя долгую возню. Я опустилась рядом, чувствуя странную неловкость и скованность. Но все же заставила себя откинуть прочь неуместные колебания и заняться делом, дюйм за дюймом отлепляя от кожи прилипшую ткань. Вода окрасилась розовым, дрожащие руки постепенно успокаивались, и движения становились все более уверенными и четкими, быстрыми. И когда ткань наконец полностью отлипла, я без всякой задней мысли схватилась за край мужской туники и потянула ее вверх.

Натолкнулась на пристальный взгляд Лаара. Он так и сидел, не двигаясь, уперев руки по обе стороны от себя, и, кажется, даже не думал мне помогать.

И тут же вспомнилось, как я раздевала его в прошлый раз, тогда, в хозяйских покоях, и чем все это закончилось..

Испуганно разжала пальцы, выпустив край туники. Чудом сдержалась, чтобы не отшатнуться.

Секунду ничего не происходило. Мы так и сидели друг напротив друга, замерев в неловкости. Точнее, неловко было мне. Что за странное выражение застыло во взгляде Лаара, я так и не смогла разобрать.

А потом он одним рывком стащил с себя тунику, откинул к брошенному на землю доспеху. Усмехнулся, заметив, как тяжело я сглотнула — за все это время я так и не успела привыкнуть к виду его обнаженного тела. Тем более в такой близости. Когда терпкий запах мужского тела щекочет обоняние и видно каждую бисеринку пота, проступившую на смуглой коже, каждый крохотный шрамик, оставленный когда-то острыми шипами Цветка Смерти.

— Забавно... Когда надо сидеть тихо и не высовываться, ты проявляешь небывалую храбрость и сломя голову мчишься в гущу событий. А когда следует проявить немного расторопности, робеешь,

словно девица на выданье.

— О чем ты? — Я наконец отмерла. Еще раз смочила тряпицу и осторожно приложила к кровоточащей ране на плече: видимо, не до конца отлепила ткань и чуть затянувшийся прокол вновь треснул.

— О том, что махать кхандой — не женское дело!

Ах, вот он о чем! Глупо было думать, что муж не припомнит мне этой выходки. Хотя разве же это была выходка? Неужели я должна была поступить иначе?

— А что я, по-твоему, должна была делать? Сидеть и смотреть, как погибает человек?

— Ты должна была сесть на коня и гнать его во весь опор подальше от этой бойни! Думать в первую очередь о себе! — зло прорычал Лаар, уже привычно повышая на меня голос.

— По-твоему, моя жизнь дороже жизни твоего кшатрия? — Я осмелилась поднять на Лаара глаза. И уверена, в них не было ни грамма покорности, ни грамма согласия.

— Халид — солдат! Это его работа, его долг! А твой долг...

— Знаю, ублажать раан-хара, — выпалила, перебив мужа, и резко встала.

Отчего-то стало очень обидно. Я ведь хотела как лучше, хотела помочь. И все закончилось хорошо. Так зачем он сейчас кричит на меня? Ведь будь у меня возможность вернуться в прошлое, я все равно поступила бы так же!

Подхватила оставленный в углу кусок сухой тряпицы, разорвала на несколько длинных лоскутов. И, с трудом поборов себя, вернулась к мужу. Надо закончить дело.

— Ты могла погибнуть, Катара... — практически спокойно произнес Лаар. На сей раз обуздать гнев ему удалось куда быстрее.

— И что? — Я принялась споро перевязывать раненое плечо мужа. — Это все равно случится. Днем раньше, днем позже. Какая разница?

— Не говори глупости.

Лаар вдруг зашипел, а я увидела, как из-под свежей повязки побежала тонкая струйка крови.

Ох, кажется, слишком сильно затянула...

— Извини...

Тут же поспешила исправить собственную оплошность. И смахнула пальцем капельку крови, бегущую вниз по руке. Но вместо того, чтобы смыть ее, поднесла к лицу, внимательно рассматривая.

Вроде кровь как кровь. Красная, теплая, жидкая. И не скажешь так

сразу, что она ядовита для всего живого. Даже палец не жжет, а стебель Цветка Смерти корчился от одного только соприкосновения с этой алой жидкостью.

Интересно, а насколько она ядовита для меня? Что, если, скажем, попробовать на вкус?

— Катара... не вздум... — Предостерегающий голос Лаара прозвучал слишком поздно. Я уже успела слизать алую каплю. И в тот же момент раан-хар рывком притянул меня к себе и впился в губы. Просунул язык в мой рот и стал шарить там, словно у себя дома. По всей видимости, пытался отыскать ту самую капельку.

Но какой там... От нее остался лишь легкий солоноватый привкус на кончике языка.

— Не смей больше никогда так делать, слышишь? — рявкнул Лаар, резко отстранившись. — Или не терпится поскорей отправиться на тот Берег?

— Ага, — кивнула заторможенно, толком и не вдумываясь в смысл прозвучавших слов.

Думать вообще не хотелось... Ведь я уже успела почувствовать вкус его губ, их мягкость и сладость. Пусть бы эта сладость и была замешена на горьком привкусе пепла.

И я вдруг поняла, что муж ни разу за все время не целовал меня. Да и то, что было сейчас, вряд ли можно назвать поцелуем.

Отчего же тогда я не могу оторвать взгляда от его губ, смотрю на них словно замороженная, непонятно чего ожидая.

И Лаар не спешит разорвать этого взгляда, невидимой нити, что натянулась меж нами. Совсем тонкой, звенящей от напряжения, дрожащей даже от легкого дыхания и готовой оборваться от любого неверного движения. И потому я сижу, замерев, боясь шелохнуться и нарушить эту незримую связь.

Губы пересохли, и я невольно облизала их. И в тот же миг Лаар стремительно подался вперед и вновь приник к моим губам, теперь уже целуя по-настоящему. Жадно, лихорадочно, так, будто только и думал об этом все время.

И я отвечала ему, чувствуя острую потребность в этих странных, на первый взгляд совершенно бессвязных движениях языка и губ. Но затягивающих, как мощная сила отлива затягивает в море неумелого пловца.

И, словно тот же пловец, я задыхалась. Хватала ртом воздух в краткие мгновения передышки, чтобы вновь с головой окунуться в пучину

ощущений. Новых, ярких и таких притягательных.

Все стеснение и скованность будто волной смыло, и я без колебаний обняла мужа за шею, чувствуя, как он крепко стискивает, прижимает к себе в ответ. А потом Лаар и вовсе пересадил меня себе на колени, становясь еще ближе, еще притягательнее, позволяя ощутить жар обнаженного мужского тела, напряжение натренированных мышц.

Его нетерпение и желание.

И сейчас они ничуть не пугали. Напротив, казались естественными и такими необходимыми...

Опомнилась я, лишь когда муж схватился за край туники и потянул ее наверх, решительно намереваясь оставить меня без одежды.

Тряхнула головой, прогоняя наваждение, и словно не своим, осипшим каким-то голосом попросила:

— Лаар, погоди, не надо...

— Что? Ты не хочешь? — В глазах его читалось искреннее недоумение.

И, боги, кто бы знал, как мне не хотелось сейчас его отталкивать. Но с другой стороны, я ведь обещала себе... Клялась, что больше не позволю мужу притронуться к себе.

— Не хочу... Я не хочу закончить, как... — Договаривать нужды не было, он и так все понял.

Долгий задумчивый взгляд его блуждал по моему лицу. Обрисовывал губы. Скользил по открытой шее и разметавшимся волосам.

— Сейчас самый безопасный момент. Концентрация яда в крови наименьшая. Я почти все отдал Цветку. И... и Сириш говорит, что это самое удачное время для зачатия.

И все вдруг встало на свои места.

Я наконец поняла, зачем я здесь. Почему Лаар тащил меня в поход вопреки воле. И зачем звал тогда, по приезде...

— Так ты поэтому взял меня с собой?

— Да... У меня есть обязательства, Катара. И я должен их исполнять...

Последняя фраза царапнула. И вдруг так больно, так пусто стало на душе. И на что я только надеялась? О чем думала?

— Так я всего лишь твое обязательство, да, Лаар?

Долгий взгляд в глаза. И его горячее дыхание на моей щеке.

— Ты — моя рани. И я хочу тебя до безумия...

И вновь поцелуй в губы. Но теперь уже другой. Мучительно нежный и томный. Ласкающий. И нет никаких шансов устоять. И слабая попытка оттолкнуть мужа гибнет на корню, когда он крепко притягивает к себе.

Запускает пальцы в волосы. Гладит и массирует напряженную шею.

И ко мне приходит горькое понимание, что сегодня я не смогу ему противиться. Нет, не потому, что слаба. А потому, что сама не хочу, чтобы он останавливался.

И все остальное как-то разом отходит на второй план. Его поцелуи заставляют забыть, что где-то поблизости отравляет лес Цветок Смерти, а далеко в Гарраде, во дворце раан-хара, тяжелой и мучительной смертью гибнут его жены. И что я сама очень скоро разделю их участь.

Это было где-то там. Далеко и не с нами. Словно осколок какой-то чужой страшной жизни. А здесь и сейчас не существовало ничего и никого, кроме нас двоих. Меня и странного незнакомца, совершенно непохожего на моего мужа. Нежного и заботливого. Чуткого. И вместе с тем страстного, ненасытного.

Его бросало из крайности в крайность. Он то лихорадочно целовал мои губы, до боли, до саднящих укусов, то притрагивался невесомо, зализывал последствия собственной неосторожности. И тунику снял аккуратно, медленно, будто боялся спугнуть. И стал покрывать невесомыми поцелуями шею и плечи. Скользил языком по коже, ставшей вдруг невероятно чувствительной.

И мягко уложил на спину, придавив сверху своим телом. Не оставив ни единого шанса на побег. А смотрел на меня так, что от одного взгляда потемневших глаз внутри вспыхивали мириады обжигающих искр. Я горела в его руках, плавилась в жарком пламени его страсти, его нежности, которую он так долго, так тщательно прятал, загоняя глубоко в себя.

А сейчас все это вырвалось на поверхность. Обрушилось ливнем. И я захлебывалась эмоциями, таяла под этим дождем, задыхалась, забывая дышать.

А Лаар все продолжал целовать, спускаясь губами к впадинке между ребер и ниже, к трепещущему в нетерпении животу.

В голове мелькнула мысль, что я уже почти две недели, как нормально не мылась. И пахнет от меня, должно быть, не лучшим образом. Особенно для чувствительного обоняния раан-хара. Я уже даже хотела сказать ему об этом. Остановить. Но разве можно остановить лавину, смертельной волной сходящую с гор?

Лаар словно помешался. Трогал губами каждый кусочек моей кожи, изучал, словно впервые в жизни, пробовал на вкус и жадно втягивал запах моего тела. И дрожал каждый раз. И я поняла, что он сдерживается, оттягивает момент единения, хотя я уже давно была готова к нему. И когда Лаар спустил с меня шаровары и скользнул пальцами между ног,

непроизвольно выгнулась, подаваясь навстречу его руке. Чувствуя, как влажно и скользко стало внутри. И до безумия желая большего.

Да, сколь бы ни было стыдно это признавать, но я хотела этой близости, жаждала ощутить его в себе. Настолько, что не было никаких сил терпеть...

Лаар и не заставил. Он буквально сорвал с себя штаны и вновь оказался на мне, удобно устроившись меж широко разведенных ног. Потерялся о мой живот, вызвав новую волну трепета и предвкушения, и вошел мучительно медленно, с низким гортанным стоном, вырвавшимся сквозь стиснутые зубы.

— Демон, какая же ты горячая... — Хриплый шепот мне в губы, и новое движение, столь же плавное и медленное, и теперь уже я не могу сдержать стоны. И обхватываю ногами его бедра, чтобы быть как можно ближе, прижиматься теснее, чувствуя его всем своим телом. Каждой клеточкой обнаженной кожи, каждой частичкой обнаженной души.

И с каким-то странным восторгом понимая, что сейчас он мой.

Мой без остатка.

Мой до самого своего глубокого, темного дна.

* * *

Лаар

Запах ее желания сводил с ума.

Бил по оголенным нервам, скручивал нутро в тугий узел, заставляя дрожать от перенапряжения.

Потребность немедленного обладания была столь сильной, что Лаар был готов завывать! Он хотел свою рани до искрящихся звезд перед глазами, до судорожно стиснутых челюстей и прокушенной до крови губы.

Хотел, но сдерживался. Потому что внутри него билось еще одно, совершенно иное желание: он хотел сделать приятное ей.

Должен был во что бы то ни стало, словно в том была острая жизненная необходимость. Хотел, чтобы хоть раз все было по-настоящему. Чтобы слышать ее сладкие стоны, видеть затуманенные наслаждением глаза, чувствовать неровное дыхание и грохот бешено колотящегося сердца.

Это было сильнее его, сильнее низменных плотских желаний, сильнее доводов разума, остатки которого разметались вместе с раскиданной по земле одеждой.

И он раз за разом вдыхал ее запах. Словно помешанный, опьяненный крепким хмелем ее тела. Вылизывал кожу, ощущая тысячи разных оттенков. Ласкал, подмечая малейшие реакции на свои прикосновения.

И чуть не сорвался, ощутив горячую влагу ее лона. Заставил себя не спешить, двигаться медленно и аккуратно. Сполна прочувствовать каждый миг, растянуть мучительное удовольствие.

И чуть не кончил, просто оказавшись внутри ее тела.

Заставил себя переждать, немного успокоиться, понимая, что никогда еще ему не было так хорошо и одновременно так плохо.

Сладкая мука.

Пожалуй, самая сладкая из всех, что раан-хар когда-либо испытывал. Все чувства обострились до предела, и кончики пальцев кололо от необъяснимого желания трогать, касаться.

И не было никаких сил смотреть на лежащую перед ним девушку. Его жену, его рани, его нежную девочку с сине-зелеными глазами, глубокими, как омут самого чистого горного озера. Омут, в который он нырнул с головой. Бездна, из которой нет пути назад. Его наслаждение и его боль. Соблазн, перед которым невозможно устоять. Мучение, на которое он добровольно обрек себя. И от которого ни за что бы не отказался...

Катара...

Лаар чувствовал, как учащается ее дыхание, как она выгибается под ним и до боли стискивает пальцы на его плечах. Слушал протяжные стоны, словно это была самая лучшая музыка на свете. Трогал губами трепещущие ресницы. Ловил ее приоткрытые губы, влажные и нежные. И не переставал мягко толкаться в узкое горячее лоно, понимая, что каждый толчок может стать последним.

И наконец отпустил себя, ощутив, как она резко выгнулась, как жарко запульсировала вокруг него. И сам содрогнулся, чуть не закричав от острого наслаждения, прошившего каждую клеточку тела. Такого сильного и мощного, что Лаар еле удержался, чтобы не упасть всем весом на лежащую под ним девушку.

Мышцы разом ослабели, кровь шумела в ушах, а сердце грохотало так, будто внутри пронесся целый табун ретивых красногривых рысаков. Ему хватило сил лишь на то, чтобы перекатиться на спину и устроить рани на своей груди. Обнять одной рукой, чтобы не вздумала никуда сбежать.

Внутри разливалось блаженное спокойствие. То самое, когда не хочется даже шевелиться. И уж тем более думать. Лишь наслаждаться воцарившимся внутри опустошением, таким желанным и таким необходимым после всего, что они пережили сегодня...

И впервые Лаар подумал, что не зря взял жену в поход. Здесь и сейчас ему нужна была эта близость, нужна была эта женщина, уютно устроившаяся на его груди, вселяющая спокойствие и уверенность. Раанхар просто жил моментом, наслаждался им, впитывая все многообразие ощущений, дыша сладким ароматом своей рани.

И, конечно же, он никоим образом не осознавал, что это был тот самый момент, когда физическое наслаждение перерастает в нечто большее. В болезнь, в привязанность, в тяжелую потребность видеть, чувствовать, быть рядом.

И ничего уже не будет как прежде. Что-то изменилось, надломилось в нем самом, и он уже никогда не будет прежним.

* * *

Кажется, я задремала. Прямо как была, лежа сверху на Лааре, крепко прижимаясь щекой к его груди. Очнулась оттого, что муж переложил меня на покрывало. Укрыл сверху шерстяным пледом.

С трудом разлепила сонные веки и сквозь мутную пелену еще не до конца проснувшегося сознания увидела, как Лаар встал и принялся споро одеваться. И в тот же миг подорвалась с постели.

— Не уходи... — сорвалось с моих уст, и прозвучало это столь жалобно, словно я собиралась умолять...

Впрочем, возможно, так оно и было...

За все время замужества Лаар никогда не оставался со мной на ночь, чтобы просто спать или лежать рядом. Он лишь удовлетворял свои плотские желания и, вдоволь наигравшись, уходил, не желая видеть меня дольше необходимого.

Вот и сейчас облачился в шаровары и застыл недалеко от выхода из шатра. И от осознания того, что он сейчас уйдет, внутри меня все рвалось на части, жалобно ныло и толкало кинуться следом.

Полночная звезда, но не может же он после всего, что сейчас между нами было, просто взять и уйти? Или может? И мы вновь вернемся к тому, с чего начинали?

Лаар поглядел на меня удивленно. Ухмыльнулся как-то криво, словно собирался сказать какую-нибудь колкость, а потом...

— Вообще-то я собрался принести нам поесть. Или ты не голодна?

Теперь удивилась уже я.

Так он просто хотел сходить за едой? И вернуться? Разве такое

возможно?

— Так что? Голодна? — повторил вопрос муж и чуть усмехнулся. Видимо, моя растерянность забавно смотрелась со стороны.

Смущенно натянула на себя плед и, потупившись, ответила:

— Г-голодна.

Лаар кивнул и вышел.

Я же облегченно выдохнула, не веря в то, что все оказалось так просто. А я уже успела надумать всякого, разволновалась на пустом месте. И, главное, было бы с чего? Кажется, раньше я только и мечтала, чтобы муж оставил меня в покое. А сейчас... испугалась, что уйдет.

И когда только все успело так сильно измениться?

Муж вернулся через минуту. С двумя мисками, исходящими паром и умопомрачительным ароматом мясной подливы. Желудок свело от голода, и я чуть ли не набросилась на мясную кашу, когда Лаар вручил мне миску.

Хоть ела я быстро, за обе щеки уминая свою порцию, мужчина все равно закончил раньше. Откинул в сторону свою посуду и разлегся на покрывале за моей спиной. И я вновь почувствовала его взгляд. Изучающий, медленно скользящий по обнаженной спине.

А потом Лаар резко сел и дотронулся кончиками пальцев до моего позвоночника. Следом ощупал бок. Ухватился за локоть, мешая нормально есть, и надавил большим пальцем так, что я вскрикнула от боли и выдернула руку.

— Тебе надо показаться целителю.

— Зачем? — Я с любопытством покосилась на собственный локоть и заметила багровое пятно расползшегося по коже синяка.

— Ты вся в ссадинах...

Еще бы! После того, как мы хорошенько покатались по неровной земле...

— Все нормально. Заживет, — отмахнулась я, с удовольствием вылизывая остатки каши.

— Не нормально! — зло рыкнул муж, заставив меня вздрогнуть. Ох, я уже отвыкла от этого его рыка...

Пришлось отвлечься от своей тарелки и повернуться к мужу.

— Это всего лишь синяки. Они быстро заживут.

Видел бы он свои раны... Кому-кому, а раан-хару точно не помешает целитель!

Но он, разумеется, был иного мнения.

— Ты можешь хоть раз не спорить?!

Невыносимый человек... Но спорить и правда не имеет смысла. Да и

сил нет.

Я лишь пожала плечами и аккуратно отставила в сторону свою посуду.
— Ложись, тебе надо отдохнуть, — и вновь этот приказной тон.

И непонятно, то ли он так проявляет заботу, то ли просто привык раздавать всем указания.

Тем не менее я поплотнее укуталась в плед и улеглась обратно на покрывало, ощущая сытую усталость после обеда. И тут же почувствовала, как мужская рука пробралась под плотную ткань, касаясь обнаженного тела, и Лаар рывком притянул меня к себе. Прижал спиной к широкой груди.

— Спи, — шепнул на ухо, когда я завожилась в его объятиях, устраиваясь поудобнее.

Полночная звезда, он просто неисправим...

* * *

Когда проснулась, мужа рядом не было.

Я протянула руку и наткнулась на бесконечную пустоту. И сразу так неуютно стало, так зябко, словно сидишь в комнате, продуваемой сквозняками. И на миг показалось, что все мне приснилось. Что не было ни томительно нежных поцелуев, ни жарких объятий, ни бесконечно яркого наслаждения, накрывшего с головой. Вот только накрепко впитавшийся в покрывало терпкий мужской запах не оставлял сомнений: все это не сон, не выдумка. Реальность, каким-то немыслимым образом случившаяся с нами.

Передернув плечами, я села на постели. От земли тянуло холодом, а багровый свет, пробивающийся сквозь полог шатра, явно исходил от клонящегося к закату солнца.

Интересно, сколько я проспала?

Одежды на мне по-прежнему не было, и первым делом я поспешила облачиться в свои вещи, грязные и мятые. Увы, на чистый наряд рассчитывать не приходилось. Да и кожа мгновенно покрылась противными мурашками, так что размышлять было некогда.

Одевшись, сразу направилась к выходу из шатра.

Стоило только отвести в сторону плотный полог, как я поняла, что багровый свет исходит вовсе не от закатного солнца. Да и этот самый закат уже давно миновал. Небо висело темное и низкое, с надкушенной половинкой луны, то теряющейся, то выплывающей из дымки темных облаков. А на фоне неба, разбрызгивая в стороны багровые блики,

полыхало зарево пожара.

И я замерла, пораженная.

Никогда в жизни мне не приходилось видеть подобного буйства стихии. Разрушительной, смертоносной, беспощадно пожирающей все, что попадает на пути. Огонь стоял стеной, и языки пламени его, казалось, достают до самых звезд, грозя поглотить и их. Огонь ярился в кронах огромных столетних сосен. Трещал обломанными ветками и расходящимися надвое стволами. Брызгал во все стороны, перекидываясь на новые участки леса, подобно захватчику, идущему напролом.

Этот огонь был злой, ненасытный, губительный. И сердце сжалось от ужаса. И ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Я чувствовала, как от исходящего жара начинает жечь лицо и горят колени, касающиеся ткани шаровар. Казалось, что от этого жара плавится и сама земля, превращаясь в жидкий черный деготь.

И я слышала, как беспомощно воет лес, жалобно и надрывно. Видела, как прыскают в стороны птицы, согнанные со своих насестов, бросившие гнезда на волю стихии. Бегут звери, оставшиеся без крова.

Мне казалось, что и само небо горит. Плачет кроваво-красными огненными слезами. И я плакала вместе с ним, глотая соленые капли, текущие по губам.

А потом кто-то положил тяжелую ладонь мне на плечо, заставив вздрогнуть от неожиданности.

— Не подходи ближе, — из-за спины раздался предупредительный голос Лаара.

Странно, и когда я успела так далеко отойти от шатра? Ведь не собиралась же.

Муж взял мою руку и повлек за собой. На полпути обернулся. Заметил мокрые глаза и тут же нахмурился.

Наверное, опять начнет злиться. Может, даже накричит. Как он там говорил? Терпеть не может женские слезы?

Ну и пусть. Сейчас меня меньше всего волновало, что нравится раан-хару, а что нет. Я вообще впала в какое-то странное отрешенное состояние, когда все становится неважным. Несущественным вовсе. И потому даже не сразу поняла, что делает муж.

Вместо того, чтобы привычно рывкнуть на меня, он подошел ближе и отер сухой ладонью мои щеки. Смахнул влагу с подбородка.

— Так надо было, — произнес сухо, и при этом жадно вглядываясь в мое лицо. Что, интересно, пытался там разглядеть?

— Но зачем же так много... Как потом его остановить?

— Не беспокойся, мы ограничили территорию. Дальше нужного пожар не уйдет.

На этих словах я немного пришла в себя. Голова потихоньку прояснялась, и я обратила внимание на незамеченные прежде вещи. Например, на то, что людей в лагере стало больше. Гораздо больше!

Кажется, сюда согнали жителей, по крайней мере, двух окрестных деревень. У каждого в руках была лопата или большой топор для колки дров. Все эти люди куда-то двигались, перемещались, переговаривались меж собой. Кшатрий громовым голосом раздавал указания.

Ох, сколько всего, оказывается, произошло, пока я спала!

К нам подъехал один из стражей. Чуть ли не на ходу спрыгнул со спины своего рысака и, кинув косой взгляд в мою сторону, обратился к раан-хару:

— Господин, тут недалеко стоит укрепленный замок. Тамошний вайш с радостью примет нас.

— Превосходно. Выезжаем сейчас же! — распорядился Лаар и обратился уже ко мне: — Собирайся. Скоро совсем стемнеет, ни к чему медлить.

Было бы мне что собирать...

* * *

Лаар

Предложение вайша оказалось как нельзя кстати. После стольких дней пути и сна почти на голой земле раан-хару и его людям требовались нормальная пища и отдых. А особенно его рани.

Лаар чуть не разорвал в клочья попавшееся под руку покрывало, когда увидел все эти ужасные ссадины на теле Катары. Такие яркие, такие чуждые на гладкой молочно-белой коже. Их не должно было там быть! Но они были...

И раан-хар чувствовал в том свою вину...

Нельзя было оставлять Катару одну. Если бы он был рядом, ничего бы этого не произошло. Он бы смог уберечь, защитить...

И как только он мог понадеяться на кшатрия?

Впрочем, у Халида нет его Дара, и, как ни крути, он бы не смог учуять приближение Цветка Смерти. И все равно выходит, что во всем виноват Лаар. Это он подверг девушку смертельному риску. Сначала взяв с собой в

поход, а позже — оставив в недопустимой близости от проснувшегося Цветка.

Теперь же он знал, что ни за что не отпустит ее от себя. Хотя нет. Лучше он оставит ее в замке, достаточно далеко от опасности. Если понадобится, даже запрет там, только бы быть уверенным, что его рани ничего не угрожает.

В том числе и он сам.

В памяти вдруг всплыл момент, когда Катара лизнула каплю его крови. Странно, что ее не стошнило в тот же момент. То ли доза оказалась слишком малой, то ли... Может, все-таки произошло привыкание? Или он попросту упустил момент, когда ей стало плохо? А может, плохо сейчас, а он о том и не знает?

Лаар покосился на темную макушку сидящей впереди девушки. Он вновь усадил ее перед собой, хоть в отряде и имелись свободные лошади. Катара даже рискнула попроситься ехать верхом одна, но раан-хар слишком хорошо представлял, какими последствиями это чревато, а потому сразу пресек подобные просьбы.

Может, это было и глупо, но ему никак не давала покоя та ее попытка бегства. Если осмелилась бежать из дворца, то может и сейчас выкинуть что-то подобное. Не хватало еще гоняться за взбалмошной девицей по всем окрестным лесам и полям! Уж лучше немного потерять в скорости, но держать ее при себе. Тем более что до жилища местного вайша оказалось не слишком далеко.

Впереди показался небольшой пологий холм, лишенный растительности, а на вершине его возвышался замок, сложенный из кусков грубого, неровно отесанного камня, что, впрочем, лишь добавляло внушительности этой неприступной громадине.

Особенно раан-хара порадовало отсутствие растений. И приблизившись, он понял, с чем это связано. Кажется, все пространство вокруг замка присыпали солью, выжгли всю растительность вплоть до корней. А значит, и Цветок здесь не прорастет. Здешний вайш хорошо позаботился о безопасности своего жилища!

И тем не менее Лаар настороженно принялся. Сейчас им ни в коем случае нельзя было рисковать. И лишь убедившись, что запах Цветка не долетает до этих мест, Лаар немного расслабился и уверенно въехал в услужливо распахнутые врата.

Раан-хара и его гвардию, как и положено, встретили со всеми почестями. Вайш лично вышел во двор, чтобы выразить свое почтение. Кланялся чуть ли не в пол, чем вызвал лишь глухое раздражение Лаара.

Девушкам сразу предложили пройти в покои, и ор Гронта кивнул стражам, чтобы проводили. Все же своим воинам он доверял куда больше, чем местной прислуге. Самого же раан-хара увлек в глубь замка его хозяин, и Лаар внутренне посетовал, что нельзя обойтись без этой официальной части. Он бы куда охотнее устроился сейчас на мягкой постели с бутылкой вина и хорошо прожаренным куском мяса на тарелке, чем выслушивал дифирамбы какого-то мелкого землевладельца.

Но с другой стороны, Лаар прекрасно понимал важность этой беседы — ведь им предстояло работать сообща. Цветок Смерти — общая беда. И помощь местных жителей столь же сильно нужна раан-хару, сколь им нужен он.

— Предлагаю перейти сразу к делу, — перебил хозяина Лаар, устав от глупой, никчемной болтовни. — Велите принести карту, и я обрисую вам ситуацию с Цветком.

Вайш оказался понятливым, и распоряжение раан-хара было исполнено в то же мгновение. Да и карта у местного землевладельца оказалась более свежей и подробной, нежели та, что имелась у Лаара.

Раан-хар наметил примерную зону прорастания Цветка, проверил расположение ближайших сел и деревень и распорядился послать вестников в еще два неохваченных селения. Потом перешли к обсуждению плана действий, выбрали точки, где завтра вспыхнут новые очаги пламени. Просчитали, сколько людей понадобится, чтобы прокопать оградительные траншеи.

На все эти обсуждения ушло не больше часа, но, когда все наконец было решено, Лаар почувствовал навалившуюся усталость. Последние дни были очень тяжелыми, да и он толком не восстановился после предыдущей встречи с Цветком. И когда вайш пригласил раан-хара на вечернюю трапезу, тот чуть не взвыл. Но все же здраво рассудил, что поесть надо. А задерживаться за обеденным столом дольше необходимого он не обязан.

Вот только у здешнего хозяина были совершенно иные планы на важного гостя.

Стоило им войти в трапезную, как перед Лааром предстали пять девиц, смущенно мнующихся у стенки.

— Прежде чем мы приступим к трапезе, позвольте представить вам моих дочерей.

Вайш кивнул девушкам, и те выступили вперед, уважительно склонив головы перед раан-харом.

Эталон воспитанности и покорности...

Вот только раан-хару было совершенно не до того. И навязчивость

вайша, с которой тот принялся расписывать достоинства своих дочерей, лишь раздражала Лаара.

— И я счел бы величайшей честью, если бы вы соблаговолили взять одну из моих дочерей в жены, — закончил землевладелец свою льстивую речь.

Лаар еле сдержал рвущийся наружу смешок.

Странные эти люди! Знают ведь, что у Лаара имеется уже целый гарем из жен, и все равно продолжают предлагать дочерей, считая за великое счастье породниться с раан-харом. Или, может, их попросту манит выкуп, выплачиваемый Лааром за невест?

В любом случае, с подобным предложением ор Гронта сталкивался отнюдь не впервые. И ничуть не удивился, что здешний вайш рвется вон из кожи, стремясь получше пристроить свой выводок.

Именно что выводок. Одетые в яркие наряды, с ног до головы увешанные драгоценностями, девицы напоминали пестрых птах в период брачного сезона.

Да, нелегко будет сыскать им достойных мужей. Особенно учитывая, что места здесь довольно глухие. И приезд самого раан-хара для вайша скорее удача, нежели беда.

Интересно, понимает ли он, какая участь ждет будущую жену Лаара ор Гронта? Понимает ли, на что обрекает своих дочерей?

Вряд ли...

Все, что происходит в стенах резиденции раан-хара, всегда было тайной за семью печатями. И Лаар очень тщательно следил за тем, чтобы эта тайна таковой и оставалась.

Вайш меж тем опять поманил девиц, и те, по-прежнему не поднимая глаз, подошли ближе, позволяя Лаару рассмотреть себя.

Несмотря на голод и усталость, он пробежался по девушкам оценивающим взглядом. По привычке глубоко втянул воздух, улавливая мельчайшие полутона витающих вокруг ароматов.

И да, здесь было что оценить. Самая молоденькая, последняя в ряду сестер, она пахла приятно. Легко и чудесно. Как пахнет свежий ветер или душистое разнотравье ранней весной.

Да, пожалуй, она могла бы подойти на роль рани. Да только...

Демон! Сколько ей?

На вид эта девчушка выглядела даже младше Катары. Совсем еще ребенок. Неужели папаша и ее готов продать?

Лаар кинул быстрый взгляд на хозяина замка. Судя по довольной улыбке, расползшейся по благородному лицу, тот уже предвкушал удачную

сделку.

Вот и что ему ответить?..

С одной стороны, новая жена Лаару сейчас ни к чему, а с другой... Кто знает, что будет завтра? Что, если через месяц-другой вновь придется отряжать Сириша на поиски?

Эта мысль кольнула. Сильно, болезненно. Так, что Лаар неосознанно коснулся рукой груди.

И почти в тот же момент запах младшей дочери вайша перебил другой, до боли знакомый аромат. Яркий, насыщенный, переливающийся множеством оттенков и вкусов: пряной цветочной пыльцы и грушевого нектара, терпкой лесной земляники и гречишного меда. Такой сладкий и желанный. Затмивший собой разом все запахи в этом зале.

Лаару даже не нужно было поворачиваться, чтобы понять, кто стоит на пороге, чтобы знать, какое выражение сейчас застыло на лице Катары. Но он чувствовал острую потребность повернуться, ощущал, как с каждым мгновением сердце ускоряет свой бег, как он втягивает воздух все глубже, все чаще, привычно уверяясь, что с ней все в порядке. Что болезнь не коснулась хрупкого женского тела.

Лаар заставил себя повернуться медленно, почти что лениво, и поймал взгляд растерянных сине-зеленых глаз. И румянец смущения, ярким факелом горящий на щеках...

Демон, а голова опять не покрыта! И длинные волосы рассыпаны по плечам. Одежда грязная, испачканная сажей и серым пеплом.

По сравнению с облаченными в шелка дочерьми вайша его собственная жена выглядела сущей оборванкой! И самое ужасное — все вокруг пилились на нее, ни капли не скрывая интереса.

Лаар безотчетно сжал кулаки, стиснул зубы, чтобы не выругаться. И в тот же миг Катары попятилась назад. Перевела испуганный взгляд с раан-хара на стоящих рядом девушек и, скомканно извинившись, бросилась прочь.

Поняла ли, что здесь происходит?

Впрочем, не поймет разве что последняя дура, ситуация и так красноречивая, хуже некуда.

Лаар вновь мысленно ругнулся и еле сдержал в себе безрассудное желание броситься следом за Катарой. Узнать, что она там себе надумала, и...

Что «и», как ни странно, он не знал. А потому заставил себя отключиться от мыслей о жене и вновь вернуться к разговору с землевладельцем.

— Благодарю за оказанное доверие, вайш, но на данный момент я не ищу новой жены.

— Но если вдруг понадобится...

— Я буду иметь вас в виду! — перебил Лаар и, глянув на богато накрытый стол, подумал, что Катара, должно быть, тоже голодна. Иначе с чего бы ей приходить в трапезную? — И позвольте откланяться. Мне необходимо отдохнуть после дороги. Велите подать ужин в покои.

Вайш выглядел явно разочарованным, но тем не менее покорно согласился.

Еще бы он отказал! Раан-хар никогда не просит — раан-хар отдает приказы.

* * *

Сама не знаю, что на меня нашло.

Почему вдруг сорвалась с места, почему убежала, в то время как следовало вежливо поприветствовать хозяина замка и спокойно пройти в трапезную. Совсем забыла о приличиях. Боги, да я забыла вообще обо всем на свете, стоило увидеть Лаара в окружении этих девушек!

Столько мыслей пронеслось в голове. Столько чувств.

Похоже, я попросту растерялась...

И так стыдно стало... За свой растрепанный вид, за перепачканную одежду. А ведь мне так и не принесли во что переоблачиться, хоть я прождала больше получаса.

Просто забыли? Или они это нарочно?

И Лаар точно разозлился. Не знаю только за что. За то, что опозорила его своим видом, или за то, что отвлекла от увлекательного занятия?

Кажется, те девушки его заинтересовали. Точнее, одна из них. Я видела, как раздувались ноздри раан-хара, как он с наслаждением втягивал ее запах.

Точно так же Лаар обнюхивал меня на смотринах...

И выходит, что в скором времени он может обзавестись новой женой...

Странно, но эта мысль была неприятна. Настолько, что ладони безотчетно сжались в кулаки и отросшие ногти болезненно впились в кожу.

Я попыталась отрешиться от неприятных образов, но ничего не вышло. Они лезли в голову, словно назойливые мухи. И сразу вспомнилось, что помимо меня у Лаара имеется еще с десяток жен.

Одной меньше, одной больше. Мне не должно быть до этого дела.

Но почему же тогда так тревожно? Отчего глупое сердце вспугнутой птицей бьется о клетку ребер?

Я упрямо тряхнула головой и направилась к небольшой чаше с водой, что еще по приезде принесли для умывания. Руки так и не удалось толком отчистить от сажи, и я в который раз схватила твердую губку и принялась до красноты тереть кожу.

Хальди бросилась было ко мне, но я мотнула головой, отказываясь от помощи. А потом и вовсе испуганно замерла, потому как из коридора раздались приближающиеся шаги и голоса.

— Но господин, вам приготовили другие покои...

— Это ни к чему. Я поселюсь в покоях жены.

Сердце забилося еще чаще и резко замерло, когда Лаар рывком открыл дверь. Кинул взгляд в мою сторону, на долю секунды задержавшись на чаше.

— Принесите горячей воды. И побыстрее! — скомандовал муж, и служанка вприпрыжку понеслась выполнять указание господина.

Хальди поинтересовалась, точно ли мне ничего не нужно, и тоже поспешила откланяться.

Пожалуй, я на ее месте тоже предпочла бы скрыться, чтобы лишний раз не злить раан-хара. Тем более что он и так был недоволен. Недовольство его читалось во всем: в напряженной позе, в хмуром взгляде, скользющем по убранству покоев, в резких движениях, с которыми он стаскивал доспех.

Я по-прежнему сидела у чаши и старательно делала вид, что мою руки. А когда Лаар направился в мою сторону, вся сжалась, мечтая раствориться в воздухе. Отчего-то казалось, что свою злость муж непременно выместит на мне.

Полночная звезда, а я ведь только-только перестала его бояться!

Лаар отобрал у меня губку. Остервенело кинул в воду, отчего во все стороны полетели брызги. Рывком поставил меня на ноги и сразу же схватился за край туники. Стащил ее одним рывком, следом избавил от шаровар.

Я вся сжалась. Кожа мгновенно покрылась мурашками. Все же, несмотря на начинающееся лето, здесь, на севере, по-прежнему было прохладно. Да и каменные стены замка скорее холодили, нежели удерживали тепло.

Я уже тряслась от холода. А Лаар, словно не замечая, принялся стаскивать с меня обувь и нижнее белье, в конце концов оставив полностью обнаженной. Беззащитной и слабой, какой я ощущала себя в первые дни

замужества.

Раан-хар свалил грязную одежду прямо на пол и прошел к кровати. Сдернул одеяло и, вернувшись, замотал меня в него с ног до головы.

— Не стой на камне — простынешь, — бросил муж, глянув на мои босые ноги с боязливо поджатыми пальчиками.

Я кивнула и поспешила залезть на кровать. Устроилась с ногами на мягкой перине и очень не вовремя подумала о том, что кровать эта не слишком широка и скорее рассчитана на одного человека, нежели на двоих. А Лаар, похоже, вознамерился ночевать здесь.

Воображение тут же нарисовало красочную картинку того, что может произойти ночью на этой самой узкой постели, и меня разом бросило в жар. Даже захотелось скинуть с себя одеяло. Но я лишь сильнее укуталась в тяжелую ткань, уговаривая себя не волноваться понапрасну.

Стук в дверь раздался как нельзя вовремя, заставив разом выкинуть из головы все лишние мысли. В покои вошли две служанки, в руках у каждой было по подносу, полному разнообразной снеди. Я почувствовала, как призывно урчит в желудке, но заставила себя смиренно сидеть на месте, дожидаясь, пока прислуга удалится.

— И заберите это! — Лаар пнул мыском ворох грязного тряпья. — Велите принести рани чистую одежду!

В голосе его было столько строгости и нескрываемой ярости, что служанки со всех ног бросились к вещам, чуть не столкнувшись лбами от усердия.

А помнится, когда я просила о чистой одежде, никто даже и ухом не повел!

Стоило девушкам выскочить за дверь, как я сразу спрыгнула с кровати. С трудом удерживая на себе кокон одеяла, прошла к низкому столику и сцапала с подноса кусочек сырной лепешки. Отправила в рот, закрыв глаза от блаженства. Приборов я не увидела, а потому хватала еду прямо руками, не гнушаясь облизывать жирные пальцы.

Из-за спины долетел смешок, и, обернувшись, я увидела, как муж с интересом за мной наблюдает. Выражение лица у него было странное, загадочное какое-то, но, самое главное, сейчас на нем не отражалось ни тени былой злости.

— Фто? — вопрос прозвучал невнятно, все же говорить с набитым ртом не очень удобно.

— Ничего, ешь.

Лаар вновь кинул взгляд на мои босые ноги, покачал головой. А потом без лишних слов прошел в противоположный конец покоев и схватил

небольшую банкетку, стоящую у окна. Перенес ее ближе к столу, велел забраться с ногами.

Сам устроился на подлокотнике и стянул с подноса тушку куропатки. Теперь я окончательно расслабилась. Мы оба молчали, но в этом молчании не было неловкости. Напротив, сидеть вот так вот рядом, слизывая текущий с пальцев жир, было невероятно приятно. По-домашнему, что ли...

Пока мы ели, в покои принесли горячую воду. Да не чашу, как предложили мне. А большое корыто, в которое я смогла бы поместиться целиком. Слуги наперебой тащили тяжелые ведра, до краев наполняя емкость. А еще мне все-таки принесли чистую одежду — сложили аккуратной стопочкой на краю постели.

Поев, я сразу направилась к вещам — все же ходить завернутой в одеяло было не особо удобно, да и мне не терпелось поскорее облачиться во все чистое. Я почти уже скинула с себя громоздкий кокон, но вовремя вспомнила о присутствии мужчины.

Забавно, мы так давно женаты, а я по-прежнему смущаюсь обнажаться перед ним. Особенно когда Лаар смотрит так пристально, разглядывает, буквально ощупывая взглядом.

Я немного помялась, не зная, как лучше поступить, но выбора у меня, увы, не было, и, повернувшись к мужу спиной, я быстро скинула с плеч одеяло. И сразу схватилась за нижнюю рубашку, длинную, с длинными же рукавами, как носят все северяне. Почти уже нащупала горловину и вознамерилась облачиться в мягкую ткань, как ощутила горячую ладонь у себя на талии.

Полночная звезда, как он умудрился подойти так неслышно?

Или, может, я так громко дышу, что за шумом вырывающегося из груди воздуха не слышно ничего иного?

Лаар провел ладонью по спине. Медленно, с нажимом. И от этого простого движения меня вновь бросило в жар, хотя еще мгновение назад обнаженное тело мерзло. Муж мягко отнял рубашку, отбросил в сторону и вдруг подхватил меня на руки.

Я изумленно ойкнула и непроизвольно обхватила руками мужскую шею. Подняла на него глаза, и меня обожгло второй раз. Взгляд у Лаара был темный, тяжелый, расширившийся зрачок почти полностью закрывал радужку. Муж вновь жадно втягивал воздух и прижимал все крепче. И я, как никто другой, знала, что это значит...

Как ни странно, мои ожидания не оправдались. Вместо того, чтобы сразу уложить в постель, Лаар направился к корыту, опустил меня в теплую

воду.

— Я думала, это для тебя...

— Ничего, еще принесут, — уверенно заявил раан-хар и, подхватив округлый кувшин, принялся поливать мои плечи и волосы.

А я удивленно замерла, не зная, как реагировать на происходящее.

Чтобы раан-хар самолично мыл меня? Да я в самых смелых грезах не могла вообразить подобного!

Стало ужасно неловко, и я вся сжалась, обхватив плечи руками, мечтая о том, чтобы вода была не такой прозрачной.

— Холодно? — по-своему расценил мой жест Лаар.

— Нет... — ответила еле слышно и коротко глянула на мужа.

Он взял кусок мыльного камня и принялся растирать меж ладоней. А потом положил руки на мои плечи и стал усердно намыливать кожу.

От такого обращения я еще больше смутилась. И, кажется, горели у меня не только щеки, но и все тело разом.

— Я могу сама... — заикнулась несмело. Все же это было неправильно, что муж меня моет. Вот если бы наоборот...

— Судя по тому, в каком виде ты явилась в трапезную, сама привести себя в порядок ты не можешь! — И вновь рычащие нотки проскочили в голосе.

Опять я все сделала не так...

— Прости... Я просила одежду, но...

— Просила? — Рука Лаара, скользящая по спине, резко замерла, а сам он переместился ближе, ухватил за подбородок, заставив смотреть себе в лицо. — Ты — рани! Ты не должна просить, ты должна требовать! Чтобы ни у кого даже сомнения не возникло — исполнять или нет. Понимаешь?

Я кивнула и вновь вернулась мыслями в тот миг, когда вошла в трапезную. А ведь Хальди предупреждала, что лучше не являться в таком виде. И почему я ее не послушала? Так привыкла к походной жизни, что совсем позабыла о приличиях. Да и не ожидала я, что меня приведут в общий зал. И девиц этих разукрашенных встретить не ожидала...

Перед глазами в который раз возникла картина, которую я невольно застала, и сердце болезненно сжалось. Меня вновь поглотили сомнения. Неприятные и навязчивые, как кружащая вокруг сахарного сиропа пчела.

И вроде Лаар не стал задерживаться в обществе хозяев, сразу явился в покои, но кто знает, до чего они там договорились...

И спросить неловко — и мучиться неизвестностью невыносимо...

— Спрашивай! — словно прочитал мои мысли муж.

— С чего ты взял...

— У тебя на лице написано.

Ох, и ведь теперь точно придется о чем-то спросить...

Не разозлится ли, узнав, что я думаю о тех девушках? Что хочу знать, понравилась ли ему одна из них?

— Ну, — поторопил Лаар, вновь принявшийся поливать меня из кувшина.

И я решилась:

— Я хотела спросить... Ты женишься на той девушке?

Раан-хар вновь замер. Молчал, явно о чем-то задумавшись. И я почти что успела пожалеть о собственной бестактности, как он вдруг ответил:

— Не знаю...

— То есть как — не знаешь?

— Так! Может, и женюсь. Если в том будет необходимость.

Необходимость, конечно. Как я могла забыть, что раан-хар все делает исключительно по необходимости!

— Не смотри на меня гак, Катара. Ты прекрасно знаешь, для чего это все.

Угу, знаю... Ради благого дела не жалко нескольких загубленных жизней. Моя-то уж давно мне не принадлежит.

— Кстати... — Лаар вновь сделался задумчивым, а руками принялся перебирать мои мокрые волосы. — Как ты себя чувствуешь?

Прозвучавший вопрос удивил. Вроде я не проявляла признаков недомогания. С чего вдруг раан-хар интересуется?

— Хорошо... А что? Что-то не так? — тут же забеспокоилась я.

— Нет, просто... Тебя не тошнило?

Не тошнило ли? А с чего меня должно тошнить? Или, может, Лаар думает...

— Нет, извини... — ответила, смутившись. — Да и вряд ли бы это проявилось так скоро...

— погоди! — Муж мотнул головой, вмиг оказавшись подле меня. — Ты это о чем?

— Ну как же, о беременности... Или с чего меня должно тошнить?..

И вновь меж нами повисло молчание, нарушаемое лишь легким плеском остывающей воды. И вновь Лаар глядел странно. И мне хотелось одновременно и укрыться от этого взгляда, и разгадать его суть.

Ох, кажется, я вновь сказала что-то не то, иначе с чего бы он так напрягся?

— Ты думаешь... — Голос Лаара вдруг сделался хриплым, и он перевел задумчивый взгляд сначала на мою грудь, а затем и на живот. И

мне снова интуитивно захотелось прикрыться, лишь через силу заставила себя сидеть смирно.

— Нет, я не знаю! Просто... я решила, ты об этом спрашиваешь, — и опустила глаза, не зная, куда деть себя.

Весь этот разговор был каким-то... Даже не знаю, как назвать. Откровенным, что ли. А при том, что мы с мужем прежде почти не разговаривали, диалог получался более чем странным.

— Я, — Лаар издал мученический вздох и прикрыл глаза, — я вообще не о том! Я про свою кровь. К ней лучше вообще не притрагиваться, а ты...

Была настолько глупа, чтобы попробовать! Ох, я же ведь не знала! Выходит, могла отравиться?

— Ты ничего странного не почувствовала? Никакого недомогания? — Голос мужа был предельно серьезен, и я поняла, что ответ очень важен для него. А потому попыталась как можно подробнее припомнить сегодняшний день.

Столько всего случилось за последнее время, что о собственном самочувствии даже и некогда было задуматься. Но если бы мне и вправду было плохо, наверняка бы я заметила.

— Вроде нет, никакого недомогания. Это плохо?

— Нет, это хорошо. Это очень хорошо. — Он улыбнулся одними только краешками губ, но я засмотрелась. Никогда не видела, чтобы муж улыбался. За все время — ни разу. Разве что ехидно усмехался, но ведь это совсем другое.

Лаар коснулся кончиками пальцев моей щеки, виска, провел по влажным волосам, а затем и вовсе смотал их в жгут и дернул, заставляя откинуть голову.

Горящий пламенем взгляд прошелся по моим губам, скользнул по горлу, и я тяжело сглотнула, ощущая, как от одного только этого взгляда внизу живота скручивается тугой узел.

А потом Лаар подался вперед, оперся рукой о край корыта, нависнув надо мной, и впился в губы поцелуем. Жарким, ненасытным. И теперь-то уж я точно была уверена — остановиться он не сможет.

Подол мужской туники провис над корытом, край вымок в воде и противно лип к обнаженному телу. Я отдернула его, а Лаар тут же перехватил — одним движением стянул одежду через голову. Следом подхватил меня под мышки, поднимая на ноги. И этой же самой скомканной туникой второпях отер мокрую кожу. Жаль только, не всю.

— Холодно, — пискнула, съежившись, и обхватила себя руками. После горячей воды стоять вот так было совершенно невыносимо.

— Ничего. Я тебя быстро согрею! — Глаза мужа блеснули предвкушением, и он подхватил меня на руки, крепко прижимая к сильному горячему телу, не позволяя ни на каплю усомниться в собственных словах.

* * *

Лаар

И зачем только она заикнулась про беременность? Лишь разбередила старые раны.

Лаар уже давно перестал на это надеяться. И даже сейчас, когда попробовал представить, как изменится жизнь, родись у него наследник, ничего не вышло.

Он просто не мог вообразить подобного, как бы ни старался!

А раньше, помнится, получалось. Но все это осталось где-то там, в его юношеских мечтах, несбыточных и далеких.

Похороненных под тяжким грузом суровой реальности.

А ведь у Сириша было видение, да и очень уж рьяно он настаивал на том, чтобы Катара отправилась в поход. Знать бы, что конкретно открылось Ведающему! А вдруг и правда что-то выйдет из всей этой затеи, тем более что самое благоприятное время для зачатия как раз после встречи с Цветком Смерти?

А еще вся эта ситуация с кровью... Катаре не было плохо, и, возможно, уже произошло привыкание... Или он лишь хочет так думать?

И потому постоянно принюхивается, пытаясь уловить в ее до боли знакомом запахе хоть малейшее изменение.

Вот и сейчас, обнимая спящую в его объятиях девушку, то и дело припадает носом к ее виску, втягивает воздух, убеждаясь, что все хорошо. Что ей ничего не угрожает.

Пока...

Лучше лишний раз не обманываться. Лаар, как никто другой, знал, какова цена расплаты. И попытался отринуть глупые мысли. Как и прежде, жить одним днем, не думая о том, что будет завтра, чтобы потом не испытывать мучительное разочарование.

Впрочем, похоже, оно все равно наступит. Слишком уж далеко все зашло...

И тем важнее стало позаботиться о жене. Завтра ему придется

вернуться к лесу, и брать девушку с собой слишком рискованно. А значит, она останется в замке.

Странно, но, несмотря на всю надежность замковых стен, оставлять Катару не хотелось. Наверное, сказалось сегодняшнее пренебрежительное отношение прислуги. Совершенно непозволительное по отношению к жене раан-хара!

Своих слуг Лаар бы выпорол за такое. И вайшу не мешало бы.

А значит, раан-хару определенно стоит переговорить с ним перед отъездом.

ГЛАВА 14

Лаар

Утро подкралось незаметно.

Кажется, Лаар так и не смог толком уснуть. Тяжелые думы бродили в голове, перекидываясь с мыслью о Цветке Смерти, на сей раз проявившем просто небывалую разумность, на мысли о жене, всколыхнувшей в душе давно забытые и, казалось бы, навсегда утраченные чувства.

Отогнать их никак не получалось, и Лаар попросту плюнул на это дело. А когда стало светать, покинул теплую постель и стал собираться. Привычные действия как ничто иное помогали выбросить из головы все лишнее. А стылый рассветный воздух бодрил, наполняя тело звенящей энергией.

— Ты уходишь? — знакомый голос окликнул почти на пороге.

Надо же, все-таки проснулась...

Чуть раскосые глаза смотрели удивленно и, кажется, немного обиженно, вызывая безотчетное желание вернуться.

— Да. Мы должны закончить начатое.

Катара понимающе кивнула и стиснула край одеяла, прикрывающий грудь. Явно о чем-то волновалась, но предпочла промолчать.

— Не беспокойся. Здесь ты в безопасности.

— Я не о себе беспокоюсь... — ответила приглушенно, и Лаар впервые подумал о том, что слишком плохо знает жену. А ведь мог бы и догадаться, о чем она думает.

— Не стоит за нас переживать. Это обычное дело. Мы вернемся уже к закату, — а про себя подумал, что к закату может и не получиться, кто знает, надолго ли придется задержаться...

Когда дело касается Цветка Смерти, загадывать вперед бесполезно.

Раан-хар ненадолго задумался, а потом полез в заплечный мешок и вытащил на свет блестящий металлический шар. Подошел к кровати и устроился на самом краю.

— Вот, возьми. Это рииш. Знаешь, как им пользоваться?

Девушка отрицательно мотнула головой.

— Надо надавить вот здесь, — Лаар большим пальцем коснулся чуть выпирающей пластины. — И просто выкинуть рииш в окно. И он тут же найдет меня, где бы я ни находился.

Раан-хар перехватил тонкую ладонь жены и аккуратно вложил в нее шар.

— Если возникнет любая, хоть малейшая опасность, я хочу, чтобы ты воспользовалась им, — проговорил серьезно, глядя в растерянные сине-зеленые глаза.

— Но ведь Цветок далеко...

— Я не о Цветке, Катара. Любая опасность, поняла?

— Да... — и несмелый кивок.

И раан-хару оставалось лишь надеяться, что она поступит, как он велел. А то ведь с этой девчонки станется пойти поперек. Взять хотя бы ту историю с кшатрием...

Увы, сейчас у Лаара ор Гронта было слишком много дел, чтобы тратить время на внушения.

Он порывисто встал и, стараясь не глядеть на растрепанную после сна девушку, быстро направился к дверям. Казалось, задержись еще хоть на секунду — и уйти будет вовсе невозможно. Слишком уж соблазнительно она выглядела, слишком сильно манил сладкий запах ее тела.

Во дворе Лаара уже ждал кшатрий. Видать, вовсе не ложился этой ночью. Впрочем, и особо уставшим он не выглядел.

— Как скоро отправляемся? — привычно поинтересовался старый товарищ.

— Ты не поедешь! — резко бросил Лаар. — Останешься охранять рани. И надеюсь, на этот раз оправдаешь возложенное доверие!

— Я не подведу! — Халид почтительно склонил голову, безропотно повинувшись приказу своего раан-хара.

— И еще... — Лаар задумчиво поскреб небритый подбородок. — Найди мне вайша. Хочу переговорить с ним до отъезда.

Халид кивнул и тотчас бросился исполнять указание.

Уже через четверть часа Лаар лицезрел вайша в трапезной. Тот, в отличие от стражей раан-хара, выглядел явно невыспавшимся. Однако высказывать недовольство столь ранней побудкой не посмел.

— Меня крайне огорчил вчерашний прием, господин Тахар. Я ожидал, что в замке проявят куда большее уважение ко мне и моим спутникам. В частности, к моей жене! — Лаар позволил себе угрожающие нотки в голосе и сразу отметил, как побледнел сидящий напротив вайш.

— Прошу прощения, мой раан-хар. Видимо, слуги не сразу признали в девушке вашу рани. Все же ее внешний вид...

— Ее внешний вид — не ваша забота! — зло рыкнул Лаар. — Вас куда больше должна интересовать брачная метка у нее на лбу! Или она столь

незаметна?!

— Конечно, заметна! — пошел на попятную землевладелец. — Но уж вы поймите, здесь народ дремучий. Все же слуги, в отличие от нас с вами, не разбираются в таких тонкостях...

— Так научите их разбираться! И я жду, что приказы рани будут выполняться столь же беспрекословно, как и мои!

— Конечно-конечно! Я лично это проконтролирую. И непременно накажу виновных. Уж вы не сомневайтесь, подобного больше не повторится... — Голос хозяина буквально исходил патокой. Уж что-что, а лебезить перед высокопоставленной особой ему было не впервой.

Лаар порывисто встал, не видя смысла в дальнейшем разговоре. Стражи уже ожидали его у ворот, и задерживаться дольше необходимого раан-хар не собирался.

Он уже направился к выходу, как двери распахнулись во всю ширь, и в трапезную вошли несколько служанок с подносами, а среди них разодетая в шелка и драгоценности одна из дочерей вайша.

— Не соблаговолит ли господин разделить с нами трапезу, прежде чем отправиться в путь? — произнесла девушка елеинным голосочком и невинно опустила глаза, не смея дольше положенного глядеть на гостя.

Запах сдобного теста и пряных специй защекотал ноздри, и Лаар подумал, что завтрак и впрямь бы не помешал. Вот только он и так потерял уже слишком много времени...

— И правда! Ну куда вам отправляться на голодный желудок? — тут же подхватил прыткий папаша.

Уж что-что, а трапезничать в его обществе у Лаара не было никакого желания. А потому он достал из-за плеча походный мешок и попросту сгреб туда содержимое подноса.

— Благодарю, я поем в дороге.

Девушка от такого обращения совсем растерялась и удивленно захлопала ресницами, уже не пытаясь изобразить вежливость. А Лаар отметил, что наряд на ней уж больно тонкий, почти невесомый. Совсем не по погоде.

Неужто вайш все еще тешит себя надеждой выдать одну из дочерей за раан-хара?!

Глупец, право слово!

Проснулась от криков, доносящихся с улицы.

Крики эти были отрывистые и надрывные. Болезненные. Острый звук иглами впивался в виски, заставляя морщиться и зажимать руками уши. И что самое ужасное — крик этот явно принадлежал женщине...

Я резко вздрогнула и села на постели, свесив босые ноги на студёный пол.

Ко мне тут же подбежала наперсница, поставила рядом с кроватью пару мягких войлочных мокасин.

— Хальди, ты это слышишь?

Помощница кивнула и покосилась на окно.

— Это с заднего двора. Провинившуюся служанку, кажется, наказывают.

Впопыхах нацепив мокасины и закутавшись в одеяло, бросилась к окну, чуть ли не с ногами влезла на узкий подоконник.

На заднем дворе действительно наказывали служанку.

Девушка стояла, привязанная к столбу, обнаженная до пояса, с багровыми полосами, перечеркивающими узкую спину. А прямо за ней, с мокрой хворостиной в руке, расхаживала другая, разодетая в парчовые наряды и драгоценности. Видно, хозяйка.

Только вот чем же ей так не угодила служанка, чтобы наказывать розгами?

Думать над этим я не стала. Соскочила с подоконника и, сбросив на пол одеяло, быстро юркнула в длинную нижнюю рубашку. Хальди помогла облачиться в подобие сареи, благо здесь оно было куда проще, чем носимые в Гарраде, и не такое широкое, так что много времени это не заняло. Укладывать волосы я не стала — попросту накинула на голову яркий платок. Плеснула в лицо водой, чтобы освежиться, и, как была, в домашней обуви, вышла из покоев.

У дверей чуть ли не нос к носу столкнулась с кшатрием. Честно говоря, я ожидала, что Халид отправился с остальными стражами, и была порядком удивлена встрече с ним. Впрочем, выяснения пришлось отложить на потом.

— Отведите нас на задний двор. Скорее! — скомандовала стражу, и тот без лишних вопросов повел нас замковыми коридорами, пока мы наконец не оказались на вымощенной площадке, за которой тесно жались друг к другу хозяйственные постройки.

— Прекратите! Что вы делаете?! — выпалила я, стоило только ступить на каменные плиты двора.

Крики и разговоры вмиг затихли, и все собравшиеся обратили взоры

на меня. А я только сейчас разглядела, что помимо девицы, размахивающей хворостиной, здесь присутствуют и сам вайш, и его четыре дочери... То есть пять...

Пятая, видимо самая старшая из всех, как раз и наказывала розгами служанку. Интересно, у них принято, чтобы женщину наказывала женщина, или это просто часть воспитания хозяйских дочек?

Я мельком глянула на привязанную к столбу девушку. Волосы ее были убраны на затылке, и, помимо кроваво-красных полос, других отметин на теле я не заметила. Значит, она свободная... Разве же можно пороть свободного?

— Дражайшая рани! — Вайш расплылся в улыбке и, широко раскинув руки, сделал несколько шагов мою сторону. — Вы уж простите, что мы тут так шумим. Должно быть, разбудили вас ненароком?

Разбудили? Меня? Нашел за что извиняться...

А с другой стороны, вайш не мог не знать, что окна моих покоев выходят как раз на задний двор и... создается ощущение, что они это нарочно...

И так неприятно стало... От всей этой сцены, разодетых в драгоценности девиц, спокойно наблюдающих за творящимся варварством, и наигранно-дружелюбной улыбки вайша. Наверное, я должна была стусеваться или испугаться. Но за спиной каменной стеной стояли кшатрий и моя помощница. И очень вовремя вспомнились слова мужа, что я должна приказывать, чтобы меня воспринимали всерьез.

Так что пришлось собрать в кулак всю свою храбрость и, глядя в глаза местному хозяину, потребовать:

— Потрудитесь объяснить, что здесь происходит! — Слова прозвучали жестко и уверенно, уж куда увереннее, чем когда я пыталась спорить с раан-харом. Да и местному землевладельцу было слишком далеко до моего мужа...

— Да ничего особенного. Просто воспитываем прислугу, — небрежно махнул рукой вайш.

— И чем же она провинилась?

— Ну как же, эта служанка смела ослушаться вашего приказа, рани!

Я еще раз глянула на девушку. А ведь так, со спины, и не узнала сначала, но теперь вспомнила, что эту самую служанку я вчера просила о чистых вещах. И моей просьбы она и вправду не исполнила.

Стало быть... Ее сейчас наказывают из-за меня?

Вдруг накрыло резкое чувство вины. Колени разом ослабли, и весь боевой настрой словно ветром сдуло.

В моем родовом замке прислуги было мало, и наказывали мы их редко, да и то до физической расправы дело никогда не доходило. Так, сажали на пару часов в холодный ямник, чтобы впредь было неповадно. И конечно, я и подумать не могла, что за такую мелочь, как не принесенные вовремя вещи, здесь станут пороть розгами. Это было какой-то дикостью, совершенно не укладывающейся в голове.

Я стушеввалась, не зная, что ответить смотрящему в упор вайшу.

С одной стороны, это его владения, он тут хозяин и вправе устанавливать свои порядки. А с другой... ну разве можно спокойно смотреть на подобное бесчинство?!

И ведь если попрошу отменить наказание, то лишь усугублю ситуацию и подорву собственное и так шаткое положение. Потому как это будет означать, что даже слуги могут нарушать мои приказы и ничего им за это не будет. Что уж говорить об остальных...

Палка о двух концах...

И в голову, как назло, не идет ни единой хорошей идеи...

Пока я мялась в нерешительности, слово вдруг взял кшатрий. Мужчина выступил вперед и уверенным, не терпящим возражений тоном отчеканил:

— Девушка провинилась перед рани, значит, и выбирать наказание должна сама рани! Она в своем праве!

Ох... Час от часу не легче!

— Конечно, разумеется! — Хозяин замка склонился и чуть отступил назад. — Если рани желает, она может сама наказать прислугу.

Вайш кинул короткий взгляд на дочь, и та подошла ко мне. Протянула хворостину, предлагая продолжить начатое.

Еле удержала лицо, чтобы не скривиться.

Вот еще! Не хватало мне опуститься до подобной дикости!

И, как ни странно, вместе с волной отвращения пришли и нужные слова:

— Ваши провинциальные варварские методы давно не в чести! Я сама придумаю наказание провинившейся! Пришлите ее в мои покои после обеда! И так, чтобы она пришла на своих ногах, а не приползла полуживая!

И на этих словах я демонстративно развернулась и пошла обратно к замку.

Надеюсь, служанке хватит времени, чтобы прийти в себя. А потом, пожалуй, надо будет серьезно с ней поговорить. Что-то мне думается, тут не все так просто, как кажется на первый взгляд...

Завтрак мне подали прямо в покои. И принесли еще один сменный наряд, даже более роскошный, чем предыдущий.

Неужели моя выходка возымела действие? Хотелось бы надеяться...

Правда, из головы все никак не шли мысли о служанке. Что я буду с ней делать, когда явится? Просто поговорю? А если разговор не получится? А вдруг она и правда виновата? Какое тогда наказание мне придумать? Я ведь в том совсем не смыслю. Ох, посоветоваться бы с кем-то, кто сведущ в подобных вопросах!

И тут мысли вновь вернулись к кшатрию, что выручил меня перед хозяевами.

— Хальди, будь добра, позови Халида.

Помощница ошарашенно округлила глаза.

— Так нельзя же... Чтобы в женские покои... Чужой мужчина...

— Мне поговорить с ним надо. — И полушепотом добавила: — Чтобы никто из здешних не подслушал. Придумай что-нибудь.

Девушка понимающе кивнула и посеменила к дверям. Высунула голову в коридор, проверяя, нет ли кого поблизости.

— Халид! — окликнула мужчину и отчего-то вдруг смутилась. — То есть господин кшатрий, рани нужна ваша помощь. Оконную створку заклинило, никак не открыть.

Через секунду в покоях возникла крупная фигура кшатрия. Хальди тут же прикрыла дверь и, опустив в пол глаза, юркнула ко мне.

— Что будет угодно моей рани? — Мужчина почтительно склонил голову, и не подумав двинуться к окну. Стало быть, понял, что не за тем зовем.

— Я посоветоваться хотела... — Чуть запнулась, не зная, как правильно сформулировать вопрос, но все же решилась: — Скажи, а как раан-хар обычно наказывает прислугу?

— Смотря какая провинность. Если что-то серьезное... может и сурово наказать.

— Например?

Халид пожал плечами и будто невзначай поделился:

— Ну, было дело, одному язык самолично отрезал...

Я с трудом сглотнула вставший в горле ком.

— За что?

— Да так... Болтал много лишнего... — усмехнулся страж.

Что, интересно, такого нужно было наговорить, чтобы хозяин оставил без языка? Впрочем, я, кажется, знаю ответ. У раан-хара достаточно секретов, чтобы всерьез озаботиться молчанием слуг. И если бы кто-то вздумал проболтаться — лучше наказания и не придумать.

— А если не слишком серьезное?

— Ну, на такой случай в резиденции имеется ямник. Очень глубокий ямник... — многозначительно протянул кшатрий, а стоящая рядом Хальди вздрогнула. — Такой, что на дно его не проникает ни единого луча солнца. Сидишь, словно в земляном мешке. А под ногами кто-то ползает, шуршит по стенам. И боишься уснуть, думаешь, вдруг во сне ухо отгрызут.

Теперь уже я вздрогнула.

Не хотелось бы очутиться в этом земляном мешке! А вот кшатрий, судя по красочному рассказу, успел там побывать. Да и помощница выглядит уж очень бледно... Неужели захлестнули воспоминания? Надо будет спросить.

— Хорошо, я поняла. Спасибо, Халид, — поблагодарила стража, и тот с почтительным поклоном удалился, я же, не откладывая, обратилась к наперснице:

— Тебя раан-хар туда сажал?

Девушка коротко кивнула и уставилась на сцепленные пальцы.

— Прости. Это, должно быть, из-за меня... — озвучила напросившийся вывод. Не мог же Лаар не наказать помощницу за то, что та недоглядела за мной. И, уж конечно, я не была столь наивна, чтобы полагать, что Хальди отделалась простым переселением в женскую часть.

— Ничего. Это мелочи, — поспешила успокоить наперсница. — Из дворца не выгнал — и то хорошо. Уж лучше в яме денек пересидеть, чем оказаться на улице.

Угу... А я, помнится, неистово стремилась оказаться по ту сторону стены, подальше от резиденции и ее хозяина.

А что сейчас? Хочу ли я сбежать?

Ведь и возможность вроде есть, и Хальди, если что, точно поможет. Но ведь у меня и мысли такой не возникает. Да и, сбежав, куда я подамся? Как ни крути, сгину в глуши. Умру от голода или попадусь в лапы лесному зверю. Или погибну раньше, не выдержав тяжкого неведения. Ведь все, что мне нужно сейчас, — знать, что с Лааром все хорошо, что он непременно вернется целым и невредимым...

Лаар

Огонь пожирал лес. Огненные языки лизали шершавые сосновые стволы, перекидывались на рядом стоящие кроны, словно лютый зверь, оголодавший после затяжной зимы.

Голова была тяжелая, а ноги ватные. Так всегда бывало, когда Лаар терял много крови. Сегодня, прежде чем поджечь лес, раан-хар со стражами пробрался в чащу. Он чувствовал, что Цветок где-то поблизости, и решил сразу пустить яд в корни. Ведь пламя выжигает лишь растения на поверхности, оставляя нетронутыми тугие жгуты корневища, уходящего глубоко в землю.

Благо там, куда они забрались, не было подвижного полоза. Лишь вскрылась одна семенная коробка поблизости, но его стражи были хорошо обучены и знали, как действовать в такой ситуации, а никого из местных они с собой не взяли. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь по незнанию вдохнул губительный дым или, того хуже, споры Цветка Смерти. Лаар не раз был свидетелем того, как люди погибали в агонии, когда в их легких начинали прорастать ядовитые побеги. Пожалуй, страшнее смерти и не придумать...

Лаар хлебнул сладкой воды из фляги. Она помогала восстановить силы. Но, увы, помимо живительной влаги раан-хару требовалось время. И хороший отдых. И ему бы сейчас прилечь в прохладной тени, но раан-хар продолжал стоять, наблюдая за буйством огненной стихии — самой могучей и губительной из всех стихий. Кожей ощущая неистовый жар огня, вдыхая острый запах смоляного дыма.

Огонь распространялся быстро, перетекал на все новые участки леса, и в один момент Лаару даже показалось, что он перекинется через границу из земляной насыпи и рва, что выкопали местные жители. Но нет, обошлось. И Лаар облегченно выдохнул.

Они всегда жгли лес. Это было неизбежностью. Но чтобы в таких масштабах...

На памяти Лаара такое случалось лишь однажды. Тогда он был совсем еще юнцом, с трудом управлявшимся с Даром. Мальчишкой, которому в один день пришлось повзрослеть...

Тогда он поймал свой первый в жизни рииш...

Воспоминания накатили мощной волной. Захлестнули, отдаваясь глубокой тоской и болью в груди.

Лаар гнал их прочь, сколько себя помнил. Но сейчас не мог удержать. Слишком уж сильно представшая взору картина напоминала ту, другую,

виденную Лааром много-много лет назад.

Отец тогда не смог справиться с Цветком. Отдал слишком много крови, слишком ослаб. Настолько, что не совладал с подвижным полозом, невесть откуда взявшимся на пути. Говорили, что полоз разорвал его на части. Впрочем, останков так и не нашли, огонь выжег все дотла. И Лаар целый месяц провел на пепелище, пытаясь завершить дело отца, задыхаясь от прогорклого воздуха, с трудом видя от застилающего глаза дыма, что поднимался от раскаленной земли. И понимая, что пути назад нет. Что он не вправе отступить. И уж тем более не вправе умереть, иначе придет конец и всему этому миру. Порой жестокому и несправедливому, но все же своему, родному. Уж куда лучше того, что ждал их, если империю захватит Цветок Смерти.

Вот и сейчас пути назад не было. Или они победят Цветок — или он их.

И Лаар знал, что если понадобится, то он шагнет в самое пекло, лишь бы те, кто находился за его спиной, там, в продуваемом всеми ветрами каменном замке, оставались в безопасности.

* * *

Служанку ко мне так и не прислали. Вместо нее явилась другая. Упала передо мной на колени и виноватым голосом сообщила, что Тильда еще не оправилась после утреннего происшествия и что она примет наказание вместо подруги.

Я от такого заявления откровенно опешила. Да за кого они меня, право слово, держат? Неужели считают, что меня устроит подобная подмена? Что мне без разницы, кого наказать, лишь бы отыграться?

Или, может, вайш понял, зачем я на самом деле велела прислать провинившуюся служанку? Если так, то он точно не позволит нам встретиться... И это видится мне куда более вероятной причиной. Вряд ли бы хозяин стал беречь прислугу и ее здоровье после сегодняшних издевательств.

Пришедшую служанку я отправила восвояси. Перед этим, конечно, пришлось немного поругаться, выказать свое недовольство, чтобы не вызвать подозрений у хозяев. Не знаю, насколько удался мой спектакль, но через полчаса ко мне явилась одна из дочерей вайша, еще раз принесла свои извинения и просила следовать за ней в мои новые покои. На мой вопрос, зачем нужно это переселение, девушка вежливо пояснила, что для

раан-хара были приготовлены другие, более удобные комнаты, а коли он пожелал делить жилище со мной, то мне следует занять их до его возвращения.

Честно говоря, переселяться не хотелось — я уже успела привыкнуть к своей скромной комнатухе, — но спорить не стала, понадеявшись, что надолго задерживаться в замке не придется. Хоть он и напоминал мой родной дом в Туэнге, но в этих стенах мне было не по себе. Отчего-то казалось, что все здешние обитатели настроены против меня. Слишком уж приторными были улыбки, слишком льстивыми речи, которым не хотелось верить ни на секунду. А порой я ловила на себе и откровенно неприязненные косые взгляды, совершенно не вяжущиеся со сладостью слов. И самое главное, я совершенно не понимала, отчего меня вдруг невзлюбили. Кому я успела насолить за неполный день своего пребывания?

Покои, выделенные Лаару, оказались не в пример просторнее моих. Помимо самой спальни здесь имелись еще и смежные комнаты: купальня, небольшой кабинет и что-то вроде кладовой, в данный момент пустующей и совершенно бесполезной. Впрочем, если придется задержаться, все эти помещения вполне могут пригодиться. Если не мне, то Лаару точно.

Я попробовала представить, каково это, делить с ним жилище, проводить вместе весь день, занимаясь общими делами. Получалось плохо. Мы ведь почти и не общались толком, и все наши встречи неизменно сводились к постели. И кто сказал, что сейчас будет иначе? То, что муж пожелал разделить со мной спальню, может ничего и не значить. У раан-хара слишком много забот, чтобы впустую тратить время, да вряд ли он вернется раньше наступления ночи.

Так и вышло. За окном уже сгустились сумерки, а Лаар все не возвращался. Мне принесли вечерний травяной чай, и Хальди принялась неторопливо стелить постель.

— Уже поздно. Вам нужно отдохнуть, — мягко произнесла помощница, и я с трудом отлипла от окна. В отличие от предыдущей комнаты окна этой выходили как раз к парадным воротам, и я бы непременно заметила приближение отряда. Но, увы, дорога, залитая холодным лунным светом, была девственно пуста, и на душе становилось холодно и тоскливо.

Уснуть толком не удалось. Я ворочалась на непомерно широкой постели, не зная, как устроиться поудобнее, изнывая от потребности встать и вновь подойти к окну, понимая, что это все равно ничего не даст. А когда мне все-таки удалось задремать, я вдруг почувствовала чужое прикосновение. Кто-то лег рядом, мягкая перина прогнулась, и я скатилась

прямо в мужские объятия. Крепкие и надежные.

Вернулся...

Жар разгоряченного тела опалил спину, и я завожилась, силясь развернуться. Хотелось убедиться, что с ним все в порядке, ощупать с ног до головы. Заглянуть в глаза, проверяя, как сильно выцвела радужка.

— Спи. Уже поздно, — шикнул Лаар и лишь крепче стиснул меня в объятиях, утыкаясь носом в макушку.

Я замерла, напряженно вслушиваясь в ритм его сердца. Ощущая спокойное ровное дыхание на своих волосах и терпкий запах взмокшего натруженного тела. И я только теперь поняла, что Лаар даже не разделся. Насколько же нужно было вымотаться, чтобы рухнуть в постель прямо в одежде? И от него вновь несло кровью. Я чуть тронула повязку на запястье — та оказалась влажной.

Полночная звезда, неужели же ему приходится проделывать это ежедневно? Неужели нельзя никак иначе? Он ведь совсем себя изведет! Высушит до самого дна, отдав все силы на борьбу с Цветком.

И я вновь почувствовала себя беспомощной. Слабой и никчемной. Но не потому, что не могла противостоять ему, а потому, что не знала, как помочь...

* * *

Утром я проснулась, а его рядом не было.

В небе только-только занимался рассвет, высветляя макушки столетних сосен, а Лаар уже успел уехать. Насколько же рано он поднялся? Поспал ли хоть немного?

Кровать стояла пустая и холодная, слишком большая для меня одной. И я встала, зябко кутаясь в шерстяное одеяло. В камине дотлевали последние угли, и он почти что не грел. Волоча за собой тяжелое одеяние, я добрела до поленницы и подкинула несколько дровяшек в полукруглое нутро, надеясь, что сухие дрова потихоньку займутся.

Хальди ночевала в соседней, специально отведенной для прислуги комнатке, и будить ее я не стала. Лишь заглянула в щель приоткрытой двери, убеждаясь, что девушка спит, и вернулась обратно. Скинула с плеч одеяло, спеша как можно скорее облачиться в теплую одежду. И с ужасом подумала о том, как должно быть холодно в этом замке зимой, если даже сейчас, в начале лета, здесь приходится топить по ночам камин, чтобы согреться. Помнится, в нашем родном Туэнге я никогда так не мерзла.

Может, все дело в том, что замок вайша стоит на холме, на продуваемой со всех сторон возвышенности, лишенной деревьев и растительности? Или это я попросту успела отвыкнуть от северного климата?

Как бы там ни было, мне по-прежнему было неуютно в этих стенах. И я остро жалела, что не застала с утра мужа. Разумом я понимала, что отправиться с ним мне нельзя, что это крайне опасно, но все равно не могла отделаться от этой навязчивой идеи.

Не зная, чем занять себя в столь ранний час, я вышла из покоев. Халида у дверей не обнаружилось. Видимо, кшатрий тоже спал — надо же и ему когда-нибудь отдыхать. Я же неспешно пошла по коридору, намереваясь немного побродить по замку. Далеко отходить от покоев не собиралась, так, лишь немного изучить окрестности. Отчего-то было беспокойно, что я ничего здесь не знаю. И без помощи Хальди или кшатрия вряд ли даже смогу найти выход наружу. А потому я медленно пошла вдоль шершавых каменных стен, с интересом осматриваясь и стараясь хоть немного запомнить дорогу.

Навстречу неожиданно выскочила одна из служанок. Вынырнула из-за поворота, чуть не сбив меня с ног. В руках ее были ведра и швабры, и они загрохотали, покотившись по голому каменному полу.

Девушка ахнула и бросилась впопыхах собирать свое добро.

— Прощу прощения, я вас не заметила, — судорожно выдавила она, старательно опуская голову и отводя глаза, прикрываясь собранными ведрами и тряпками.

Но я все равно ее узнала. И в первый момент даже не поверила в собственную удачу.

— Это ведь ты! Тебя пороли возле столба!

Служанка испуганно заозиралась, прижимая к груди свое добро. Выглядела она бледной и дерганой. Запуганной. Вчерашние побои наверняка давали о себе знать. Но тем не менее на работу ее сегодня выгнали... Отчего же тогда отказались прислать вечером ко мне в покои?

Я уже хотела задать этот вопрос, как девушка вдруг взмолилась:

— Пожалуйста, рани, не наказывайте! — Во взгляде ее горела мольба, а на глазах выступили слезы. Она даже попыталась упасть передо мной на колени, но вовремя спохватилась, вспомнив о ведрах — новый грохот точно разбудил бы всех в округе.

— Почему ты не явилась вчера? — строго спросила я, и девица побледнела еще сильнее, почти до крови закусил губу.

— Хозяева запретили. И велели держаться подальше от ваших покоев. Если они узнают, что мы говорили... — Девушка всхлипнула и приложила

свободную ладонь ко рту.

Мне стало жаль ее. Хотелось сказать что-то утешающее, успокоить. Но, увы, я выяснила еще не все, что хотела.

— Игнорировать мои просьбы тоже хозяева велели? — Голос по-прежнему звучал строго, и я сделала шаг вперед, наступая на и так перепуганную девицу.

— Я не специально, это все хозяйка. Госпожа Наира.

— Дочь господина Тахара?

— Да, старшая. Господин за это ругал ее сильно. И меня заодно. — Прислужница вновь всхлипнула. — Прошу вас, только не выдавайте меня... Если узнают, что я рассказала...

— Да успокойся! — прикрикнула на девушку, у которой, кажется, начиналась самая настоящая истерика. — Никому я ничего не скажу! И тебе тоже лучше сделать вид, что ничего не было. Утри слезы, а то начнутся расспросы!

Служанка всхлипнула еще разок и отерла мокрые глаза замызганным передником.

— Спасибо, спасибо, госпожа! Вовек вашей доброты не забуду, — запричитала девица и поспешила поскорее убратся с глаз долой.

Понятливая.

Я же неспешно пошла в сторону покоев, раздумывая: только ли это самоуправство несносной дочери вайша или и сам землевладелец тоже имеет что-то против меня?

Понять бы еще, чем я так им не угодила?

* * *

Следующие два дня Лаар не возвращался. Даже на ночь — я прождала его у окна до самого рассвета да так и уснула, забравшись с ногами на подоконник.

Внутри поселилась тревога. Тяжелая и опустошающая. Не дающая покоя. Я не знала, куда себя деть, сходила с ума от бездействия. Так и казалось, что стряслось что-то непоправимое.

В отличие от меня кшатрий был абсолютно спокоен. И сказал, что подобные задержки — обычное дело. Что отряд попросту углубился в лес и оказался слишком далеко, чтобы возвращаться на ночевку. Если бы с раанхаром что-нибудь случилось, то давно бы прибыл вестник. А раз вестника нет, значит, все идет своим чередом.

Слова Халида немного успокоили, но я все равно мысленно молилась, чтобы муж вернулся поскорее. После того, как я увидела, на что способен Цветок Смерти, не переживать за Лаара я не могла.

Вот и сейчас крутилась в постели, прислушиваясь к любому шороху, к мышинной возне за стеной и ветру, завывающему меж высоких замковых башен, редким крикам, что долетали с улицы, — это прислуга заканчивала свои каждодневные дела. Но ничего похожего на топот копыт или скрип парадных ворот, увы, не доносилось. А вскоре стало совсем тихо, будто вымерли все вокруг. Я начинала потихоньку проваливаться в сон, свернувшись комочком на самом краю необъятной постели. Все еще прислушиваясь, ожидая.

И вдруг показалось, что скрипнула дверь. Тихо, почти бесшумно. Уплывающее в сон сознание лишь на миг встрепелось, но тут же улеглось, убаюканное окружающей тишиной. А потом движение, еле уловимый шелест, словно ветер трогает покрывало. Холодное прикосновение к ступне. Я отдернула ногу и распахнула заспанные глаза. Села на постели.

В спальне горела одинокая свеча — я всегда оставляю ее на ночь, на случай если вернется Лаар. И в неясном свете, бликами пляшущем по стенам, я различила, как шевелится одеяло, словно под ним что-то есть. Мысль была странной, совершенно безумной, но я все же откинула тяжелую ткань, стремясь убедиться, что все это мне лишь мерещится. И вскрикнула, обнаружив на идеально белой простыне черный извивающийся шнур.

Болотная гадюка...

С кровати я буквально скатилась, больно приложившись локтем об пол, и в тот же момент в комнату ворвался Халид, коротко взмахнул кхандой и надвое перерубил змею. Метнулся ко мне.

— Рани, с вами все в порядке? Не укусила? — Халид встревоженно осматривал мои ступни и лодыжки.

Отойдя от первого потрясения, смущенно поджала под себя ноги и одернула задрывшуюся ночную рубашку.

— Вроде нет, не успела...

— Сидите здесь! — скомандовал кшатрий и принялся перетряхивать постель, проверяя, не осталось ли меж складок других ползучих гадюк.

На шум прибежала заспанная Хальди, как и я, в одной ночной рубашке, с неподобающе распущенными длинными волосами. И вскрикнула, увидев на полу останки перерубленной гадюки.

— Боги всех семи рек, откуда здесь змея? Она вас не ужалила?

Теперь уже Хальди принялась ощупывать меня с ног до головы. Я неуклюже поднялась, опершись на руку помощницы. Поправила одежду и всклокоченные волосы. Халид уже закончил перетряхивать постель и теперь принялся методично обшаривать спальню.

А до меня наконец начало доходить...

Это что же выходит? Если бы я не проснулась, меня бы могла укусить змея?!

Да откуда она вообще взялась в замке? Не могла же сама заползти?

— Она ведь тут не случайно, да, Халид? — произнесла еле слышно. Голос дрожал, а тело прошибло ознобом.

Все знают, что яд болотной гадюки смертелен. Вот только убивает он не сразу, постепенно проникая в кровь и все жизненно важные органы. А след от ее укуса совсем крохотный, почти незаметный. И проснувшись утром, я могла бы и не понять, отчего вдруг стало плохо.

Халид обернулся, посмотрел хмуро.

— Увы, но меня учили не верить в случайности, рани...

* * *

После ночного происшествия переполошился весь замок. На нижних этажах нашли еще несколько змей. Кажется, в кладовой и комнатах прислуги. Но, слава богам, они не успели никого укусить.

Вайш лично приходил ко мне в покои, справлялся о самочувствии и прислал с пяток служанок, чтобы те еще раз проверили комнату. Появление змей землевладелец объяснил весьма тривиально — началом лета и пришедшим в край теплом. Гадюки выбирают на холм, греясь на ласковом солнце, а ночью стремятся найти укрытие и потому заползают в жилища. По его словам, явление это весьма распространенное и частое в этих краях. А то, что змея оказалась именно в моих покоях, он не мог объяснить никак иначе, чем нелепой случайностью.

Поверила ли я ему? Вряд ли... Пусть и говорил вайш весьма убедительно. И рассыпался в извинениях, охал и причитал, хватаясь за голову. Кшатрий его словами тоже не проникся, я видела это по застывшему, каменному лицу, с каким тот смотрел на здешнего хозяина.

Но тем не менее Халид сделал вид, что мы удовлетворены объяснением. Только вот от дополнительной прислуги и охраны, что предлагал выделить вайш, отказался.

Вместо этого он велел Хальди ночевать в моей комнате. А еще

перекрыл все двери, ведущие в смежные комнаты. По второму кругу обшарил покои, особое внимание уделив стенам — видимо, искал потайные ходы, какими обычно напичканы подобные замки.

Весь следующий день Халид не отходил от меня ни на шаг. И кханду всегда держал при себе, многозначительно положив ладонь на увесистую рукоять. Лично проверял еду, прежде чем позволить отведать мне.

— Не волнуйтесь, рани, скоро вернется раан-хар, и мы тут же уберемся из этого замка. Я бы уехал и раньше, да только не знаю, где его искать. И селений в округе почти нет — ближайшее в двух днях пути, да и то мы не можем быть уверены, что там безопасно. Цветок разнесло почти по всей округе! — Халид раздраженно сплюнул. — Так что вы уж потерпите немного.

Я кивнула, соглашаясь. А что, собственно, мне оставалось?

Разве что отправить Лаару рииш. Но эту идею я сразу отсекала, стоило представить мужа с распоротым запястьем, каплю за каплей вливающего кровь в побегу Цветка Смерти.

Что он станет делать, получив шар? Плюнув на все дела, бросится на выручку?

Как ни странно, мне бы этого хотелось. Хотелось думать, что ради меня муж готов на все. И так притягательно было проверить это!

Но с другой стороны, я понимала, что мои проблемы в замке — сущие пустяки по сравнению с тем, как тяжело сейчас Лаару. И борьба с Цветком Смерти куда важнее всех этих мелких неурядиц.

Значит, надо просто быть осторожной и дожждаться его возвращения.

Ведь он обязательно вернется. Не может не вернуться...

* * *

Лаар

Лаар вымотался. Даже не столько физически, сколько морально.

Казалось, разросшемуся Цветку нет конца и края. Они выжгли уже несколько гектаров леса, но до материнской цветоножки так и не добрались. Лаар чувал ее сквозь пепел и дым кострища. Сквозь терпкий запах древесной смолы и сухой хвои. Она ждала его там, в самой гуще ядовитых зарослей, в сердце зловонной демоновой глотки, в которую ему придется нырнуть с головой.

И он бы сунулся, не отлагая в долгий ящик, но внутри сидела еще одна

заноза.

Катара...

Лаар не видел ее уже три дня, и неведение сводило с ума. Все ли там в порядке? Не приключилось ли чего?

И вроде он приставил к ней кшатрия, и оставил рииш на крайний случай, а все равно сердце было не на месте. И чем дольше он отсутствовал, тем тревожнее становилось. Халиду, несмотря на недавний промах, раан-хар доверял, а вот вайшу и всей его своре — нет. Чутье подсказывало, что от таких людей стоит держаться подальше, а Лаар привык чутью доверять.

В конце концов раан-хар сдался. Желание увидеть, прикоснуться, ощутить сладкий запах его рани не давало покоя. Мешало ясно мыслить и сосредоточиться на деле. Да и стражам требовался нормальный отдых.

Ор Гронта отрядил местных разгребать завалы и пепелище после лесного пожара, а сам повернул к замку. Все равно дышать в густом дыму он не сможет, а пока тот развеется, Лаару как раз хватит времени обернуться.

До лысого холма Лаар гнал будто сумасшедший. Ретивый конь несея, словно огненный смерч, взрыхляя копытами мягкий дерн. А следом за ним длинным шлейфом тянулся табун красногривых рысаков, понукаемых нетерпеливыми всадниками. И те и другие были рады ощутить свободу, свежий ветер и запах душистого разнотравья, пришедший на смену едкому дыму и копоти.

Но как они ни гнали, вернуться до заката все равно не успели. Отряд въехал во двор, когда уже смолкли вечерние трели птиц и небо затянуло густой непроглядной мглой. Тем не менее в замке их ждали. Навстречу выбежала толпа слуг, помогая всадникам спешиться и расседлать коней.

Лаар кинул поводья подскочившему конюху и сразу направился в замок. Шел быстро, торопливо, сгорая от нетерпения и предвкушения скорой встречи с той, что никак не шла у него из головы. Взбежал по крутой лестнице, через одну перескакивая ступени, — и чуть не налетел на неожиданно показавшуюся из-за поворота девицу.

Девушка ахнула, чудом не выронив увесистую корзину, накрытую льняной салфеткой.

Один вдох — и он узнал ее.

Та самая, что Лаар приметил еще в трапезной. Кажется, младшая дочь вайша.

Вот только какого демона она делает здесь посреди ночи, когда всем порядочным девицам надлежит видеть десятый сон в своей постели?!

— Прошу прощения, мой господин. Я такая неловкая... — Взгляд украдкой, яркий румянец смущения на щеках и запах, что кружит голову, стоит лишь немного приблизиться.

Ему бы следовало уйти, сразу, без колебаний, как он делал это прежде с другими настырными папенькиными дочками.

Но, демонова глотка, как же его все это достало!

— Что ты здесь забыла? — бросил Лаар грубо.

— Простите, я всего лишь... я... собиралась принести вам кушанье. — Она неловко протянула корзину. — Я подумала, что вы устали с дороги, а все слуги заняты и...

— И что? Может, ты еще поможешь мне расслабиться с дороги? — зло процедил Лаар и, выхватив из рук девчонки корзину, схватил ее за запястье и поволок по коридору. Втолкнул в первую попавшуюся на пути комнату. Прижал к стене и тут же зажал рот ладонью, когда та попыталась взвизгнуть.

В глазах ее плескался страх, дикий, первобытный, и Лаару это понравилось. Именно такой реакции он и ожидал.

И запах усилился многократно. Забавно, но страх так же, как и желание, вызывал резкий выплеск секрета, и Лаару стоило немалых усилий, чтобы сдержать себя.

На девице был легкий хитон из полупрозрачной ткани, прихваченный тонким пояском. Раан-хар схватился за свободный конец и с силой дернул пояс.

Деввица затряслась, задергалась в его руках, пытаясь вырваться, оттолкнуть. Но Лаар не позволил, по-прежнему зажимая ей рот ладонью.

— Мне продолжить? — вкрадчиво спросил он, глядя в наливающиеся слезами глаза. Деввица была хорошенькая, тонкая и по-детски хрупкая. И Лаар не сомневался, что со временем из нее выйдет настоящая красавица. Жаль только, воспитание подкачало.

Девчонка усиленно замотала головой, моля глазами о пощаде.

— Нет? — нехорошо усмехнулся ор Гронта. — Тогда слушай внимательно. Если я еще хоть раз увижу рядом тебя или кого-то из твоих настырных сестер, то, не раздумывая, пущу вас по кругу среди своих стражей. Знаешь, как они оголодали по женскому телу? — И вновь смешок, а деввица уже покрылась липким потом и трясется крупной дрожью, кажется, вот-вот намереваясь свалиться в обморок. — И поверь мне, такое решение будет куда милосерднее, чем взять одну из вас в жены... — добавил раан-хар и резко отступил.

Дочь вайша осела на пол, стискивая дрожавшими пальцами подол

хитона.

Лаар же не спеша поднял с пола корзину и вышел прочь, оставив девушку осмыслить произошедшее, надеясь, что та накрепко выучит преподнесенный урок.

У самого же внутри билось желание. Бесновалось, ища выхода, разрядки. В паху сладко ныло, а штаны сделались тесными, давили так, что хотелось содрать их, не доходя до покоев.

Лаар стиснул зубы и ускорил шаг.

Почти ворвался в спальню, послав к демону кшатрия, что попытался его задержать. Кажется, Халид хотел о чем-то поговорить, но Лаару было не до того. Желание билось в висках, стучало в крови, скручивало нутро в тугой узел, почти заставляя выть от нетерпения, требуя немедленного утolenия.

И Лаар порадовался, что ему есть где это желание удовлетворить.

Он замедлился лишь на секунду. Когда увидел мирно спящую на постели жену. Внутри всколыхнулся давний страх, и Лаар задержал дыхание, боясь вдохнуть, — вдруг что-то изменилось за эти дни?

Колебался он лишь мгновение, а потом опустил на край постели и со свистом втянул воздух у ее виска. По телу прошла волна облегчения — и тяжкий груз разом свалился с плеч.

Катара по-прежнему пахла сладко. Так чарующе прямо и соблазнительно. Невероятно!

И Лаар ругнул себя за мимолетную слабость перед дочерью вайша. Ее запах не шел ни в какое сравнение с дурманящим ароматом его рани.

Его жены. Его женщины. Той, что больше не боялась. И отвечала ему, взрывая мир тысячей разноцветных обжигающих огней.

Лаар взялся за кожаные ремни, стремясь как можно скорее избавиться от стесняющего движения доспеха.

Теперь, рядом с ней, он точно не сдержится.

Лаар представил, как Катара проснется от его поцелуев, и нутро обожгло новой волной подкатившего желания.

Демоновы ремни! Что ж они так туго расстегиваются?!

Короткий стук в дверь заставил обернуться.

Кого еще там принесло? Впрочем, кто бы то ни был, Лаар непременно пошлет его к демону!

Стук повторился.

— Проклятье! — сквозь зубы ругнулся Лаар и, таки справившись с ремнями, откинул доспех. Прошел в двери, распахнул рывком, готовый разорвать позднего визитера на куски.

Но в открывшемся проеме показалась лишь хмурая морда кшатрия.
— Надо поговорить. Это важно! — с нажимом произнес Халид и, глянув поверх плеча Лаара, коротко пояснил: — На рани покушались.

Желания тела тут же отошли на задний план, и Лаар без слов вышел из покоев, аккуратно прикрыл за собой дверь, а потом совершенно нечеловеческим, сиплым от ярости голосом прошипел:

— Убью!

И у Халида не осталось ни единого сомнения — сегодняшняя ночь для вайша станет просто незабываемой! Если не сказать последней...

* * *

Лесная тропинка петляет меж широких сосновых стволов. Ноги утопают в мягкой еловой подстилке. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь разлапистые ветки, слепят глаза.

Где-то там, в торчащей пучками траве, прячется красная земляника, сладкая и терпкая. Я чувствую ее аромат, пряным послевкусием тающий на языке. Заглядываю под кустик, чтобы сорвать сочную спелую ягоду — и тут слышу знакомый голос.

Он зовет меня, и я откликаюсь. Бегу вприпрыжку, словно ретивая козочка.

Голос так близко, и я спешу туда, придерживая небольшую берестяную корзинку, до половины заполненную сладкими ягодами.

Под ноги попадается очередной кустик, буквально усыпанный земляникой, и я резко останавливаюсь, нагибаюсь, чтобы собрать в ладошку сочную сладость.

— Катара, вот ты где, — мягкий голос раздается из-за спины, и я с улыбкой поднимаюсь, протягивая ягоды на раскрытой ладони.

И тут же замираю, широко раскрыв рот. Прямо передо мной, всего в нескольких шагах, качается на толстом стебле огромный бутон. Зеленый, с причудливыми розоватыми прожилками. Он наклоняется из стороны в сторону, и бархатные лепестки открываются мне навстречу, а из сердцевины во все стороны летит искрящаяся на солнце пыльца.

— Катара, беги! — надрывный крик ударяет по вискам, и одновременно с этим я вдыхаю сладкий аромат цветка.

Сладкий лишь поначалу...

Горькое, приторное, тошнотворное послекусие оседает на языке. Горло сдавливает спазм, и я захлебываюсь собственным криком. Легкие

горят огнем, а тело колотит крупная дрожь. Воздух с трудом проникает внутрь мелкими рваными глотками, каждый из которых может стать последним. И я бьюсь на земле, беспорядочно молотя руками, выгибаясь в мучительной агонии.

Чувствую, как кто-то рьяно трясет меня за плечи.

Распахиваю глаза и вижу перед собой встревоженное лицо Лаара. Оно блестит от влаги, а с коротких темных волос ручьем течет вода. Чертит влажные дорожки по шее и голому торсу.

Лаар стоит передо мной в одном полотенце, обернутом вокруг бедер, мокрый, взъерошенный. И в серых глазах бьется тревога.

О боги! Я сплю?

— Что случилось? — напряженно спросил муж и еще раз тряхнул меня за плечи.

Судя по жесткой хватке впившихся пальцев, это точно не сон...

Выходит, он вернулся?..

Порывисто подалась вперед и обхватила Лаара за шею, притянула к себе, зарываясь пальцами в мокрые волосы. Ощупывая, пытаюсь в который раз убедиться, что мне не мерещится. Он и правда здесь!

Вернулся. Живой. Невредимый.

Разве можно было желать большего?

Лаар робко обнял в ответ, и я почувствовала, как ночная рубашка прилипла к телу.

— Все хорошо? — спросил в который раз, и я кивнула, не отрывая головы от его плеча.

— Да... просто... дурной сон приснился.

И правда сон. Всего лишь сон. Вот только слишком уж он похож на явь. И, кажется, меня до сих пор колотит дрожь.

Зажмурилась и мотнула головой, избавляясь от неприятных образов.

Лаар мягко гладил мне спину, успокаивая. Я чуть отстранилась и вгляделась в серые глаза, влажные, мерцающие в тусклом свете дрожащих свечей.

— Я волновалась... — Думала, признаться ему в этом будет непросто, но оказалось легко, так же, как ходить, видеть или дышать.

Почувствовала, как сбилось мужское дыхание и взгляд потеплел, скользнул вниз, к прилипшей к телу ночной рубашке. Мокрая ткань неприятно холодила, вызывая настойчивое желание скинуть лишнюю одежду.

— Я тебя намочил, — тихо произнес Лаар и, ухватившись за край

подола, потянул рубаху наверх. Отбросил в сторону и, резко подавшись вперед, приник губами к моей шее. Провел языком по горлу, слизывая влагу, капающую с собственных волос.

Он по-прежнему был мокрым, и холодная вода капала мне на плечи и грудь, заставляя вздрагивать от контраста ощущений. Холодные капли — и горячий язык. Мягкие губы — и твердое, словно камень, тело. Сильные руки, что касаются удивительно нежно, но порой сжимают почти до боли.

Он вылизывал меня, словно дикий зверь, дышал часто и прерывисто, утыкаясь носом в шею.

Вновь обнюхивал, и я радовалась, что мой запах по-прежнему вызывает в нем желание.

Почувствовала, как горячий язык скользнул по груди, задел чувствительную вершинку, и я выгнулась от наслаждения, пронзившего тело. И в тот же миг Лаар коротко рыкнул и подмял под себя, впился в губы жадным поцелуем.

Он целовал лихорадочно, спешно. Будто боялся чего-то не успеть. А коленом уже раздвигал мне ноги. И вошел резко, одним ударом, выбив хриплый стон, сорвавшийся с губ.

Замер на мгновение, щуря глаза от удовольствия, комкая простыню рядом с моей головой.

— Какая же ты горячая... — выдохнул мне в губы и вновь поцеловал. Сжал ладонь на моем бедре, толкаясь сильно и резко. Входя сразу на всю длину. Без остановки и малейшей передышки. Все быстрее и быстрее. Резче. Сильнее.

Всего несколько рьяных толчков — и я почувствовала, как он содрогнулся всем телом. Застонал сквозь стиснутые зубы, а потом осел, придавливая всем весом к мягкой перине.

Ох, так быстро...

Нутро горело, а внизу живота свернулся тугой узел неудовлетворенного желания.

Мне определенно было мало.

— Извини... — словно прочитал мои мысли Лаар и тихонько добавил: — Я просто очень соскучился.

Извини? Он что, просит прощения?!

И он... соскучился?

О боги, думала ли я, что когда-нибудь услышу подобные слова от Лаара ор Гронта? Грубого, немногословного, законченного эгоиста, думающего лишь о себе одном. Да я такого даже в самом радужном сне не могла вообразить!

А потом Лаар скатился с меня, улегся рядом, притягивая к своему боку, и поднес ладонь к губам. Облизал медленно, палец за пальцем, глядя прямо в глаза.

И я вся сжалась, стиснула судорожно ноги, уже зная, что он станет делать дальше. Сгорая от предвкушения. Чувствуя, как в ожидании его прикосновений сладко ноет внутри.

И когда муж протиснул ладонь меж моих сведенных ног и коснулся чувствительной, пульсирующей в нетерпении точки, откинула голову на подушку, выгнулась натянутой струной, подаваясь навстречу его руке.

И плевать мне было, сколь неприлично это выглядит!

Он ласкал меня так чувственно, так сладко, что я плавила, горела в его умелых руках, готовая на все, лишь бы он не останавливался. Наслаждение накатывало волнами, все более мощными и сильными. Смывая все лишние мысли и чувства. Оставляя лишь желание, неистово пульсирующее под подушечками мужских пальцев.

И я впилась ногтями в мужские плечи, чувствуя скорое завершение. И прикусила собственную ладонь, сдерживая рвущийся из горла крик удовольствия. Тело словно молнией прошло. Казалось, напряглась каждая мышца, каждая клеточка бьющегося в агонии тела.

А потом пришло расслабление, полное и бесповоротное. Когда не хочется шевелить даже пальцем, лишь лежать недвижно, ловя отголоски недавней бури.

Я почувствовала, как Лаар мягко обнял и притянул к себе, крепко сжимая в кольце надежных рук. По телу разлилась блаженная нега, и все, на что меня хватило, — лишь устроить голову на его груди, чувствуя, как гулко стучит зашедшееся в неровном стуке сердце. Его ли? Или, может, это мое собственное?

— Кажется, теперь нам обоим надо в ванную... — усмехнулся Лаар и отвел прилипшие волосы с моего лба.

— Угу... — Я сонно кивнула, скидывая с себя одеяло, которым муж усиленно пытался меня накрыть.

Странно, а вчера, помнится, я мерзла даже с горящим камином. А сегодня сама как огонь и с радостью бы высунулась в окно, чтобы немного остыть.

— Катара... — предупреждающий голос мужа раздался над самым ухом, и на меня вновь накинута край одеяла. — Не спи.

Я сонно завопилась в постели. Даже попыталась перевернуться на другой бок. Но мне не позволили.

— Нам надо поговорить, — серьезно произнес Лаар, и я напряглась от

изменившегося тона его голоса, с опаской думая о том, что за разговоры среди ночи затеял муж.

Если не может подождать до утра, значит, что-то важное. Или, может, утром он так же уедет, не дождавшись моего пробуждения?

От последней мысли стало неудобно, и я теснее прижалась к мужской груди, не желая отпускать ни на мгновение.

Но он настойчиво отстранился. Заставил смотреть себе в лицо.

— Почему ты не отправила рииш? — спросил строго и грозно сдвинул широкие брови.

Еще не злился, но определенно был недоволен.

— Так ты уже знаешь?

— Про змею в покоях моей жены? Конечно, знаю!

Ох, и как я об этом не подумала. Выходит, Халид уже обо всем доложил!

— Так почему не отослала? — повторил Лаар и приподнял мой подбородок, не давая ни единого шанса промолчать.

— Не хотела отвлекать тебя от дел.

— Проклятье! И в кого ты такая упрямая?! — простонал муж. — Катара, я ведь не просто так оставил тебе рииш. И ясно дал понять, что в случае любой опасности ты должна воспользоваться им. Неужели так сложно было это сделать?

Ну вот, кажется, он опять завелся: серые глаза мечут молнии — и мне хочется сжаться, спрятаться от его пытливого взора.

— Но ведь все обошлось, — пискнула придушенно, не зная, как оправдать собственную глупость.

Я ведь и подумать не могла, что для него это так важно.

— В этот раз обошлось. Но ведь могло и не обойтись! А если бы они предприняли еще одну попытку?!

— Так это было подстроено?

Хмурый взгляд мужа и тесно сжатые губы дали ясно понять — еще как подстроено!

— И что теперь будет?

— С кем? — как-то недобро усмехнулся Лаар. — Если ты о нас — то мы покинем замок на рассвете. А вайш... с ним я уже разобрался.

— В смысле — разобрался... Ты что... ты его?.. — тяжело сглотнула, вообразив себе худшее.

Честно говоря, я даже не представляла, способен ли Лаар на убийство. Раньше думалось, что это у него в порядке вещей. А сейчас... я не знала, что и думать...

— О боги, Катара! У тебя такое лицо, будто я его по меньшей мере четвертовал!!!

— А ты не...

— Вайш жив, если ты об этом. Смерть была бы слишком простым наказанием для этого ублюдка, — сказал так, словно выплюнул.

Я попыталась было вообразить, что такого мог сделать с землевладельцем раан-хар, и меня передернуло. Сразу вспомнился рассказ Халида про ямник и отрезанный язык. И я предпочла за лучшее промолчать. В конце концов, это мужские дела, мне туда лучше не лезть. Спокойнее будет.

— Послушай. — Голос мужа смягчился, и я почувствовала легкое прикосновение к щеке. — Если я прошу что-то сделать, я прошу это не просто так. Значит, на то есть причины. И я хочу быть уверен, что ты сделаешь все так, как я сказал, что ты не подведешь. Я ведь не могу разорваться... Не могу контролировать все вокруг, как ни старайся!

И до меня наконец дошло...

Я вспомнила, как переживала за Лаара все эти дни, как мучилась неведением. И сейчас представила, что он мучился так же, находясь вдали от меня. И стало понятно, зачем нужны были рииш и эти его приказы, которым следовало безоговорочно подчиняться. Он ведь попросту хотел быть уверенным, что здесь все хорошо. Чтобы не думать, не отвлекаться на лишние беспокойства, а всецело заниматься уничтожением Цветка.

А я подвела. Не послушалась. И теперь испытывала мучительное чувство вины.

— Прости. Я не думала, что это так важно... Я больше не буду.

Вновь ткнулась носом в его плечо, и на этот раз Лаар позволил мне спрятаться.

— Знаешь, — муж усмехнулся, и я уловила озорные нотки в его голосе, — мне бы следовало наказать тебя.

Воображение тут же подкинуло несколько красочных картинок того, как муж мог бы меня «наказать», и тело мгновенно бросило в жар.

Не дожидаясь, пока он приступит к исполнению своих угроз, обвила руками его шею и сама потянулась к желанным губам.

— Непременно...

ГЛАВА 15

Мы выехали на рассвете. Замок я покидала с легким сердцем — возвращаться в это логово ядовитых змей уж точно не было никакого желания. Да и рядом с мужем мне было спокойнее. Лучше уж окунуться в пучину бури, но чтобы он был на виду, чем мучиться неведением в уютном и защищенном со всех сторон убежище.

Мчались быстро. Лаар пребывал в хорошем расположении духа и даже позволил мне самостоятельно ехать верхом, выделив самого спокойного жеребца из имеющихся. Правда, на спокойного мой красногривый друг походил мало. Все же рысаки этой породы слишком ретивы, и удержать их на месте может лишь крепкая привязь или жесткая рука хозяина. У меня не было ни того, ни другого, и поначалу конь не слушался, но желание ехать самой и не задерживать весь отряд было слишком велико, и мне удалось обуздать непокорное животное. Правда, Лаар все равно ехал рядом, бок о бок. Контролировал. И я была уверена, что даже в такой бешеной скачке он готов в любой момент прийти на помощь.

Спустя несколько часов изнурительной дороги, когда уже болели все мышцы и руки с трудом удерживали поводья, мы наконец остановились.

По правую руку простиралось бушующее разнотравьем поле, по левую — торчали из земли обожженные остовы деревьев. Ветер разносил по округе острый запах гари, и крупные хлопья пепла оседали на одежде. Я аккуратно тронула одно, опустившееся как раз на плечо, — еще теплое.

— Все хорошо? — Лаар уже успел спешиться и незаметно оказался рядом. Протянул руки, помогая спуститься с жеребца. Я, не раздумывая, спрыгнула к нему в объятия и чуть пошатнулась, оказавшись на земле. Муж тут же поддержал.

— Все хорошо. Просто устала, — поспешила успокоить его и выдавила из себя подобие улыбки.

Признаться честно, улыбаться совсем не хотелось. Глядя на огромное пепелище, протянувшееся с запада на восток насколько хватало глаз, хотелось плакать навзрыд.

Ведь всего каких-то несколько дней назад здесь стоял могучий лес, шелестели кроны деревьев, перекликались птицы, сидящие на островерхих макушках, возились в высокой траве мелкие грызуны и жучки. А сейчас ничего не осталось, лишь щербатые обугленные пни и черная земля, словно покрывалом, накрытая пеплом.

Дышать было трудно, теплый прогорклый воздух разъедал гортань, и, нашарив в седельной сумке фляжку, я сделала несколько жадных глотков. Лаар тут же протянул мне тряпицу, смоченную в воде.

— Повяжи на лицо, так будет легче дышать, — посоветовал он, и я благодарно приняла повязку, приложила к лицу. — Нам придется разбить лагерь здесь. Отсюда ближе всего до материнской цветоножки.

— Вы отправитесь в лес? — Я с ужасом поглядела на то, что от этого самого леса осталось.

Мне и тут-то сложно дышать. А каково там, в сердце этой выжженной пустыни, — и вовсе страшно подумать!

— Да. Надо завершить начатое, — коротко ответил Лаар и принялся раздавать указания своим воинам.

Часть их уже ставили походные шатры и разводили костры. Оставшиеся, что только успели подъехать, снимали поклажу с жеребцов.

А я вдруг поняла, что не вижу среди прибывших свою помощницу. А ведь она вместе с нами отправлялась из замка.

— А где Хальди? — забеспокоилась я, судорожно озираясь по сторонам.

— Она с жеребцом справиться не смогла. Халид взял ее к себе, и они, кажется, отстали, — доложил один из стражей, что ехал как раз в хвосте.

Лаар заинтересованно выгнул бровь, но тут же отвернулся, потеряв интерес.

Мне же стало жуть как любопытно, в чем истинная причина задержки кшатрия и моей помощницы? Еще в замке я заметила, с каким восторгом и немой преданностью наперсница смотрит на Халида.

Наверное, так же я смотрю на Лаара...

Соблазн расспросить девушку был велик, но я решила не лезть к ней раньше времени. В конце концов, захочет — сама расскажет. Да и, чувствую, там тоже все не так просто, как хотелось бы. Ведь Хальди вдова, а вдов не принято брать в жены, разве что в наложницы, но такой участи для своей наперсницы я не желала.

Спустя час, когда все приготовления были завершены, отряд выдвинулся в лес. И кто бы знал, как мне было трудно отпускать от себя Лаара...

Оставалось лишь надеяться, что он и его люди непременно вернутся к закату.

Лаар

И вновь неудача.

Они шли напролом. Сначала сквозь пепелище, затем через густые заросли: бесконечные разросшиеся лианы и тугое переплетение ядовитых побегов. Расчистка дороги отняла слишком много времени, и до материнской цветоножки отряд Лаара так и не добрался. Они лишь срезали несколько нераскрывшихся семенных коробок, пуская по срезу свежую кровь.

Лаар чувствовал привычную слабость в теле, кровоточащая рука ныла, а осознание того, что они толком ничего не успели за сегодня, бесило невероятно. И лишь только эта злость помогала прямо держаться в седле, тогда как тело настойчиво требовало распластаться на конской шее. Его стражи устали, вымотались, а солнце уже ощутимо клонилось к закату.

— Возвращаемся, — скомандовал раан-хар, понимая, что толку от его стражей уже нет. Да и слишком опасно двигаться дальше, когда силы на исходе. Воины теряют концентрацию, а это чревато последствиями. Вдруг как полоз или еще какая напасть? Да и крови Лаар сегодня отдал достаточно, так что и от него толку нет.

Обратной дорогой лошади двигались куда охотнее, чем в глубь леса. И даже запах пепла показался Лаару свежим и сладким по сравнению с удушающим ароматом Цветка Смерти, что накрепко въелся в кожу, не говоря уже об одежде. А когда они наконец выехали на опушку, раан-хар и вовсе не сдержал вздоха облегчения. Ветер ударил в лицо, принося с собой запах душистого разнотравья, дымящейся в котелке наваристой похлебки, а еще он чувствовал ее запах. Запах своей рани.

Она встречала его, стоя у шатра, стиснув ладони и напряженно вглядываясь в толпу вернувшихся воинов. И облегченно выдохнула, встретившись глазами с Лааром. А потом принялась внимательно ощупывать взглядом его тело.

Ждала. Волновалась.

И от понимания этого внутри разливалось мягкое тепло. И все сегодняшние неудачи сами собой отходили на задний план.

Все же как приятно возвращаться, когда тебя ждут! И, кажется, только ради этого Лаар был готов день изо дня отправляться в глубь леса. Да что там леса! Он бы шагнул в жерло кипящего вулкана и вышел бы оттуда, чтобы только увидеть этот взгляд.

И казалось, что она не удержится. Вот-вот рванет к нему сквозь толпу воинов и кинется в объятия.

Но нет, сдержалась. Не стала высовываться и подрывать его авторитет перед стражами.

— Отдыхайте. Завтра на рассвете продолжим, — кинул своим людям Лаар и торопливо спешил. Прямо на ходу принялся расстегивать доспех, просто нестерпимо желая обнять жену, прижать к своему телу, стиснуть в объятиях. Почувствовать себя живым, нужным, желанным.

Катара скользнула в шатер, поманив за собой взглядом. Так что заметил лишь он.

Стук сердца ускорился, и Лаар прибавил шаг. Рывком распахнул полог. И, уже не сдерживая себя, сжал жену в объятиях, ткнулся носом в шею, вдыхая родной запах, и сразу прижался к губам. Мягким и сладким, таким знакомым и в то же время неизведанным. И он вновь и вновь изучал их. Своими губами, языком, зубами, еле заметно прикусывая кожу и сразу зализывая.

Демон! А ведь Лаар думал, что, вернувшись в лагерь, сил хватит лишь на то, чтобы скинуть доспех и упасть на твердую постель.

А теперь стоял посреди шатра и не мог оторваться от жены. Ее запах будоражил кровь, а робкие прикосновения и ответные движения губ отдавались теплотой в сердце. словно внутри поселился огромный пушистый кот. Ласковый и урчащий.

Странное чувство. Непривычное...

Но терять его совершенно не хотелось.

Лаар так увлекся, что даже не сразу заметил, как начала гореть кожа на ключице. Сначала совсем незначительно, но постепенно зуд усилился, вызывая настойчивое желание разодрать ногтями кожу.

— Лаар, что это? — Катара уставилась в вырез туники, в широко распахнутых сине-зеленых глазах плескалось волнение.

Раан-хар перевел взгляд на собственную грудь, дернул в сторону ворот, обнажая ключицу и надпись-татуировку, светящуюся потусторонним голубым светом.

— Только не это... — выдохнул ошарашенно и тяжело сглотнул.

В горле стоял ком, а мысли, одна нелепее другой, уже закрутились в голове бешеным хороводом.

Лаар с трудом заставил себя успокоиться и не паниковать раньше времени.

В конце концов, возможно, все не так плохо, как кажется.

— Лаар, что это? Почему она светится? — Женский голос дрожал от волнения.

— Это печать, привязка для рииша. Если она светится, значит...

— Кто-то отправил послание о Цветке? — догадалась Катара, и теперь на лице ее читалась самая настоящая паника.

Лаар коротко кивнул и отпустил жену. В два шага оказался у выхода из шатра и откинул полог как раз в тот самый момент, когда влетел рииш.

Металлический шар с жужжанием пронесся под сводом и застыл, стиснутый в ладони раан-хара. Лаар привычным движением вскрыл его, выуживая послание с точным указанием места.

С силой стиснул зубы и прикрыл глаза, борясь с яростным желанием вогнать куда-нибудь кулак. Все оказалось еще хуже, чем он ожидал.

Раан-хар коротко выругался и порывисто вышел из шатра. Навстречу ему уже бежал кшатрий.

— Где? — только и спросил Халид.

— Окрестности Гаррада...

* * *

Лаар

За каких-то несколько минут шатер превратился в настоящий военный штаб.

Помимо Лаара и Халида, склонившихся над картой, здесь собрались еще несколько стражей, и все они горячо спорили, наполняя шатер непривычным шумом и гомоном.

— Мы не можем уехать. Пока цела материнская цветоножка, Цветок будет расти, и к нашему возвращению ситуация лишь ухудшится. — Голос Лаара звучал твердо и спокойно. И никто из собравшихся даже не подозревал, какие на самом деле чувства бушуют за маской холодной сдержанности.

Впрочем, собравшимся воинам было не до подобных размышлений.

Ситуация складывалась донельзя дрянная. Напряжение буквально витало в воздухе, порой выливаясь в крепкое словцо или неприличный жест.

— Да, но второй очаг слишком близко от столицы, — взял слово один из стражей — Керем. Он служил еще при отце Лаара и был куда старше нынешнего раан-хара. — Здесь места безлюдные. А в Гарраде много жителей, плотная застройка. Если Цветок войдет в силу, жертв не избежать. Да и не станем же мы поджигать город?

— Вот именно, что много жителей. Уж все вместе как-нибудь

продержатся. В конце концов, не впервой, знают, что делать, — фыркнул Геллар и провел ладонью по колючим усам.

— Знать-то знают, но, как всегда, рассчитывают на раан-хара... — хмуро бросил Халид.

— Покажи еще раз, где эта деревенька, — велел ор Гронта, и усатый Геллар ткнул острым грифелем в точку на карте:

— Здесь. До Гаррада пара-тройка часов верхом.

— Пока доберемся, Цветок как раз успеет подойти к окраинам города, — выдохнул раан-хар и стиснул пальцы на переносице.

— Император будет недоволен... — заметил кшатрий, а Лаар еле сдержал нервный смешок.

Император? Ему было плевать на императора.

Что он сделает? Накажет? Его, единственного во всей империи раан-хара? Ерунда!

— Что ж теперь? — Геллар всплеснул руками, этим своим жестом, кажется, выражая общее мнение. — Как ни крути, но до столицы не меньше десяти дней пути! А то и больше, учитывая, в какой глуши мы застряли! — Страж смачно сплюнул на пол, а раан-хар все же выругался:

— Проклятье! — С силой швырнул грифель на разворот карты. — Десять дней туда, десять обратно... Еще не известно, сколько времени там! К нашему возвращению от Лашассы вообще ничего не останется!

— Мы собрали всех местных, пусть и дальше выжигают лес! — вновь встрял Керем, и его предложение поддержала пара голосов.

Вот только Лаар сильно сомневался в разумности этой затеи. Он через силу заставил себя успокоиться. Подумать, не отвлекаясь на эмоции и чувства. Странно, но раньше они не мешали ему принимать взвешенные решения. Отчего же сейчас хочется заорать от собственного бессилия?

— Геллар, отметь примерную территорию расчистки, — взяв себя в руки, велел ор Гронта.

Усач склонился над картой.

— Мы выжгли вот этот участок и еще на юго-востоке. — Он усиленно штриховал карту, намечая примерные границы пепелища. — Слишком мало...

— Вот именно, — подтвердил раан-хар. — Как ни крути, все не охватить. Слишком большая территория. Где-нибудь да пробьется.

— Значит, надо остаться и добить! — подытожил Халид. — До столицы все равно далеко. Пара-тройка дней ничего не решат.

— Не уверен, что нам хватит пары дней, — Лаар покачал головой. — Цветоножка близко, но с теми темпами, которыми мы пробирались сегодня,

дело может затянуться.

— Значит, не стоит терять времени. Чем скорее выдвинемся в Гаррад — тем скорее вернемся! — вновь поторапливал кто-то из стражей. Кажется, некоторым не терпелось убраться из этой демоновой глотки.

Лаар бы и сам с радостью убрался. Но понимал, что нельзя.

Раан-хар прикрыл глаза, собираясь с мыслями. Так или иначе, решение было за ним. И, кажется, он впервые не знал, что делать. Не знал, какое из двух зол выбрать.

Здравый смысл настаивал на том, чтобы остаться в Лашассе, закончить дело, а уже потом кидать все силы на расчистку столицы. Но стоило лишь представить многотысячный город, по которому ветер разносит ядовитые споры Цветка Смерти, как здравая логика теряла всякий смысл. Жертв может быть слишком много. Не обяжешь же всех носить защитные маски и сидеть по домам! Да еще эта жара, в Гарраде сейчас наверняка не продохнуть, и люди тянутся на воздух, поближе к реке. А если Цветок отравит воду в Хонту, что тогда?

Боги, если бы у них было хоть немного лишнего времени... если бы как-то отсрочить... успеть...

Стражи удивленно покосились на Лаара.

Кажется, последнюю фразу он произнес вслух, а теперь ловил на себе недоуменные взгляды собственных воинов, привыкших, что раан-хар всегда знает, что делать.

Проклятье! Но он не знал!

Оставалось разве что разорваться на две части! Или больше. И по кускам отправить себя во все уголки империи! Тогда не придется выбирать.

— Лаар... — робкий голос донесся из противоположного конца шатра. Раан-хар резко обернулся.

Катара?

Вот демон, он ведь совершенно забыл о ней! И выходит, она была тут все это время?!

О боги, конечно, он ведь даже не подумал о том, чтобы переместиться в другой шатер!

Проклятье! Три тысячи раз проклятье!

Не хватало еще, чтобы собственная жена в нем усомнилась!

— Лаар, я...

— Сейчас не время. Иди к себе... то есть... — Он коротко глянул на наперсницу, и та, поняв все без слов, подбежала к рани и попыталась мягко увести.

— Погоди, я просто... я хотела предложить... — Катара смутилась и

бросила неуверенный взгляд на собравшихся мужчин.

Внутри мгновенно всколыхнулась ярость.

Что она себе позволяет?! Мало того что не удосужилась вовремя уйти, так еще и советовать ему вздумала! На глазах у его же стражей! Совсем забыла, где место женщины!

А ведь он всего лишь раз дал слабину... Или не раз?

— Что вы хотели предложить, рани? — в разговор вмешался Халид, и Лаар стиснул зубы, чтобы не зарычать.

Пожалуй, кшатрию тоже стоит напомнить, где его место. А то вздумал! Сначала служить ей вознамерился, теперь разговоры разводит. И ведь Лаар не давал согласия!

Руки непроизвольно сжались в кулаки. Катара вздрогнула, глянула затравленно — на дне сине-зеленых глаз плескался самый настоящий страх. Как тогда, в первые дни их супружеской жизни.

Демон! Он ведь не хотел ее пугать! Но и не злиться не мог...

Лаар уже подумал, что она совсем испугается и сбежит, но нет, не отступила. Лишь только сжалась под его пронзительным взглядом. А потом глубоко вдохнула и негромко произнесла:

— Я подумала... что может... стоит привлечь Природников?

— Что?

Природников? Откуда она вообще это взяла?

— Ну, они ведь умеют заговаривать растения. Продлить цветение или, наоборот, замедлить. Усыпить. Помнишь, как тогда перед... — Она запнулась и, тяжело сглотнув, очень тихо добавила: — Проводами.

Уж о чем о чем, а об этом Лаар точно не желал вспоминать. И, признаться честно, его мало тогда волновало, чем заняты Природники.

— Думаете, они смогут заговорить Цветок Смерти? — недоверчиво протянул Халид.

— Бред! — не сдержавшись, бросил Лаар.

— Эти рохли только и умеют, что с растениями разговаривать! — поддержал кто-то из стражей.

— Но ведь Цветок Смерти тоже растение! — В голосе жены прибавилось уверенности, и Лаар невольно изумился. — Почему бы не попробовать... поговорить?

— Не думаю, что это что-то даст... — отрезал Лаар и почти сразу почувствовал руку кшатрия, легшую на плечо.

— Мы ничего не теряем.

Раан-хар недовольно скинул ладонь товарища. Фыркнул.

Кажется, сегодня все вознамерились давать ему советы. Что за

дикость!

«Ничего не теряем».

Уж в чем в чем, а в этом кшатрий был прав. Только вот не испугаются ли Природники?

Да хоть и испугаются, перечить приказу раан-хара не посмеют!

По правде говоря, идея эта казалась сущей глупостью. И, демон, он был зол, что Катара посмела высунуться, посмела лезть в мужские дела. Но с другой стороны...

Интуиция подсказывала, что надо остаться в Лашассе. И если согласиться и привлечь Природников, то можно хоть немного оправдать свое решение.

В конце концов, ему нужно что-то выбрать, и раз уж так случилось, пусть выхода жены станет знаком.

— Ты прав, мы ничего не теряем. — Лаар развернулся к Халиду. — Дайте бумагу и перо и выдели мне самого быстрого всадника. Пора навестить господина Тахара...

Лаар мысленно усмехнулся, вспомнив, как в порыве ярости выкинул вайша в окно. Как тот верещал, умоляя разъяренного раан-хара не отпускать его ногу, что, к слову, оказалась весьма упитанной. А потом Лаар привязал «добродушного» хозяина за эту самую ногу и оставил болтаться вниз головой.

В тот момент у Лаара чесались руки его придушить, свернуть жирную шею этого ублюдка. А теперь он радовался, что оставил вайшу жизнь. Сумятица в замке никому не пошла бы на пользу. И уж что-что, а почтовый голубь там точно должен найтись. И даже если не найдется, ор Гронта был уверен, Тахар выпрыгнет из штанов, но достанет птицу, лишь бы не пришлось в очередной раз испытывать на себе гнев раан-хара.

* * *

Лаар был зол. Раздражен.

Я буквально кожей ощущала его недовольство. И самое ужасное — ему было на что злиться.

— Прости, — произнесла я, когда наш шатер наконец опустел и мы остались наедине. — Я знаю, мне не стоило вмешиваться, но... А вдруг и правда поможет?

Лаар молчал. Лишь упрямо скрестил руки на груди, не двигаясь с места. И уставился куда-то себе под ноги, не глядя на меня.

И от этой его позы и молчаливого упрека мне становилось жуть как неуютно.

Уж лучше б накричал...

— Лаар...

И вновь молчание. И напряжение, повисшее в воздухе. И я чувствую себя еще более виноватой, чем прежде. И главное, не понимаю, как его расшевелить. Как вымолить прощение. Разве что...

— Ты меня накажешь? — попробовала пустить в ход проверенный трюк, надеясь, что он все-таки отомрет и «накажет» своим излюбленным способом.

Он и правда отмер. Посмотрел на меня, вот только взгляд был напряженным. И никаких озорных искр и азарта, на которые я так рассчитывала.

— Угу, непременно! — бросил Лаар, а потом порывисто развернулся и вышел, всколыхнув полог шатра.

Вот уж точно, худшего наказания и не придумаешь...

Я прождала мужа целый час, но он так и не вернулся. Высовываться из шатра я разумно не стала, не хотелось разозлить его еще больше. Так и легла спать в гордом одиночестве.

Как ни странно, сон сморил почти сразу. И вновь поплыли перед глазами образы: тугой бутон размером с коровью голову, красноватые прожилки и приторный запах, горечью оседающий на языке. Я вновь вдыхаю едкий дым и бьюсь в агонии, срывая горло от крика.

— Катара!

Муж с силой затряс меня за плечи, и... я проснулась.

Все тело в липком поту. Дышать трудно, и сердце колотится в груди, словно ополоумевшее.

— Что с тобой? Ты не больна? — Лаар обеспокоенно приложил ладонь к моему лбу.

— Нет, просто... дурной сон.

— Опять?

Я кивнула.

Странно, не припомню, чтобы меня прежде мучили кошмары. Да еще такие красочные, словно все было на самом деле. И до сих пор трудно прийти в себя.

— И что там было? В этом твоём сне? — вдруг спросил Лаар, и я удивилась тому, сколь серьезен его голос. Да и вообще удивилась вопросу, не думала, что раан-хару будет интересно.

Но он смотрел выжидающе, и мне пришлось напрячься, чтобы

припомнить детали приснившегося.

Кажется, там был бутон. Или не бутон вовсе, а... огромная семенная коробка! Зрелая, набухшая и смертельно опасная.

Я в испуге приложила ладони ко рту. Почувствовала, как пальцы Лаара сжались на моих плечах.

— Там был Цветок Смерти, — ответила мужу и подивилась тому, сколь хрипло звучит собственный голос. — И я... я вдохнула его ядовитый дым и споры.

Почувствовала, как Лаар тяжело сглотнул, а потом еще раз тряхнул за плечи.

— Посмотри на меня! С тобой никогда такого не случится! Слышишь?! Я не позволю! — сказал он, и голос его был пронизан нестигаемой уверенностью.

Той самой уверенностью, которой мне так не хватало!

Муж все еще сжимал ладони на моих плечах, испытующе глядя в лицо, а я попросту подалась вперед и ткнулась лбом ему в грудь. И так хотелось, чтобы он обнял в ответ, прижал к своему телу крепко-крепко. Успокоил.

Но Лаар заставил отстраниться.

— Ложись, тебе надо поспать. — Он лишь невесомо провел по волосам и поднялся.

Я с трудом сдержала вздох разочарования.

Полночная звезда, как же мне не хотелось, чтобы он уходил... Но он ушел, оставив меня одну на твердой, неудобной постели. Сам же занялся какими-то делами. Я слышала, как он ходит по шатру, шуршит бумагой — видимо, вновь уселся за карту. И все ждала, вернется ли ко мне? В конце концов, ему ведь тоже нужно отдохнуть.

Не знаю, сколько я так пролежала, прикрыв глаза и усиленно делая вид, что сплю, но я все же дождалась...

Тихие шаги, шорох одежды, легкий сквозняк от приподнятого одеяла. Лаар улегся рядом, но при этом даже не дотронулся до меня. Лежал на расстоянии, не касаясь ни единой клеточкой тела. Я прикусила губу, замерла, изо всех сил пытаюсь не шелохнуться, не выдать себя сбившимся дыханием или еще чем-нибудь. И внимательно вслушивалась в его возню за спиной.

Дождалась, пока дыхание мужа станет глубоким и ровным, возвещая о том, что он наконец уснул. И только тогда позволила себе движение. Перевернулась на другой бок и аккуратно придвинулась к нему. Прижалась к горячему боку, чувствуя, как отступает напряжение. Как на душе

становится легче и спокойнее. И мне оставалось лишь надеяться, что, проснувшись утром, Лаар не сильно осерчает из-за моего маленького самоуправства. Да и, в конце концов, я всегда могу соврать, что замерзла.

Тихий смешок над ухом напрочь разбил все мои чаяния.

— Притворщица! — беззлобно поддел Лаар, и не думая двигаться с места.

Полночная звезда, неужели буря миновала?

Я с облегчением выдохнула и позволила себе прижаться крепче, прильнуть теснее, радуясь, что все хорошо. По крайней мере, между нами...

* * *

Следующие три дня выдались тяжелыми: Лаар с отрядом рано поутру отправлялся в лес, и возвращались они уже в темноте, когда почти не видно дороги и ориентиром служат лишь сигнальные костры, разведенные в лагере.

Я чувствовала, что они торопятся. Спешат изо всех сил, подгоняемые известием о проросшем близ Гаррада Цветке Смерти. Лаар приходил таким вымотанным, что с трудом стаскивал доспех. Я старалась помочь как могла. Издали завидев факелы, собирала мужу еду и питье. Протирала мокрой тряпицей его вспотевшее натруженное тело, перевязывала запястье, ловя ответную благодарную улыбку.

Лаар приходил в себя лишь к утру. Оживал. И просил ласки, потеревшись носом о мой висок. И конечно, я не могла отказать. Понимала, что это наш шанс. Его и мой. Ведь если удастся забеременеть, то все изменится. Не будет больше страха, не будет новых жен, не будет загубленных впустую жизней.

Боги, как же я надеялась, что у нас все выйдет!

На четвертый день было пасмурно. Небо затянуло темными тяжелыми тучами. Но они отчего-то не спешили проливаться. Давили своей тяжестью, не пропуская на землю ни единого солнечного лучика, окрашивая мир в пасмурные серые тона.

Не знаю, из-за погоды ли, или по какой другой причине, но у меня с самого утра было сердце не на месте. И я ходила словно неприкаянная, не в силах найти себе занятие по душе.

Хальди тоже выглядела встревоженно. И думается мне, что она, так же как и я, переживала за того, кто сейчас в непролазной лесной чаще

сражался с Цветком Смерти. Халид, которого Лаар обычно оставлял стеречь лагерь, сегодня отправился вместе с отрядом. И думалось мне, что это неспроста, и от того становилось еще более беспокойно.

К полудню я уже совсем извелась. А когда из выжженного леса выехал отряд всадников на красногривых рысаках, попросту не поверила своим глазам.

Так рано! Неужели они закончили?!

Сердце охватила радость, но она тут же испарилась, стоило увидеть хмурые лица подъезжающих стражей. А еще я никак не могла найти глазами Лаара. Обычно он всегда ехал в авангарде, а тут...

Я подалась вперед, взгляд метался по лицам перепачканных в копоти стражей — и не находил нужного. Сердце вспугнутой птахой забилося к груди. К горлу подступила паника.

А потом я увидела кшатрия. Он ехал в самом хвосте. А перед ним, перекинутый поперек седла, с безвольно обвисшими руками лежал Лаар...

Боги, только не это...

Не помня себя от подкатившего к горлу ужаса, ринулась вперед, прямо сквозь толпу стражей и лошадей, спотыкаясь, путаясь в подоле длинного хитона, рискуя угодить под самые копыта. Но это меня мало волновало.

Перед глазами было лишь одно — непривычно бледное лицо Лаара с закрытыми глазами.

И всадники впопыхах расступались передо мной, давали дорогу, понимая, что удержать не получится. И только поравнявшись с кшатрием, я остановилась. Замерла в нерешительности, боясь дотронуться до мужа, опасаясь худшего.

— Лаар... — все же коснулась колючей щеки. Кожа оказалась непривычно прохладной, и я вздрогнула.

— Да, живой он, живой, — выдохнул Халид и спешил. Принялся стаскивать с лошади Лаара. К нему тут же подбежали еще двое стражей, помогли и мягко уложили раан-хара на землю.

— Что произошло? — Наплевав на приличия, опустилась на колени и принялась ощупывать тело мужа. Выискивала раны или еще какие повреждения, но ничего, кроме окровавленного запястья, к счастью, не обнаружила.

— Большая кровопотеря... Слишком много отдал, — выдавил из себя Халид, а я только сейчас заметила, что у самого кшатрия окровавлено предплечье.

Неужто опять напоролись на ядовитые шипы?

К нам подбежала встревоженная Хальди, ахнула, глянув на раненого

Халида, а увидев бессознательного Лара, и вовсе прижала ладонь ко рту.

На мгновение все замерли, столпившись вокруг лежащего на земле раан-хара. Переглядываясь, явно не зная, что делать дальше.

— С ним такое впервые? — спросила, с трудом проглотив колющий ком, застрявший в горле. Слезы рвались наружу, глаза нестерпимо щипало, но я не позволяла им прорваться. Как могла, заталкивала внутрь, понимая, что от моей истерики сейчас будет только хуже.

Халид коротко кивнул.

— Обычно он быстро восстанавливается. Такое свойство крови. Но сейчас... — Кшатрий покачал головой и тяжело выдохнул.

О боги! Что же делать? И смогу ли я чем-то помочь, если даже Халид растерялся?

— Несите его в шатер! Хальди, приготовь горячей воды! — скомандовала резко, мимоходом подивившись, как жестко звучит собственный голос.

Все разом отмерли и принялись исполнять указания. Лаара понесли на себе стражи, что оставались сторожить лагерь, — прибывшие из леса сами еле держались на ногах.

В шатер ввалились всей толпой. Устроили Лаара на постели.

— Рана еще кровит, надо сменить повязку и затянуть потуже, — произнес кто-то за спиной, а я уже закатывала рукав перепачканной туники мужа. Кожа его была прохладной и влажной, и ткань предательски липла к телу.

— Я помогу! — этот же страж опустился рядом. Достал из-за пояса нож, распарывая рукав, а затем и пропитавшуюся кровью повязку.

Рядом, с котелком и чистыми лоскутами, опустилась Хальди. Лицо ее было бледным, взволнованным, и от меня не укрылось, что она то и дело поглядывает на выход из шатра.

Никак переживает за Халида.

— Иди, без тебя справимся! — шикнула на помощницу и для верности добавила: — Помоги остальным!

Девушка секунду поколебалась, но все же кивнула и шустро выскочила наружу.

Оставшиеся стражи помогли накрепко перевязать рану, сняли мешающие доспехи и отстегнули пояс с оружием. Поинтересовались, нужно ли мне что еще.

Я отрицательно мотнула головой, желая только одного — остаться в одиночестве. И лишь когда мужчины наконец удалились, позволила эмоциям пробиться наружу.

Слезы потекли градом, а рвавшийся из горла крик я заглушила прижатой к лицу подушкой.

Не верилось, что все так случилось. Лаар всегда был таким сильным! Всегда знал, что делать. Не мог же он быть столь неосторожным, чтобы...

Я прикусила ладонь, пытаюсь совладать с собой. Дрянные мысли настойчиво лезли в голову, и я не пускала их как могла. Старалась не думать, не представлять того, что будет, если Лаара вдруг не станет.

Боль, как ни странно, отрезвила, не позволила панике окончательно овладеть сознанием.

Чтобы хоть как-то занять себя, взяла в руки тряпицу, смочила в воде и стала бережно протирать влажную кожу Лаара. Участок за участком, стирая пыль, копоть и пот. Кровь от мелких порезов и ссадин. А закончив, тихонько легла рядом, устроила голову у него на груди, вслушиваясь в прерывистый, слишком частый стук сердца.

Всеблагой Ошур, помоги! Не дай ему уйти на тот Берег. Ведь он так нужен всем нам!

Ведь он так нужен мне...

* * *

Лаар не приходил в себя почти сутки.

Я не находила себе места. Не могла ни есть, ни спать, все сидела у его постели, боясь отойти хоть на минуту.

Хальди все время крутилась где-то рядом, и кшатрий заходил пару раз, прощупывал пульс. К середине дня дыхание Лаара стало более ровным и глубоким, и Халид обрадовал, что муж идет на поправку. И все равно я не могла оставить его, по каплям вливала ему в рот сладкую воду, смачивала сухие, потрескавшиеся губы.

И к концу следующего дня, когда от усталости и переживаний уже подкашивались ноги и слипались веки, Лаар наконец открыл глаза.

— Я долго спал? — спросил хриплым, скрипящим, словно песок по стеклу, голосом и тут же закашлялся.

Я поспешила поднести к его губам флягу. Лаар жадно припал к горлышку, я же чувствовала, как мелко трясутся руки, и всеми силами старалась не расплескать воду.

На глаза вновь навернулись слезы. Но не слезы горечи, а слезы всепоглощающего облегчения. И хотелось разрыдаться в голос, припасть щекой к его груди и обнимать долго-долго, пока все накопившееся за этот

день напряжение окончательно не выйдет.

Но я все же взяла себя в руки. Лишь только прижала ладонь к его груди, ощущая тепло мужского тела.

— Почти сутки. Я думала... я боялась... что ты уже не придешь в себя. — Голос все-таки дрогнул, и я почти до крови закусила губу, пытаюсь справиться с нахлынувшими эмоциями.

— Что за глупость, — беззлобно усмехнулся Лаар и отер сухой ладонью мою щеку. Ох, все-таки не сдержала слез... — Никуда я не денусь. — Он криво усмехнулся и вдруг потянул меня к себе. Совсем не сильно, мягко, я бы даже сказала, еле заметно. Видимо, слабость давала о себе знать. Но тело мгновенно отреагировало на приглашение — я подалась вперед и прильнула к его груди. Прижалась тесно-тесно, уже не пытаюсь сдерживать рвущиеся наружу рыдания. Совершенно не заботясь о том, как воспримет их раан-хар.

Сейчас это было не важно. Важно было лишь то, что все закончилось.

— Не пугай меня так больше, хорошо? — тихонько попросила я, когда первая волна истерики наконец схлынула.

— Постараюсь, — так же тихо ответил Лаар и тоже выдохнул. Словно и он сейчас испытал огромное облегчение.

* * *

Лаар

Пробуждение было на редкость мерзким.

Одеревеневшее тело напрочь отказывалось подчиняться. Во рту пересохло, и собственный голос с трудом пробивался наружу, царапая горло.

А самое паршивое — рядом была Катара. Уж ее-то Лаар сейчас точно не желал видеть. Точнее, не желал, чтобы она видела его в таком состоянии. Ладно стражи — им не впервой. Но его рани...

Лицо ее было бледным, осунувшимся, каким-то измученным. И глядела она так, будто он по меньшей мере сдох! И, кажется, намеревалась вот-вот разреваться!

— Я долго спал? — произнес с трудом и тут же закашлялся.

К губам поднесли флягу с водой, и Лаар жадно припал к ней, поглощая жидкость большими глотками, чувствуя, как живительная влага растекается по телу, бодрит и освежает. Понемногу возвращает силы.

— Почти сутки.

Вот демон! Должно быть, все вокруг знатно переполошились. А то и вовсе отправили его на тот Берег.

— Я думала... я боялась... что ты уже не придешь в себя. — Слова Катары лишь подтвердили его предположение.

А потом она все-таки разревелась. Рыдала долго, взхлеб. И Лаару не оставалось ничего, кроме как прижать ее к себе, переживая внезапную истерику.

Впрочем, почему внезапную? Вполне закономерную. Только вот плакать надо было раньше, когда он подышал. А сейчас-то чего?

Лаар мысленно усмехнулся. Кажется, ему никогда не суждено понять этих женщин.

А еще он никак не мог понять, почему сейчас, рядом с рыдающей девушкой, он не ощущает брезгливости или злости — помнится, женские слезы всегда сильно его раздражали. Но в этот момент на душе было тепло и спокойно, будто все было так, как и должно было быть.

Странное ощущение. Правильное. И единственно нужное.

И он тихонько перебирал гладкие прямые волосы жены, думая, что мог бы лежать так целую вечность.

Но, увы, у Лаара не было столько времени. В голове уже всплывали события вчерашнего дня. И внутри поселилась тревога. Последнее, что помнил Лаар, — огромный зев Цветка Смерти, его зловонный запах, от которого кружится голова, распоротое запястье и алая кровь, текущая в самую сердцевину материнской цветоножки.

Получилось ли убить эту поганую мерзость? Достаточно ли было крови? Или придется вернуться? Опять сквозь пепелище, бурелом и заросли. Повторить все в который раз...

Мысли не давали покоя, и, когда Катара наконец немного успокоилась, Лаар мягко отстранил ее. С трудом сел на постели, а затем, преодолевая головокружение и тяжесть во всем теле, встал.

Жена было бросилась поддержать его, но раан-хар привычно отмахнулся — сам справится.

За пологом было свежо. Ветер охлаждал кожу, и Лаар глубоко вдохнул, чуть поморщившись от прилетевшего вместе с ветром запаха гари.

Стражи разом отвлеклись от своих дел, повернули головы, заинтересованно глядя в сторону предводителя. И на лицах их читалось явное облегчение. Кажется, понервничать успела не только Катара. Вон уже и кшатрий, на ходу пристегивая оружие, выходит из своего шатра.

— Что с Цветком? — без лишних прелюдий спросил раан-хар, когда

они с Халидом поравнялись.

— Корчится в предсмертной агонии, — усмехнувшись, ответил кшатрий.

— Уверен?

— Да, были там с ребятами поутру. Думаю, новых вливаний не потребуется.

— Хорошо, — Лаар выдохнул.

Хоть одна хорошая новость за последние дни.

— Мой раан-хар! — вдруг окликнул кто-то, и, повернув голову, Лаар узрел спешащего со всех ног стража.

— Вам послание. Только что доставили из замка вайша! — Запыхавшийся молодчик порылся за пазухой и спустя несколько мгновений выудил крохотный кусочек пергамента, скрученный трубочкой, — явно доставила почтовая птица.

Лаар принял письмо, нетерпеливо сорвал печать и стал жадно вчитываться в пляшущие строки.

Вести оказались ошеломляющими. И Лаар не поверил... Прочитал еще раз. И третий, убеждаясь, что ничего не перепутал.

Это было немыслимо, невероятно!

— Что там? — Подошедший кшатрий сунул нос в письмо.

— Все получилось, — все еще не веря, выдохнул раан-хар. — Затея с Природниками... Все вышло!

И расхохотался, не в силах сдержать рвущегося наружу смеха. А потом обернулся к шатру.

Катара стояла прямо за его спиной и, без сомнений, все слышала.

Лицо ее по-прежнему было бледным и уставшим. Темные растрепанные волосы шелковыми лентами развевались на ветру, а глаза искрились радостью, освещая все вокруг.

Разве же может быть что-то прекраснее? Желаннее?

Вряд ли...

Хотя нет, может. Если она будет носить под сердцем его ребенка.

Когда будет... Теперь Лаар в этом не сомневался.

ГЛАВА 16

По приезде в Гаррад Лаар сразу отправился к месту произрастания Цветка. Даже не заехал во дворец, чтобы переодеться или обмыться. Прямо на пристани пересел на своего рысака и в компании примерно половины стражей помчался на юг.

За мной же приехала роскошная кибитка, и спустя полчаса перед нами распахнулись тяжелые ворота резиденции раан-хара.

Странно, мы покинули дворцовые стены около месяца назад, а казалось, что прошла целая вечность.

Все здесь казалось чуждым. Роскошные комнаты, благоухающий сад, чистые и опрятные парковые дорожки и даже собственные покои. За время путешествия я так сильно успела привыкнуть к походному шатру и жесткой подстилке, что уже и не мыслила другой жизни. Да и не хотела ее...

Вместе с возвращением во дворец накатили воспоминания. Отнюдь не самые приятные, если не сказать большего. И нестерпимо захотелось вернуться обратно. К пепелищу выжженного леса или на палубу качающейся ладьи. Туда, где мы с Лааром были вместе, где я не смущалась своего растрепанного вида, не боялась сказать или сделать что-то не то. Где я не боялась быть собой и точно знала, что муж не обидит.

А еще там не было всех этих мельтешащих слуг, от которых просто невозможно укрыться!

Во дворце же меня ждал сущий кошмар. Первым делом, как только приехали, меня принялись выскребать в купальне. Да с таким рвением, словно от этого зависела по меньшей мере величина жалованья местной прислуги.

Я невольно вспомнила свой первый день во дворце. Тогда все эти процедуры виделись мне сущим адом. Теперь же я находила в них явное издевательство. Помнится, во время путешествия раан-хара не смущала ни копоть на моем лице, ни мелкие волоски на теле. И уж тем более он не придирался к моему запаху!

Сейчас же меня спешили избавить и от первого, и от второго, и от третьего!

И я терпела, скрипя зубами.

Зачем? Сама толком не знаю. Ведь могла же попросту разогнать всех. Ну или хотя бы попробовать!

Но не стала. Наверное, смирилась с тем, что во дворце свои правила. И что я должна им соответствовать. Все-таки я жена самого раан-хара, пусть и никогда не выхожу в люди. Но статус так или иначе обязывает соблюдать эти пресловутые правила. И кто знает, что будет, если я попытаюсь их нарушить...

К слову, о правилах...

В дальний конец сада меня по-прежнему не пускали. На подступах к женской части стояли молчаливые стражи, и стоило мне приблизиться, как они преградили проход, ясно давая понять, что эта часть сада для меня закрыта.

Впрочем, я и не особо туда рвалась. И если бы можно было навсегда забыть о других женах Лаара, я бы с радостью забыла. Но, увы, это было невозможно. От реальности никуда не спрячешься, не убежишь. И она давила на меня тяжким, неподъемным грузом. И враз вернулись прежние страхи и сомнения.

Смогу ли я избежать страшной участи жен раан-хара? Или вслед за остальными отправлюсь в дальний конец сада? Правильно ли поступила, что осталась с ним?

С каждым днем отсутствия Лаара вопросов становилось все больше. И сомнения терзали сильнее. Впрочем, как и волнение.

Я рассчитывала, что муж вернется быстро, к ночи, или хотя бы на следующий день. Но прошло уже двое суток, а его все не было. И только богам известно, как трудно ему там. Вновь бороться с Цветком. Вновь отдавать свою кровь.

Тяжелые мысли буквально преследовали меня, и даже красота благоухающего сада не могла отогнать их.

— Здравствуй, дитя мое. — Я сидела на лавочке возле прудика, когда ко мне неспешно подошел тар Сириш.

Я натянуто улыбнулась и вежливо поприветствовала Ведающего. Увы, но на большее меня не хватило.

— Что-то стряслось? Ты выглядишь взволнованной. — Старец присел рядом и покосился на тонкий браслет, обвивающий предплечье. Покачал головой.

Я на браслет не взглянула. И так знала, что он окрасился в розоватый. Хотя каких-то пару дней назад, еще до приезда во дворец, был серебристо-белым.

— Расскажешь? — мягко подтолкнул тар Сириш, и я не видела смысла отказывать ему.

— Просто волнуюсь... за Лаара. Его долго нет...

Ведающий улыбнулся. Такой по-стариковски доброй и всепонимающей улыбкой.

— Не стоит, с ним все хорошо. Я только сегодня утром оттуда. Признаться честно, твоя идея с Природниками и мне поначалу показалась бредовой. — Сириш усмехнулся, а я удивленно на него воззрилась.

— Лаар рассказал?

— Что это твоя идея? Нет... Но порой, чтобы что-то понять, слова не нужны.

Ох... Совсем забыла, что разговариваю с Ведающим. Что им всегда открыто много больше, чем простым людям.

— А за Лаара ты не переживай. Просто он порой... слишком дотошный. Пока все лично не проверит — не успокоится. Впрочем... возможно, это и к лучшему. Большая ответственность требует большой самоотдачи.

Что-что, а это я давно успела уяснить.

Вот только слишком уж тяжело его бремя, слишком велика ответственность. И ни с кем ее не поделишь.

А взамен... Что он получает взамен?

Всеобщее уважение? Подчинение? Вседозволенность? Богатство?

А нужно ли оно, когда ты не способен передать его своим детям?

Издевка судьбы, не иначе.

— Тар Сириш, а откуда вообще появился Цветок? Почему?

— О, существует легенда. — Ведающий сложил руки на груди и откинулся на резную спинку. Подставил и без того загорелое лицо солнцу. — Когда люди только пришли на материк Семи Рек, он был сплошь покрыт растительностью. Густыми и непроходимыми лесами и джунглями. И люди со свойственной им склонностью к разрушению начали лес уничтожать, расчищая территории для своих жилищ и пастбищ. И разгневался тогда бог земли и наслал на материк сильнейшее землетрясение. Но и оно не испугало людей, и, оправившись от бедствия, они лишь укрепили дома. Брели у природы все, что им требуется, выжигали целые гектары для своих угодий, не думая о том, что все сильнее гневят бога. И тогда наслал бог на земли людей Цветок Смерти, желая, чтобы тот скорее разросся и растения вновь заполонили материк. Хотел вытеснить людей. Но уж слишком разошелся, не рассчитал силы, и Цветок стал погибелью не только для людей, но и для всего живого. И тогда среди людей появился особенный, позже названный раан-харом, — единственный, кто способен побороть страшную напасть.

Я хмыкнула.

Эту легенду я знала. Ее знает каждый ребенок в нашей империи. Но мифы меня не интересовали...

— А как было на самом деле?

— На самом деле? — Ведающий задумался. — Да кто ж его знает. Правда уж давно затерялась в веках. Известно только, что землетрясение на материке и вправду было. И после него произошло что-то. Поговаривали, что открылся источник силы. И среди людей тогда начали рождаться одаренные. Но не такие, как сейчас. Сильные! Много сильнее нынешних, ибо досталась им львиная доля Дара. Но пользоваться этим Даром правильно не умели. Растрачивали силы, щедро вливая в абсолютно бессмысленные вещи. Думается мне, что Цветок создал один из таких одаренных, и Дар его был сродни Дару Природников, а из-под руки вышло нечто ужасающее. Дьявольское растение, что рассыпало семена по всему материку. И прорастают они до сих пор...

Ведающий тяжело вздохнул, и на несколько минут меж нами повисло молчание. Не знаю, о чем думал старец, а я просила всеблагого Ошура, чтобы тот облегчил долю раан-хара. Ведь если у Природников получилось хоть немного замедлить Цветок, то есть шанс, что в будущем Лаару будет легче бороться с ужасной напастью. И, возможно, ему не придется так часто отлучаться из дома.

— Что ж... — Тар Сириш покряхтел и поднялся. — Пожалуй, мне пора. Дела... — Старец развел руками. — Ты не грусти. Не сегодня завтра Лаар вернется. И непременно с хорошими вестями.

Ведающий улыбнулся и не спеша пошел ко дворцу. Я же отправилась в библиотеку. Подумалось: а вдруг, помимо всем известных легенд, удастся найти еще какие-нибудь сведения о Цветке.

* * *

Как и предвещал тар Сириш, Лаар вернулся к вечеру. Я завидела их конницу еще на въезде в ворота: блестящие черные доспехи, взмокшие на жаре конские спины. Лаар, как всегда, ехал во главе отряда, и я задержала взгляд, любуясь им без утайки.

Статным, мощным, уверенным в себе.

И кто бы знал, как мне не терпелось сбежать к нему, обнять крепко-крепко и спросить, как все прошло, сильно ли устал.

Но я могла лишь наблюдать из окна. Как он спешивается, хлопает по крупу своего жеребца, и тот отвечает ему радостным ржанием. Вопреки

опасениям, муж выглядел бодрым и вполне довольным. Значит, и правда приехал с добрыми вестями.

Отложив книгу, велела Хальди прибрать все в библиотеке, а сама помчалась в свои покои — готовиться ко встрече с мужем.

Меня охватили странные, просто небывалые возбуждение и волнение. Предвкушение встречи...

Я наскоро ополоснулась, смывая с себя пот и грязь прошедшего дня, обтерлась широким полотенцем. Накинула на еще влажное тело шелковую сорочку, отороченную тонким кружевом. Погляделась в зеркало — сорочка прилипла к телу, глаза блестят и щеки разругались. А соскучившиеся по поцелуям губы, кажется, уже припухли. А ведь Лаар еще даже не касался меня, он еще даже не пришел!

Усмехнулась и принялась наскоро расплести косу. Мне показалось, Лаару нравится, когда волосы распущены: по дороге в Гаррад он постоянно касался их, пропуская шелковые пряди меж пальцев, или и вовсе собирал в кулак и тянул, заставляя откидывать голову, подставляя горло под жадные, ненасытные губы...

— Рани! — Возглас помощницы заставил вынырнуть из воспоминаний. — Что ж вы не дождались. Я бы помогла!

Хальди тотчас подбежала ко мне и стала хлопотать вокруг меня. Помогла расплести косу и расчесать волосы, доходящие до самой талии. Чуть подсушила влажные кончики полотенцем.

Я вновь посмотрелась в зеркало, перекинула густую черную копну на одно плечо. Улыбнулась, довольная собственным отражением.

— Вы просто красавица! — Хальди стояла за моей спиной и тоже улыбалась.

А я почувствовала себя глупой влюбленной дурочкой. Иначе с чего мне так прихорашиваться?

Что ни говори, но мне очень хотелось нравиться Лаару. Хотелось, чтобы он восхищался мной так же, как я восхищаюсь им.

Помощница поднесла мне легкий халатик, хотела помочь облачиться, но я отмахнулась. Хватит и сорочки. В конце концов, я жду мужа, а не кого-то постороннего. Смысл прятаться за лишними тряпками?

Хальди все поняла и настаивать не стала. Пожелала хорошего вечера и без лишних слов удалилась. Я же осталась в одиночестве ждать Лаара.

Честно говоря, я ожидала, что он появится незамедлительно. Надеюсь, что соскучился так же, как я соскучилась по нему. Но прошел час, а муж все не объявлялся. И возбуждение перед встречей вскоре сменилось тревогой. И ненужные мысли полезли в голову. Эта комната,

обстановка — все взывало к воспоминаниям о прежних наших встречах. Как муж заставлял ждать его у кровати в униженной позе с неприлично задранной подошвой.

И меня невольно посетила мысль: что, если все вернется в прежнее русло? Что, если Лаар вновь станет холоден и груб со мной? Смогу ли я это вынести?

Тряхнула головой, отгоняя прочь невеселые мысли.

Нет, такого не будет. Я знаю, он изменился. Я ведь чувствую это. И сейчас он войдет в эту дверь и наверняка развеет все мои глупые страхи...

Створки резко распахнулись, и на пороге возникла статная фигура мужа. Он успел переодеться с дороги и даже обмыться — на влажных волосах блестела вода.

Лаар шагнул внутрь, прикрыл за собой дверь. Я же вскочила, встав посреди комнаты, глядя на него с замиранием сердца. Что он сделает, что скажет?

Мужской взгляд прошелся по моему телу. Медленно, мучительно. Я заметила, как тяжело сглотнул Лаар, как втянул воздух, раздувая ноздри. И я уже думала, что он рванет ко мне. Сожмет в объятиях и вопьется в губы жестким поцелуем, но он отчего-то медлил. Рассматривал со странным выражением лица. А потом вдруг строго произнес:

— Ты забыла, в какой позе следует ожидать мужа?

Внутри все оборвалось.

Я замерла, не веря в случившееся, жадно всматриваясь в его лицо. Но Лаар как назло отвел глаза, глядел куда угодно, но только не на меня.

Что за ерунда?!

Это шутка такая? Или он и вправду... хочет этого?

Лаар молчал, не спеша развеять мои сомнения, я же, сама до конца не понимая, что делаю, двинулась к кровати, опустилась на ковер и привычно легла животом на край постели.

Сознание категорически отказывалось принимать происходящее. Все казалось, что он сейчас засмеется и скажет, что просто пошутил. Но смеха не было. А у меня в горле словно ком застрял, и глаза начинало ощутимо щипать от подступивших слез.

— Разве я так просил? — вновь строгий голос и прорвавшийся едкий смешок.

А я даже и не подумала воспротивиться. Внутри разом стало так пусто, так горько, что сил возражать не осталось. А потому я просто приподняла подол сорочки и ткнулась носом в одеяло.

Тихие шаги даже не услышала, скорее почувствовала. Лаар опустился

на колени за моей спиной, а потом я ощутила его губы на своем бедре. Легкий, совершенно невесомый поцелуй, и еще один, и еще. И горячий язык, прочертивший влажную дорожку по ягодице.

Лаар сильнее задрал подол сорочки, обнажая спину, и его губы скользнули вдоль позвоночника, все так же невесомо, еле ощутимо, но от этого прикосновения меня словно разрядом молнии прошило!

Полночная звезда, теперь я и вовсе не знала, что думать!

Его нежные, чувственные поцелуи совершенно не вязались с жестким голосом, которым он всего каких-то пару минут назад приказывал мне. И как бы сильно я ни была обижена, как бы плохо мне ни было, но тело реагировало на его ласки, на его беззастенчивые прикосновения и томные поцелуи. Я чувствовала, как начинает ощутимо тянуть внизу живота, а по телу разливается приятный жар.

Мне нравилось то, что он делает, но, боги, я не хотела так! Стоя на карачках, спиной к нему, словно я вновь лишь бездушная игрушка.

Вот мрак!

Лаар меж тем отвел в сторону мои волосы, обнажая шею и плечи, и стал покрывать поцелуями открывшуюся кожу. Чуть прикусил за шею — и сразу зализал, посылая по телу новые разряды удовольствия. Ох, а я ведь и не думала, что это местечко может быть столь чувствительным!

Муж намотал мои волосы на кулак и потянул, заставляя оторвать лицо от постели. Подался ко мне, по всей видимости, собираясь поцеловать, и вдруг замер.

— Что случилось? — Лаар резко посерьезнел и теперь жадно вглядывался в мое лицо, ожидая ответа.

Но что я могла ему ответить? Да и... неужели он сам не понимает?

— О боги, я что, напугал тебя? — Нет, все-таки понял, и взгляд стал тревожным. — Катара?

Я лишь отвернулась, не в силах глядеть в его изумленные глаза. И почти сразу он поймал мое лицо, развернул к себе и уселся рядом на ковер.

— Я думал, ты больше не боишься меня...

— Не боюсь, когда ты не ставишь меня в позу... раком! — выпалила я. Оцепенение разом сошло, и наружу пробилась обида. Да такая жгучая, что хотелось стукнуть мужа кулаком.

Интересно, как он на такое отреагирует?

Лаар живо поднялся, вздернул меня и усадил на кровать. Сам опустился на колени у моих ног.

— Так тебе больше нравится? — поинтересовался с лукавой улыбкой и коснулся губами моей коленки.

Я ошеломленно хлопнула глазами. Слишком уж это было непривычно. Чтобы Лаар стоял передо мной на коленях и целовал мои ноги. Нежно, томно, мучительно. Перебираясь на внутреннюю сторону бедра. Слишком чувствительную, чтобы я могла остаться равнодушной к его ласке.

— Лаар!

— Что?

Его губы двигались все выше, и я стыдливо одернула подол сорочки, пытаюсь прикрыться.

— Можно подумать, я там чего-то не видел, — хмыкнул муж и рывком раздвинул мне ноги.

— Что ты делаешь?

Лаар вновь задрал сорочку и теперь целовал трепещущий в нетерпении живот. Коснулся языком стига ноги, неотвратимо подбираясь к чувствительному местечку между ног.

Оторвался на мгновение.

— Не знаю. Может быть, вымаливаю прощение? — и поглядел на меня снизу вверх. И столько похоти, столько порочной страсти было в его потемневшем взгляде, что меня пробила дрожь.

Лаар лукаво улыбнулся и коснулся языком напряженного бугорка. А я разом забыла обо всем на свете. И если и была обижена на мужа — сейчас была готова простить ему любые грехи.

— Как же сладко ты пахнешь! — выдохнул, обжигая горячим дыханием. — И на вкус такая же...

Раан-хар двинулся губами вверх, к животу и изнывающей от жажды прикосновений груди, к шее, придавливая своим телом к кровати. И наконец добрался до губ. Впился жадно.

И теперь я наконец почувствовала — соскучился. Может быть, даже сильнее, чем я.

Толком и не помню, что было дальше. Мы упоенно целовались, не помня себя от нахлынувших эмоций. Страсти, нежности, острой необходимости касаться, чувствовать, пробовать друг друга. В какой-то момент я обнаружила, что муж уже раздет по пояс. И даже не знаю, сам ли он стащил тунику или это я так осмелела. А еще мы каким-то образом переползли в центр кровати, при этом умудрившись ни на мгновение не разорвать поцелуя.

И когда Лаар вдруг отстранился, я недовольно завозилась, пытаюсь вернуть его обратно. Мне было слишком мало его, и даже короткая разлука виделась мукой. Но муж лишь потянулся к крученому шнуру, дернул, и с тихим шелестом сомкнулись занавеси балдахина, отрезая нас от остального

мира, погружая в приятную полутьму. Ту самую, где зрение становится лишним, где правят ощущения. И все движения — на ощупь. Каждое прикосновение — исследование.

— Давно хотел это сделать, — признался Лаар, а я притянула его к себе. Обвила руками и ногами, чтобы уж точно никуда не делся. Но муж лишь усмехнулся.

— Заманчивое приглашение. Но сегодня я хочу по-другому.

Он разом выпутался из моих объятий и, ухватив за бедра, крутанул на месте, укладывая на живот. Придавливая ладонью к мягкой перине.

— Лаар! — несмотря на бурлящее в крови желание, все-таки нашла в себе силы возмутиться.

— Тшш... Я сделаю только приятно, — шепнул на ухо муж и прижался пахом к моим ягодицам.

На нем по-прежнему были штаны — домашние шаровары из тонкой ткани, сквозь которые явно ощущалось его возбуждение, нетерпение.

Миг — и тонкой преграды и вовсе не стало, и Лаар потерял об меня уже обнаженным телом. Таким напряженным и горячим, что я с трудом понимала, как он сдерживается.

Я и сама еле терпела, кажется, готовая просить, просто умолять о близости. И даже не пыталась сдержать низкий стон, когда Лаар медленно вошел в меня. А потом еще, выше приподнимая бедра, двигаясь резче и сильнее.

Помнится, раньше, когда Лаар брал меня так, его толчки вызывали лишь тупую боль. Сейчас же все было иначе. Ярko, остро, глубоко. И я, как кошка, прогибалась в пояснице, желая, чтобы проникновения стали еще глубже, а ощущения острее. Для нас обоих.

Лаар утробно зарычал, а потом наклонился, чуть прикусил кожу на плече, сорвав мой удивленный вскрик. Тут же зализал, переместился выше, словно зверь, вылизывая горло. А потом и вовсе ухватил свободной рукой за подбородок, повернул к себе, насколько было возможно, заставляя выгнуться еще сильнее, почти что до боли, и жадно впился в губы, проникая языком в мой рот. И при этом ни на секунду не остановился, все продолжал двигаться во мне, посылая по телу судороги удовольствия.

Все же Лаар не обманывал, обещая сделать приятно. И, пожалуй, стоит иногда позволять ему делать то, что он хочет. Ведь, как оказывается, зачастую он хочет в точности того же, чего желается мне...

Утро встретило ярким солнцем, бившим в окно. Я сладко потянулась, чувствуя, как ноет тело, особенно низ живота, — все же ночь выдалась чересчур бурной.

Воспоминания заставили улыбнуться и приоткрыть глаза.

Вопреки надеждам, Лаара рядом не оказалось. Впрочем, это было ожидаемо. Раан-хар привык вставать с рассветом, сейчас же, судя по высоко висящему солнцу, был самый разгар дня.

Стоило только спустить ноги с кровати, как рядом оказалась Хальди — никак ждала моего пробуждения.

— Доброе утро, рани.

— Доброе. Раан-хар давно ушел?

— Часа два назад. Он... не хотел вас будить, — чуть смутившись, поведала помощница, и я почувствовала, как внутри растекается тепло. — Еще просил передать, чтобы вы ждали его к обеду.

— Прекрасно!

Я обмотала вокруг обнаженного тела простыню и встала. Сразу направилась в купальню, оставив Хальди прибирать постель — чувствую, после вчерашнего все белье отправится прямиком в стирку.

В купальне скинула с себя легкую ткань, мельком глянула в зеркало, подметив несколько красных пятен на шее и плече. Потерла ладонью, ощущая, как болезненно ноет кожа.

А еще стало ужасно неловко — наверняка наперсница заметила эти следы. А главное, не понятно, как теперь прятать эти поцелуи-укусы? В Гарраде, как назло, стоит жара, и хочется надеть что-то легкое и открытое. Но теперь подобная одежда для меня точно под запретом.

Вода для купания была уже набрана. Чуть остывшая, но в стоящей жаре это было только к лучшему. Я залезла в чашу и первым делом провела меж ног, смывая следы вчерашней близости, да так и застыла, неверяще глядя на собственную ладонь.

Ох, только не это...

На светлой коже алело несколько красных капель. И сомнений в том, откуда взялась эта кровь, быть не могло. Женские дни, как и всегда, пришли вовремя. А ведь я так надеялась...

А что скажет Лаар, узнав, что ничего не вышло? Что все наши старания были напрасны и он только зря потащил меня в поход?

Закрыла рукой лицо, ощущая разом навалившиеся усталость и обреченность. Ведь если я не способна зачать от Лаара, значит, меня ждет та же участь, что и остальных жен...

Всеблагой Ошур, за что? И как мне быть дальше?

Правды от Лаара не скроешь. Он почувствует сразу же, стоит только ему переступить порог комнаты. Да и к чему скрывать? Я ведь не хочу врать мужу. Ох...

Хотелось разрыдаться от бессилия. От безысходности, что преследовала меня с самого первого дня пребывания в этом дворце.

— Рани, что случилось? — я даже не заметила, как в купальню вошла помощница.

Быстро отерла выступившие слезы и смыла кровь с ладони.

— Ох, мне очень жаль. — Хальди поняла все без слов. — Но вы не расстраивайтесь так. Все обязательно получится. Не в этот раз, так в следующий. Главное, чтобы... — Помощница замаялась, а я закончила за нее:

— Чтобы не заболеть, да?

Интересно, знает ли Хальди, что самое наилучшее время для зачатия сразу после столкновения с Цветком Смерти?

Вряд ли.

Если бы знала, понимала бы, что раз не вышло сейчас, то, скорее всего, и вовсе не выйдет. Разве что Лаар осмелится вновь взять меня в поход...

Тьфу, глупости! Конечно, он не станет. Слишком большой риск. И на что мне теперь надеяться, даже не знаю.

— Помоги мне помыться, — попросила помощницу, решив, что это поможет хоть немного отвлечься. Жаль только, запаха крови вода не смоет.

Но чему быть, того все равно не миновать!

* * *

Лаар явился как раз к обеду.

Я ждала его прихода. Нервничала и кусала губы, наматывая круги по спальне. А когда муж зашел, застыла возле резного столбика кровати, инстинктивно желая спрятаться за этой ненадежной, но все же хоть какой-то преградой.

Раан-харухватило всего вдоха, чтобы все понять. Я наблюдала, как исчезает улыбка с его лица. Как радость встречи сменяется глубоким разочарованием. И мне хотелось завывать от этого взгляда.

Меньше всего на свете я хотела разочаровать мужа. Но это произошло. Слишком уж скоро...

— Прости, — вымолвила в ответ на его немой вопрос и сползла по

столбику — опустилась на постель.

Я чувствовала, что муж смотрит на меня. Но выдержать его взгляд не могла и попросту уставилась на свои сцепленные до побелевших костяшек пальцы.

Стоявшая меж нами тишина казалась осязаемой, густой и звонкой, хоть ножом режь. А между мной и Лааром словно натянулась невидимая нить, дрожащая, напряженная. Готовая лопнуть в один момент, стоит лишь раан-хара сделать шаг назад.

И я ждала, что он его сделает. Уйдет, как всегда делал, когда у меня начинались женские дни. Ведь я теперь бесполезна. Что с меня взять? Да и запах, наверное, не самый приятный для тонкого обоняния раан-хара.

Лаар приблизился неслышно, сел рядом, заставив меня вздрогнуть. Коснулся губами виска.

— У нас обед стынет. Идем.

Удивленно вскинула голову.

Что? Обед? При чем тут обед?

Лаар мягко взял меня за руку, переплел наши пальцы. Потом поднялся, увлекая за собой.

А я неверяще глядела на его спину и наши сцепленные ладони, отказываясь вообще что-либо понимать.

Неужели он так ничего и не скажет по поводу несостоявшейся беременности? Ну хоть что-то! Сочувствие или недовольство, хоть какие-то слова!

Но нет, муж упрямо молчал и вел за собой, пока мы наконец не оказались на тенистом балконе, увитом зеленым плющом. Мне не приходилось бывать здесь прежде, обычно я ела в своих покоях или в небольшом обеденном зале в восточном крыле. Но балкончик этот частенько видела из сада, гадала, что же спрятано за густой растительностью.

И да, здесь было уютно: низкий столик из красного дерева, мягкие цветастые пуфики на полу, в вазе из темного стекла лежат нарезанные дольками фрукты. У потолка пара клеток с яркими птичками, что на эти фрукты засматриваются.

Я опустилась у столика. Лаар занял место напротив. Сразу потянулся к вазе и стащил сочную дольку. Отправил в рот, ничуть не заботясь, что по пальцам течет сладкий сок. Этикет, кажется, ничуть не волновал раан-хара.

Еще бы! Проводя столько времени в походах, наверняка напрочь забудешь о манерах. Впрочем, мне нравилась эта простота. У нас в Туэнге все было по-простому, совсем не так, как в столице. И мне этого очень не

хватало.

Но расслабиться до конца я все равно не могла. Молчание мужа угнетало, и даже прелесть и красота дивного места, в котором мы находились, не могли перебить тягостного ощущения недосказанности.

Благо через пару минут явились слуги, принесли основное кушанье — утку под пряным соусом карри, — я постаралась сосредоточить все внимание на еде.

Лаар, разумеется, поел быстрее. Откинулся на подушки, крутя в руках бокал с красным вином, глядя на меня сквозь тонкое стекло. А потом неожиданно произнес:

— Хочешь посмотреть город?

От неожиданности чуть не выронила прибор, поглядела на мужа удивленно.

— Так что? Хочешь? Ты, кажется, прежде не бывала в Гарраде?

Я отрицательно мотнула головой. Конечно, не бывала: все, что видела, — лишь стены резиденции раан-хара. И, конечно, я мечтала посмотреть столицу.

— Очень хочу, — ответила тихонько и не сдержала глупой улыбки. Сразу поспешила опустить глаза.

— Тогда будь готова завтра с утра. Поедем на весь день, если тебе, конечно, не в тягость... — Лаар как-то странно глянул на меня, и я заметила, как раздулись его ноздри.

Хм, и почему мне должно быть в тягость? Разве что из-за женских дней. Но ведь это все мелочи. Небольшое неудобство, которое я вполне готова потерпеть. Вот только...

— Я с радостью! А тебе не будет неприятно... ну... из-за запаха? Или ты не поедешь со мной?

— Не поеду?! — Лаар так возмутился, что аж подался вперед. — По-твоему, я отпущу свою жену без сопровождения? — Он усмехнулся, оперевшись локтями на блестящую столешницу.

А я закусила губу, чувствуя, как на лице вновь появляется глупая улыбка.

— Я бы и не поехала без тебя, — ответила искренне, уже предвкушая нашу совместную поездку.

Весь день. Вдвоем. Разве может быть что-то лучше?

Лаар

Тар Сириш опаздывал.

Лаар не привык ждать, и это обстоятельство изрядно его нервировало. Раан-хара вообще нервировало любое бездействие, слишком много у него было дел, чтобы впустую тратить драгоценные минуты.

Наконец раздался тихий стук. Не дожидаясь позволения, в кабинет вошел Ведающий. Старец зябко прятал ладони в длинные рукава хитона, а на лице его ясно читались следы усталости.

— Ты стал так стар, что не в состоянии дойти до моих покоев? — съязвил раан-хар, стоило затвориться входной двери.

— Я был занят, — без тени обиды ответил Ведающий. — Представь себе, у меня тоже могут быть дела.

— Какие же? Неужели очередное видение? — Лаар фыркнул и отвернулся к окну. Упрямо скрестил руки на груди.

Собственно, из-за этих самых видений он и позвал Сириша. Слишком уж много они вызывали вопросов.

— Ты в курсе, что твои видения — чушь собачья? — грубо бросил Лаар.

— Неужели? — В голосе старца не было и тени злости. Лишь спокойствие и умиротворение. Словно он знает все обо всем на свете!

И это невероятно бесило раан-хара.

— Да! Ничего не вышло! — Лаар резко развернулся, шагнул к письменному столу и оперся ладонями о столешницу, исподлобья глядя на своего гостя. — Она не забеременела, как я ни старался! И все твои советы тоже чушь!

— Но разве она не спасла жизнь твоему кшатрию? И, кажется, идея с Природниками тоже принадлежала нашей маленькой рани? — Ведающий улыбнулся, а у Лаара зачесались руки, так захотелось стереть улыбку с лица этого всезнайки.

— Так ты это видел? Что Катара вытащит из передраги моего никудышного командующего? — Лаар сплюнул. Внутри бурлила злость. Клокотала хищной рассерженной птицей.

— Лаар, я, кажется, не раз говорил тебе, что видения редко бывают четкими. Я вижу лишь размытые образы. Обрывки ощущений. Я знал, что присутствие Катары необходимо, что она принесет пользу. Так и случилось. А то, что действительность не совпала с твоими ожиданиями... — Сириш развел руками, — тут уж я ничего не могу поделать.

— Ты хоть понимаешь, насколько там было опасно? Какому риску ты

подверг всех нас?! — Раан-хар почти что кричал.

Демон! Похоже, он весь день терпел и строил из себя холодную сдержанность, чтобы сейчас наорать на Ведающего.

А больше и не на кого. Не на Катару же? Она-то уж точно ни в чем не виновата.

Это только его долбаное проклятие! Его ноша, которую не разделить ни с кем. И дурные советы окружающих лишь все портят. Вселяют напрасную надежду. Сколько еще он будет вестись на это?

— Мои видения всегда указывают на желаемое будущее.

— Желаемое? — Лаар усмехнулся. — А может, неизбежное?

Старец кивнул, соглашаясь:

— Бывает и так. В любом случае, к ним стоит прислушиваться. Как, ты думаешь, я нашел Катару?

Лаар оторопело вскинулся:

— Тоже видение?

— Да. Оно привело меня на земли Туэнга. В край корабельных сосен и светлых лесов. Видение показало бурные потоки Ошура — и в тот же день я сел на ладью и отправился в путь, еще не зная, куда вынесут приветливые волны.

— Тебя послушать, так плыть по течению — верный способ решить все проблемы!

Ведающий хотел было что-то ответить, но в дверь настойчиво постучали.

— Мой раан-хар, вам прибыло важное послание! — Посыльный в пару шагов пересек комнату, вручил Лаару свиток, скрепленный восковой печатью. И так же быстро удалился.

— От кого? — поинтересовался Ведающий.

Раан-хар сломал печать, развернул послание.

— От императора, — усмехнулся, скользя глазами по ровным строкам.

Чего-то подобного он и ожидал. Лаар не был столь глуп, чтобы думать, будто император оставит без внимания недавнее происшествие. Цветок Смерти, проросший в опасной близости от Гаррада, должно быть, переполюшил всю столичную знать. И доблестный правитель, конечно же, поспешил первым сбежать из города — обратным адресом значилась провинция Аршаль.

По губам раан-хара скользнула кривая улыбка. Впрочем, на этом радостные новости и заканчивались. Ибо сколь бы ни был труслив император и сколь бы своевольным ни был раан-хар, но все же некоторые приказы повелителя даже он вынужден был выполнять.

Я встала в небывалую рань, все не могла дожидаться нашей с Лааром поездки. Долго подбирала наряд и соответствующие статусу украшения. Как-никак мой первый выход в свет, не хотелось бы в очередной раз опозорить мужа неподобающим видом.

Впрочем, вряд ли бы мне это позволили. Многочисленная прислуга, хлопотавшая вокруг меня с самого утра, и старшая служанка точно бы не простили ни единой вольности в наряде.

Волосы заплели в несколько тонких косичек, переплели меж собой замысловатым узором. На голову, как и в день моей свадьбы, водрузили изящную подвеску с прозрачными, словно вода, капельками-кристаллами. Руки украсили множеством тонких браслетов и перстнями, сверкающими гранями драгоценных камней.

Все это было непривычно, кисти враз стали тяжелыми. И, несмотря на протест старшей служанки, я все же сняла парочку особо крупных перстней — слишком уж вычурно они смотрелись на тонких кистях.

Голову, как и подобает замужней женщине, покрыла платком, совсем легким, невесомым, как дуновение ветра. Хальди аккуратно закрепила его, пришпилив к волосам, — не хотелось бы потерять головной убор в самый неподходящий момент.

В итоге собиралась я чуть ли не несколько часов и когда наконец спустилась к парадным воротам, Лаар уже ждал меня. Стоял возле роскошной кибитки, негромко переговариваясь с кучером. Но, увидев меня, тотчас обернулся, скользнул взглядом по одеянию и легонько улыбнулся, а я опустила глаза, смущенная вниманием мужа.

Сам он был облачен в темно-бордовый шервани, расшитый золотой нитью и украшенный яркими рубинами и редкими солнечными топазами. И я порадовалась, что выбрала для сегодняшней прогулки тонкое шафрановое сареи — оно как нельзя лучше сочеталось с нарядом раан-хара.

Лаар протянул мне ладонь и помог забраться в кибитку. Хальди хотела скользнуть следом, но раан-хар жестом остановил. Сообщил, что ее помощь сегодня не понадобится, и велел оставаться во дворце. После сам нырнул под полог, устроился напротив и скомандовал вознице править в город.

Ехали с шумом и гамом. Нас сопровождал отряд из четырех стражей, привычно облаченных в черные доспехи. И простые горожане, увидев

богатую кибитку и воинов со знаком раан-хара на груди, провожали нас любопытными взглядами, кланялись в пояс и выкрикивали слова хвалы и благословения своему защитнику.

Впрочем, Лаар на это внимания не обращал, видимо, давно привык к подобным встречам. Я же с интересом глядела в щель между полотнами, высматривая необычные постройки — каждый дом здесь напоминал дворец, а фонтаны, украшенные искусными статуями, манили свежестью и прохладой.

Дороги в центре города оказались сплошь мощеными, деревья были высажены в огромные круглые кадки и выставлены у дверей. А высоко над крышами домов, упираясь макушками в самые облака, возвышались купола Первого Храма. Их было ровно семь, по количеству богов империи. И, пожалуй, ничего более красивого и величественного мне прежде видеть не доводилось. Даже прекрасный замок раан-хара мерк перед этим монументальным сооружением.

Купола, облицованные разноцветной стеклянной мозаикой, бликовали на солнце, сияли, словно водная гладь, подернутая мелкой рябью. И со всех сторон к Храму тянулись люди. Всех сословий и достатка, от грязных оборванцев до столичных вельмож. Храм принимал всех. Вот только у богачей был свой вход, а у бедняков — свой...

Об этом тоже рассказал Лаар. Увы, но женщинам, независимо от сословия, не было хода в Храм, и я могла лишь слушать рассказы мужа и издали любоваться неповторимой архитектурой.

После короткой прогулки по улицам Верхнего города мы отправились в Гранатовый сад. Я слышала об этом месте, но никогда не видела воочию. Тонкие белые стволы и багряно-красные кроны. Дорожки, засыпанные белым щебнем, и крохотные прудики, в которых плещутся пятнистые карпы. Резные лавочки, покрытые эмалью, и мраморные скульптуры, изображающие воинов и охотников.

Помимо нас здесь гуляли и другие представители знати. Многие вельможи были с женами или даже с целыми выводками жен и детей. И все они почтительно приветствовали раан-хара и косились в мою сторону. Некоторые рассматривали с неприкрытым интересом, и тогда Лаар спешил откланяться и увести меня подальше от любопытных глаз. В какой-то момент мне даже показалось, что Лаар ревнует. Слишком уж он усердно пытался задвинуть меня себе за спину.

И оттого хотелось рассмеяться.

Куда я от него денусь? Я ведь его жена. А жена, как известно, собственность мужа. Ни шага вправо, ни шага влево. И другие мужчины

могут касаться лишь взглядом. Кто посмеет дотронуться по-настоящему, точно останется без руки.

В итоге все эти любопытные взгляды и взаимные расшаркивания Лаару изрядно надоели, и мы ушли в самую дальнюю, нехоженую часть парка, где практически никто не гулял. А когда солнце забралось высоко на небосвод и от обилия белого начало слепить глаза, мы покинули Гранатовый сад и укрылись от полуденного зноя в прохладе одного из столичных курительных салонов.

Обычно в таких местах женам предоставляют отдельные комнаты: мужчины и женщины отдыхают порознь. Но муж категорически отказался оставлять меня. Отпустил лишь ненадолго — когда мне понадобилось отлучиться в уборную — в сопровождении одной из местных прислужниц.

После мы немного перекусили. Лаар не курил, зато вина выпил за десятерых. Словно для него это было вовсе не вино, а простая вода. И, что примечательно, муж ничуть не захмелел. Как он объяснил — Дар выжигает в крови алкоголь, потому даже такая малость, как хмельной дурман, ему не доступна.

Мы переждали в салоне жару, закат же встретили на пристани.

Солнце золотило воды великого Хонту, и яркие блики играли на поверхности, сверкали, словно грани драгоценных камней. Мы стояли на высоком берегу и провожали взглядами отплывающие корабли. Ветер раздувал паруса, гнал рябь по воде, и ладьи скользили вперед, увозя в дальний путь тюки с шелковыми тканями и сладостями, мешки с чаем и пряными специями.

Лаар стоял за спиной, положив руки на мои ладони, что покоились на резных перилах, и тихонько рассказывал о том, чем живет столица. Куда плывут ладьи, чем наполнены трюмы отплывающих кораблей и какие богатства привозят в Гаррад из дальних земель. Я слушала, раскрыв рот, поражаясь тому, сколько всего знает муж. А когда рассказы закончились, слушала песнь ветра и волн, бьющихся о высокий каменный берег. Лаар не отпускал меня ни на мгновение. И казалось, что я могла бы простоять так вечно, в кольце его рук, переплетя пальцы и ловя тихое дыхание на виске.

Здесь не было никого, кроме нас, и даже стражи караулили где-то вдалеке, и Лаар наконец позволил себе обнять меня. Прижал к широкой груди, даже сквозь ткань одежды обжигая жаром своего тела. И это было именно то, чего мне так не хватало весь этот день, — его прикосновений, его объятий и ощущения надежной опоры за спиной. Всего того, чем Лаар баловал меня только наедине.

И, пожалуй, это было лучшее завершение дня, какое только можно

вообразить.

* * *

Во дворец мы вернулись, когда на столицу опустилась мягкая полутьма. На улице царила приятная свежесть, и отужинать решили прямо в беседке в саду.

Не успели приступить к трапезе, как к нам пожаловал кшатрий.

— Халид? Ты почему не уехал? Кажется, я дал тебе отпуск.

— Мне надо поговорить с вами, мой раан-хар.

— Что-то случилось? — Лаар тут же напрягся.

— Нет. Разговор будет... на личную тему. — Халид покосился на меня, и я понятиливо приподнялась, собираясь оставить мужчин наедине.

— Кажется, ты еще не доела, — Лаар остановил почти сразу. Указал взглядом на подушку, и я опустилась на прежнее место. Перевел взгляд на ожидающего кшатрия. — Можешь дожидаться, пока мы поедем. Или говори сейчас. Я слушаю.

Халид пожал плечами.

— Я хотел просить вас отдать мне в жены одну из ваших служащих.

Лаар резко перестал жевать, а я замерла, жадно вслушиваясь в разговор мужчин. Неужели это то, о чем я думаю?

— Кого? — коротко кинул Лаар, и уже сейчас в его голосе проскочило недовольство.

— Хальди Арнею ар Тали.

— Ты совсем из ума выжил! — резко гаркнул Лаар и отбросил прибор, так что я вздрогнула от неожиданности. — Мало того, что собрался жениться на прислуге, так еще и на вдове? Что, других баб мало? Выбери кого-нибудь более подходящего!

Халид нахмурился.

— Мне кажется, я сам могу решить, кто подходящий, а кто нет... — процедил сквозь стиснутые зубы. — Без чьих-либо советов! Мое право взять ту женщину, которую захочу.

— А мое право тебе в этом отказать! Она служит у меня, и я накладываю вето хозяина.

— Я готов перекупить... — не унимался Халид. Кажется, настроен он был весьма решительно.

Лаар фыркнул.

— Не смей! Может, тебе еще рабыню продать?

— Лаар! — Я все же не выдержала.

Теперь хмурый взгляд мужа обратился ко мне, и, казалось, еще немного — и он прожжет во мне дыру.

Знаю, мне не стоило встречать, но и сидеть молча я тоже не могла. Все же Хальди была мне почти подругой, и я не могла оставаться безучастной к ее судьбе.

Лаар смотрел в упор, и говорить под его пристальным взглядом было очень тяжело, но я все же нашла в себе силы.

— Вообще-то Хальди моя помощница!

— Да неужели? — Губы Лаара изогнулись в усмешке. — Что ж, Халид, в таком случае испрашивай позволения у рани.

Лаар откинулся на подушки и сложил руки на груди, всем своим видом демонстрируя, что не намерен вмешиваться в диалог.

— Рани... — кшатрий повернулся ко мне, — прошу величайшего позволения взять в жены вашу личную помощницу Хальди Арнею ар Тали.

Прозвучало столь официально, что я смутилась. Да еще насмешливый взгляд мужа, глядящего на меня из-под опущенных ресниц, изрядно нервировал. А еще я вдруг поняла, что не знаю, что ответить на просьбу кшатрия.

Сказать «да»? А вдруг Хальди будет против? Я ведь ни разу не разговаривала с ней на эту тему... Да и других «но» тоже предостаточно.

— А не слишком ли ты... стар для нее? — Мягко спросить не вышло, а потому я нарочно добавила в голос язвительности. Уж лучше так, чем выставить себя робкой овечкой.

Со стороны Лаара долетел смешок, а Халид явно смутился.

— Мне кажется, Хальди намного младше тебя, к чему тебе такая юная жена?

— Я потому и хочу взять ее, — не стал лукавить мужчина. — Хальди молода и здорова, она сможет родить мне здоровых наследников.

Ох, так вот в чем дело...

— Разве у тебя нет детей?

— Увы, но боги не одарили нас с Мартой детьми. Так или иначе мне придется взять вторую жену. А Хальди мне любя, думаю, из нее выйдет верная супруга.

У него еще и жена есть? Это, конечно, ожидаемо, Халид куда старше Лаара, да и положение его позволяет иметь много жен. Но каково будет Хальди? Конечно, нас с детства приучали к подобному положению дел, но в моей собственной семье все было иначе. Отец очень любил маму и не позволял себе даже глядеть в сторону других женщин. Наверное, поэтому я

и не могла себе представить: каково это — делить мужа с другой.

Хотя о чем это я? У Лаара, помимо меня, еще десяток жен. И все обречены на одиночество...

Потрясла головой, пытаюсь отогнать так не вовремя посетившие мысли. В конце концов, сейчас речь не обо мне.

Я поглядела на Лаара. На губах того играла усмешка. Кажется, раан-хар изволил потешаться над своей неопытной рани. И я только сейчас поняла, почему он дал мне слово. Хотел дать прочувствовать всю тяжесть ответственности. И ладно бы речь шла обо мне, но решать чужую судьбу куда сложнее. И признаться честно, я не представляла, что делать. Что ответить Халиду на его просьбу?

— Я приняла к сведению ваши доводы, Халид, и обещаю подумать над просьбой! Все же я слишком привыкла к своей помощнице, чтобы так просто с ней расстаться.

Кшатрий понимающе кивнул и, коротко поблагодарив, покинул беседку.

В моей же голове продолжали крутиться мысли. Доводы «за» и «против». И, кажется, самостоятельно справиться с ними мне не удастся. Вот если бы я лучше знала Халида..

— Лаар... — начала было я, но муж тут же перебил.

— Не думай об этом. Все равно решать буду я! — отчеканил строго, разом разрушив все мои планы.

— Но ты сказал...

— Я передумал!

Вот тебе и свобода... Поманила призрачным крылом и выскользнула, умчавшись в заоблачные дали. И как я только могла подумать, что мне будет позволено решать?

— Как вам будет угодно, мой раан-хар, — ответила смиренно и поднялась. — Я уже закончила трапезу, будет ли мне позволено удалиться? — Все же не смогла сдержать язвительных ноток в голосе. И откуда опять взялась эта дерзость?!

— Я провожу тебя. — Как ни странно, Лаар не разозлился. Просто промокнул рот льняной салфеткой и поднялся вслед да мной. Пристроился рядом, и мы не спеша пошли по дорожке.

— Я уеду завтра, — неожиданно сказал Лаар, и я споткнулась на ровном месте.

— Что? Так скоро? — Меня разом охватило волнение, и все остальное, как обычно, отошло на второй план. — Боги, неужели опять Цветок?

— Нет. — Муж поддержал за локоть, да так и оставил там свою

ладонь. — Император вызывает к себе, и, увы, я не могу ему отказать. Мне следовало отбыть еще сегодня, но я уже обещал этот день тебе.

Я неверяще тряхнула головой.

Он что, отложил встречу с императором из-за меня? Не может быть!

Но твердый взгляд ясно давал понять — еще как может! И на душе вдруг стало невероятно тепло и легко. Полночная звезда, и почему он так на меня влияет?

— Но разве дворец правителя не в Гарраде? Зачем надо уезжать?

— Дворец — да. Но император отбыл в летнюю резиденцию. Мне понадобится дня три, чтобы обернуться.

Ох... Еще три дня без него. И как я вынесу?

А с другой стороны, к тому времени у меня как раз кончатся женские дни и можно будет встретить мужа приятным сюрпризом... И кто знает, возможно, тогда он даст мне хоть капельку желанной свободы?

Я улыбнулась собственным коварным мыслям, а Лаар словно почувствовал.

— Что ты задумала? — Он остановился и развернул меня к себе. Глядел с нескрываемым интересом.

— Ничего... — невинно опустила глаза, а сама сделала шаг к нему. Прижалась к широкой мужской груди, ухватившись пальцами за шнуровку на его тунике.

— Катара... — Вкрадчивый голос прозвучал над самым ухом, а я тронула открывшуюся в вырезе горловины смуглую кожу. Чуть потянула за свернувшиеся колечками тонкие волоски.

— Я буду с нетерпением ждать твоего возвращения...

— Еще бы! — хмыкнул Лаар и ухватил меня за подбородок. Вздернул, заставляя смотреть себе в глаза. — Я тоже.

И вдруг резко подался вперед и прижался к губам. Жестко, жарко. Закрепляя свое право собственника.

Можно подумать, он не успел сделать этого до сих пор!

Я чувствовала, как сильно и часто бьется его сердце под моей ладонью, как срывается разом потяжелевшее дыхание. И, кажется, это был самый подходящий момент, чтобы...

— Лаар? — Я с трудом разорвала поцелуй и чуть отстранилась. — Так что ты решишь насчет Хальди и Халида?

Забавно, у них даже имена похожи.

— Не знаю. Я подумаю...

ГЛАВА 17

Лаар

Летняя резиденция императора Кхана саан Ниши мало чем отличалась от дворца. Разве что размером была чуть меньше. Но интерьеры все те же — золото и дорогая парча, обилие драгоценных камней, от блеска которых рябит в глазах. Все же раан-хар не был приверженцем столь вычурного оформления. А в его собственной летней резиденции и вовсе преобладали простые и лаконичные формы, без лишнего блеска и изысков. Там раан-хар отдыхал. Правда, не летом, как то предполагалось при строительстве, а напротив, ближе к зиме, когда засыпал Цветок Смерти и у раан-хара появлялось достаточно времени на отдых и размышления.

Император встретил недовольной миной на лице. Пальцы, униженные массивными перстнями, отбивали нервную дробь на подлокотнике. И весь вид правителя говорил о том, что явившегося гостя не ждет ничего хорошего.

Впрочем, это было весьма ожидаемо. И Лаар лишь тяжело вздохнул, готовясь выслушать длинную и нудную отповедь.

— Ты опоздал! — гневно начал Кхан, и жесткий голос его разнесся по приемному залу, отразился от стен, вернувшись в десятикратном размере.

Любого другого наверняка бы пробрало до самых костей, но Лаар ор Гронта давно привык к подобному эффекту. Да и к другими хитростям, что использовал Кхан саан Ниши, дабы прибавить своему виду еще большей величественности.

— Прошу простить меня, ваше Светлейшество. У меня были неотложные дела.

— Дела столь важные, что ты проигнорировал мою просьбу о немедленном прибытии? — Кажется, император был не намерен униматься. — Разве может быть что-то важнее приказов твоего повелителя?

Лаар стиснул зубы, давя в себе дикое желание послать этого выскочку куда подальше. Несколько раз глубоко вдохнул, призывая себя успокоиться. Официальную часть приема нужно было просто пережить, перетерпеть. Все же помимо самого Светлейшего здесь присутствовали и его советники, представители верхушки знати. При них он не станет перечить императору. Зато потом, наедине, выскажет все, что накопило.

— Для меня, как и для вас, наиглавнейшим является благосостояние и

безопасность народа. Я не мог покинуть столицу, не убедившись, что жителям не угрожает опасность.

На это императору, разумеется, нечего было ответить. Не станет же он при всех утверждать, что ему плевать на благополучие своего народа.

— Что ж... Я рад, что вы с должной ответственностью относитесь к своим обязанностям. Но впредь постарайтесь не опаздывать.

— Конечно, ваше Светлейшество.

Лаар почтительно склонил голову, надеясь, что на этом официальные расшаркивания подошли к концу.

Увы, но он ошибался.

— Так какова ситуация в Гарраде? — продолжил расспросы Кхан.

— В столице и предместьях сейчас безопасно. Цветок полностью уничтожен. Пострадавших нет. Вы можете без опаски вернуться во дворец.

Император фыркнул.

— К чему мне это? Я всегда провожу жаркие месяцы в летней резиденции. Вернусь, как спадет жара.

— Как вам будет угодно.

Конечно, теперь он точно отсюда никуда не уедет, надо же как-то оправдать свое трусливое бегство...

Император медленно поднялся, махнул рукой, обозначив конец аудиенции, и все вокруг разом засуетились, закопошились, второпях покидая зал приемов.

— Здесь душно. Давай пройдемся.

Правитель поманил за собой Лаара, и они вышли на полукруглую террасу, а после спустились и в сад.

В провинции Аршаль в это время года и вправду было куда свежее, чем в столице. С берегов быстрого горного Арнула тянуло приятной прохладой. А отсюда, из сада, даже был слышен шум падающей воды. Лаар с удовольствием втянул свежий влажный воздух и первым начал разговор:

— Так зачем вызывал? — Взаимные расшаркивания остались в приемном зале, и теперь Лаар мог общаться с императором почти на равных. Тем более что тот был не намного старше самого раан-хара.

— А сам не догадываешься? Почему ты так долго не возвращался в Гаррад? Ты хоть понимаешь, в какой опасности мы все находились?

А то он не понимает...

— Я был на другом конце империи. Вернулся так быстро, как только смог!

— Следовало поторопиться! — с напором произнес император.

— Слушай, я и так из кожи вон лезу, чтобы все успеть. Ну не

разорваться же мне теперь! Или, может, подаришь мне парочку крыльев, чтобы я перемещался по империи подобно почтовой птице?!

— Ладно, не ори! — Кхар все же унял свое недовольство. — Я просто очень обеспокоен... происходящим. Такого ведь прежде не было, чтобы Цветок прорастал сразу в двух местах.

— При мне не было. — Лаар задумчиво мотнул головой. — Но все когда-то бывает в первый раз. И надо быть к этому готовым...

— Есть идеи? — Кхар остановился в тени раскидистой ивы, облокотился о шершавый ствол, вопросительно глядя на раан-хара.

— Есть. И мне нужна в том твоя помощь.

— Какая же? — Император не сдержал смешка.

— Императорский указ, отдающий в мое распоряжение всех Природников.

Вот теперь Кхар саан Ниши открыто рассмеялся:

— Ты, верно, шутишь? — Но твердый взгляд раан-хара ясно дал понять — не шутит. — Ты что же, хочешь, чтобы я отнял у знатных вельмож всех Природников, что ухаживают за их садами, и пустил бороться с Цветком Смерти?

Лаар кивнул.

— Да нас засмеют!

— Засмеют не засмеют, а в Гарраде они себя хорошо проявили. Сдержали Цветок в пределах провинции, да и мне куда проще было работать, когда под ногами не путается полоз.

— Нет, идея, конечно, хорошая. — Император запустил пальцы в короткую бородку, почесал задумчиво. — И я ее поддержу. Но зачем тебе все-то?

— Может, и не все. Я пока не знаю, сколько Природников понадобится. В идеале я бы отрядил по несколько человек в каждую из провинций. Особенно в отдаленные. Чтобы было кому сдерживать Цветок до моего прибытия. Это бы многим упростило жизнь. А вельможи вполне могут обойтись и без своих садов. Невелика потеря.

— Ладно, я подумаю, — махнул рукой Кхар. — Хотя как по мне, вместо того, чтобы расширять свою гвардию, лучше бы ты себя... кхм... размножил. Как там, кстати, твоя новая жена? Еще не понесла?

Последний вопрос прозвучал с особым интересом. Кажется, личная жизнь раан-хара занимала императора куда больше, чем дела государственные.

— Пока нет. — Лаар с трудом выдавил слова.

Что-что, а обсуждать подобные вопросы с императором раан-хар был

не намерен. Ему с головой хватало Ведающего. Но советчики, один изобретательнее другого, упорно совали нос в его дела.

— Но она по-прежнему здорова? Говорят, ты вывозил ее в город. Если не ошибаюсь, как раз вчера, когда я ждал тебя с визитом?

Лаар чуть не сплюнул с досады. И когда только успели донести? Впрочем, император не был бы императором, если бы не был в курсе всех последних сплетен.

— Что-то тебя слишком сильно занимают мои жены. — Лаар усмехнулся, пытаясь скрыть неприязнь за улыбкой. — Что, свои наскучили?

Правитель неопределенно пожал плечами. Потом отлепился от ивового ствола и вновь пошел по мощеной дорожке. Ор Гронта пристроился рядом.

— Чужая жена всяко привлекательнее собственной. Хотя бы потому, что недоступна. Разве нет? — Кхар вопросительно изогнул бровь, но Лаар предпочел вопрос проигнорировать. — Слышал, твоя новая рани дивно хороша.

Раан-хар безотчетно сжал кулаки. Руки прямо-таки чесались от желания врезать одному спесивому наглецу по высокородной морде.

— Они все хороши, — через силу выдавил ор Гронта.

— Может, и так. Но предыдущих ты не выводил в свет, — заметил правитель, и на губах его заиграла лукавая улыбка. — И я подумал, что, может, с этой что-то да вышло...

— Когда выйдет, ты узнаешь первым! — фыркнул Лаар и, чуть подумав, добавил: — И знаешь, я был бы очень тебе благодарен, если бы ты не отвлекал меня от крайне ответственной работы по продлению рода своими срочными вызовами.

Правитель, не ожидавший столь дерзкого выпада, сначала нахмурился, а потом ни с того ни с сего расхохотался, оглашая сад своим громогласным смехом.

— Знаешь, я порой тебе завидую. Даже я не могу столь свободно выбирать девиц себе в наложницы. Может, в следующий раз приедешь с женой? — Тон его голоса по-прежнему был шутливым, но раан-хару было совсем не до смеха.

— Еще чего! — кинул резко, а про себя подумал, что ни за что в жизни не подпустит правителя к Катаре. Пусть даже это будет стоить ему императорского расположения и всех благ раан-хара вместе взятых.

На этот раз я ждала Лаара с еще большим нетерпением, чем прежде. Тревоги не было. Лишь легкое волнение перед предстоящей встречей. Ведь мне столько всего хотелось поведать ему, столько всего сделать — непременно вместе.

Наша прогулка по столице словно пробудила во мне источник живительных сил и вдохновения. И мне непременно хотелось ее повторить. Я даже наметила небольшой план, какие места хочу посетить, чем было бы приятно заняться вместе с мужем.

А еще за эти дни я успела поговорить с Хальди. Она, конечно, всячески отнекивалась, уверяя, что у них с Халидом ничего нет и что она ни за что не покинет меня, не оставит на растерзание местной прислуге. Но по тому, как загорелись ее глаза при одном только упоминании о свадьбе, я поняла, что Хальди всей душой жаждет обзавестись семьей. И наличие у избранника еще одной жены ее, кажется, ничуть не смущало.

И я дала себе мысленный зарок по возвращении Лаара еще раз поговорить с ним на эту тему, убедить принять правильное решение.

Муж немного опаздывал, но я не беспокоилась — просто задерживается в пути, все же провинция Аршаль находится довольно далеко от Гаррада. Главное, что поблизости нет Цветка, а значит, и переживать не о чем.

Задержка даже оказалась мне на руку. Женские дни как раз закончились, и у меня оставалось время привести себя в порядок. На этот раз я сама попросила служанок отдраить меня до белизны. После придирчиво осмотрела себя в зеркало, проверяя, чтобы на теле не осталось ни единого волоска. Удовлетворенная результатом, оделась и причесалась.

День был в самом разгаре, и яркое солнце било в окно, заполняя спальню теплым светом, расцвечивая предметы яркими красками. И запах в покоях стоял дивный. Выставленные в крупных вазах цветы мако источали сладкий пряный аромат, насыщенный вблизи и нежный, невесомый на расстоянии.

Я упала на постель, раскинула руки, чувствуя невероятный прилив сил. Энергия бурлила внутри. Волнение смешалось со сладким предвкушением, и уже через секунду я вскочила, одолеваемая жаждой деятельности. Высунулась в окно, проверяя, не показалось ли кого у ворот. Словно чувствовала, что муж вот-вот приедет.

И интуиция меня не подвела. Буквально через несколько минут раздался топот копыт и во двор влетели четверо всадников. Лаар и трое стражей из сопровождения.

На сей раз муж не заставил долго ждать. Его шаги я слышала еще

издали, закусила в нетерпении губу и сцепила руки, с трудом сдерживая себя, чтобы не рвануть навстречу.

Двери распахнулись настежь. Порыв ветра взметнул волосы. Лаар мягко улыбался, и я ответила ему счастливой улыбкой.

А потом он сделал шаг и внезапно замер, будто натолкнулся на невидимую преграду. Улыбка разом сошла с лица, и в серых глазах отразилось нечто такое, от чего у меня внутри все похолодело.

* * *

Лаар

Лаар спешил.

Невольно подгонял коня, через раз оглядываясь на своих стражей, что еле поспевали за ним и искренне недоумевали, в чем причина такой бешеной скачки.

Лаар и сам не смог бы им объяснить. Но что-то подстегивало изнутри. Ему не терпелось оказаться в Гарраде, в своем дворце, где его непременно ждали.

Красногривый жеребец под раан-харом уже взмок, а седоку все было мало. Наконец впереди показались знакомые стены и распахнутые настежь врата резиденции.

Рысак на полном скаку влетел во двор, Лаар спрыгнул на ходу. Рядом сразу возникли вышколенные слуги — раан-хару подали ледяной колодезной воды и чашу для умывания.

Ор Гронта несколько раз плеснул в лицо, отер взмокшую шею, радуясь долгожданной свежести. Конечно, не мешало бы ополоснуться целиком, но это еще успеется, к тому же обмыться можно и в приятной компании.

Мысль зацепила, и, не тратя времени даром, Лаар вошел во дворец, взбежал вверх по ступеням, направляясь в восточное крыло. Мельком подумал, что покои жены располагаются слишком далеко от его собственных. Раньше Лаара это вполне устраивало, а теперь хотелось держать свою рани как можно ближе.

Надо будет распорядиться подобрать для нее более подходящие комнаты. А то эдак он не набегается...

Лаар с силой толкнул створки, ведущие в спальню Катары, — и сразу увидел ее, счастливую и улыбающуюся. Улыбающуюся ему...

И в тот же момент в нос ударил запах. Резкий, приторный, мерзкий

настолько, что раан-хар еле сдержался, чтобы не закрыть лицо ладонью.

Понимание прошибло ознобом, хлесткой плетью ударило по лицу. Дыхание перехватило, грудь словно железными тисками сдавило. Хотелось заорать от бессилия, ударить кулаком в стену, пробить насквозь, кроша в пыль гладкий мрамор.

Но вместо этого Лаар стоял, замерев, до побелевших костяшек сжимая кулаки, чувствуя, как собственное латаное-перелатаное сердце разбивается на тысячу острых ранящих осколков.

Он ведь знал, что нельзя верить, нельзя надеяться. Но вопреки всему надеялся. И сейчас умирал у дверей комнаты, порог которой больше никогда не сможет переступить.

В глазах его рани плескалось непонимание, удивление. Затем тревога. А потом Лаар отступил на шаг, и она все поняла.

Он видел, как в один миг ей стало страшно. Как задрожали руки, а в уголках глаз выступили жгучие слезы, которые она была не в силах сдержать. И одна часть его существа бесновалась, кричала, требовала шагнуть к ней, вытереть сухой ладонью эти слезы, защитить, успокоить, а другая корчилась от отвращения.

Еще шаг назад.

— Лаар... — Катара дернулась — и тут же замерла, прижав ладонь ко рту.

Беззвучные слезы чертили влажные дорожки на светлой бархатной коже. И руки зудели от желания прикоснуться, смахнуть. А обоняние вопило, посылая по телу тошнотворные спазмы.

Его словно разрывало пополам. Ни туда, ни обратно. И время остановилось, замерло на этом самом пороге, превратившись в густой вязкий кисель, окутало липкой паутиной, из которой ему никогда не выбраться. Потому что есть в мире вещи, которые нельзя исправить, нельзя изменить, как бы сильно ни хотелось, как бы рьяно ни старался. И все рано или поздно заканчивается, как бы упорно ты ни верил в обратное.

Он больше никогда не сможет к ней прикоснуться. Никогда не вдохнет пряный, дурманящий запах ее тела. Не увидит нежности, бесконечной заботы в сине-зеленых глазах.

Его личный ад.

Демонова глотка, в которую он рухнул с головой!

Самое ужасное, самое страшное из всех возможных исходов все-таки произошло. Настало слишком уж быстро.

Его не было всего четыре дня, а запах уже такой сильный. Настолько, что нутро выворачивает наизнанку. И он повсюду, в каждом углу, витает в

этой комнате, не давая сделать ни шагу. Кажется, им пропиталось все вокруг. Длинный ворс ковра и обивка дивана, невесомые занавеси балдахина и обтянутые шелком стенные панели, каждая мелочь, каждый закуток.

И он даже не может нормально попрощаться. Просто потому, что не способен приблизиться.

Ну отчего же так быстро?

— Иди, — она сама поторопила его. Видимо, чувствовала, насколько ему тошно. И сама отступила, увеличивая расстояние, пытаясь дать ему хоть каплю свежего воздуха.

От резкого движения край сарей скатился с покатога плеча, шелковой пеной упал к ногам. А взгляд Лаара зацепился за тонкий браслет, что когда-то вручил рани Ведающий.

Он должен был быть красным. Багряным, как чернеющая на воздухе кровь. Но вместо этого на женском предплечье сияла серебром тонкая белая полоска.

Что за дьявол?

Лаар тряхнул головой, прогоняя видение. Снова открыл глаза, но ничего не изменилось — браслет оставался серебристо-белым, а значит...

Времени на размышления не было. С каждым вдохом спазмы становились все сильнее, и Лаар попросту приложил рукав ко рту, задержал дыхание и шагнул вперед, стремительно пересекая комнату. Заметил лишь, как удивленно распахнула глаза Катара, а потом ткнулся носом в ее волосы. Замер на мгновение, боясь вдохнуть. Чувствуя острую необходимость и вместе с тем всеми силами пытаясь отсрочить неизбежное.

Он должен, должен был знать точно, должен был убедиться!

Вдох — и мира вокруг не стало.

Тело разом ослабело, сбрасывая каменное напряжение мышц. Голова закружилась, и Лаар прижал к себе жену, не то обнимая, не то пытаясь устоять на ногах.

— О боги... — выдохнул ей на ухо и вдохнул снова, еще и еще, не в силах надышаться.

Его рани по-прежнему дивно пахла, свежо, сладко, лучше всех на свете, заставляя хмелеть от одного только запаха ее тела. Затмевая собой все посторонние запахи в этой комнате.

А ведь он чуть было не ушел.

Навсегда...

— Иди в мои покои! И никуда не выходи без меня! Поняла?

Катара заторможенно кивнула, но все же послушалась, быстро

посеменив к выходу. Раан-хар же метнулся к окну, настежь отворил створку, впуская в комнату чистый воздух. Перед глазами все плыло, но он безошибочно метнулся к высокому вазону. Схватил одной рукой и вышвырнул в окно. Туда же отправились и остальные цветы, наполнявшие спальню.

В жилах кипела кровь, бурлила, выплескивая недавнее напряжение, страх, злость. Безумную ярость от понимания, что только что могло произойти. А в висках стучало дикое, невыносимое желание кого-нибудь убить.

* * *

Я не могла ничего понять. Все случилось так быстро, что я совершенно растерялась. И теперь мерила шагами хозяйскую спальню, не находя себе места.

Полночная звезда, я ведь даже не поняла, здорова ли!

Лаар вернулся через пару часов. Рывком распахнул дверь и сразу прошел в купальню, не удостоив меня даже взглядом. До слуха донеслись звуки льющейся воды.

Я немного посидела, ерзая от нетерпения. Но все же не выдержала, тихонько заглянула в купальню. Лаар стоял под тугими струями искусственного дождя, закинув голову, подставляя лицо прохладному потоку. Да, вода была холодной, я почувствовала это, даже не подходя.

— Все хорошо? — спросила несмело, готовая в любой момент отступить, убраться подальше, оставив его одного.

Лаар опустил голову, уперся ладонями о гладкую плитку.

— Да. — Голос напряженный и немного хриплый. — Жди меня в спальне, я сейчас буду.

Тотчас юркнула за дверь. Признаться честно, я просто побоялась оставаться рядом, когда Лаар в таком состоянии. Чувствовала, что ему нужно побыть одному. Успокоиться, остыть.

Уселась на постель, нервно сцепив ладони, уговаривая себя не волноваться понапрасну. В конце концов, он больше не шарахается от меня, значит, с запахом все в порядке и можно вздохнуть с облегчением. Пока ждала его возвращения, чего только не успела себе надумать...

Шум воды смолк, и я замерла, считая мгновения. Одно, второе. Шорох открывшейся двери, мягкие шаги по ковру. Лаар сел за моей спиной. Холодный, мокрый, в одном полотенце, обернутом вокруг бедер. Притянул

к своей груди, и я вздрогнула от контраста температур. Но заставила себя расслабиться. Откинулась назад, привыкая к его прикосновению, ощущая, как часто-часто бьется его сердце. Видимо, холодная вода не слишком помогла. Хотя не ручаюсь, что мое собственное сердце сейчас билось спокойнее.

— Я испугалась... — произнесла еле слышно и прильнула теснее, ощущая, как потихоньку теплеет его кожа.

Лаар молчал, просто сжимал руки вокруг моего тела и часто дышал, уткнувшись носом в макушку. Успокаивался. И когда я уже перестала ждать ответа, вдруг тихо сказал:

— Я тоже.

И ко мне наконец пришло долгожданное облегчение.

А потом Лаар разжал объятия, повернул лицом к себе и, очень серьезно глядя в глаза, спросил:

— Скажи мне, кто принес в твои покои те цветы?

— Какие цветы? — сначала не поняла я, но почти сразу вспомнила: — Мако?

Лаар кивнул.

— Не знаю. — Я напрягла память, но ничего толкового не шло в голову. — Кажется, они появились еще с утра. Я вернулась с прогулки, а они уже стояли. Наверное, принес кто-то из служанок. А что с ни...

И осеклась на полуслове. Тяжелый взгляд мужа был красноречивее всяких слов, и меня словно разрядом молнии поразило догадкой.

— Так это из-за цветов мако? Это их запах ты принял за...

И снова кивок.

— И самое паскудное, что я даже не предполагал, что что-то может пахнуть подобным образом. Это даже не сами цветы. — Лаар нахмурился и мотнул головой. — Их стебли, стоящие в воде. Они быстро начинают гнить, испуская мерзкий аромат.

Ошарашенно уставилась на мужа.

Боги, но я не чувствовала ничего подобного! Более того, мне нравился запах мако, и белые шапки, состоящие из множества соцветий. Такие нежные и нарядные. Могла ли я подумать, что они принесут беду?

— Я не знала...

— Угу. А кто-то, по всей видимости, знал. — Лаар помрачнел еще сильнее.

— Но, может, это просто случайность? Кто-то принес по незнанию. Надо поговорить со служанками. Уверена, все прояснится!

— Я уже поговорил, — припечатал раан-хар. И пусть его голос звучал

ровно, тон мне не понравился. — Никто ничего не знает. Словно они возникли из ниоткуда! Слишком уж это невероятно для случайности...

Я не знала, что на это ответить. Я и сама не понимала, что все это может значить. Кому и зачем потребовалось приносить цветы? Неужели мог найтись хоть кто-то, кто бы хотел разлучить нас с Лааром?

Подобные мысли совершенно не хотели укладываться в голове. Это было невообразимо, немыслимо для моего понимания!

Меж тем Лаар поднялся, достал из стенного шкафа чистые вещи и принялся одеваться.

Полночная звезда, куда он теперь-то собрался?

Спросить не успела. В двери спальни настойчиво забарабанили.

— Кто? — недовольно кинул Лаар.

— Надо поговорить! — Я узнала голос Халида, а спустя несколько мгновений увидела и самого кшатрия.

— Разговор настолько срочный, что ты позволяешь себе врываться в мою спальню? — В голосе мужа не было ни капли насмешки, лишь холодная угроза. И обманчиво медленные, степенные движения, с которыми он одевался, пугали до дрожи в коленях.

— Какого демона ты пересажал всех служанок в ямник?! — гаркнул Халид, и я оторопела.

Что? В ямник? Это он так с ними поговорил?

И выходит, что Хальди сейчас тоже...

— Лаар? — неверяще обернулась к мужу, ожидая, что он все прояснит. Но Лаар и вовсе не глядел на меня. Лишь только зло уставился на Халида, до выступивших желваков сжимая челюсти.

— Это мои слуги, и я поступаю с ними так, как сочту нужным!

— Да ты совсем головой тронулся?! Они что, все разом провинились?! — Халид прямо-таки орал.

А я подумала, что никогда прежде не видела мудрого и почтительного кшатрия в подобном состоянии. То, как он позволял себе разговаривать с раан-харом, было верхом дерзости и непокорности. За один только этот тон Лаар запросто мог кинуть его в ямник.

— А ты, я гляжу, хочешь к ним присоединиться?! — Муж словно прочитал мои мысли.

— Да пусть бы и так, невелика беда! — фыркнул кшатрий. Угрозы раан-хара, кажется, ничуть его не пугали. — Может, все-таки объяснишь, что происходит? Или это тоже лишь твое личное дело?

Лаар подобрал тунику, перекинул через плечо и, как был в одних штанах, направился к дверям.

— Не здесь, идем!
И лишь на пороге обернулся ко мне:
— Не выходи никуда, хорошо? Если понадобится что, обратись к стражам.
И с этими словами вновь оставил меня в одиночестве.

* * *

В резиденции было тихо. И тишина эта пугала. Словно где-то у стен затаился свирепый хищник и все люди попрятались по норам, выжидая, когда минует опасность.

Мне вновь было беспокойно. Но как бы сильно ни хотелось узнать, что творится во дворце, я не смела послушаться мужа. Так и просидела до конца дня в его покоях, а когда на город опустилась ночь, я, уставшая и измотанная, легла на край хозяйской постели и сама не заметила, как провалилась в сон. Лишь в какой-то момент сквозь сонную полудрему ощутила, как кто-то лег рядом, чуть касаясь бедра. А поутру мужа вновь не оказалось рядом — ушел еще до моего пробуждения.

Зато ко мне вернулась Хальди — Лаар все-таки соизволил отпустить слуг, — и теперь помощница занималась тем, что переносила мои вещи из прежних покоев. И только по одному этому я поняла, что в комнатах мужа мне предстоит задержаться надолго. А может, и вовсе навсегда...

Мысль эта, конечно, была приятной. Вот только должной радости я не испытала. Какая, по сути, разница, в каких покоях находиться, если его все равно нет рядом?

Лаар не появлялся с самого утра.

Как рассказала Хальди, ему так и не удалось узнать, кто из слуг принес те злополучные цветы, и, видимо, муж по-прежнему пытался это выяснить.

Вернулся он лишь к ужину. И то мысли его были далеки от трапезы. Да и на меня он почти не смотрел. Лишь монотонно двигал челюстями, кажется, вовсе не ощущая вкуса пищи. И ночью даже не притронулся ко мне. Лишь коротко бросил, что устал, и перевернулся на другой бок. И мне оставалось лишь догадываться, что за страхи и сомнения блуждают в его голове.

Что-то тревожило его. Это было ясно словно белый день.

Ох, если бы он только захотел поделиться!

Но Лаар вновь закрылся от меня, я чувствовала это, хоть он и пытался

улыбаться. И регулярно проводывал меня, убеждаясь, что все в порядке, что я ни в чем не нуждаюсь. И в то же время он не понимал главного — что больше всего на свете я сейчас нуждаюсь в нем самом...

А когда и на третий день Лаар вновь отвернулся от меня в постели, я не выдержала. Сама приблизилась к нему, мягко погладила по напряженной спине. А затем и вовсе коснулась губами позвоночника, ожидая, что хотя бы это расшевелит его, что он, как прежде, схватит в охапку и прижмет всем весом к постели. Поцелует, как прежде, — жадно и властно.

Полночная звезда, как же я этого хотела! Но...

Лаар повернулся, осторожно перехватил мои руки, не давая касаться себя.

— Давай поспим?

В голосе его были лишь мягкость и тепло, но мне захотелось разрыдаться.

Всего два слова. Совершенно нейтральных и, по сути, ничего не значащих. Но для меня болезненных, словно удар под дых.

— Я больше не нравлюсь тебе? — попыталась спросить ровно, но голос все равно дрогнул.

— О боги, Катара, конечно, нравишься! — ответил без единого колебания и тяжело выдохнул. — И не думай, что я не хочу. Просто... так надо. Поверь мне. — Муж невесомо провел ладонью по моей щеке.

Почему так надо, я не понимала. Но Лаар просил поверить — и мне не оставалось ничего иного.

* * *

Лаар

Пережитый страх не давал покоя. Раан-хар вновь и вновь прогонял в мыслях тот момент, то ощущение, когда думал, что уже потерял ее. И понимал, что ничего страшнее в его жизни не было.

Лаара трясло от одной только мысли, что однажды это может оказаться реальностью. Эта мысль сводила с ума, душила, не давая вздохнуть спокойно.

А непонимание, кто подстроил всю эту ситуацию с цветами мако, бесило до красных кругов перед глазами. Лаар должен был знать, должен был выяснить это во что бы то ни стало!

И неважно, была ли это лишь неудачная шутка или чей-то злой

умысел, найти виновного стало для раан-хара делом принципа.

Допрос слуг ничего не дал, вышколенные стражи растерянно мотали головами, и у Лаара оставался единственный шанс узнать правду — отправиться к тем, кто ненавидел его всей душой.

Лаар никогда не бывал в женской части резиденции. Это место было недоступно для раан-хара по многим причинам. Но сейчас он должен был перебороть себя, потому что не мог доверить это дело никому другому. Ему требовалось убедиться во всем лично. Ведь если одна из отвергнутых жен вздумала навредить Катаре, то... он даже не представлял, что с ней сделает...

Лаар повязал на лицо маску, пропитанную едкой уксусной кислотой, но даже сквозь нее ощущал тошнотворный запах болезни. У него кружилась голова, все плыло перед глазами, не давая сосредоточиться. Раан-хару стоило немалых усилий не выдать своего состояния и задать один-единственный вопрос каждой из десяти оставленных жен.

Несмотря на всю внешнюю грубость и отстраненность, он помнил каждую. Знал их по именам, помнил их запах еще до того, как тела поразила болезнь, мог узнать по голосу и по движениям, накрепко въевшимся в память.

Воспоминания, тяжелые и муторные, накатывали волнами. Сотни, тысячи мгновений, которые он был не в силах забыть. Сейчас они обрушились лавиной и доставляли не меньшие муки, чем окружавший раан-хара запах.

А то, как они смотрели на него, пробуждало внутри болезненное чувство вины. Такое сильное, что Лаар ненавидел себя. За то, что сделал с ними, за свою беспомощность, за сам факт своего существования.

А стоило лишь подумать, что Катары однажды будет смотреть на него так же, как нутро рвало на части. Переворачивало мир с ног на голову, сместив все привычные роли и шаблоны. Всколыхнув совершенно новые, неведомые раньше чувства и эмоции.

Раан-хару это не нравилось. И он в десятый раз жалел, что вообще вздумал прийти сюда.

И что самое паршивое — Лаар так и не получил ответа на свой вопрос. Ни одна из женщин не созналась в своей причастности, а искреннее недоумение на их лицах не оставляло сомнений — они и слыхом не слыхивали про свойство цветов мако.

Из женской части Лаар уходил шатаясь. И порадовался, что рядом нет никого, кроме его старого поверенного Азира, что служил еще при отце. Лаар не любил выглядеть беспомощным, особенно перед теми, кто должен

был ему подчиняться.

Стоило выйти в дворцовую часть сада, как Лаара вывернуло.

Проклятье! А ведь он нарочно ничего не ел перед своим визитом к женам! И все равно не удалось усмирить разбушевавшийся желудок.

Лаар отшвырнул маску, обмыл лицо в ближайшем садовом фонтанчике, сложенном из полых бамбуковых стеблей, по которым, словно по желобам, струилась вода.

Раан-хар вдоволь напился, смывая неприятное послевкусие, закинул голову, глубоко дыша, радуясь свежему воздуху, наполненному привычными ароматами зелени и цветущих деревьев.

Жаль только, долго радоваться не получилось. Тяжкие думы никуда не делись, а после разговора с женами сомнений стало еще больше, чем прежде.

Демон, а ведь он чуть было не отправил к ним Катару! В это жуткое место, где не мог дышать. Туда, где царили болезнь, уныние и ненависть. Что бы с ней там стало?

По спине пробежал ледяной холод.

Больше всего на свете Лаар хотел быть с ней рядом, хотел защитить от врагов, от Цветка, от всего мира! Но понимал, что в первую очередь должен защитить Катару от себя самого.

И, как ни странно, это было труднее всего. Ведь она была так близко. Такая красивая, такая нежная, желанная. Недоступная...

Лаар запретил себе касаться ее. Запретил даже думать о близости!

Казалось, коснись он ее хоть раз — и все его самые страшные кошмары сбудутся.

Ведь никогда не знаешь, когда наступит тот самый переломный момент, точка невозврата, шаг за которую будет стоять кому-то жизни...

Но как же мучительно тяжело находиться рядом и не давать себе воли! Сдерживаться, когда она сама льнет к нему, целует, смотрит в глаза, ожидая ответного движения. Того самого, запретного, что обязательно все разрушит.

И все, что оставалось Лаару, — принять решение. Единственно возможное и верное. Спасительное для нее — и мучительно трудное для него.

ГЛАВА 18

Еще с утра я почувяла неладное.

Погода стояла пригожая, солнечная и не слишком жаркая, под окнами щебетали певчие птицы, но сердце отчего-то было не на месте. Слово в воздухе разлили что-то горькое, терпкое и тяжелое, отчего было трудно дышать.

Лаара я не видела со вчерашнего дня. Мы вместе пообедали, а потом он просто исчез. И не пришел даже ночью, оставив меня спать в одиночестве.

А сегодня я проснулась с этим чувством. Муторным и давящим.

Выглянув в окно, обнаружила, что во дворе царит странная суэта. Туда-сюда носились слуги. Со стороны конюшен долетали конское ржание и громкие возгласы.

А потом в покои явились служанки и принялись собирать мои вещи. И, как всегда, без единого предупреждения или объяснения!

Да еще Хальди, как назло, куда-то исчезла. Ушла за завтраком, да так и не вернулась.

— Что вы делаете? — спросила у старшей служанки, с надменным видом раздающей указания остальным девушкам.

— Раан-хар распорядился собрать ваши вещи, — коротко сообщила та.

— Я что, переезжаю в старые покои? — Внутри все похолодело. Сердце загрохотало у самого горла, и предчувствие беды усилилось многократно.

— Мне то неведомо. Вам лучше узнать у хозяина.

У хозяина? Что ж, я узнаю!

Лаара я нашла быстро — меня отвел к нему один из стражей, охраняющих хозяйские покои. Раан-хар стоял на тенистом балконе, том самом, где мы с ним обычно обедали, и, оперевшись на резные перила, наблюдал за приготовлениями во дворе. Обернулся, почувяв мое присутствие. На лице его не было ни капли удивления, и я поняла — он ждал моего прихода.

— Лаар, что происходит? — Волнение захлестнуло с головой, и я не смогла устоять на месте, метнулась к нему, жадно всматриваясь в лицо — спокойное и отрешенное.

Вот только я-то знала, что это лишь маска...

Лаар протянул руки, перехватывая мои ладони. Сжал бережно. Даже

улыбнулся слегка.

— Я подумал, что тебе лучше перебраться в мою летнюю резиденцию. В Гарраде нынче очень жарко и душно. А к середине лета станет и вовсе невыносимо. Ты наверняка не привыкла к подобному климату.

Да, конечно, не привыкла. В Туэнге никогда не бывает такой жары. Но единственная ли это причина переезда?

— А ты? Ты поедешь со мной? — спросила с замиранием сердца, хотя и так знала, что он ответит.

Лаар отвел глаза. Выпустил мои ладони и заложил руки за спину.

— К сожалению, у меня слишком много дел в столице, — отчеканил заученно и вновь повернулся к перилам. Принялся отстраненно рассматривать двор. — Ты поедешь одна.

— А что потом? Ты приедешь, когда... — я сглотнула, пытаюсь унять дрожь в голосе, — когда разберешься с делами?

Лаар молчал. Так и стоял вполоборота, и я чувствовала, что внутри его идет тяжелая борьба. А когда он повернулся ко мне, в глазах не осталось ничего от бывшего спокойствия и отрешенности. На дне серой радужки плескались лишь бескрайние тоска и горечь. Обреченность. Боль, которую не сможет унять ни одно из известных снадобий.

— Я постараюсь... — хрипло выдавил он и спустя миг добил окончательно: — Я постараюсь не приехать.

* * *

Лаар

Сириш вновь явился без приглашения. Да что там без приглашения — он почти ворвался в покои раан-хара, заставив того сжать зубы от подступившей к горлу злости.

— Тебя не учили стучаться?! — бросил Лаар, недовольно дернув щекой.

— Что ты творишь? — вопросом на вопрос ответил Ведающий. Взгляд его пылал праведным гневом, и, пожалуй, раан-хар давно не видел наставника в столь взбудораженном состоянии.

— О чем ты? — Лаар сделал вид, что не понимает, о чем речь. Знал, что старец так просто не отвяжется, но отчего-то хотелось позлить его. Может, потому, что самому сейчас было до противного паршиво.

— Зачем отсылаешь Катару?

— В Гарраде слишком жарко.

— Меня тоже будешь развлекать этими байками?! — Ведающий не на шутку разошелся, аж раскраснелся от напряжения, а браслеты на морщинистых запястьях непрерывно звенели, раздражая слух раан-хара. — Думаешь, я не понимаю, что это насовсем? Что ты решил отказаться от нее!

— Какой ты догадливый! — сплюнул Лаар, отбросив в сторону бумаги, что до этого изучал. — Зачем же тогда пришел, если и сам все знаешь?

— Пришел убедить тебя не делать глупостей!

— Тогда ты зря пришел. Я уже все решил и решения не поменяю.

Лаар отвернулся, показывая, что разговор окончен.

— Ты не понимаешь, что творишь! Ты же загубишь все! Пустишь насмарку все наши старания! Катара должна быть рядом, и тогда...

— Не указывай мне, как поступать! — Лаар не выдержал — гаркнул.

— А что еще мне делать, если ты ведешь себя, как последний болван?! Катара должна родить тебе ребенка, ты не можешь ее отпустить!

— А сколько уверенности в голосе! — Раан-хар язвительно усмехнулся. — Опять твое дурацкое видение? Или хваленая интуиция? А может, просто старческий маразм? Или желание выдать желаемое за действительное? Спустишься с облаков на землю, Сириш! Этого не будет. А будет то, что она заболит и отправится в дальнюю часть сада, а я подохну от мысли, что не смог спасти ее!

Ведающий вмиг растерял весь свой пыл. Замер, всматриваясь в искаженное болью лицо собеседника. А потом прошел к низкой кушетке и устало опустился на мягкое сиденье. Сгорбился, разом став ниже ростом.

— Хм... так значит, жизнь этой девочки для тебя стала важнее интересов империи?

— В задницу империю! — выплюнул раан-хар и резко опустился на край письменного стола.

Ведающий задумчиво пожевал губу, скользя внимательным взглядом по закаменевшему лицу ор Гронта.

— Признаться честно, я желал, чтобы вы сблизились, но... не ожидал, что это произойдет столь скоро. А уж что ты решишься ее отпустить... — Старец покачал головой.

— О чем ты?

— Я должен признаться тебе... Это я поставил цветы мако в покоях Катары.

Мгновение — и Лаар вскочил с места, сдернул Сириша с кушетки и

прижал к стене, сжимая руку на тонком старческом горле.

— Какого демона?!

— Я не... не думал... не хотел. — Слова с сипом пробивались сквозь сдавленное горло. — У меня было видение. Цветы мако... в ее спальне... Я подумал, что это знак.

Старец закашлялся, судорожно хватаясь за каменную ладонь, стиснувшую шею. Раан-хар отпустил, швырнул худосочное тело Ведающего обратно на кушетку.

— И как мне после этого доверять тебе? — выкрикнул в бешенстве. — Ты хоть представляешь, что я почувствовал?

— Я рад, что ты не разучился чувствовать, Лаар.

— Рад?

Ярость билась внутри, такая обжигающе хлесткая и разрушительная, что Лаар с трудом сдержался, чтобы не порвать Ведающего на части. Остановило лишь то, что Сириш был слишком стар и беспомощен по сравнению с раан-харом. Если б не это, давно бы корчился от боли и глотал кровь из переломанного носа.

— Да, как ни странно. Вот только я надеялся, что мое видение приведет к появлению наследника, а не к тому, что ты решишь отослать жену.

— Ты просчитался!

— Я просто следовал тому, что видел. Ты же знаешь, видения всегда показывают желаемое будущее.

— Или неизбежное, — заученно вымолвил Лаар — и вдруг все встало на свои места.

Быть может, видения Сириша не так уж и бесполезны. И это и вправду знак. Знак, что он должен отослать Катару, иначе случится в точности то, что он испытал от запаха цветов мако.

— Значит, не передумаешь? — в последний раз спросил старец.

— Нет.

— Мне отправляться на поиски новой жены?

— Делай что хочешь...

* * *

Мне надлежало отбыть на рассвете следующего дня. Все вещи уже были собраны. У ворот ожидала загодя груженная кибитка. А я сидела посреди огромной пустой постели в своих старых покоях, ненавидимых

всей душой.

Лаар не пожелал провести со мной даже эту последнюю ночь. Отправил восвояси, отговорившись тем, что мне следует хорошенько выспаться перед дальней дорогой.

Можно подумать, в одиночестве у меня это выйдет лучше, чем с ним!

И в голову лезли всякие глупые мысли. Совершенно бредовые и беспочвенные. Почему-то представлялось, что он сейчас с другой. Целует и ласкает, как прежде ласкал меня. Или, напротив, берет грубо и по-хозяйски, лишь бы сбросить накопившееся напряжение.

Лаар не прикасался ко мне все эти дни, и я не представляла, как он может обходиться без близости так долго. Особенно учитывая тот факт, что мы спали в одной постели. Может, поэтому он и загонял себя, выматывал, чтобы не оставалось сил и желания ни на что другое?

Я же так успела привыкнуть к его порывистому нраву, что сходила с ума от неудовлетворенного желания. Тело изнывало без его прикосновений. А сердце ныло от тоски.

И, боги, я не хотела так! Не хотела уезжать! Не хотела оставаться одна. Ни этой ночью, ни вообще!

В конце концов, у меня тоже есть свои мысли и желания! Когда он уже это поймет?!

Горько усмехнулась собственным мыслям. Судя потому, что я завтра уеду, — никогда.

Порывисто поднялась с постели, накинула на плечи шелковый халат.

— Куда вы, рани? — Хальди, расчесывающая перед сном мои волосы, тут же подорвалась с места.

— К мужу. Ложись спать — не жди моего возвращения.

И, не дожидаясь ответа, вышла из комнаты. Прошла знакомыми коридорами прямо до хозяйских покоев.

Стоящие на дверях стражи без колебаний распахнули передо мной массивные створки.

Я с трудом сдержала истеричный смешок.

Забавно. Сначала меня не впускали в покои мужа, потом не выпускали, а теперь, когда уже все кончено, открывают по первому требованию...

Впрочем, возможно, еще удастся что-то изменить. Иначе бы я не была здесь.

И все же рука, потянувшаяся к двери спальни, дрогнула. Но лишь на мгновение — я тотчас откинула ненужные страхи.

Это мой последний шанс. Да и хуже все равно уже не будет.

Лаара застала дремлющим на кровати. Он даже не разделся, так и

лежал в одежде поверх расшитого покрывала. Я тихонько скользнула внутрь, притворила створку и прошла к постели. Аккуратно присела на самый край. А потом и вовсе забралась с ногами, откинув никому не нужную скромность. Погладила мужа по шершавой щеке. Лаар сонно завозился, и, не дожидаясь, пока он откроет глаза, я прижалась к его губам.

Тут же почувствовала жесткие пальцы, вцепившиеся в плечи. Лаар отодрал меня рывком.

— Катара? Ты что здесь делаешь? — Глаза изумленные и пока еще сонные, но уже стремительно темнеющие. И взгляд скользит по лицу, трогает губы, обрисовывает скулы и шею, задерживается на выемке между ключицами.

— Не могу уснуть без тебя, — соврала, не задумываясь, и вновь потянулась к его губам.

На сей раз так просто разорвать поцелуй у Лаара не вышло. И он ответил, всем телом подавшись ко мне.

Вот мрак, а я ведь боялась, что разонравилась ему. Да и он, кажется, всеми силами пытался меня в этом уверить. Вот только губы его говорили об обратном.

— Ты не должна быть здесь. — Раан-хар все-таки разорвал поцелуй. Голос его был хриплым, а дыхание прерывистым: кажется, мой поцелуй не оставил мужа равнодушным.

— Но я уже здесь.

И, окончательно осмелев, я перекинула ногу через его бедра. Уселась сверху, оперевшись ладонями на широкую мужскую грудь.

— Что ты творишь? — Лаар вцепился в мои бедра. Вот только не понять, хотел ли помешать или, напротив, притянуть ближе?

Но я чувствовала его жар, желание, бившееся в каждой клеточке напряженного тела, твердого, словно камень, горячего, как раскаленное железо.

— Катара, прошу тебя... не надо...

— Почему? — Я и правда не понимала и потому продолжила целовать. Знала же, что он тоже хочет. Мощное тело подо мной было словно в огне. Горячее, твердое, напряженное. И мужской орган отчетливо упирался мне в ногу.

Так чего же он протестует?

— Не хочу опять травить тебя. Пожалуйста, не вынуждай...

Слова мужа заставили отстраниться.

Чего-то подобного я, наверное, и ожидала. Или, может, надеялась? Мечтала? Верила, что он не трогает меня, потому что боится заразить. Я

ведь помню выражение его лица тогда, когда мы оба думали, что все уже кончено.

Да и сейчас, заглянув в серые глаза, увидела в них застывшие муку и мольбу.

Вот только не понять, о чем он молит: чтобы я остановилась и ушла или чтобы продолжила?

Не отрывая взгляда от лица Лаара, скользнула по его напряженному органу. Всего одно крохотное движение, да еще через одежду, — но Лаар откинул голову и застонал сквозь стиснутые зубы.

— Катара, пожалуйста...

Но я уже все решила. В конце концов, могу я хоть раз в жизни решить что-то сама?

Еще одно движение. И Лаар уже рычит, сдерживаясь из последних сил. А я, кажется, начинаю входить во вкус.

— Перестань... — стонет муж, а потом вдруг резко подрывается, хватая меня за бедра и в один мах переворачивает на спину. Упирает ладони в мои плечи, стараясь держаться как можно дальше.

— Что ж ты творишь?

Ну и что ему на это ответить? Что не хочу уезжать? Что не представляю жизни без него?

Он и так все это знает. Знает, но все равно отсылает.

Так к чему тогда слова? Да и, насколько я успела узнать Лаара, для него всегда были важнее поступки. А потому вместо ответа я лишь прогнулась в пояснице, прижимая свои бедра к бедрам нависшего надо мной мужчины.

Вполне красноречиво, чтобы он не задавал больше вопросов.

— Ненормальная! — коротко выдохнул Лаар и в тот же миг впился в мои губы. А руки его уже шарили по телу, впопыхах срывая одежду.

Ох, знал бы он, как сильно я хочу от нее избавиться! Чтобы не осталось ни единой преграды. Лишь он и я. Тело к телу, кожа к коже. Так близко, чтобы не понять, где начинается он и кончаюсь я.

— Ты сама напросилась, — еще одна оброненная фраза — и его горячие губы, скользящие по шее. Жадные, ненасытные. И все движения прерывистые, быстрые. Еще не грубые, но уже на самой грани срыва, и он держит себя из последних сил, чтобы оставаться хоть чуточку нежным.

И это самое ценное, потому что в такие моменты понимаешь, что кроме безудержной похоти и вожделения есть что-то еще. Глубокое и искреннее. Настоящее. Ответное чувство, что заставляло его сдерживаться все эти дни. Причина, по которой он отсылает меня за тридевять земель.

И я улыбаюсь. Не могу не улыбаться мужчине, который пробуждает во мне такие чувства, который целует так страстно, вкладывая в поцелуй всего себя, без остатка. Заставляет сгорать от желания, подаваться навстречу его чувственным губам и рукам, изнывать от предвкушения нашей близости, ощущая на себе его горячее обнаженное тело.

Я почувствовала, как его напряженный орган ткнулся в мое лоно и тут же замер, дрожа от нетерпения.

Лаар посмотрел в глаза, моляще и вместе с тем укоризненно. Давал последний шанс передумать.

Но я уже давно все решила и потому лишь притянула его ближе, обхватила ногами узкие мужские бедра, соединяя наши тела.

Низкий гортанный стон, вырвавшийся из мужского горла, острым ножом разрезал пространство. И я содрогнулась от одного только этого звука, прошившего насквозь, от одного мощного движения, накрепко соединившего нас.

Казалось, сам воздух вокруг нас вибрирует, дрожит от накала, искрится разрядами белых молний, требуя немедленного продолжения.

Миг — и Лаар перекатился на кровати, вновь усадил меня сверху, жадно скользя глазами по неприкрытому телу, с силой сжимая ладони на бедрах.

— Ты же хотела свободы, — выдохнул резко и наперекор своим же словам надавил на ягодицы, направляя мои движения. Поначалу робкие и неумелые, но совсем скоро ставшие такими же быстрыми и резкими. Ненасытными.

А ведь никогда раньше Лаар не позволял мне вести. Всегда и во всем оставался главным.

Но сейчас было иначе. Сейчас вообще все было иначе. Так, будто это в последний раз. Да это и было в последний раз! И мы спешили сказать друг другу все, что не успели. Все, что накопилось в душе и лежало тяжким грузом, не давая вздохнуть полной грудью.

Вот только разговаривали мы отнюдь не словами. Взглядами, прикосновениями, движениями.

Вверх, вниз. Вдох, выдох. Протяжный стон. Хриплый шепот. Бешеный стук сердца. И я чувствую, как он приподнимает свои бедра, желая быть как можно ближе, войти глубже. И наши тела сливаются, двигаются навстречу друг другу в этом завораживающем, древнем, как сама жизнь, танце.

Быстрее, резче, жестче. До сведенных судорогой мышц и охрипшего горла. До разноцветных кругов перед глазами и сладкого, пьяного

головокружения.

И когда Лаар подошел уже к самой грани, он попробовал оттолкнуть. Подсунул ладони под ягодицы, снимая с себя. Вот только сопротивления он явно не ожидал. И я не позволила ему выйти. Вцепилась в мужские руки и опустила как можно ниже, не давая ни единого шанса разорвать прикосновение.

— Катара... Ну зачем? — простонал он и содрогнулся всем телом, изливаясь внутри меня.

Я почувствовала, как между ног стало мокро и липко, и только теперь позволила себе расслабиться. Устало откинулась на его грудь, чувствуя, как дрожит от усталости тело.

— Я так захотела.

— Упрямая! — зло бросил Лаар, а сам уже гладил по голове, зарываясь пальцами в волосы, прижимаясь губами к макушке.

И было так хорошо, так надежно в его руках. И я совершенно не могла себе представить, каково это — лишиться всего этого.

— Я не хочу уезжать, — произнесла, когда дыхание немного успокоилось.

— Я тоже этого не хочу.

— Тогда зачем отсылаешь? Позволь остаться... — Я вскинула голову, оперевшись обеими ладонями в грудь Лаара. Жадно всматриваясь в родное лицо.

— Катара, как ты не понимаешь... — Он мягко провел ладонью по скуле. — Я ведь погублю тебя...

— Ты не можешь быть уверен!

— Я не могу рисковать. Не хочу рисковать тобой. И, в конце концов, — Лаар невесело усмехнулся, — ты сама хотела, чтобы я отпустил.

О боги! Да, я хотела. Но это было так давно! Словно в прошлой жизни. Сейчас же больше всего на свете я хотела быть рядом с ним.

* * *

Лаар не вышел меня провожать, но я чувствовала его взгляд, направленный в спину. Тяжелый, тоскливый, и кто бы знал, как мне хотелось обернуться, скользнуть глазами по окнам дворца, увидеть в одном из них родное лицо. Но я не повернулась — понимала, что если увижу его, вовсе не смогу уехать.

А потому не глядя села в кибитку, плотно задернула полог,

отгораживаясь от преследующего взгляда, от дворца, который только-только начала считать своим домом. Словно перелистнула страницу, начиная жизнь с нового листа.

Получится ли? Не знаю...

Вернусь ли я когда-нибудь в эти стены? Вряд ли...

Разве что из вчерашней ночи что-то выйдет...

Но каковы шансы? Мизерные, и лучше не тешить себя напрасными надеждами, а научиться жить заново — другого мне не остается.

Рядом со мной в кибитке расположилась Хальди. В отличие от меня, девушка выглядела радостной и какой-то взбудораженной. Видимо, не подозревала, что резиденцию раан-хара мы покидаем навсегда. А я и не стала ей говорить — решила не расстраивать раньше времени. Она выглядела такой счастливой, что у меня язык не повернулся сказать правду.

— Трогай! — разнесся громогласный клич, и повозка медленно покатила по плитам мостовой.

Я откинулась на мягкую перину, специально подготовленную для долгого пути, и только спустя несколько секунд сообразила, что этот голос, раздающий указания, мне знаком.

Подорвалась с места и отодвинула полог, высунула голову, всматриваясь в ряды сопровождающих нас стражей. Впереди всех на черном красногривом рысаке восседал не кто иной, как кшатрий.

— Халид едет с нами? — воскликнула удивленно и покосилась на раздумывающуюся от смущения Хальди. Не в этом ли причина ее хорошего настроения?

— Да, раан-хар дал позволение на наш брак! Уже и дату назначили. Ровно через два месяца! — Хальди выпалила все это на одном дыхании, так, словно все утро только и ждала моего вопроса. Жаждала поделиться.

Ох, какая же я невнимательная! За своими переживаниями совсем ничего не замечаю.

И выходит... Лаар все-таки уступил. Послушался.

Я улыбнулась помощнице и сжала ее ладони.

— Я очень за вас рада! — ответила искренне, надеясь, что хотя бы у одной из нас все сложится хорошо.

ГЛАВА 19

Лаар

Месяц пролетел как в тумане. Выезды, переговоры, тренировки, кропотливая работа в кабинете. Короткий сон, когда уже совсем нет сил стоять на ногах.

Раан-хар как мог загружал себя работой. Чтобы не думать, не вспоминать, не рвануть ненароком туда, куда так стремилась душа.

Император сдержал слово, и теперь все Природники стекались в резиденцию раан-хара. Большинство из них, конечно, проживали в столице или ее окрестностях, но были и такие, что прибывали из самых отдаленных уголков империи.

Лаар разговаривал с каждым лично. Проверял уровень Дара и готовность сотрудничать. И не сказать, чтобы всем Природникам были по душе грядущие перемены. Почти все они прислуживали в домах богатых вельмож или держали свое дело, умело торгуя талантом. Теперь же, отданные под власть раан-хара, одаренные были в растерянности. Кто-то негодовал, кто-то откровенно злился, выдернутый из привычной размеренной жизни.

У Лаара же пухла голова от количества людей, имен, областей, в которые он намеревался распределить одаренных. И ведь каждого предстояло устроить на новом месте, отдать под покровительство одного из землевладельцев. Да так, чтобы те не сбежали подальше от «хорошей» жизни. Они нужны были ему на местах, подготовленные, обученные, готовые в любой момент отреагировать на угрозу.

Благо среди общей толпы нашлись и те, кто с энтузиазмом воспринял идею раан-хара. Такие Природники нужны были Лаару особенно.

— Керем, я хочу поручить тебе кое-что.

Раан-хар и несколько самых опытных стражей в который раз собрались в кабинете хозяина. Как ни крути, а справиться с навалившимися делами в одиночку у Лаара не было ни единого шанса.

— Да, мой раан-хар. — Керем мгновенно сосредоточился.

— Я отобрал порядка тридцати Природников для личных нужд. Хочу, чтобы ты проверил их.

— В каком смысле?

— Устрой какое-нибудь испытание. На выдержку, выносливость.

Нужно выбрать десяток одаренных для нашего отряда.

— Природники? В отряде стражей? — Керем изумленно вскинул кустистые брови, остальные поддержали удивленными возгласами. — Да они даже на рысках не усидят, не говоря уже об остальном!

— Вот потому-то и нужно устроить проверку. А потом и обучить. Займись этим. Пусть Геллар тебе поможет.

Усатый Геллар одобрительно хмыкнул: кажется, ему идея раан-хара пришла по вкусу.

— Самую лучшую закалку они пройдут в деле. Вот если бы где-то проснулся Цветок...

— Уж за этим не постоит, — устало кинул раан-хар и жестом распустил стражей.

Цветок и правда давно не просыпался. Уже целый месяц. И это в самый разгар лета!

Стоит ли говорить, что Лаар со дня на день ждал прилета рииша. И в какой-то мере желал этого. Привычный поход, тяжелый и дальний, лучше всего отвлек бы от тяжких мыслей. Помог бы забыть. А может, напротив, всколыхнул ненужные воспоминания.

И, словно откликаясь на мысли раан-хара, он почувствовал, как начала зудеть кожа над ключицей. Сначала совсем незаметно, потом все ощутимее.

Лаар распахнул окно, вдыхая пряный вечерний воздух, и сразу заметил стремительно приближающийся огонек. Рииш поймал одним отточенным до уровня рефлекс движения. Вскрыл, вытаскивая спрятанное внутри шара послание.

И замер, охваченный ужасом.

Потому что рииш прилетел не откуда-нибудь, а прямиком из его собственной летней резиденции.

* * *

Летняя резиденция раан-хара пришла мне по душе. И понравилась, пожалуй, даже больше, чем столичный дворец Лаара. Все здесь было как-то... проще, уютнее, без изысков и лишней вычурности. Светлые и просторные комнаты, сад, больше походивший на дикий, но отнюдь не запущенный. И как и обещал Лаар, здесь и правда было свежее, чем в столице. Со стороны быстрой горной речки тянуло прохладой и запахом хвои, неумолимо напоминавшем о родном крае.

Воспоминания о Туэнге прорезались тихой скорбью и светлой

радостью. А раньше, помнится, я боялась лишней раз вспоминать об оставленном доме. Слишком это было болезненно. Сейчас же чувства притупились или, может, были попросту вытеснены другими, куда более острыми и ранящими. И теперь я предпочитала вспоминать о Туэнге, спасаясь от образов, что никак не хотели идти из головы.

Интересно, как там отец? Засеяли ли весной обширные поля и будет ли богатым урожай? Как прошла ежегодная рыбная ярмарка? Все ли хорошо? Все ли по-прежнему?

И быть может, стоило просить Лаара разрешения вернуться в родной край? Это, конечно, противоречит всем правилам и обычаям, но... вдруг бы он согласился. Рядом с отцом и близкими людьми мне бы было не так одиноко. А здесь и поговорить не с кем...

Разве что с местным котом по кличке Вазу. Он привязался ко мне еще с первого дня в новом доме. Черный, с белым пятном посреди лба и белым же кончиком хвоста, торчащим из высокой травы. Игривый и ласковый, он порой так разыгрывался, что оставлял затяжки от когтей на дорогой ткани сарей или шаровар, а то и вовсе портил обивку кресел и срывал занавеси на окнах. Служанки шикали на него и били половыми тряпками по морде. А мне было весело и хотелось смеяться от души. Должен же хоть кто-то нарушать всеобщий покой! И, признаться честно, у местного котяры отлично получалось прогнать скуку. Оттого и прощались ему все шалости и дурачества. Я же, тайком ото всех, еще и подкармливала Вазу любимым лакомством — печеночным паштетом, который тот слизывал прямо с ложки. А потом довольно мурлыкал, устроившись у меня на коленях, а я рассказывала ему всякие истории, надеясь, что никто ненароком не подслушает и не сочтет меня сумасшедшей.

Хальди сейчас всю готовилась к предстоящей свадьбе. Я немного помогала, но лишь немного. Никто не смел нагружать госпожу работой, пусть даже эта работа была мне совершенно не в тягость. А вскоре мою помощницу и вовсе заменила одна из местных девушек, милая и приятная, послушная, но, как и все слуги, слишком скованная и неразговорчивая. И мне оставалось лишь наблюдать за чужим счастьем и тихо мечтать о гармонии в собственной истерзанной душе.

Чтобы хоть чем-то занять себя, я решила немного переобустроить сад. Запланировала небольшую уютную лужайку с фонтанчиком и резными скамейками, где бы можно было почитать в тени раскидистых вишневых деревьев.

Здесь, в отличие от покинутого дворца, мои просьбы выполнялись без единого возражения и задержки. И на следующий же день дворовые слуги

принялись расчищать выбранный участок сада. Я же, как и положено хозяйке, строго руководила всеми работами, раздавала указания и даже смела спорить с прибывшим из ближайшего городка архитектором.

И еще тогда, в самом начале строительства, я заметила в саду, среди густых зарослей акации, несколько побегов плотно скрученного папоротника. Еще подумала, что слишком уж он нелепо смотрится среди плодовых деревьев и цветов, но должного значения этому обстоятельству не придала.

А потом, спустя пару дней, кто-то из слуг заметил такие же побеги, проросшие в свежевскопанной земле. И еще несколько рядом с уютной беседкой, увитой плющом. Все это было более чем странно, а когда я поняла, что растение, принятое мной за папоротник, разрастается слишком уж быстро, я всерьез забеспокоилась.

Не может же это быть...

Понимание прошло молнией. На коже выступил липкий пот, а сердце загрохотало словно сумасшедшее, вот-вот норовя выскочить из груди.

— Господин Рих!

Управляющий помещьем вздрогнул и обернулся на мой голос. Лицо его было бледным, а пальцы нервно сжимали край шервани. Кажется, он тоже догадался.

— Велите слугам прекратить работу. Пускай приготовят смолу и факелы!

— Вы думаете... — Пожилой мужчина через силу сглотнул, но все же озвучил общую мысль: — Что это Цветок Смерти?

Я кивнула. И подумала, как же не вовремя уехал Халид, он бы точно смог распознать опасное растение. Но, увы, кшатрия сейчас с нами не было, он отбыл несколько дней назад уладить кое-какие вопросы, связанные с предстоящим торжеством. Вернуться должен был со дня на день, но отчего-то запаздывал.

И надо же было росткам появиться именно сейчас!

— Надо сжечь побеги, тогда и узнаем. Если завтра они вновь прорастут, — я вдохнула глубже, наполняя грудь воздухом, — то всем нам грозит смертельная опасность!

Так и случилось. Вновь выросшие побеги были куда толще и крепче прежних и теперь уже мало походили на безобидный папоротник.

Я без раздумий вернулась в дом, взбежала вверх по лестнице, направляясь в кабинет. Там, в отдельном ящике, специально для такого случая хранилась пара загодя приготовленных риишей.

Взяла в руки металлический шар, вспоминая, чему учил Лаар: надавить на пластину большим пальцем и выбросить в окно. Шар зажужжал, раскрывая в воздухе тонкие пластины-крылья, и, зависнув на мгновение, с бешеной скоростью понесся прочь.

Ну вот и все... Теперь остается надеяться, что раан-хар прибудет достаточно быстро, чтобы беда обошла нас всех стороной.

Нервно усмехнулась. А потом еще, не в силах сдержать начинающуюся истерику.

Вот ведь издевка судьбы! Я столько времени думала о муже, представляла нашу с ним встречу, мечтала о ней, вот только не думала, что повод будет столь паршивым...

— Рани... — взволнованный управляющий окликнул с порога. Видимо, мой нервный смех не на шутку его обеспокоил. — Все в порядке? Вы отослали рииш?

— Да, отослала.

Я глубоко вдохнула и выпрямилась. Не время для истерик. Надо собраться с мыслями и силами. В конце концов, до приезда Лаара еще надо дожить.

— Слуги уже выжигают новые побеги, но от этого мало толку. Вам опасно оставаться в резиденции.

— Я знаю... Велите собрать вещи. И отправьте вестников в ближайшие села и города. Нам нужно найти убежище, завтра поутру мы покинем поместье.

Собирались второпях. С собой взяли лишь самое необходимое — и к утру три повозки, доверху наполненные тюками с вещами, стояли у ворот, готовые к отбытию.

Я окинула прощальным взглядом поместье. В душе плескались боль и горечь утраты — хоть и пожила тут совсем немного, но этот дом мне нравился, и если бы было возможно, я бы ни за что не отдала его Цветку. Но, увы, выбора у нас не было.

Управляющий и еще несколько мужчин стояли чуть в стороне и что-то обсуждали. В отличие от остальной прислуги, торопливо собирающей последние вещи, они, похоже, никуда не спешили.

— Моя рани, — ко мне подошел господин Рих, — мы решили остаться в поместье. Постараемся сдержать Цветок до приезда раан-хара.

Я кивнула. У меня и самой промелькнула подобная мысль, но не могла же я просить служащих остаться, невзирая на опасность.

— С вами поедут Миртай и Гред, — управляющий указал на двух

крупных мужчин, служивших в резиденции охранниками. — Они проводят до ближайшего города и помогут найти жилище.

На том и порешили. Местные расселись по повозкам, оседлали имеющихся в поместье лошадей. Хальди и моя новая помощница заняли места в кибитке, я же напоследок постаралась припомнить, ничего ли не упустила — и вдруг спохватилась.

Во всей этой суматохе я совсем забыла про Вазу! Кажется, я не видела своего любимца еще со вчерашнего дня.

— Мы забыли кота! — выпалила испуганно и ринулась обратно в дом, клича пушистого зверя. Несколько слуг принялись помогать. Но в комнатах кота не оказалось.

Припомнив, что питомец частенько прятался под беседкой, выбежала в сад. И вдруг увидела белый кончик хвоста, мелькнувший в траве.

Вот же непослушный! Надо как можно скорее уезжать, а этот засранец вздумал поиграть! Впрочем, возможно, это была вовсе не игра. Ведь кот запросто мог напугаться всего этого шума, топота копыт и чадящего кострища, в котором поджигали факелы.

Не раздумывая, побежала туда, где мелькнул знакомый хвост.

— Рани, куда вы? — донесся в спину крик Хальди, но я не остановилась, боясь упустить из виду Вазу.

Обогнула угол дома, пробежала меж двух тонких изогнутых вишен, достающих ветками до самых окон, и резко затормозила, чуть не полетев носом в колючие кусты. Вот только напугали меня отнюдь не кусты, а то, что было за ними — крупный, больше человеческой головы бутон, набухший, с темно-красными прожилками, и такой же каймой по краям вскрывающихся пыльников.

Словно сон, проникший в явь.

Семенная коробка открылась раньше, чем я успела зажать рот. В нос ударил едкий острый запах, глаза защипало от дыма. Я судорожно закашлялась, чувствуя, как горят огнем легкие, как сводит невыносимой судорогой живот. И где-то там, краем сознания, понимая, что это чувство, этот запах мне знакомы. Что все это со мной не в первый раз.

Желудок сдавило железными тисками, и меня вывернуло прямо под стену дома. Теперь вместо горечи во рту разлилась кислота, но живот отпустило, и я смогла сделать шаг, цепляясь руками за шершавую кладку.

— Рани! — сквозь шум в ушах услышала голос Хальди, а через мгновение увидела и ее саму.

— Стой! — крикнула изо всех сил и выставила вперед раскрытую ладонь, пытаясь остановить девушку. Но она бежала ко мне, не замечая

ничего на своем пути.

А потом словно на невидимую стену наткнулась. Я видела, как Хальди вдохнула висящие в воздухе ядовитые пары, как закашлялась, жадно ловя ртом воздух, а через мгновение и вовсе рухнула на землю без чувств.

* * *

Лаар

Раан-хар загнал лошадь — впервые за все время существования породы красногривых рысаков. Конь упал на землю, хрипя и перебирая ногами. Сам же Лаар ринулся к воротам, распахнутым настежь, вбежал во двор — и не узнал собственной летней резиденции. На месте зеленого дикого сада — пепелище, разрытая земля и обугленный остов беседки. Вытоптанные цветники и грязные дорожки. Черная от копоти и сажи стена особняка.

Лаар метнулся к дверям. Ступени крыльца облюбовал полоз, пока еще не такой подвижный и разумный, но уже осознанно стремящийся ко входу в жилище. Лаар одним ударом перерубил ползущие стебли, ворвался внутрь и наткнулся на пустоту и звенящую тишину, висевшую в прогорклом воздухе. По углам валялись брошенные вещи — жилище явно покидали в спешке. Раан-хар взбежал вверх по ступеням, быстро осмотрел второй этаж, убеждаясь, что в доме не осталось людей. Комнату Катары узнал сразу — по легкому аромату, оставшемуся на вещах. Ее аромату.

Лаар выдохнул. Значит, ушли. Слава богам, догадались.

Но на душе все равно было беспокойно, словно кошки скребли, заставляя спешить, нестись сломя голову вслед за оставившими поместье людьми.

Что-то мягкое ткнулось в щиколотку. Раан-хар глянул вниз и увидел черного кота, ластящегося к ноге. Судя по тому, как вольготно зверь чувствовал себя в доме, он тут был местным любимчиком.

— Здесь нельзя оставаться. — Лаар подхватил кота на руки и зажал под мышкой. — Надо идти.

Ближайшее поселение находилось как раз за перевалом. Ор Гронта глянул на тянущиеся с севера на юг горные вершины и сплюнул. Расстояние не слишком далекое — в том случае, если бы у него была лошадь! Конь все еще дышал, но, судя по закатившимся глазам, оставалось ему немного.

Лаар, не раздумывая, отстегнул седельную сумку, пихнул туда недовольно мявкнувшего кота и перебросил через плечо. Кинул последний быстрый взгляд на поместье, пожираемое ядовитыми побегами. Его стражи наверняка поехали следом, а значит, скоро придут сюда. Удержат на какое-то время Цветок. В конце концов, до поселения недалеко. Он лишь убедится, что с Катарой все хорошо, и вернется.

Лаар поправил сумку и быстрым шагом направился к горной тропе.

На присыпанной мелким щебнем и пылью поверхности четко отпечатались следы тележных колес и десятка ног, что шли следом за повозками, и Лаар лишь убедился в правильности выбранного направления. А спустя каких-то полчаса на горизонте показались несколько всадников, мчащихся в сторону резиденции. Еще на подъезде Лаар узнал среди седоков своего управляющего и нескольких мужчин из охраны.

Рих спрыгнул с седла. Коротко поклонился.

— Мой раан-хар, как хорошо, что вы прибыли. В поместье пророс Цветок Смерти.

— Я был там. Где моя жена?

— В деревне, как раз за перевалом. Она... — Управляющий замялся и отвел глаза, и Лаар сразу почуял неладное. Напрягся всем телом. — Она жива, но... рани вдохнула ядовитые испарения.

Внутри все оборвалось.

Все-таки не успел. Не уберег...

— Дайте коня. — Голос раан-хара прозвучал спокойно, настолько спокойно, что, казалось, принадлежит неживому.

И Рих вздрогнул, уловив всепоглощающую пустоту в глазах своего господина.

Животное подвели незамедлительно. Лаар запрыгнул в седло и, ничего не говоря, ударил коня по бокам, кажется, всерьез намереваясь загнать еще одну лошадь. И плевать ему было на то, что это больше не имеет смысла. Что спешить ему больше некуда.

Впрочем, возможно, он еще успеет увидеть ее в последний раз.

Деревня была маленькая, всего-то несколько домов. Лаар безошибочно угадал тот, в котором находилась Катара. Его вел запах. Запах его рани и запах Цветка, явно свидетельствующий о заражении ядовитыми спорами.

Он вновь попал в свой личный ад.

Несколько шагов от тропы до крыльца, казалось, протянулись сквозь огонь преисподней. Только огонь этот пылал не снаружи. Он трещал внутри, пожирая плоть и кровь, плескался перед глазами. Жалящими

языками лизал кожу. По всему телу выступил липкий пот, ноги дрожали, и раан-хару понадобилось немало усилий, чтобы пройти этот короткий и вместе с тем невозможно длинный путь.

Пройти и не сойти с ума...

Кажется, он был готов уже ко всему. И оторопел, когда широко распахнулась входная дверь и на крыльцо вышла Катара.

Черный шелк волос, бледная кожа, нежно-розовые, словно лепестки вишневого цвета, губы, влажные сине-зеленые глаза, так сильно напоминающие гладь горного озера.

Она стояла перед ним живая и, кажется, совершенно невредимая. Разве что взгляд взволнованный и на ресницах блестят слезы.

— Лаар... — выдох и шаг от порога.

И оцепенение спало. Он ринулся навстречу, в один прыжок преодолел ступени крыльца и сжал свою рани в объятиях.

— Наконец-то, — ее тихий шепот в ухо, и Лаар не сдержался. На миг отстранился, вглядываясь в зелень глаз, и припал к любимым губам. Жадно пил ее вкус, ее аромат, не тронутый вонью Цветка. Мимолетно отметил, что что-то изменилось. К ее запаху добавились новые, неизвестные прежде нотки. Сладкая карамель, чуть пережженная, с легкой горчинкой. Но именно эта горчинка сводила раан-хара с ума, добавляла остроты и пикантности.

Казалось бы, куда уж лучше. Но сколько бы он ни нюхал свою рани, каждый раз казалось, что аромат ее стал еще нежнее, еще слаще, еще притягательнее, чем прежде. И тело откликалось желанием, голова кружилась, словно хмельная.

Сидящий в заплечной сумке кот требовательно мявкнул, заставив Лаара оторваться от мягких губ. Раан-хар приоткрыл сумку, швырнул на пол, и кот выскочил наружу, с любопытством осматриваясь в новом жилище.

— Ты и его нашел? — Катара изумленно покосилась на обнюхивающего углы кошару.

— Это он меня нашел. — Лаар хмыкнул, но тут же забыл про кота. Принялся скрупулезно ощупывать тело жены. — Как ты себя чувствуешь? Рих сказал, ты вдохнула споры Цветка.

Взгляд раан-хара сделался серьезным, пристальным, казалось, он всматривается в самую душу, ища там ответы на многочисленные вопросы.

— Вдохнула... Но со мной все в порядке! Наверно, потому, что со мной уже случалось подобное.

— Что? — Лаар изумленно уставился на жену, стиснул ладони на

хрупких женских плечиках. — То есть как — случилось? Почему ты ничего не говорила?!

— Я не знаю... То есть я не помнила... Неважно! — Она вырвалась из захвата и взяла Лаара за руку. — Сейчас это не важно. Надо поспешить. Хальди нужна твоя помощь!

Катара потянула его сквозь полутемный коридор в крохотную комнатку, душную и жаркую. Сидящий на краю постели Халид резко поднялся, ладонь легла на рукоять кханды, но мужчина тут же расслабился, увидев перед собой раан-хара. Тот перевел настороженный взгляд на ложе — и сразу понял, откуда тянется запах Цветка.

Выходит, что помощница Катары тоже вдохнула ядовитые споры, только в отличие от его рани ядовитые побеги проросли в ее легких и теперь медленно и мучительно убивали. Девушка металась в постели, билась в горячке, шепча что-то бессвязное. Стоящий рядом Халид был бледнее мела и с надеждой глядел на застывшего посреди комнаты Лаара.

Катара и вовсе потянула его к постели больной.

— Ты должен помочь ей. Сделай что-нибудь...

Она глядела с такой мольбой, с такой святой уверенностью в его силах, что Лаар вновь ощутил тягостное чувство вины. Потому что как бы сильно он ни хотел, это было не в его власти.

— Я не могу помочь, Катара... Это не в моих силах. Я лишь убиваю Цветок, но вылечить... не могу.

— Но ты ведь вылечил меня! Отец рассказывал. Сказал, что я обязана тебе жизнью. Вспомни! Ты же сделал что-то!

Раан-хар тряхнул головой. Ничего подобного он не помнил. Да и как давно это было? Сколько на его пути встречалось таких вот больных, отравившихся ядовитыми испарениями или спорами... И все они погибали, кто раньше, кто позже...

Впрочем, Лаар не сильно интересовался судьбой пострадавших. Его задачей было уничтожить Цветок, все же остальное проходило стороной, надолго не задерживаясь в памяти. И теперь Лаар откровенно не знал, что делать.

Разве что...

— Я не уверен, что это поможет.

Раан-хар привычно закатал рукав, обнажая запястье. Халид подал кинжал.

— Все равно хуже уже не будет.

Лаар кивнул.

Иначе бы он и не согласился. А так — либо девушка погибнет от его

крови, либо сгорит, пожираемая Цветком.

Короткий надрез, и на смуглой коже выступило несколько крупных капель крови, образовавших ручеек. Катара приоткрыла помощнице рот, Халид зажал тело, чтобы не дергалась. Алая жидкость сорвалась вниз, стекла по бледным губам.

— Спасибо, — зачем-то поблагодарил кшатрий, и Лаар отошел.

Теперь оставалось только ждать.

* * *

— Теперь расскажи мне все, — вымолвил Лаар, стоило нам покинуть спальню Хальди.

Муж выглядел уставшим. Под глазами залегли глубокие тени, смуглая кожа побледнела. Сам он опустился на лавку у стены, откинулся назад, прислонившись затылком к темному дереву.

— Тебе плохо?

Я опустилась рядом. Непонятно зачем принялась ощупывать его. Потом вдруг вспомнила про надрез на руке и метнулась к небольшому шкафчику, выискивая, чем бы перевязать.

— Все нормально. Просто не спал почти двое суток. — Лаар усмехнулся, а вот мне стало совсем не до смеха.

Точно изведет себя! Не тем, так другим!

Под руки наконец попала подходящая тряпица, и я разорвала ее на длинные лоскуты.

— Так что с твоим отравлением? — напомнил муж. Голос его был предельно серьезен, и сам он испытующе глядел на меня. — Когда это с тобой впервые случилось? Как ты вылечилась? Почему ничего не говорила прежде?!

Я пожала плечами. И что ему рассказать, если у самой одни обрывки воспоминаний в голове?

Я села рядом и принялась аккуратно перевязывать запястье Лаара.

— Это было давно. Я была ребенком и толком ничего не помню о том случае. Знаю только, что была при смерти, а ты как-то вылечил меня. Отец поведал мне о том прямо перед отъездом.

— Ты должна была рассказать! — с нажимом произнес муж и коснулся подбородка, заставив смотреть себе в глаза.

— Я знаю... Просто ты не спрашивал раньше. Да я и сама забыла. Отец рассказал впопыхах, к тому же я была слишком взволнована отъездом

и как-то... забыла обо всем...

Я тяжело выдохнула, понимая, что, сама того не желая, вновь подвела мужа. Но могла ли я подумать, что все это так важно?

Лаар убрал руку с моего подбородка и неожиданно притянул к груди. Запустил руку в волосы, перебирая меж пальцев шелковые прядки — я совсем забыла о головном платке и теперь ходила простоволосая, словно служанка.

— Главное, что сейчас с тобой все в порядке. Возможно, не будь того отравления, на месте Хальди была бы сейчас ты.

Лаар тяжело сглотнул, а я спрятала у него на груди лукавую улыбку. Ведь знала, что дело отнюдь не в перенесенном в детстве отравлении.

И как же мне хотелось рассказать ему об этом!

Умиротворяющую тишину прервал топот копыт, долетевший с улицы. Лаар тут же подорвался с места, заставив меня разочарованно вздохнуть. Я ведь как раз собиралась... Эх... И как выбрать момент, когда все вокруг просто жаждут внимания мужа?

Вот и сейчас в дверном проеме показалась голова одного из стражей раан-хара, а за порогом ждали еще несколько человек в черных доспехах.

— Мы начали выжигать Цветок в резиденции. Но без вашего участия не обойтись, — долетели обрывки разговора, и я подошла ближе, прислушиваясь. — Или, может, прикажете Природникам сдержать рост Цветка?

— Да, прикажу. Только я сам хочу посмотреть, как они будут это делать!

Ох, неужели он опять исчезнет? А ведь он только-только приехал!..

— Мне надо вернуться. — Лаар взял в руки мои ладони. Погладил тыльную сторону большими пальцами. Словно бы извинялся. — Я очень быстро, хорошо?

— Ты ведь не спал двое суток...

— Ничего страшного, посплю в дороге. — Он улыбнулся и неожиданно подался вперед, приник к губам в томительно-нежном, сладком поцелуе. Таким бережным, что щемило сердце. — Дождись меня, хорошо?

— Конечно.

Конечно, я дождусь. Увы, но участь спутницы раан-хара — вечное ожидание. И я к этому, кажется, начинаю привыкать.

Главное, чтобы он всегда возвращался.

Лаар

Отряд вернулся глубоко за полночь. Возня Природников оказалась куда труднее и длительнее, чем представлял себе ор Гронта. Но теперь он хотя бы понял, на что они способны и в каком направлении двигаться. Сегодня Лаар не потратил ни единой капли крови — решил до конца испытать силу одаренных, сам пока не вмешиваясь. Но тем не менее усталость взяла свое, и в какой-то момент раан-хар попросту отключился.

Проснулся в кромешной тьме. И первым делом, еще даже не открыв до конца глаза, почуял присутствие Катары. Вокруг витал ее запах — сладкая карамель и топленое молоко.

Лаар протянул руку и коснулся округлого женского бедра, перебрался на талию, обхватил и притянул жену ближе.

— Ты меня дождалась, — не спрашивал, утверждал и ткнулся носом в изгиб тонкой шеи, вдыхая родной запах, ощущая небывалое умиротворение.

Он был там, где ему и надлежало быть. Рядом с той, что стала центром его мира.

— А ты вернулся, как и обещал. — Он не видел ее лица, но слышал в голосе улыбку.

— Конечно, вернулся. — И, замерев, очень серьезно произнес: — И больше никогда тебя не оставлю.

— Разумеется, не оставишь. Я не позволю!

Теперь она усмехалась, и Лаар изумленно вскинулся.

— Не позволишь? Мне?

Кивнула. И улыбка, кажется, стала лишь шире, а глаза во тьме засияли ярче тысячи бриллиантов... И смотрела она как-то... хитро. Так, будто знает что-то, чего не знает он.

— И вообще, впредь ты будешь выполнять все, что я ни пожелаю. Понял, раан-хар?

— Еще чего! — Лаар всерьез возмущился. Да что себе позволяет эта женщина? — Да никогда!

— Это мы еще посмотрим.

Вот демон, да она насмехается над ним! И кажется, впервые в жизни Лаар не сердился за такую дерзость.

— Посмотрим, посмотрим! — Все же он оставил последнее слово за

собой. И вновь получил в ответ лукавую улыбку.

Вокруг витала недосказанность, и Лаар почувствовал себя полнейшим идиотом. И вместе с тем в душе теплилось ощущение полного, безграничного счастья.

Что делает с ним эта женщина?

— Ты ничего не хочешь спросить? — Она склонила голову к плечу, внимательно глядя в глаза.

Спросить?

Проклятье! Да он много чего хочет спросить, и в первую очередь: какого демона здесь происходит?

Вот только это было бы слишком грубо. И Лаар заставил себя задуматься. Ведь его рани явно ждала какого-то определенного вопроса. И если он угадает, то наверняка сделает ей приятно. А она в ответ сделает приятно ему...

Раан-хар тяжело сглотнул, не в силах оторвать взгляда от чувственных женских губ, что изогнулись в улыбке. Эти губы явно мешали ему думать. Точнее, вынуждали думать лишь об одном...

Но все же Лаар взял себя в руки. Прокрутил в памяти их сегодняшнюю встречу и задал единственный пришедший в голову вопрос:

— Как твоя наперсница?

Не то чтобы ор Гронта это очень волновало, но он знал, как сильно привязалась к помощнице Катара. И подумал, что для нее это должно быть важно.

— Хорошо. Жар спал, и дыхание стало ровнее.

— Что? — Лаар не поверил своим ушам.

— Идем!

Катара перехватила его ладонь и потянула на улицу оказывается, Лаар спал прямо в кибитке, что стояла во дворе деревенского дома.

Небо было еще темным, но на востоке, предвещая новый день, уже занимался робкий рассвет. Выходит, Лаар проспал куда дольше, чем пару часов. И Катара сидела с ним все это время?

Они поднялись на крыльцо и прошли в уже знакомую комнатушку, остро пахнущую травами и медикаментами. Катара на цыпочках скользнула внутрь и тихонько притворила дверь. Видно, не хотела никого будить. Но задремавший на тахте Халид все равно очнулся, подскочил, сонно хлопая глазами.

Лаар привычно поднял руку, призывая кшатрия успокоиться. Глянул на постель больной. Девушка по-прежнему выглядела неважно, но улучшения были налицо. Сейчас она тихо спала, а не билась в горячке, шепча что-то

бессвязное. Грудь поднималась ровно, и дыхание было чистым, без хрипов. Лаар тронул рукой лоб больной — жар и вправду спал.

Все это было более чем удивительно. Невероятно просто!

За всю свою жизнь Лаар ни разу не сталкивался с подобным. Неужели его кровь действительно помогла? Не искалечила, как это бывало прежде?

И выходит, что связь раан-хара с Цветком Смерти куда крепче и сложнее, чем все они привыкли думать.

* * *

Лаар выглядел ошарашенным.

Кажется, он совершенно не ожидал подобного эффекта. Да еще столь быстрого: Хальди поправлялась буквально на глазах, и я всем сердцем радовалась за нее и благодарила всех семерых богов за ниспосланную благодать. И за маленькое счастье, что они подарили нам с Лааром.

Воспользовавшись замешательством мужа, вновь взяла его руку и потянула в другую комнату — теперь уже в свою спальню.

Рассвет пробивался сквозь распахнутые занавеси, чертил тусклые белые дорожки на стенах и разобранной постели. Оставленная с вечера свеча уж давно догорела, и холодный свет, наполняющий комнату, заставил зябко поежиться. Сердце охватило легкое волнение.

Как Лаар отреагирует на неожиданную новость?

Стоило подумать об этом, как я почувствовала прикосновение к спине. Муж обнял, заключая в крепкие, невероятно теплые объятия. Самые лучшие и надежные на свете. Горячие губы коснулись мочки уха, а затем и шеи. Я развернулась в его объятиях, приникла всем телом, обвивая руками крепкую шею.

Поцеловал незамедлительно, нежно и в то же время страстно, и каждое движение губ и влажного языка отдавалось сладким томлением внизу живота.

Как же я по нему соскучилась! Как устала быть без него!

Это словно жить без воздуха. Дышать урывками — короткими воспоминаниями и несбыточными мечтами. И теперь, вдохнув полной грудью, я точно знала, что ни за что не дам ему уйти.

И отвечала на поцелуй, отдавая всю себя. Всю, без остатка. Прижималась всем телом, беззастенчиво трогала руками, пытаясь утолить мучительную потребность ощущать, быть рядом, стать единым целым и никогда больше не разлучаться.

И Лаар словно с цепи сорвался.

Я почувствовала, как тяжелый край сареи съехал с плеча, а муж уже дергал остальную ткань, спеша освободить от одежды. И при этом продолжал лихорадочно целовать, вылизывать мой рот, не в силах утолить своей жажды.

И я удивилась, когда он вдруг оторвался и, тяжело дыша, словно после бешеной скачки, простонал мне в губы:

— Останови меня. Прошу тебя.

И вновь поцелуй, в подбородок, в обнаженное плечо. Обжигающе горячий, и кажется, что на коже остались тлеющие отметины.

— Зачем?

— Нам нельзя. Ты же знаешь, Катара...

И он опять просит остановить его, а сам уже ласкает грудь, прямо сквозь ткань короткой нательной туники, но для меня и это прикосновение слишком острое, слишком откровенное и желание набатом стучит в ушах.

— Я не хочу, чтобы ты останавливался. — И, не зная, как еще убедить его не переживать, просто произнесла: — Все будет хорошо...

— Может, и так. Но я не хочу рисковать понапрасну...

Он все же взял себя руки, чуть отстранился, глядя в глаза.

— Ты все еще боишься отравить меня? — догадалась я.

Легкий кивок, и он начинает сбивчиво объяснять:

— Я знаю. Все, что случилось сегодня, — все это просто невероятно. И я надеюсь, что ты права. Я хочу в это верить. Но мне нужно убедиться. Я должен быть точно уверен, что не наврежу тебе. Понимаешь?

Вот же раан-хар! А ведь Ведающий предупреждал, что он слишком дотошный, что привык контролировать все на свете. И даже сейчас он, кажется, всерьез готов остановиться.

Даже не представляю, какой силой воли нужно для этого обладать. Я бы так точно не смогла. И оттого его поступок еще более ценен. Потому что понимаешь, что он готов на все ради тебя.

Вот только мне ни к чему такие жертвы.

— Ох, Лаар... — Я не сдержалась — рассмеялась. Обхватила ладонями его изумленное лицо. — Ты мне не навредишь.

— С чего ты взяла?

Боги, неужели он действительно не догадывается? Не чувствует? А я ведь думала, что запах изменится, да и намекнуть ему попыталась. Но он не спросил того, что я ожидала услышать. А теперь пытливо всматривался в мое лицо, и во взгляде серых глаз отражалось столько эмоций, что я чуть не задохнулась от этой бушевавшей стихии. Тревога, сомнение, неверие...

надежда...

И, конечно, я не стала его мучить. Погладила большим пальцем шершавую щеку и, все так же глядя в глаза, произнесла:

— У меня будет ребенок, Лаар. Твой ребенок.

Пару мгновений ничего не происходило. Он лишь оторопело глядел на меня, жадно всматриваясь в лицо. Не верил.

А потом наконец дошло.

— Катара... — Легкое прикосновение к щеке, несмелая улыбка и светящиеся счастьем глаза. И он припал к моим губам. Поцеловал крепко-крепко, не давая дышать, зарываясь пальцами в волосы, следом стал покрывать короткими поцелуями лицо и шею.

— Счастье ты мое!

А потом вдруг подхватил на руки и закружил по комнате, грозя разнести и без того скудную мебель. И по всему дому, отражаясь от стен и перекрытий, раскатным громом полетел его упоенный счастьем смех.

ЭПИЛОГ

Три месяца спустя

Лаар

Целитель поставил на стол небольшой кожаный чемоданчик. Вставил ключ в замочную скважину, провернул несколько раз. Откинул крышку, являя взору раан-хара несколько закупоренных флаконов с зеленоватой жидкостью внутри.

— Пока немного, но мы сделаем еще. Все равно в больших дозах давать его опасно.

Лаар подошел ближе, выудил из чемоданчика один из крохотных флаконов. Повертел перед глазами.

Мысль изготовить снадобье из сока Цветка Смерти появилась у Лаара сразу после выздоровления Хальди. Ведь если его кровь смогла вылечить девушку от яда Цветка, то от яда раан-хара, как ни парадоксально, должен был помочь как раз таки Цветок Смерти.

К тому же Лаар не мог не отметить, что после подобного «лечения» помощница его жены стала пахнуть приятнее. Самую малость, но тонкое обоняние раан-хара все же уловило эту разницу, и, вернувшись во дворец, он приказал своим целителям изготовить лекарство из побегов Цветка Смерти. Даже ради такого случая привез из летней резиденции один из ростков. Стоит ли говорить, что дворцовые обитатели решили, будто их раан-хар тронулся умом?

А когда Лаар велел посадить ядовитый росток у себя в саду, половина слуг и вовсе вздумали уйти со службы. С трудом удалось их удержать.

Но, конечно, Лаар не был столь беспечен, чтобы не позаботиться о безопасности. К Цветку приставили двух Природников, коим было поручено денно и ночью следить за побегом и не давать тому разрастаться. И судя по тому, что спустя три месяца все были живы и здоровы, а садовые растения по-прежнему стояли зелеными и плодоносили, Одаренные прекрасно справлялись со своими обязанностями. Высаженный же в саду росток служил источником сока для изготовления снадобья.

— Вы уже проверяли его на ком-нибудь? — поинтересовался ор Гронта.

— Только на животных. Брали и здоровых, и зараженных. Здоровые

переносят плохо, начинают болеть, зараженным он помогает, главное, правильно подобрать количество и концентрацию. Думаю, мы могли бы попробовать понемногу давать лекарство девушкам.

— Нет! — резко перебил раан-хар. — Мы должны быть уверены, что оно не навредит им.

— Вряд ли им можно навредить еще больше, чем уже есть.

Лаар стиснул зубы, уловив в словах целителя явный упрек в свою сторону. Можно подумать, он и без того не знает, кто виноват в болезни девушек.

— Все равно! — отрезал Лаар. — Я хочу, чтобы прежде вы проверили его еще на ком-нибудь. На ком-нибудь из людей. — Лаар заложил руки за спину, прошелся по кабинету, остановившись у окна. Там, внизу, во дворе, копошились слуги — таскали мешки с провиантом и разной утварью, привезенной с базара. — Сходите к управляющему, пусть выберет для вас одного из рабов. Мужчину — крепкого и здорового. Хорошо бы, чтобы кто-то вызвался добровольно — скажите, что я пообещал вольную. Приведете его ко мне, я дам своей крови.

— Как прикажете, мой раан-хар.

Целитель почтительно поклонился и, аккуратно собрав свои принадлежности, удалился из хозяйского кабинета.

Раба прислали к вечеру, и Лаар щедро напоил того кровью. Подобного количества вполне хватило бы, чтобы отправить парня на тот Берег. Но за него взялся целитель, и спустя две недели раан-хар окончательно убедился, что снадобье работает.

— Приступайте к лечению, — дал свое позволение Лаар и выдохнул.

«Цветок несет смерть — и вместе с тем он даст жизнь», звучали в голове слова тар Грэля, произнесенные перед смертью.

Но Лаару все равно не верилось.

Неужели вся эта страшная история наконец закончится? Спустя столько лет мучений и угрызений совести, искалеченных жизней. И почему только они не додумались до этого раньше? Ведь все могло сложиться совсем по-другому!

Впрочем, Лаар не хотел по-другому. Да и жалеть о прошлом — что может быть глупее? Куда лучше думать о будущем. Ведь если затея со снадобьем удастся, он сможет передать эти знания своему сыну. И тот, даст великий Хонту, не повторит его ошибок.

Еще два месяца спустя

Ладья весело бежала по волнам. Ветер раздувал паруса, трепал волосы, напрочь сдув головной платок. Ошур, быстрый и полноводный, нес меня к дому, тому самому, где я выросла и где мне всегда будут рады, когда бы я ни вздумала возвратиться.

— Тебе не холодно? — Лаар встал за спиной, прижал к груди, согревая теплом своего тела.

Я мотнула головой. Пусть и было немного прохладно, признаваться я не собиралась. Иначе Лаар точно отошлет с палубы. А я уходить не хотела. Чувствовала, что уже близко и вот-вот из-за изгиба реки покажутся знакомые серые башенки нашего замка.

Сердце в груди билось истово и сильно, и даже присутствие за спиной любимого мужчины не унимало волнения. Все же я любила этот край и знала, что он навсегда останется в моем сердце, пусть бы и дом мой теперь был в Гарраде.

Честно говоря, вообще не понимаю, как муж согласился на эту поездку. Да и целители всячески отговаривали, утверждая, что не дело девице на сносях мотаться на другой конец света. Но Лаар лишь махнул на них рукой и заявил, что женщине, носящей под сердцем будущего раан-хара, не страшны никакие испытания, будь то качка или быстрая езда.

Я и правда чувствовала себя превосходно. И даже теперь, с округлившимся и изрядно потяжелевшим пузом, не ощущала никакого неудобства. Напротив, млела от блаженства, когда Лаар поглаживал животик.

Вот и сейчас он вновь положил ладонь под грудь и скользил пальцами по изрядно натянувшейся ткани хитона. А потом и вовсе склонился ко мне и прижался губами к шее.

— Лаар, ну не здесь же! — возмутилась я.

— Ну ты же не хочешь идти в шатер. А я успел соскучиться.

Уже? Мы ведь только пару часов назад там были!

А теперь я точно никуда не пойду! Иначе мы наверняка задержимся и я пропущу появление родового замка.

Пихнула Лаара локтем, чтобы не отвлекал от созерцания пейзажа. Муж усмехнулся за спиной, однако шалости прекратил, накрыл мои руки, лежащие на борту корабля, своими ладонями.

Все же я была права, когда утверждала, что впредь Лаар станет выполнять все, чего я ни захочу. Так и было.

Почти...

Да и не просила я ничего невыполнимого. Но все равно была приятно удивлена, когда муж разрешил мне повидаться с отцом. Впрочем, возможно, на то была еще одна причина.

Созданное из сока Цветка Смерти зелье дало свои результаты. Жены Лаара постепенно поправлялись. А некоторые к моменту нашего отъезда и вовсе успели окончательно выздороветь.

Признаться честно, я опасалась, что они вернутся во дворец и, как и положено полноправным женам, станут выполнять все связанные с этим обязанности. Но Лаар сразу меня успокоил. Сказал, что хоть девушки и выздоровели, но их запах больше не притягивает его. А после очень наглядно и долго доказывал в постели, что никто, кроме меня, его не интересуется. Я и сама чувствовала это. Связь, что, подобно незримой нити, протянулась меж нами. Совсем тонкая, невесомая, но при этом прочная, как канат.

Выздоровевших девушек Лаар отпустил восвояси — разрешил вернуться домой к родным и близким. Тех же, кому некуда было идти или кто не захотел вернуться в прежнюю семью, было решено поселить в летней резиденции, которая сейчас заново отстраивалась. К нашему возвращению из Туэнга там наверняка все будет готово, чтобы принять исцелившихся девушек. Так что, думается мне, с ними мы больше не встретимся. И с одной стороны, не по-людски это как-то. Вот так, даже не поговорив. А с другой — не мне судить Лаара. Все же он слишком многое вынес, чтобы требовать от него большего.

В лицо ударил особенно сильный порыв ветра, ладья повернула, повинувшись быстрому течению, плавно входя в изгиб полноводного русла. Я затаила дыхание и вцепилась пальцами в деревянные борта. И почти сразу увидела его — каменный замок, стоящий на высоком берегу. Закатное солнце золотило витиеватые узоры на грубо отесанном камне, высвечивало башенки и узкие окошки. Над зубчатыми стенами трепетали нарядные знамена: наше родовое — серебристо-синее и красное с черным — знамя раан-хара. Нас ждали, и ощущение этого заставляло сердце петь.

— У меня для тебя есть подарок, — вдруг произнес Лаар и протянул мне длинную шкатулку, сработанную из красного дерева.

Даже не подозревая, что находится внутри, я приняла подарок и с интересом откинула резную крышку. На мягком пурпурном бархате покоилась длинная тонкая игла и несколько округлых флаконов с чернилами — набор для нанесения татуировок.

Вопросительно покосилась на мужа.

— Я подумал, раз у тебя есть метка, то мне тоже не помешает сделать

одну.

Лаар улыбнулся, а я неосознанно коснулась запечатанного меж бровей камушка.

— Ты... ты хочешь, чтобы я ее нанесла? — спросила, заикаясь, слишком уж неожиданным было подобное предложение.

— Конечно! Кто же еще?

О боги...

Кажется, он это действительно всерьез!

Думала ли я когда-нибудь, что мой муж, раан-хар, у которого десяток законных жен, захочет получить брачную метку? От меня?

И конечно, я не могла ему отказать.

И уже на следующий день на левой щеке раан-хара, прямо под глазом красовался крохотный полумесяц. Насыщенно-черный даже на смуглой загорелой коже, слишком яркий, слишком заметный. Дающий ясно понять, что этот потрясающий, сильный, красивый, невозможный мужчина всецело принадлежит лишь мне одной!